

КОЛУМБЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Сборник
документальных описаний
об открытиях
и изучении Сибири,
Дальнего Востока
и Севера
в XVII—XVIII вв.

*Составление, предисловие,
комментарии, словарь
К. В. Цеханской*

Хабаровское
книжное
издательство
1989

ББК ~~84Р7~~
~~К55~~

Рецензент *Сергеев О. И.*

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Алексеев А. И.

Общественная редколлегия серии:

Г. И. Ломидзе — председатель

А. М. Абдрашитов

Ю. И. Бурькин

В. В. Дементьев

А. В. Ващенко

В. П. Зыков

Д. В. Кириллин

А. А. Пошатаева

В. М. Селиванов

В. М. Санги

Ю. С. Рыхтэу

Г. Г. Ходжер

Л. Н. Шапкин

Ю. Н. Шесталов

Художник *Скрынников Е. С.*

К $\frac{4702010201-40}{M160(03)-89}$ 23-89

ISBN 5-7663-0021-2

© Предисловие, комментарии, словарь, составление. Хабаровское
книжное издательство, 1989

Предисловие

Предлагаемая книга задумана как один из томов серии «Под полярными созвездиями». Она составлена из документальных повествований русских землепроходцев и ученых XVII—XVIII вв. об открытиях и изучении Севера, Сибири, Дальнего Востока, достоверных свидетельств приоритета русских открытий и исследований на огромном пространстве нашей Родины.

Хочется надеяться, что небесполезными окажутся и некоторые биографические заметки.

В XVII в. Московское государство становится многонациональной могущественной державой. Сибирь открылась перед русскими страной с многочисленными племенами. Сразу за Уралом, в низовье Оби у полуострова Ямал, жили ненцы (3—4 тыс.), которых вместе с энцами и нганасанами русские называли самоедами и юраками. Кроме них здесь жили ханты и манси — 15 тыс. (в русских источниках до XVII в. — югра), называемые в те времена остяками и вогулами. За ханты по Оби и ее притокам обитали племена селькупов (2—3 тыс.). Как и ханты, русские называли их остяками, а в конце XVI в. — «Пегой ордой».

По среднему течению Иртыша, низовьям Тобола и его притокам жили сибирские татары (15—20 тыс.). Вверх по Оби и притокам, в верховьях Енисея и на Алтае — другие тюркоязычные племена, предки современных шорцев, алтайцев, хакасов. Это были томские, чулымские, кузнецкие татары (5—6 тыс.), телеуты или «белые калмыки» (7—8 тыс.), енисейские киргизы (8—9 тыс.) с зависимыми от них племенами. Соседями этих племен к востоку и северо-востоку были кетоязычные племена верхнего, отчасти среднего Енисея (4—6 тыс.), которых русские называли татарами (байкотовцы, яринцы, аринцы, котты и др.) и остяками (земшаки, инбаки и др.).

Название «татары» русские давали также самоедоязычным и тюркоязычным племенам в Саянах (2 тыс.) — моторам, комассинцам, эудинцам и др. В Восточной Сибири большую территорию занимали тунгусские племена, эвенки и эвены (30 тыс.), они расселялись от Енисея на западе до Охотского моря на востоке, в тундре на севере и в Приамурье на юге. Основная масса якутов

жила в среднем течении Лены и на востоке до реки Амги. Другая их группа — в районе устья Вилюя и в среднем течении реки Яны (28 тыс.). На северо-востоке от низовья Лены до низовья Анадыря — юкагирские племена (5 тыс.).

Поселения коряков (9—10 тыс.) начинались на побережье Охотского моря и простирались по берегу Берингова моря.

Чукчи (2,5 тыс.) в XVII в. жили во внутренней части Чукотского полуострова. Побережье Чукотского полуострова, а также остров Ратманова и другие населяли эскимосы (4 тыс.).

Ительмены (камчадалы — 12 тыс.) занимали полуостров Камчатку. Курильские острова и южная оконечность Камчатки были заселены айнами (курильцами). Айны жили также в южной части острова Сахалин. На севере этого острова и в устьях Амура селились нивхи (гиляки — 4—5 тыс.), а выше них по Амуру — предки ульчей и нанайцев (в русских источниках XVII в. — ачань и натки). По берегам Татарского пролива обитали родственные нанайцам предки орочей. В лесах и горах между Уссурь и берегом Японского моря — предки удэгейцев.

На Амуре, выше нанайцев до устья Зей, русские столкнулись с племенами дауров и дючеров, которые расселялись выше дауров, почти до слияния Шилки и Аргуни, а также в долине Зей. В Прибайкалье, особенно в верховьях Лены, по Ангаре и ее притокам, жили племена бурят («братских людей» — 25 тыс.).

К приходу русских, к концу XVI в., в Сибири проживало примерно 200—220 тыс. коренного населения*. Народы Сибири сильно различались по языку, хозяйственному укладу и социальному развитию. Так, древнейшее население северной и северо-восточной части Азии — юкагиры, чукчи, коряки, ительмены (камчадалы), нивхи, а также азиатские эскимосы — находились на наиболее ранней стадии социальной организации. Их развитие шло в направлении патриархально-родовых порядков, и некоторые черты были уже налицо (патриархальная семья, рабство), однако еще сохранялись элементы матриархата: не было деления на роды и родовой экзогамии. По формам своей социальной организации к ним были близки и некоторые племена эвенков.

Большинство народов Сибири находилось на различных ступенях патриархально-родового строя. Такими народами были эвенки, народы Амура (кроме дауров и дючеров), самоедские по языку народы Севера и Саян, кеты, кузнецкие и чулымские татары, коты, качинцы и другие племена Южной Сибири.

---

* Очерки истории СССР. Период феодализма (конец XV в. — начало XVII в.). М., 1955. С. 685.

Пережитки патриархально-родовых отношений сохранялись и у многих племен, вступивших на путь классовообразования. Это — якуты, предки бурят, дауры, дючеры, ханты-мансийские племена.

Только сибирские татары, разгромленные Ермаком, имели свою государственность. Другие сибирские народы, вступившие на путь классового развития, были объектами частых нападений со стороны соседних феодальных государств — Монголии, Маньчжурии и Джунгарии. Многие племена находились в зависимости от своих более сильных соседей и платили им дань: эвенкийские племена бассейна Зеи — даурам; ханты и манси — татарам Сибирского ханства; зависимое от себя население имели и енисейские киргизы. Отношения подчинения часто сопровождались столкновениями не только между слабыми племенами, но и между сильными.

Основным занятием жителей сибирского юга было скотоводство, на севере — охота и рыболовство, а также оленеводство. Сибирские татары и алтайские племена знали примитивное мотыжное земледелие, которое носило подсобный характер и сочеталось с собирательством. Земледелие наибольшее развитие получило на Амуре. У многих племен сочетались различные типы хозяйства. Так, эвенки в одних районах были оседлыми рыболовами, в других — кочевыми охотниками-олeneводами, в третьих — кочевыми скотоводами. Якуты сочетали охоту и скотоводство.

Кузнецкие татары, буряты, котты и некоторые другие племена изготавливали железные орудия. Ханты и манси были знакомы с горячей ковкой, а кеты, якуты и другие умели добывать железо из руды. Чукчи, юкагиры, ительмены, эскимосы применяли в основном каменные орудия, железо попадало к ним случайно, в порядке торгового обмена.

За удивительно короткие сроки прошел русский народ неизведанные для него просторы земли. В 1581—1582 гг. отряд казаков под началом Ермака Тимофеевича завоевал Сибирское ханство. А уже в 1639 г. русские во главе с Иваном Юрьевым Москвитиным вышли на берег Охотского моря, к Тихому океану, к устью реки Ульи. Таким образом, за 60 лет землепроходцы прошли всю Сибирь от Урала до Тихого океана. В то время как европейцам понадобилось 350 лет, чтобы пройти Северную Америку от Атлантического до Тихого океана. Немаловажное значение имел тот факт, что западно-европейские колонизаторы, применяя политику геноцида, встречали сильное сопротивление со стороны местного населения, индейцев. Русские не истребляли местных жителей, не уничтожали их самобытности, предоставляя местному населению жить так, как оно хотело. На страже хозяйственной обеспеченности ясачных людей промысловыми угодьями стояло

государство, заинтересованное в сохранении большого числа плательщиков ясака (натуральной дани). И такая политика вполне себя оправдывала.

В инструкциях, которые выдавались начальникам казачьих отрядов, говорилось о том, чтобы «ласкою и приветом» приводить местных жителей «под высокую государеву руку», но случалось и так, что «немирных иноземцев» смиряли «ратным боем», заставляя силой оружия подчиняться русской власти. При этом не только местное население, но и русские переселенцы страдали от насилия и лихоимства царских властей, восставая против воевод, стремившихся обогатиться путем взыскания непосильного ясака.

Ко времени исторического плавания Федота Алексеева и Семена Дежнева в 1648 г., когда они обогнули Азию с северо-востока и первыми прошли проливом между Азией и Америкой, Сибирь уже была включена в состав России.

Ф. Алексеев, С. Дежнев и их спутники, пройдя из Ледовитого океана в Тихий, рассеяли сомнения в возможности плавания сибирскими морями из Европы в Китай и, сами того не ведая, доказали, что Америка — самостоятельный континент. Это было открытием огромной географической важности, которое поставило русских мореплавателей в один ряд с великими открывателями из Западной Европы. Только через 80 лет русская экспедиция под командованием В. Беринга повторила плавание отважных мореходов. А в 1778 г. по предложению английского мореплавателя Джеймса Кука пролив, отделяющий Азию от Америки, был назван Беринговым.

Следует отметить, что, как правило, отмечаются заслуги Семена Дежнева, в то время как имя Федота Алексеева остается в тени. А ведь возглавил экспедицию именно Федот Алексеев. Судьба распорядилась таким образом, что Ф. Алексеев, как и многие другие участники плавания, погиб. Но погиб, уже пройдя пролив. Большинство сохранившихся документов подписаны С. Дежневым, который, неизвестно по каким причинам, долгое время ничего не упоминал в своих отписках о судьбе своего отряда. Позднее, в 1655 г., в одной из челобитных якутскому воеводе Ивану Акинфову С. Дежнев сообщал о судьбе Федота Алексеева*. Не исключено, что он и раньше писал об этом, но до нашего времени документы не дошли.

На исходе XVII в., в 1697—1699 гг., сибирский казак Влади-

---

* См.: Алексеев А. И. Береговая черта. Магадан, 1987. С. 32.

мир Атласов с отрядом в 120 человек по собственному почину предпринял поход из Анадырска на Камчатку. С этого времени Камчатка была присоединена к Русскому государству. Поход В. Атласова положил начало новой полосе открытий — экспедициям в Тихий океан, которые привели русских мореплавателей в Западную Америку, на гряду Курильских, Командорских и Алеутских островов.

Говоря о великих русских географических открытиях, нельзя не сказать, что инициатива движения в сторону Восточной Сибири и прилегающих островов принадлежала не только сибирским промышленникам, которых привлекали там меха, особенно собольи, ставшие важнейшей статьей торговли с иностранцами, но и центральным властям, так как ежегодные поступления ясака из Сибири в царскую казну составляли четверть годового бюджета.

Истинными исполнителями всех русских предприятий в Сибири, основной движущей силой был «служилый человек». Он состоял на ничтожном по размеру «государевом хлебном, соляном и денежном жаловании», которое нередко выдавалось с перерывами в несколько лет. Знакомясь с челобитными и отписками землепроходцев, невольно задаешься вопросом: что же двигало этими исключительно мужественными и дерзкими людьми? Ведь почти постоянно они находились в длительных походах, которые, кроме ран, болезней и увечий, редко приносили благополучие. Они «принимали всякую нужу, ели коренья и траву, и души сквернили всякою скаредною (скверной.— К. Ц.) ядью и голод и наготу терпели»*. Чаше всего неимоверные трудности пути, холод и голод заставляли их бросать свои пожитки и «с одной душою», унося «государеву казну», двигаться дальше. Предположить, что все эти тяготы переносились только ради корысти, было бы неверно и несправедливо. В документах тех времен описи имущества погибших служилых и казаков составляют, как правило, ничтожное достояние в ценностном отношении.

В XVII в. русские землепроходцы отправлялись в свои далекие экспедиции «для промыслу», а также «для прииску новых неясачных людей», выполняя государственное задание. Однако, кроме открытия и присоединения новых промысловых районов, в исследовании истории Сибири мы находим весьма раннее проявление присущей русскому человеку любознательности, той страсти к исследованиям неведомых стран и явлений, которая прославила Россию как родину величайших путешественников и ученых.

---

* Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии: Сб. док./Сост. Н. С. Орлова. М., 1951. С. 98.

Начальникам казачьих отрядов, группам служилых при отправке на «приискание новых земель» давались подробные инструкции о собирании различных сведений. Так, в инструкции 1619 г. казакам, отправлявшимся на Лену, говорилось: «И буде река, и им велеть ездить по обе стороны реки и того смотреть, каковы у тое великие реки берега, и есть ли на них какие выметы, и есть ли какие угожие места и лес, который бы к судовому и всякому делу пригодился, или горы, да буде горы, и какие горы, каменные ли и сколь высоки, и есть ли на них какой лес, или степные места, и откуда та река выпала, и куда устьем и в какую реку или море выпала, и рыбная ль река, и какова в ней вода, и мечет ли из себя вон на берег и какой зверь...»* Эта инструкция и многие другие дают право говорить, что, кроме целей освоения новых земель, собирания дани с покоренных народов и промыслов, походы в дальние земли несли и исследовательские элементы. Полученные сведения переправляли в Москву, а дальше использовали для новых инструкций, направляя их сибирским воеводам, которые, в свою очередь, рассылали служилых людей для дальнейших изысканий.

Походы землепроходцев, проходившие в неимоверно трудных условиях, характеризуют русского человека как мужественного, готового на любые жертвы ради блага Родины. Первопроходцы способствовали расширению знаний, в их отписках содержался ценный географический и этнографический материал.

Такие люди, как Ф. Алексеев, С. Дежнев, В. Атласов, И. Ю. Москвитин и многие, многие другие, подготовили пути для ученых экспедиций XVIII в.

Новый век совпал с изменением всего уклада жизни Российского государства, с реформами Петра I, создавшими ту базу, на основе которой получила дальнейшее развитие географическая наука в России. Для начала XVIII в. характерно появление в Сибири полуцерковных-полуправительственных экспедиций христианских проповедников, снаряженных за счет казны и снабженных официальными инструкциями. Главой одной из таких миссий был послан Филофей Лещинский, назначенный митрополитом в Сибирь. Среди лиц, сопровождавших его для проповеди «евангельского учения», был и сосланный Григорий Иванович Новицкий. Перу этого выдающегося представителя российского духовенства принадлежит «Краткое описание о народе остячком».

В предлагаемом сборнике публикуются первые четыре главы

---

* Берг С. История географического ознакомления с Якутским краем: Сб. Якутия. 1927. С. 2.

этого описания, относящиеся к общим сведениям о Сибири и о районе, населенном ханты (остяками). Автор приводит противоречивые объяснения происхождения остатков костей мамонта, сообщает исторические сведения, почерпнутые из сибирской летописи Саввы Есипова. Первая глава заканчивается рассказом о том, откуда произошло название ханты — остяки. Вторая глава заполнена описанием обычаев и занятий ханты и манси — до Новицкого подобных описаний не было; в третьей главе рассказывается о верованиях и обрядах ханты и манси, а в 4—8 главах излагается история крещения ханты и манси.

К первой четверти XVIII в. относится открытие и освоение русскими Курильских островов. Организаторами и руководителями экспедиции 1711 г. были казаки Данило Яковлевич Анциферов и Иван Петрович Козыревский. Однако первым русским человеком, который видел Курильские острова и посетил один из них (остров Шумшу), был Федот Алексеев — организатор экспедиции Семена Дежнева, оторванный бурей от товарищей в открытом море. На своем «Чертеже Камчадальского носу» И. Козыревский сделал надпись рядом с рекой Федотовщиной: «Зимовья два были в прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди. А которые у них в аманатах (заложниках.— К.Ц.) сидели, те камчадалы и сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали. И зимовья знать и донныне»*. Сам Козыревский связывал название реки Федотовщины с именем Федота Алексеева, который побывал на Камчатке с группой из 17 человек. В 1649 г. Алексеев снова отправился в плавание. Камчадалы рассказывали о нем С. Крашенинникову, который там работал позже, что «на другое лето, обошед Курильскую Лопатку (т. е. проплыл мимо Курильских островов.— К.Ц.), дошел Пенжинским морем до реки Тигиля, и от тамошних коряк убит зимою со всеми товарищи»**.

Экспедиция на Курильские острова Д. Анциферова и И. Козыревского 1711 г. была осуществлением планов Петра I. Казаки собрали обстоятельные сведения об острове Шумшу и, объяснив его жителей, вернулись обратно. Таким образом, было положено начало обследованию и присоединению русскими Курильских островов. Относительно двух последующих экспедиций Козыревский писал позднее В. Берингу: «Да в прошлых 712 и в 713 годах ... послан был я... ради проводывания Камчадальского носу и

---

* Огрызко И. И. Открытие Курильских островов//Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953. С. 169, 170.

** Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 740.

морских островов...»* В результате поездок Козыревского 1712—1713 гг. были собраны очень ценные географические и этнографические данные о ближайших Курильских островах и Японии. К своим сообщениям он приобщил «чертежи матерой земли и островам». Сведения о Японии Козыревский взял у японцев, судно которых еще в 1710 г. выбросило на берег. Они попали в плен сначала к камчадалам, а затем к казакам. Живя в камчатских острогах, двое из них выучились говорить по-русски и сообщили дополнительные сведения о Курильских островах и Японии.

«Чертеж» Козыревского, составленный им в 1726 г., состоит из двух частей: «Чертеж Камчадальского носу» и, как его продолжение — «Чертеж морским островам». Основную ценность «Чертежа» составляют тексты, нанесенные на карту. В них в сжатом виде дана история открытия и завоевания Камчатки, сведения об Атласове и судьбе Федота Алексеева, указаны некоторые расстояния между островами и даже метеорологические условия в проливах в разное время года, сведения о флоре и фауне островов. Кроме того, Козыревский на своих «чертежах» дал первое обстоятельное этнографическое описание населения Курильских островов. Он сообщил также о том, что Курильские острова в момент появления здесь русских никому не принадлежали. Достоверность этих сведений подтвердили пленные японцы и другие жители островов.

Таким образом, собранные И. П. Козыревским за 20 лет его службы на Камчатке сведения облегчили для России дальнейшее изучение и присоединение отдаленных Курильских островов.

Осуществление больших экономических и политических задач, вставших перед Русским государством в XVIII в., требовало развития научной картографии. Старые «чертежи» XVI в., составлявшиеся глазомерно, без математической основы, становились непригодными.

После того как Х. Колумб открыл Новый Свет, многих ученых волновала проблема: «сошлась ли Америка с Азией». К началу XVIII в. ясности в этом вопросе не было. Петр I придавал большое значение решению того, как далеко простираются земли Дальнего Востока, видел стремление западных держав распространить свое господство на северную часть Тихого океана. Открытие, сделанное в 1648 г. Ф. Алексеевым и С. Дежневым,

---

* Огрызко И. И. Открытие Курильских островов // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР. Л., 1953. С. 181.

в свое время было не понято, да и челобитная Дежнева с описанием пройденного пути пролежала в якутских архивах более ста лет.

Для разъяснения вопроса о проливе между Азией и Америкой в 1719 г. Петр I послал геодезистов Ивана Евреинова и Федора Лужина на Камчатку. Через три года они представили первую достоверную карту Камчатки и Курильских островов. Но вопрос о проливе остался неразрешенным. Незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 г., Петр I подписал указ о снаряжении Первой Камчатской экспедиции. В инструкции, написанной лично им начальнику капитан-командору В. И. Берингу, говорилось:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах пройти возле земли, которая идет на Норд, а по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, и ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст (берег.— К.Ц.) называют и взять на письме. И самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды»*.

Первая Камчатская экспедиция обогатила науку большими географическими исследованиями. Возвратясь в Петербург, Беринг был уверен в том, что Азия отделена от Америки проливом, который он прошел и в значительной степени описал. Однако результаты экспедиции не удовлетворили Адмиралтейств-коллегию.

Почти одновременно с Первой Камчатской экспедицией, в навигацию 1732 г., на боте «Св. Гавриил» было совершено плавание от Камчатки в Берингов пролив. Морской отряд экспедиции Шестакова — Павлуцкого во главе с геодезистами И. Федоровым и М. Гвоздевым продвинулся к востоку от мыса Дежнева и достиг берега Аляски. Этим плаванием было окончательно доказано существование судоходного пролива, позднее названного Беринговым, а также обследованы острова (впоследствии острова Гвоздева — Диомида), определено приблизительное время плавания от Чукотского мыса до «Большой Земли». Рапорт М. С. Гвоздева от 1 сентября 1743 г. о плавании к берегам Америки — первое документальное свидетельство о достижении русскими моряками северо-западной оконечности Американского континента.

* Цит. по: Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан, 1970. С. 51.

В 1733 г., в царствование императрицы Анны Иоанновны, была утверждена инструкция о снаряжении Второй Камчатской экспедиции. Ее начальником снова назначили Витуса Беринга, помощниками — А. И. Чирикова и М. П. Шпанберга. По своему значению и размаху это было уникальное, крупнейшее географическое предприятие XVIII в. За 10 лет, с 1733 по 1743 г., экспедиция провела картографирование северного и восточного побережий от Белого до Охотского моря, достигла западного берега Северной Америки и Японских островов.

Чтобы выполнить столь грандиозную программу «самой дальней и трудной и никогда прежде не бывалой» экспедиции, было решено разделить ее на 8 отрядов. В состав экспедиции включили почти тысячу человек. Кроме экипажей будущих шести морских судов, ехали лекари и геодезисты, плотники и корабельные мастера.

Среди замечательной плеяды отважных и инициативных исследователей, которых выявила экспедиция В. Беринга, выделяется командир (с 1739 г.) Ленско-Енисейского отряда лейтенант Харитон Прокофьевич Лаптев. Отряд этот, которым до 1736 г. командовал лейтенант В. В. Прончищев, а после его смерти штурман С. И. Челюскин, обследовал и изучил побережье и внутреннюю часть самого северного и труднодоступного района Сибири — Таймырского полуострова. Экспедиции Х. Лаптева принадлежит честь открытия огромного (1000 км) пути, протянувшегося к северу между Леной и Енисеем. Х. Лаптев описал полученные наблюдения в своем обобщающем географическом труде*.

В составе Второй Камчатской экспедиции был Академический отряд, который состоял из ученых, геодезистов, живописцев. В отряд вошли ученые, прославившие свои имена собранными в Сибири материалами: Г. Ф. Миллер, И. Гмелин, Г. Стеллер, Я. Я. Линденау, С. П. Крашенинников и многие другие. В их задачу входило изучение внутренней Сибири, Камчатки, Чукотки, сбор естественно-научных и историко-этнографических сведений.

По своему значению результаты исследований Академического отряда дали больше всех вместе взятых экспедиций второй половины XVIII в. и первой половины XIX в. Так, работая в сибир-

---

* Настоящая публикация описания Х. Лаптева — третья по счету. Первый раз записки Х. Лаптева были опубликованы в 1851 г. в специальном журнале без комментариев. (Записки гидрографического департамента. Т. IX. Спб., 1851.) В 1982 г. в издательстве «Мысль» вышла книга В. А. Троицкого «Записки Харитона Лаптева» с обстоятельными комментариями и вводными статьями.

ских архивах, Г. Ф. Миллер в 1736 г. первый обнаружил «Челобитную Дежнева», после чего стало известно, что еще около 100 лет назад русские землепроходцы открыли пролив между Азией и Америкой.

Самостоятельные исследования провел тогда С. Крашенинников. Его энциклопедическое «Описание земли Камчатки» стало первым в России монографическим трудом по географии Сибири. Впервые его опубликовали в 1755 г. За границей труд С. Крашенинникова издавался на нескольких языках, его наблюдения были использованы в работах таких выдающихся представителей этнографической науки, как А. Бастиан и Э. Тэйлор.

Труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» в издании 1949 г. состоит из двух томов, включающих четыре части. В первой части описывается физическая география полуострова, а также Курильских островов и «Америки» (Аляски и Алеутских островов), их население; острова Беринга. Вторая часть дополняет сведения о климате Камчатки, вулканах, горячих источниках, флоре и фауне, землетрясениях и размещении плодородных земель. По мнению М. В. Ломоносова, наиболее ценным разделом книги был третий, т. к. С. Крашенинников посвятил его этнографическому описанию быта камчадалов до распространения русского влияния. Большая заслуга ученого — в составлении словарей языков камчадалского, корякского, курильского (айнского). Четвертая часть посвящена истории событий на Камчатке, начиная со времени посещения ее Ф. Алексеевым (товарищем С. Дежнева). Здесь много сведений о восстаниях камчадалов и камчатской казацкой вольницы. В этом разделе были использованы как устные сообщения местных жителей, так и архивные материалы, многие из которых впоследствии пропали. Работая над «Описанием», С. Крашенинников по предложению Академии наук использовал наблюдения натуралиста Г. Стеллера, который также работал на Камчатке с 1740 г.

Новую полосу в изучении Сибири и ее народов открыли экспедиции Академии наук 1768—1774 гг. Участником этих экспедиций был и будущий академик В. Ф. Зуев. Публикуемая работа В. Ф. Зуева — результат его поездки к устью Оби и берегам Ледовитого океана в 1771—1772 гг. В выдающемся для своего времени труде В. Ф. Зуеву удалось дать подробное описание картин быта и культуры двух северных народов: ненцев (самоедов) и ханты (остяков). Работа В. Ф. Зуева была первым обстоятельным этнографическим сочинением о ненцах и вторым — о ханты (если считать сочинение Г. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком»).

В последней четверти XVIII в. параллельно с академическими исследованиями народов Сибири появляются труды, составленные людьми, которые были связаны по должности с описываемыми народами. Якутские пятидесятники, сотники, сыновья боярские, сами того не подозревая, кроме прямой, формально возложенной на них задачи, оставили и собственную характеристику, интересную с исторической точки зрения. Таково, например, описание народов Якутии, представленное в настоящем сборнике.

Развитие географической науки в России связано с именем М. В. Ломоносова, который в своих исследованиях далеко опередил научный уровень знаний своего времени. Он первый из русских ученых обосновал глобальные идеи научного изучения Северного Ледовитого океана и освоения Северного морского пути. М. В. Ломоносов считал, что хотя Россия распространила свою власть до берегов Тихого океана и открывала в его водах новые земли, но в их освоении успехов почти не достигла. «Все сии трудности прекращены быть могут морским северным ходом»*. М. В. Ломоносов указывал на преимущества этого пути по сравнению с плаванием вокруг мыса Доброй Надежды, который совершали португальцы для достижения Ост-Индии; Северный путь короче южного, там нет резких смен климата, пиратов и т. д. Кроме того, Ломоносов считал, что море в высоких широтах свободно ото льда. Мысли по использованию этого пути Ломоносов изложил в своем труде «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию», две главы из которого (4-я и 5-я главы) публикуются в настоящем издании**.

В 60-е гг. XVIII в. особое внимание сената и Екатерины II привлекал пограничный район Чукотки, где проживало непокорившееся население империи. Екатерина II сама подписывала приказы сибирскому губернатору о необходимости «проведывания» новых земель. С целью обследования северо-востока сенат учредил «секретную и о заграничных обращениях комиссию» во главе с виднейшим картографом и географом своего времени сибирским губернатором Ф. И. Соимоновым. Начиная с 1760 г. комиссия организовала несколько экспедиций. Особый интерес представляют материалы, собранные полковником Ф. Х. Пленн-

---

* Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 422.

** Для удобства чтения главы публикуются в обратном порядке: 5-я, а затем 4-я.

нером*. Летом 1763 г. анадырский казак Н. Дауркин, который был родом из чукчей, ездил по Чукотской земле с целью собрать сведения о «Большой Земле» (Аляске) и прилежащих островах. Вернувшись в 1765 г., Н. Дауркин представил Плениснеру доклад и подробную карту с большим количеством пояснений.

Продолжением исследования Аляски и островов между Азией и Америкой стало плавание на боте «Св. Владимир» штурмана П. Зайкова, который оставил записки, публикуемые в данном сборнике впервые после 1790 г. П. Зайков достиг Аляски в 1775 г. Живя на острове Унимак около трех лет (1775—1778 гг.), он хорошо изучил пролив, отделяющий остров от Аляски.

В научной литературе есть убеждение, что заселение Аляски русскими началось с кампании Г. И. Шелихова 1783—1786 гг. Однако существуют документальные свидетельства, которые дают основания предположить, что поселения русских на Американском материке были уже в 1779 г. Публикуемые свидетельства казачьего сотника Ивана Кобелева представляют в этом отношении большой интерес. В 1779 г. Кобелев был послан из Гижигинской крепости (у впадения реки Гижиги в Охотское море) в Чукотскую землю для сбора сведений. Он посетил острова Имагли и Игеллин, т. е. Ратманова и Крузенштерна. Самое интересное в сообщении Кобелева — свидетельство главного старшины на острове Игеллин о том, что на американской земле, на реке Хеврене, есть острожек Кымговей, а в нем «жительство имеют российские люди, разговор имеют по-русски ж, читают книги, пишут, поклоняются иконам». Кобелев просил старшину отвезти его на американский берег, но тот отказался, боясь, как бы что-нибудь не случилось с сотником. Тогда Кобелев написал письмо к российским людям, просил послать с «верной оказией». Эти и другие интересные сведения сообщил казачий сотник Кобелев. Приведенный документ подтверждает многие версии о давнишних русских поселенцах Аляски.

К середине XVIII в. план Петра I относительно освоения западного берега Северной Америки не удалось осуществить. Преемники Петра решили переложить бремя расходов по освоению тихоокеанских земель на плечи купцов-промышленников. Среди них был Григорий Иванович Шелихов, который стал основателем Русской Америки. Уже будучи крупным организатором про-

---

* О личности Плениснера известно, что он был родом из Курляндии, участвовал во Второй Камчатской экспедиции, а в 1760 г. был назначен начальником в Анадырск. В 1772 г. Фридрих Христианович Плениснер вышел в отставку, а в 1778 г. умер.

мышленных экспедиций, Г. И. Шелихов думал об организации большой экспедиции к берегам Северной Америки и создании там постоянных промысловых поселений. Желание его стимулировалось еще и особым интересом англичан к добыче «мягкого золота» в русских тихоокеанских владениях. Поэтому Г. Шелихов в создавшейся обстановке видел единственный выход — резко расширить сферу русских промысловых экспедиций. В 1783—1786 гг. состоялась интереснейшая экспедиция Г. И. Шелихова к берегам Северной Америки. Характер предприятия Г. Шелихова очень отличался от аналогичных плаваний предшествующих купцов-промысловиков. Он стремился установить добрые отношения с местным населением, создал детские школы взамен старой системы взятия заложников (аманатов). Это был смелый, невиданный по тому времени шаг. Своим гуманным отношением к аборигенам Шелихов завоевал их уважение, и многие сами просили принять их в подданство России. Рассказ об этой замечательной экспедиции описан в первой публикуемой части книги Г. И. Шелихова. В ее основе лежит составленный в 1787 г. подробный отчет Г. И. Шелихова о его трехлетнем плавании*

В заключение хотелось бы сказать, что многие открытия русских землепроходцев и ученых не были по достоинству оценены их современниками при жизни. Мало того, большинство исследователей впоследствии, заняв почетное место в истории географических открытий, пострадали от жестокой системы подозрений и доносов как в XVII, так и в XVIII в. Но, несмотря ни на что, славные дела первопроходцев и ученых оставили благородный след в героической истории открытия и изучения огромного пространства нашей Родины. Хотелось бы, чтобы документы этого сборника стали еще одним напоминанием о делах наших далеких предков, помогли глубже изучить историю освоения Сибири, Севера Дальнего Востока и Русской Америки.

Считаю своим долгом принести свою глубокую благодарность доктору исторических наук Александру Ивановичу Алексееву (Институт истории СССР АН СССР) за помощь в работе над книгой.

К. В. Цеханская

---

* Авторство этой части не вызывает сомнения. Вторая часть книги «Историческое и географическое описание Курильских, Алеутских, Андреяновских и Лисьевских островов, простирающихся от Камчатки к Америке на Восточном океане», возникла путем составления из отчетов русских мореплавателей. Третья — описание плавания галиота «Три святителя» под командованием штурманов Г. Измайлова и Д. Бочарова к северо-западному берегу Северной Америки в 1788 г, которое так же, как и само плавание, было осуществлено по поручению Г. Шелихова.

**Открытия
русских
землепроходцев
в XVII в.**

Отписки и челобитные Семена Дежнева и его товарищей

Семен Иванович Дежнев

Семен Иванович Дежнев родился примерно в 1605 г. в деревне Осиновской Волоко-Пинежской волости Двинского уезда в крестьянской семье. Его предки жили в поморских землях среди мореходов, которые обессмертили свои имена бесстрашными плаваниями в Студеном море. Судьба Дежнева сложилась иначе, чем судьба многих его земляков. В начале 30-х гг. XVII в. Дежнев оказался в Западной Сибири, а в 1638 г. уже был в Якутске; не имея средств для самостоятельного промысла, он «записался» в казаки и поступил на «государеву службу».

В 1640 г. Дежнев был направлен для сбора ясака на реку Яну. Возвращаясь обратно в Якутск, он подвергся нападению тунгусов, был ранен в ногу, но отбилсЯ «огненным боем». Через два года Дежнев служит в верхнем течении Индигирки, на Оймяконе. Известно, что перед отъездом у С. Дежнева была жена — якутка по имени Абакаяда Сичю, после крещения ей дали имя Абакан. От этого брака был сын Любим, который впоследствии часто нес службу с землепроходцем Владимиром Атласовым. Вскоре Дежнев с 12 казаками поплыл по Индигирке до моря, а дальше посуху достиг реки Алазеи. Затем его отряд перешел на Колыму, где встретился с другим землепроходцем, Михаилом Стадухиным, который открыл в 1644 г. реку Колыму.

В 1647 г. приказчик крупных московских купцов Усовых Федот Алексеев Попов с Семеном Дежневым организовали товарищество из служилых и промысловых людей для похода на восток, где, по слухам, было много высоко ценив-

С. И. Дежнев.

Портрет работы неизвестного
художника-помора XX в.

шейся тогда моржовой или «рыбьей» кости. В путь отправились из устья реки Колымы на шести кочах в составе 60 человек, включая присоединившегося Герасима Анкудинова с 30 спутниками. Но первое плавание оказалось неудачным, вскоре пришлось вернуться из-за непроходимых льдов. В следующем году, 20 июня 1648 г., было снаряжено шесть кочей, отряд увеличился до 90 человек. В пути мореплавателей настигла буря, два коча пропали бесследно. Оставшиеся кочи достигли Большого Каменного Носа. О направлении, в котором вытянулся в море этот мыс, Дежнев сообщал: «Лежит тот нос промеж сивер на полуношник», т. е., по древнерусской мореходной терминологии, между северо-востоком и севером. Крайнюю восточную оконечность Азии Дежнев назвал мысом Восточный. (В 1898 г. по ходатайству Русского географического общества мыс Восточный был переименован в мыс Дежнева.) Так было доказано существование пролива, отделяющего Азию от Америки, который позже получил имя Беринга. О судьбе пропавших кочей, где находился Федот Алексеев с товарищами, см. комментарии к текстам о Дежневе, а также к тексту «Описание о Чукотской земле...».

После 1 октября 1648 г., когда часть кочей пропала в море, коч Дежнева был выброшен на берег к югу от устья Анадыря, в районе мыса Олюторского. Измученный путешествием отряд Дежнева направился в верховье Анадыря. Здесь построили зимовье. К лету от отряда осталось 12 человек, остальные погибли от голода и болезней. Оставшиеся в живых построили коч, поднялись вверх по Анадырю и в среднем течении построили Анадырское зимовье, где провели зиму 1649/50 г.

В Якутск С. Дежнев вернулся только в 1662 г. Вскоре он был направлен в Москву с «костяной казной» (т. е. моржовым зубом). Здесь он подал челобитную, в которой сообщал, что 18 лет он не получал никакого жалованья. Было постановлено выдать Дежневу из Сибирского приказа треть деньгами, две трети сукном, а за службу поверстать в атаманы. Тогда же Дежнев был отправлен обратно в Якутск «с государевой денежной казной». Уплата жалованья, выдача крупной суммы за моржовые клыки, повышение в чине — все это было большим событием для С. Дежнева. Он стал богатым человеком, несмотря на то, что значительная доля должна была пойти на погашение долгов. Изменение социального положения никак не отразилось на Дежневе. Он по-прежнему оставался честен и справедлив, в отличие от многих завистливых и алчных казачьих начальников. Благородство Дежнева ярко проявилось в ряде случаев, зафиксированных в разного рода документах. Это несчастье с Курбатовым Ивановым (1667 г.), у которого сгорела ясачная казна; это случай, когда Дежнев мирил враждовавшие племена (1668, 1640 гг.) и другие факты, которые свидетельствуют о его высоких общественно-моральных принципах.

Зимой 1666/67 г. С. Дежнев женился второй раз. Очевидно, первая его жена умерла. О своем браке Дежнев рассказывал так: «В прошлом, великие государи, во 174 году служилой человек и кузнец Иван Арбутов умер, а остался сынишко его Оська, а женишко ево Капку взял за себя, я, холоп ваш». Имя второй жены Дежнева в документах называют по-разному: в одних случаях Кантеминкой Архиповой, в других Пелагеей. От брака с ней Дежнев имел сына Афанасия...

В 1670 г. Дежневу снова поручили отправиться в Москву с собольиной казной и документами. Через год и пять месяцев он все в целости доставил в столицу. Но назад

в Якутск Дежнев не вернулся. Трудная жизнь и многочисленные раны дали о себе знать. В начале 1673 г. С. Дежнев заболел и умер.

1640—41 года. Челобитная царю Михаилу Федоровичу служилых людей Енисейского острога Осипа Семенова, Семена Чуфариста, Семена Дежнева и др. о заслуженном жалованье*.

На обороте: К сей челобитной десятник казначей Енисейского острогу Мишка Кожевников вместо ленских служивых людей десятников и рядовых осьмнатцать человек, по их веленью, руку приложил.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии быют челом холопи твои государевы Енисейского острогу служилые люди: десятники казачьи — Оська Семенов, Семейка Тимофеев Чуфарист, Вахрушка Максимов Попов, рядовые служивые люди — Якунька Данилов Щербак, Багдашка Ортемьев Сорокоумов, Сивко Семенов Махнев, Левка Тимофеев Головачев, Гришка Кирилов, Васька Федоров Коваль, Семейка Костянтинов, Семейка Архипов, Афонька Иванов Брусенкин, Фомка Кондрачьев, Третька Карпов Хомяк, Матюшка Иванов, Гаврилко Никитин Пашенной, Семейка Иванов Дежнев, Ивашко Семенов Жирко. В нынешнем, государь, во 148 году по твоему государеву указу и по приказу стольников и воеводы Петра Петровича Головина да Матвея Богдановича Глебова да дьяка Еуфимия Филатова велено нам, холопом твоим, быть на Лене реке и служить твоя государева служба в Ленском острожке¹, а твоего государева денежного жалованья² велено нам, холопом твоим, дать по полуокладу, по два рубли с полтиною. Милосердный государь царь и великий князь³. Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, нам дать из своей царской казны своего государевого денежного жалованья енисейской присылки ил... неких доходов, годового полному окладу по пяти рублей человеку, чтоб нам, холопом твоим, было в чем платьишко и обувь купить в чем бы было твоя государева служба служить, покамест из Ле(нского) острожку торговые и промышленные люди не разбредутца. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

* Печатается по: Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах / Сост. М. И. Белов. Л., 1952. С. 96—164; 327.

1640 года августа 23. Наказная память³ атамана Осипа Галкина ленским служилым людям Богдану Артемьеву Сорокоумову, Лаврентию Тимофееву Губарю, Семену Иванову Дежневу о поездке их на реки Амгу и Тату.

Лета 7148 году августа в 25 день. По государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу память Ленского острогу служилым людям Богдашку Артемьеву Сорокоумову, Левке Тимофееву Губарю, Семейке Иванову Дежневу. Ехати ему из Ленского острогу на Тату и на Амгу к батурусским якутом, к Немнячку да к Каптаганку Огеевым детям з братьею по челобитью ясачных⁴ якутов Мегинской волости, Бырчика Чюкова да Тречки Декиева, а в челобитной их написано: в прошлом де во 147 году летом тот Каптака с товарищи отняли де у Бырчика, приезжали войною, 21 корову, да в нынешнем де во 148 году зимою у Тречки угнали войною тот же Каптак з братьею 30 коров, да в нынешнем же во 148 году, августа в 14 день, ездили они, Бырчик да Тречка, к тем батурусам поговорить для своего скота, чтоб им отдать тот их отгонный скот, коровы. И он де, Немнячко, з братьей встретил их на дороге и били де их и ограбили, кони и пальмы и саадаки отнимали. И вам, служилым людям, Богдашку Сорокоумову с товарищи, приехав к тем Огеевым детям, к Каптаканку з братьею, и про тот скот у них опрошати и сторонними якуты допряма допросить. И в грабежу буде они не запрутца и что со сторон якуты скажут, буде их на дороге грабили, и вам бы, служилым людям, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу разделить их без спору и без драки: тот скот взять грабежной и живот у Немняка з братьею и отдати Бырчики и Тречке. А буде учинитца у них, у Немнячки з братьями, меж ними спор з Бырчиком и с Тречкою в том скоте и в грабежном животе, и их, Немнячка з братьями и Бырчика и Тречку, срочить их в Ленский острог с собою тотчас, не мешкав. А самим им служилым людем, ездици дорогою, у иноземцев ничево не покупать и с ними не торговать, а иноземцом⁵ обид и насильства не чинить, никоторово дурна не творить, и к ним, к иноземцам, напрасно не приметыватца. К сей памяти атаман Осие Галкин печать свою приложил⁶.

1641 года июня 15. Проезжая грамота⁷ Федоту Алексееву⁸ и Луке Васильеву, приказчикам гостя Алексея Усова, на провоз товаров и хлеба из Енисейского острога к Ленскому волоку⁹.

Печать черного воска. На обороте помета:
149 году проезжие, торговали во 150 году.

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русин указу отпущены из Енисейского острогу к Ленскому волоку москвитина гостинной сотни Олексея Усова, приказщики его, Федотко Олексеев да Лучка Васильев, а с ними русского товару: две половинки сукна аглинского середние земли, половинка кармазину, шесть половинок аглинских меньшей земли, две половинки лятчины, десять косяков мыла, двести аршин холсту хрящу, дватцать концов сукон сермяжных, десять юфтей кож красных, пятнадцать крашенин трубчатых, пятнадцать рубаш, строченых шелком, два полукафтання крашенин, десять по полбийчатых ярославских, триста ремней, десять татауров, сто пятьдесят колокольцов, кутазов меньшей руки, пятьдесят трешеток пищальных, пятьдесят шил, пятьдесят поясков нитных, простых, две чернилицы медные, семеры сапоги телятинные, десятеры сапоги сафьянные мужские и женские, четверы сапоги малые, сто поясков нитных тканых, двои башмаки сафьянные, двои чедоги, пятьдесятеры рукавицы уресковые, дватцатеры рукавицы барановые, три юфти посконинных, юфть кож белых, пятнадцать колец медных постельных, триста кремней, восемнадцать кожаных с сукном, шесть натрусков простых, пять рубашек ярославских шитых золотом, пять пуд меди красные в котлах и в горшках, осмь шуб бараньих, пять зипунов сермяжных простых, двенатцать кафтанов бараньих, пятьдесят топоров, дватцать три косы горбуш, сорок овчин, десять огнив, сорок пять пил середних, тритцать свердел, четыре крашенины ярославских с печатями, четыре юфти шапок женских камчатых, и отласных, осемь десятеры рукавицы

---

* В XVII в. сибирские служилые люди назывались по имени. К этому имени прибавлялось имя отца (Федот Алексеев). Если человек знатного рода, его именовали по отчеству «вичем» (воеводы, стольники). Третья часть именования была прозвищем, кличкой, по-нашему фамилией, образованной по-разному: по месту происхождения, по приметным чертам, с учетом сословной принадлежности (Федот Алексеев Попов Холмогорец).

вареги, на пять рублей поясков жиганых, пять пуд укладу, шестеры коты обувные, пуд с четью бисеру, двадцать пуд масла коровья, шесть пуд пряжи, дватцать делей, а и с тех делей деланы неводы, семь пуд сала говяжья, сто сколотов подошевных четвертных и пятерных, восмнатцать полтей мяса свиново, половинка сукна аглинского меньшей земли, половинка кармазину, четырнатцать сколотов, три пуда дроби, десять пешень, пятнатцать топоров, дватцать пять кос горбуш, шестьдесят пил, юфть кож красных, две завесы ярославских, да хлебиново запасу — сто пятьдесят семь четей муки ржаной. А по енисейской таможенной оценке того у него русково товару и хлебново запасу на две тысячи на пятьдесят рублей, на осмнатцать алтын, на полпята деньги. И с того у него русского товару с семисот с осмидесят с четырех рублей с тритцати алтын государева десятая пошлина взята у него, Федотка, и у товарища его у Лучки Васильева в Тобольску, и на Тюмени, и в Томском городе, и в Енисейском остроге с томского привозу с хмелю, с приценки. А с тысячи з двусот с семидесят с четырех рублей з дватцати с трех алтын с полуденьги государевы десятой пошлины не взято. А взято с того товару и с хлебного запасу проезжая пошлина с рубля по четыре деньги. Да с ним же, Федотком, енисейской покупки полтора пуда свеч восковых, шесть пуд олова в блюдах и в торех, семь пуд жиру рыбья, две лошади. А по енисейской таможенной оценке той у него енисейской покупки на сто, на сорок, на семь рублей, и с той у него покупки в Енисейском остроге государевы десятой пошлины не взято, потому, что взята — него государева десятая пошлина с ево привозного русского товару, а тот он товар и лошади в Енисейском остроге покупал на те товарные деньги, с которово товару десятая взята в Енисейском остроге. Да с ним же, Федотком, для товарного береженья: Тренька Назаров, Тимошка Игнатъев, Кирилко Игнатов, Тимошка Семенов, Якунька Назаров, Сенька Ортемьев, Родька Карманов, Левка Кондратов, Спирка Логинов, да племянник ево Омелька Степанов, да для работы промышленные люди: Кирилко Фомин, Завьялко Михайлов, Ерофейко Агафонов, Ивашко Микулин, Гришка Иванов, Кузька Яковлев, Федька Макаров, Филька Александров, Ивашко Осипов, Оська Федоров, Ондрюшка Ортемьев, Васька Степанов, Ивашко Костянтинов, Гришка Иванов. Отъезжей пошлины взято с русского товару и с хлебного запасу и с лошадей со всех статей с

рубля по четыре деньги. А с них, с Федотка и с Лучки, и с работных людей с человеки по алтыну и на нынешней 149 год' по осьми алтын по две деньги в государеву казну в Енисейском остроге взято сполна, и печатные пошлины по государеву указу, по деньге с рубля взята сполна. К сей проезжей государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать земли Сибирские Енисейского острогу приложил воевода Микифор Логинович Веревкин лета 7149-го, июня в 15 день.

1641 года августа не позднее 17. Челобитная енисейского казака Семена Ивановича Дежнева царю Михаилу Федоровичу.

На обороте: 149 году, августа 17 день, записать в книгу.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой енисейский казак Сенька Иванов Дежнев. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, позволь, государь, оставить кормить на зиму до себя ясыришка моего, якольскую женку именем Абакаяда Сичю¹⁰. Оставил я корову и с телянком Борогонской волости якуту Манякую. Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

1642 года после июня 7. Из челобитной ленских служилых людей Михаила Стадухина и Семена Дежнева с товарищами.

Царю и государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьют челом холопи твои государевы ленские служилые люди: Мишка Стадухин, Артюшка Шестаков, Мишка Коновал, Гришка Фофанов, Семейка Дежнев, Вавилко Леонтьев, Вторко Гаврилов, Сергейко Ортемьев, Андрюшка Иванов, Бориско Прокофьев, Ромашка Немчин, Федька Федоров. В прошлом, государь, во 149-м году посланы мы, холопи твои государевы, из Ленского на твою государеву службу на Оемокон реку к твоим государевым ясачным людям, к якутом и к мемельским тунгусом, и аломунскому тунгусу Чюне¹¹ для ради твоего государева ясашного збору; и божиею милостью и государевым счастьем с тех якутов и с мемельских тунгусов ясак твой государев на нынешней на 150 год взяли весь и сполна и

с прибылью... А в наказе твоём государеве написано, что нам велено проводывати новых земель. А на Емоконе жити не у чево, никаких людей нет, место пустое и голодное, а которые якуты жили, и оне с... разорения пошли на Лену, на старые свои кочевья. И нам, холопом твоим государевым, кормитца нечим, а остались голодны и холодны. А того Чюну те тунгусы покинули, а вперед тот Чюна под себя ясаку не сказывает — уже де меня покинули. А сказывал нам, холопом твоим, государь, якут Ува, что де есть река большая Мома, а на той де реке живут многие люди, а тот Емокон пал устьем в ту Мому. А нынчи мы, холопи твои государевы, вперед, не хотя твоей государевы службы отбыть и слышачи про ту реку и про те многие люди, и с тово тунгуского разорения пошли на ту реку Мому и тех людей сыскивать — тебе, великому государю, послужить. Милосердный государь царь и великий князь Михаил Федорович, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, наше бедное разоренное челобитие принять в Ленском Петру Петровичю Головину да Матвею Богдановичю Глебову да дьяку Еуфимию Филатову, чтоб наши бедность и разорение тебе, великому государю, было ведомо и про наше службишко было явно. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

1642 года июля 6. «Выписка» Якутской таможенной избы Федоту Алексееву Холмогорцу, приказчику гостя Алексея Усова, на поездку «на низ по Лене реке и в стороннюю реку по Оленьку».

150 году, июля в 6 день, выпись ис таможенной избы таможенного головы Дружины Трубникова москвитина гостиной сотни торгового человека Алексея Усова, приказчику его Федотку Алексееву Колмогорцу, что идет с ним на низ по Лене реке и в стороннюю реку по Оленьку на рыбную ловлю и на соболиной промысел хлебного запаса и промышленного заводу и русково товару:

семсот пуд муки ржаной,
четыре пуда меди зеленой в котлах,
дватцать фунтов одекую мелково и большово,
десять фунтов бисеру,
сто аршин сукна белово,
пятьдесят колокольцов кутазов,
триста пятьдесят сажень сетей неводных,
дватцать сколотов подошвенных,

дватцать пять обметов собольих,
шестьдесят топоров,
два пуда прядена неводного,
сто аршин холсту середнего и толстово.

А тово у него хлебного запаса и промышленного заводу и русково товару по ленской таможенной оценке на тысячу на дватцать пять рублей. А с того у него хлебного запаса и промышленного заводу государевы десятые и отъезжие пошлыны в Ленском остроге в таможене (не) взято потому, как он будет с соболиного промыслу, и у него возметца государева десятая пошлына мяхкой рухлядью собольми. Да с ним же идет племянник его Федотков Омелька Стефанов. Да с ним же идут покрученики ево: Никитка Прокофьев, Тренька Евсеев, Ортюшка Федоров, Левка Семенов, Лучка Алимпиев, Уруско Олександров, Тимошка Игнатьев, Филька Александров, Насонко Козмин, Осипко Никифоров, Тренька Назаров, Кирилко Иванов, Федька Иванов, Чюдинко Мартынов, Ивашко Осипов, Митька Ветчанин, Панфило Иванов, Ивашко Осипов, Миронко Иванов, Богдашко Онисимов, Тимошка Мясин, Мишка Шабаков, Никитка Федоров. Да с ним же идут своеужиники на том же хлебном запасе и промышленном заводе: Осташка Кудрин, Митька Яковлев, Максимко Ларионов, Юшко Никитин, Васька Федотов. А с его Федотка, и с племянника, и с покручеников, и с своеужиников отъезжие пошлыны по алтыну с человека взято и на нынешней на 150 год по осьми алтын по две деньги с Треньки Евсеева, с Осташка Кудрина, с Митьки Яковлева, с Максимка Ларионова, с Юшка Никитина на Вилые, а с Федотка, и с племянника, и с покручеников взято в Ленском остроге в таможенных сполна. К сей выписке государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать Сибирского государства великие реки Лены приложил таможенной голова Дружина Трубников.

1647 года после июня. Из отписки с реки Колымы якутскому воеводе Петру Головину служилого человека Второго Гаврилова с товарищами о первом походе Ф. Алексева и С. Дежнева на Анадырь.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси стольнику и воеводе Петру Петровичю с Ковымы реки ис Ковымского острожку служилые люди Фторко Гаврилов с товарищи челом бьют. В прошлом во 154 году

летом с усть Ковыми реки ходили на море гуляти в коче вперед промышленные люди девять человек: Исайко Игнатьев Мезенец, Семейка Алексеев Пустозерек с товарищи. И с моря пришли к нам на Ковому реку в роспросе сказали: бежали де они по большому морю, по зальду, подле Камень двои сутки парусом и доходили до губы, а в губе нашли людей, а называются чухчами, а с ними торговали небольшое место потому, что толмача у них не было, и съезжати к ним с судна на берег не смели, вывели к ним товарцу на берег, положили и они в то место положили кости рыба зуба немного а не всякой зуб цел; деланы у них пешни да топоры ис той кости, и сказывают, что на море де тово зверя много ложится де он на место. И в нынешнем во 155 году, июня в... день, пошли на море москвитина гостиной сотни торгового человека Алексея Усова прикащик Федотко Алексиев колмогорец с покрученниками двенадцать человек, а иные збирались промышленные люди своиуженники, а сверх их собралось пятьдесят человек, пошли на четырех кочах той кости рыба зуба и соболиных промыслов разведывати. И тот Федотко Алексиев с товарищи к нам в съезжую избу словесно прошали с собою служилого человека. И бил челом государь Якуцково острогу служилой человек Семейка Дежнев ис прибыли, а челобитную подал в съезжей избе, а в челобитной явил государю прибыли на новой реке на Анандыре сорок семь соболей. И мы его, Семейку Дежнева, отпустили для тое прибыли с торговым человеком с Федотом Алексиевым и для иных новых рек проведывать и где бы государю мощно прибыль учинити. И дали им наказную память и где буде найдут неясашных людей, и им аманатов имати и государев яsak с них збирати и под ево царскую высокую руку подводить и прочая.

1648 года июль. Отписка с Колымы якутским воеводам Василию Пушкину, Кириллу Супоневу и дьяку Петру Григорьевичу Стеншину ленского служилого человека Второго Гаврилова и таможенного целовальника Третьяка Иванова Заборца о втором походе С. Дежнева и Ф. Алексеева на Анадырь.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси воеводам Василью Никитичю да Кирилу Осиповичю, да дьяку Петру Григорьевичю ленской служилой че-

ловец Фторко Гаврилов да таможенной целовальник Тренька Иванов с товарищи челом бьют. В прошлом во 155 году ленской служилой Семейка Иванов Дежнев бил челом государю и подал челобитную на новую реку Анандырь. И тот Семейка на новую реку не прошел и с моря воротился и зимовал на Ковыме реке. И в нынешнем во 156 году тот же Семейка Дежнев бил челом государю, а челобитную подал мне, Фторку, на ту ж новую реку Анандырь ис прибыди, а прибыли государю явил с той новой реки с иноземцов семь сорок пять соболей. И я того Семейку по той челобитной на новую реку Анандырь с Ковымы реки отпустил и наказ ему, Семейке, вместе с Федотом Алексеевым, торговым человеком, дал. А на подарки дано ему государева товару иноземцом десять полиц.

1648 года до июня 20. Челобитная царю Михаилу Федоровичу ленского служилого человека Семена Иванова Дежнева о «воровстве» служилого человека Герасима Анкудинова¹².

Царю государю и великому князю Михайлу Федоровичу всеа Руси бьет челом холоп твой ленской служивой человек Семейка Иванов Дежнев. В нынешнем, государь, во 156 году бил челом государю, а в Ковымском острожке подал челобитную ленскому служилому человеку Фторому Гаврилову да таможенному целовальнику Третьяку Заборцу ис прибыли, а явил я тебе, государю, прибыли с новые реки с Анандыря семь сороков десять соболей. И в нынешнем же, государь, во 156 году, умысля воровски, хотя твою государеву службу постановити и прибыль, которую я, Семейка, явил, Герасимко Анкудинов, и прибрал он к себе воровских людей человек с тритцать, и хотят оне торговых и промышленных людей побивати, которые со мною идут на ту новую реку, и животы их грабить, иноземцев хотят побивать же, с которых я прибыль явил. А мне, холопу твоему, с теми торговыми и с промышленными людьми та твоя государева служба служить и прибыль збирати. И те торговые и промышленные люди от их воровста, что оне хотят побивать и грабить, на ту новую реку итти не смеют потому, что тот Герасимко Анкудинов своими воровскими заговорщики хотят побивать и животы их грабить. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, сию

мою явку принять в Ленском остроге воеводам Василью Никитичю Пушкину да Кирилу Осиповичю Супоневу, да дьяку Петру Григорьевичю Стеншину и подписати, и чтобы им про то их воровство было ведомо, что оне хотят, воры, твою государеву службу поставить прибыль, и мне бы, холопу твоему, от их воровства вконец не погинуть, что они хотят побивать торговых и промышленных людей и иноземцев, с которых я прибыль явил. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

1648 года июля — августа. Из челобитной якутского казака Ивана Баранова¹³ о своих службах на реках Лене, Яне, Индигирке и Колыме, о своем неудачном походе по морю на реку Анадырь, с просьбой принять его служить по Нижнеколымску.

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси бьет челом холоп твой ленской служилой человек Ивашко Баранов. В прошлом, государь, во 151-м году послан я, холоп твой, из Якуцкого острогу на твою государеву службу на Янгу реку для твоего государева ясачного збору с сыном боярским Васильем Власьевым и на Янге реке с ыноземцов с якутов ясак тебе, государю, на прошлой на 151 год собрали и с прибылью. И с Янги реки перешел я, холоп твой, с ним, сыном боярским Васильем Власьевым, на Индигирку реку и с Ындигирки реки перешел я, холоп твой, на Ковыму реку в прошлом во 153-м году. И на Ковыме реке служил я, холоп твой, тебе, государю, в Нижнем ясашном зимовье всякую твою государеву службу с служилыми людьми вместе два годы, в прошлом во 154-м да во 155 году. И ясак тебе государю на те на 154-й и на 155-годы с ыноземцов с юкагирей собрался полной же и с прибылью. И всякую твою государеву службу служил я, холоп твой, и на Ковыме реке с служилыми людьми вместе и в походы ходил... И в прошлом же, государь, во 155-м году ведомо учинилось от иноземцов мне, холопу твоему, про новую реку Анандырь и про иные сторонние реки. И я, холоп твой, на ту новую реку Анандырь походил морем для прииску и приводу под твою государеву царскую высокую руку и для твоего государева ясашного збору в новые земли. И грех ради моих, море меня, холопа твоего, не пропустило: был в тоя поры на море лед не проходимой. И я, холоп твой, воротясь с моря, зимовал

на Ковыме реке у служилого человека у Второго Гаврилова не в прием. И в нынешнем, государь, во 156-м году, которые промышленные люди служили тебе, государю, на Ковыме реке по ясашным зимовьям по челобитным и те, государь, промышленные люди с Ковымы реки пошли на ту новую реку Анандырь, а иные пошли к Русе¹⁴. И по тем, государь, ясашным зимовьям служить всякой твоей государевы службы некому, потому что служилых людей мало. Милосердный государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне служить на Ковыме реке всякую твою государеву службу.

1649 года не ранее сентября 7. Отписка с Колымы якутским воеводам Василию Пушкину, Кириллу Супоневу и дьяку Петру Григорьевичу Стеншину ленского служилого человека Михаила Стадухина¹⁵ с товарищами о походе к востоку от Колымы.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси воеводам Василью Никитичю, Кирилу Осиповичю, Петру Григорьевичю Ленского острогу служилой человек Михалко Стадухин с товарищи челом бьют. В прошлом 157 году ходил я, Михалко, с Ковыми реки на новую Погычу реку в кочах морем, и от Ковыми реки морем бежали семеры сутки, паруса не отпускаючи, а реки не дошел, и поймал языков, живут возле моря на берегу, иноземцов коряцких людей; и в роспросе... сказывали, что де реки мы близко не знаем, потому что возле моря лежит Камень утес, конца Каменю не знают. А которые служилые и торговые люди, Ерасимко Анкидинов, Семейка Дежнев, а с ними девяносто человек в прошлом во 156 году с Ковыми реки пошли на ту же реку на семи кочах, и про них те ж языки сказывали: два коча де на море розбило, и наши де люди их побили, а достальные люди жили де край моря, и про них де мы не знаем, живы ли оне или нет. И по иноземцовым скаскам вперед по морю итти не посмели, потому чтоб служилые люди напрасною смертию не померли. И пришли на Ковыму реку в 158 году, сентября в 7 день. А моржа и зуба моржевого добре много, и буде государь произволит велит послать служилых людей с хлебными запасами, и в том море моржа добре много, и прибыль государю будет многая. А про тот морж и про зуб моржевой и про морской

ход все знает Юшка Селиверстов, и то морское дело ему, Юшку, за обычай¹⁶. И я, Михалко, того Юшка с Ковымы реки выслал в Ленской острог з государевою казною, с моржевым зубом и велел явитца в съезжей избе с тою государевою казною, с моржевым зубом — две головы четыре зуба весом 29 фунтов, да спаской кости¹⁷ полпуда, а в полпуда четыре зуба, топор и два обломка. А у государевы казны у кости рыба зуба печать и ярлыки. А про то мне, Михалку, учинилось ведомо, что та река через гору близко. И я, Михалко, с Ковымы реки пошел нартами с великою нужею. Да бил я челом торговому человеку Михаилу Баеву о подъеме и о ссуде. И он, Михайло, пошел с нами и поднял нас на государеву службу хлебными запасы и всяким заводом. А имали у него пуд муки по осьми рублев. А которые служилые люди сошли из Якуцкого без государева указа и, без вашего воеводского отпуску — Васька Бугор¹⁸ с товарищи, и те служилые люди били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, а челобитные подали мне, Михалку, что служить государева служба со мною, Михалком, на новой реке. И я их принял и челобитные их послал к вам под сею отпискою.

1654 года осень. Челобитная царю Алексею Михайловичу приказчика Анадырского острожка Семена Иванова Дежнева о выдаче ему жалованья и о перемене приказчика на реке Анадырь¹⁹.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьет челом холоп твой Ленского острогу служилой человек Семейка Иванов Дежнев. В прошлом, государь, году, как наехал в Ленской острог твой государев стольник и воевода Петр Петрович Головин, и послал меня, холопа твоего, на твою государеву службу на Емекон реку. И с Емокона перешел я, холоп твой, на Ковыму реку морем. И на Ковыме реке взял я, холоп твой, аманатов и под те аманаты родники их дают тебе, государю, ясак и по се число, и то место прочно и постоянно. Да яз же, холоп твой, в прошлом во 155 году с Ковымы реки посылан на твою государеву службу на новую Анандырь реку великим морем-окияном и того лета на море ледом до Анандыри реки не пропустило. И я, холоп твой, воротился назад на Ковыму реку и на Ковыме реке зимовал и, перезимовав, опять послан на ту же новую Анандырь реку тем же великим

морем-окияном, и великие нужи и бедности и морские розбои принимал и до Анандыри реки дошел и в тех подъемах и в морских розбоях. Многие лета (служу) на твоей государственой службе без твоего государева хлебного и денежного жалованья будучи на твоей государеве службе на Онандыре реке, твоей государевы казни покупаючи — рыбный завод, сети пушальницы по тридцати рублей, мот прядена по пяти рублей, аршин холсту по два рубли, фунт пороху по пяти рублей, фунт свинцу по рублю. И я, холоп твой, обнищал и одолжал великим долгом. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, своим государевым царским жалованьем и переменою на Онандырь реку, чтоб я, холоп твой, вконец не погиб. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

1654 года не позднее сентября 1. Из отписки якутского служилого человека Юрия Селиверстова²⁰ с Анадыря якутскому воеводе Ивану Акинфому о переходе через «Камень» на Анадырь, приходе в русское зимовье и обнаружении служилых и промышленных людей во главе с Семеном Ивановым Дежневым и Никитой Семеновым.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси в Якутцкой острог стольнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфееву да дьяку Осипу Степанову Якутцкого острогу охочей служилой человек Юшко Селиверстов челом бьет. Послан яз, Юшко, из Якутцкого острогу по государеву (указу) и по наказной памете за государевую ленскую печатью и за дьячьєю рукою вниз по Лене реке и морем за Ковыму реку на новые реки на Анадырь и Чендон и явлена у меня прибыль великая государю в казну — дать пятьдесят пуд кости моржевого зуба. Да на тех же реках Анадыре и Чендоне по государеву указу велено мне, Юшку, иноземцов неясачных людей ходынцов и анаулей, и коряков призывать ласкотою, а не жестокостью для ради государева ясаку и чтобы были в вечном холопстве безоступно. И яз, Юшко, с охочими служилыми людьми с тридцетью з двумя человеком перешли за Камень с Ковымы реке горою нартным путем весною. А шли мы, Юшко с охочими служилыми, через гору многие недели. И пришел яз, Юшко, на новую реку Анадырь и запасу у нас придержались. И шли мы, Юшко, по

Анадырю на низ голодом многие дни... И пришел яз, Юшко, с охочими людьми к руским людям в зимовья и в зимовьях живут служилые и промышленные люди у них выбраны два приказных — Семен Иванов Дежнев да Микита Семенов. Имена служилым и промышленным людям: торговой человек Онисим Мартемьянов да служилые же люди: Павел Васильев Кокоулин, да Ортемей Федотов Салдат, да Федот Емельянов Ветошка, да Иван Яковлев, да Дмитрий Васильев, да промышленные люди: Василий Ермолаев Бугор молодой, дватцать пять человек, а Семена Моторы²¹ нет, убит. И оне, Семен Дежнев да Никита, в Моторино место выбраны и по Семенову Моторину наказу служат. И яз, Юшко, перед ними, Семеном да Никитою, наказ государев прочитал, что мне, Юшку, велено на Анадыре реке ведать и десятая велено государева имать. И оне, Семен Дежнев да Микита Семенов, да Онисим Костромин, живут на тех реках самовольны и самовласны...

И промеж собою оне, Семен, торгуют всякими товары и десятые государевы и перекупных пошлин не платят. Да в прошлом во 160 году ходили оне, Семен Дежнев да Микита Семенов, да Онисим Костромин, да Василей Ермолаев с товарищи, на море, на коргу и заморную кость²² подле моря и на корге выбрали всю. И тое кости моржевого зуба набрали пудов ста з два и больши, по семи костей в пуд, да мелкие кости и обломков пуд с восьмдесят и больши. Да в нынешнем же во 162 году оне же служилые, Семен Дежнев да Микита Семенов, и Онисим Костромин, пошли к морю с Анадыря реки на море в кочах кости брать заморные, брать моржевого зуба. И яз, Юшко, стал им говорить, что ты, Семен, к морю ходишь и заморную кость всю прибрал для своих нажитков, ни десятые государю с того промыслу не даете, а у меня, Юшка, явлена государю прибыль великая — дать в казну пятьдесят пуд кости моржевого зуба. И мне, Юшко, где та кость будет брать? И яз, Юшко, на ту заморную кость надеючись, явил ту прибыль государю. И оне, Семен Дежнев с товарищи, меня, Юшка, не слушают и заморную кость подле море около анадырские губы обрали всю. И мне, Юшку, стало кость брать негде, потому что яз, Юшко, в Ленском перед воеводою похвалился Дмитрием Андриевичем Фронзбековым, да перед дьяком Осипом Степановым. Да в нынешнем же, во 162 году пошел яз, Юшко, с охочими служилыми людьми на низ по Анадырю реке на море для ради кости моржевого зуба,

а со мною охочих служилых людей пошло тритцеть один человек на двух кочах. Да со мною же, Юшком, послана наказная память Михалку Стадухину и его, Михалка, на той реке Анадыре нет — ушел вперед. И велено ему, Михалку, в наказной памяти тех Мотору с товарищи²³ да Онисима Костромина выслать с Анадыря реки в Ленской острог. А Стадухин ушел на иные реки... И яз, Юшко, стал им говорить добром тому Никите да Онисиму Костромину: слушаете наказные памяти, что Вас велено выслать в Якутской острог. И оне, Никита Семенов да Онисим Костромин, твоего государева указу не послушали... Да в той же наказной памяти Михайлове написано: велено сказать збеглым, Ваське Бугру с товарищи, и велено государю служить с ним, Михайлом. И яз, Юшко, наказ прочитал и Васька Бугор да збеглых да Евсейко Павлов, слышачи такое жалованное слово государево, стали служить государеву службу со мною, Юшком, вместе. Да промышленной человек Юшко Трофимов, со мною же, Юшком, служит государю...

1655 года не раньше весны. Из челобитной служилых и промышленных людей Федота Емельянова Ветошки с товарищами, о назначении им денежных и хлебных окладов за службу на реке Анадырь.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси бьют челом холопи и сироты твои служивые и промышленные люди, которые отпущены с Колымы реки от сына боярского Василья Власьева да целовальника Кирила Коткина, и которые промышленные подали челобитные на Колыме реке, усть Анюя реки служивому человеку Семену Моторе, служим твоя государева служба с ним, Семеном, на Анадыре реке, и которые были на Анадыре реке в прошлом во... году с Семеном Дежневым служилые люди: Федотко Емельянов Ветошка, Артюшка Федотов Салдатко, торговый человек Онисимко Костромин, промышленные люди: Васька Ермолаев Бугор, Терешка Микитин, Васька Марков, Стенька Сидоров Виллюй, Стенька Петров Каканин, Петрушка Михайлов, Ивашка Казанец, Онтонка Андреев, Гришка Онтонов, Томилко Елфимов, Титко Семенов, Морозко Малафеев, Дружинка Алексеев, Сидорко Емельянов, Пашко Максимов, Фомка Семенов, Кирилко Степанов, Ивашко Лаврентьев, Тренька

Курсов, Филька Данилов, Данилко Панкратов²⁷. В прошлом, государь, во 157 году, ведомо учинилось на Колыме реки сыну боярскому Василию Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, по роспросным речам от ходынского аманата Ангара, которого взяли мы, холопы и сироты твои, сверху Анюя реки, и от ходынских ясырей... что новая захребетная река Анандырь подошла к вершине Анюя реки близко. И по тем роспросным речам прибралось нас охочих промышленных людей и били челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси, а челобитную на Колыме реке сыну боярскому Василию Власьеву да целовальнику Кирилу Коткину, чтобы итти нам охочим промышленным людям в ту новую землю, на ту захребетную реку Анандырь... И мы, сироты твои, на ту твою государеву службу отпущены с служилыми людьми с Семеном Моторою с товарищи... Да в прошлом, государь, во 160 году, пошли мы, холопы и сироты твои, в судах на море для прииску, чтоб тебе государю где учинить прибыль прочная, и нашли мы усть той Анандыри реки за губою коргу, вышла в море далеко, а на ту коргу вылегает много морской зверь морж, и есть на той корге заморной зуб зверя того. И мы того зверя промышляли. А до той Анандыри реки и до той корги, что твоим государевым счастьем приискали мы, холопы и сироты твои, и до того места Михайло Стадухин с товарищи не ходили, потому, государь, знатно, что в прошлом во 157 году с Колымы реки ходил Михайло Стадухин морем вперед на Погычу реку, а с моря пришел во 158 году, сентябрь в... день. И писал он, Михайло, с Колымы реки в Якуцкой острог к твоим государевым воеводам, что бежал де он, Михайло, морем вперед семеры сутки, а реки де не нашел никакой, нашел де он, Михайло, небольших людей коряцких и языков де переимал, а на роспросе языки сказали, что впереди де людей много есть, а реки де они не знают никакой. А он, Михайло, с товарищи воротились назад в Колыму реку. А впереди того места есть каменной Нос большей, вышел в море далеко и людей на нем добре много. А против того Носу есть острова в море. А на островах людей добре много ж. А мы, сироты твои, которые были с Семеном Дежневым, тот каменный Нос и острова знаем и людей видели, а не тот Нос, что есть первой Святой нос от Колымы реки, а Анандыря река от того Большого Носу и от островов далеко. Да в прошлом, государь, во 162 году, охочей служивой че-

ловец Юрье Селиверстов писал в Якуцкой острог с Анандыря к твоим государевым воеводам, с промышленным человеком с Оверкою Мартемьяновым, что де то место преж сего проведаль он, Юрья, а не мы, холопи и сироты твои. И то он, Юрья, писал ложно, и отписки послал он от нас тайно, зависти ради, хотя нашею службою и приском быть в твоём государеве жалованье. А был он, Юрья, и ходил морем вперед с Михайлом Стадухиным, а Михайло до Анандыри реки не доходил добре далеко. А потому твоя государева ясачная и десятинная соболиная казна и рыба зубу в нынешнем, во 163 году, весною, не вышла, что мы, холопи и сироты твои, кормом нужны: ядим мы красную заморную рыбу, а ныне по плесам кормимся, и поднятца с твоею государевою казною не могли. А в прошлом, государь, во 162 году, весною того аманата Чекчоя братья и родники их хотели твою государеву казну, посадить закладчиков ближних своих родников, через Камень везти на Анюю реку на оленях. И в нынешнем, государь, во 163 году, осенью, тех твоих государевых ясашных людей, пришед с Камени от Пянжины реки, многие немирные коряцкие люди их побили и погромили и жен и детей их поймали и оленей отогнали, и ныне де твоей государевы казны везти им не на чем. И тот аманат Чекчой и з братьями и с родниками своими били челом тебе, государю, челобитную подали на Анандыре реке служивым людям, Семену Дежневу да Миките Семенову с товарищи, чтоб их государь пожаловал, велел бы своим всяким служилым людям от тех иноземцов оборонить²⁸ их. А впредь де, во 164 году, они, ясашные иноземцы, твою государеву казну хотят перевезть на Анюю реку на оленях. Да в прошлом же, во 162 году для твоей государевы службы дали мы, холопи и сироты твои, Юрию Селиверстову с товарищи два коча деланные, готовые, и з снастью, и карбас, кроме паруса и якоря, чтоб та твоя государева служба в год не застоялась и времени б не испоздать к морскому промыслу. А живучи мы, холопи и сироты твои, на твоей государеве службе на Анандыре реке, что было сетяное и всякое промышленное заводишко, водяное и горное, со 158 году, и то придержали все, и в тех мы сетяных заводах задолжали великими долгами. Имали мы новую сеть в долг ценою рублей по пятнатцати и больше, а испулитца нечем, потому, государь, что Анандырь река не лесная и соболей на ней мало, а иноземцов неясашных людей добре много. А впредь нам должитца не у ково, что завод-

ных людей пришло с нами мало. И кормимся мы красною заморною рыбою кетою. А та рыба кета внизу Анандыри реки от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыри, а назад к морю не выплывает. А белой, государь, рыбы добываем мы мало, потому что у нас сетей добрых нет. А что и промыслитца белой рыбы, и то мы пасем, и кормим потоплику твоим государевым аманатом: а тою рыбою, кетою, кормить их не смеем, чтоб им, от того корму оцынжав, не помереть и нам бы, холопам и сиротам твоим, от тебя государя за то в опале и в казне не быть. Милосердный государь царь и великой князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй нас, холопей своих, своим государевым жалованьем по прежнему в наши оклады, для нашей службы и великой нужи и долгов, и вели, государь, нам, сиротам твоим, о той своей государеве службе указ учинить, и вели, государь, сию нашу челобитную на Анандыре в ясашном зимовье служивым людям Семену Дежневу да Миките Семенову, принять и под пискою послать в Якуцкой острог к твоим государевым воеводам. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

1655 года апреля 4. Из отписки якутскому воеводе Ивану Акинфову служилых людей Семена Дежнева и Никиты Семенова о походе на реку Анадырь, о текущих делах Анадырского острожка и другом.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси стольнику и воеводе Ивану Павловичю Акинфиеву да дьяку Осипу Степанову с новые реки Анандыру служилые и промышленные люди Семейка Дежнев да Микитка Семенов челом бьют...

И того ж 160 году пошли мы в судах на море, чтоб где государю учинить прибыль большая, и нашли усть той Анандыру реки корга²⁴, за губою вышла в море, а на той корге много вылегает морской зверь морж и на той же корге заморной зуб зверя того. И мы, служилые и промышленные люди, того зверя промышляли и заморной зуб брали. А зверя на коргу вылегает добре много, на самом мысу вкруг с морскую сторону на полверсты и больше места, а в гору сажень на тридцать и на сорок. А весь зверь с воды с моря землю не вылегал, в море зверя добре много, у берегу. А потому всего зверя на землю не выжидали, что ясашное зимовье вверху Анандыри реки и рыбные ловли высоко в шиверах²⁵, а корму у нас нет, и того б рыбного промыслу не

проходить и не опоздать и голодную смертью не помереть бы... А с корги мы пошли вверх по Анандырю июля в 17 день, а зверей промыслять ходили четырежды, и зверь прилегает скоро на землю; а во 162 году зверь вылегал пошже, первой промысел был о Ильине дни, а потому вылегал пошже, что льды от берегу не отнесло. А которые промышленные люди — поморцы, и они сказывают, что в Руском де Поморье столь много зверя того нет. А положили мы в государеву казну, служилые и промышленные, того рыба зубу весом три пуда, а число четырнатцать. А во 161 году мы, Семейка и Микитка с товарищи, лес добыли, а хотели з государевою казною отпустить морем в Якуцкой острог. И яз, Семейка, с товарищи то ведаем что море большее и сувой²⁶ великие о землю близко, без доброй снасти судовой, и без добрового паруса и якоря, итти не смели, и иноземцы говорят: не по вся де годы льды от берегов относит в море; а горою через Камень государевы казны с невеликими людьми через многие неясашные люди розных родов выслать не смели, потому что служилые и промышленные люди на государевых службах побиты, а иные промышленные люди отошли к Михайлу Стадухину: Матюшка Калинин, Калинин Куропот, Ивашко Вахов, Ивашко Суворов, Семейка Зайко, Богдашко Анисимов. А хто для чего ушел, и тому записка, покойного Семена Маторы, а з записки список под сею отпискою... А в прошлом во 162 году, зимою и весною ясашные люди ходынцы, аманата Чекчоя братья и родники их, говорили, что де во 163 году перевезем де государеву казну всю через Камень на оленях на Анюй реку, только де родников нашим дадите ль железа всяково дельново. И того ж 162 году, апреля в 27 день, с Колымы реки пришел охочей служивой человек Юрья Селиверстов, а с ним охочие служилые и промышленные люди... Да того ж 162 году он, Юрье, походя к морю, а при себе изготовил с отписками в Якуцкой острог промышленново человека Аверку Мартемьянова от нас тайно, зависти ради, не хотя он, Юрья, нас, холопей и сирот государевых, видеть в его царском милостивом призренье. А сам он, Юрье, нашею службою и происком хочет быть в государе жалованье. Писал де он, Юрья, в Якуцкой острог, что ту коргу и морского зверя и заморную кость зверя того приискал он, Юрья, преж сего, как был с Михайлом Стадухиным, а не мы, служивые и промышленные люди. И то он писал ложно потому, знатно, что в прошлом

во 158 году писал с Колымы реки Михайло Стадухин: ходил де он, Михайло, с товарищи с Колымы реки морем вперед на Погычу реку, и он, Михайло, бежал де по морю семеры сутки, а реку де не дошли никакой, нашол де он, Михайло, коряцких людей небольших и языков де переимал, а на роспросе языки людей впереди сказали, а реки де впереди не знают никакой. И он, Михайло, с товарищи и з беглыми служивыми людьми воротились в Колыму реку. И он, Юрья, был с ним же, Михайлом. И то он, Юрья, писал ложно, потому что не доходил он, Михайло, до Большово каменново Носу, а тот Нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того ж Носу, на островах живут люди, называют их зубатыми²⁷, потому что принимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных, а не тот, что есть первой Святой Нос²⁸ от Коломы. А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищи, знаем, потому что розбило у того носу судно служивого человека Ярасима Онкудинова с товарищи. И мы, Семейка с товарищи, тех розбойных людей имали на свои суды и тех зубатых людей на острову видели ж. А от того Носу та Анандырь река и корга далеко. Да мы ж, Семейка и Микитка с товарищи, с служивыми и промышленными людьми, для государевы службы дали ему Юрью с товарищи два судна деланы и готовые кочи и со всею снастью именною и карбас, чтоб у них государева служба, без судов и без снасти, в год не застоялась и путем бы не испоздать к морскому промыслу, и чтоб государеве казне учинилась прибыль большая. А приняв суды, он, Юрья, сам смотрел и людей и товарищев своих досматривать посылал и те суды к морскому ходу.

А в тех судах и в снасте и в карбасе он, Юрье, нам и отпись дал. И он, Юрье, одно судно потерял своим небреженьем, опоздав поры гораздо, к тому судну послал невеликих людей, а под то судно с горы вода подошла, и круг жить стало не можно и то судно он, Юрье, покинул. И мы тех его Юрьевых товарищев, которым было быть на том судне, розняли их по иным своим судам. И пошли он, Юрье, к тому морскому промыслу с нами вместе... А река Анандырь не лесна и соболей по ней мало, с вершины малой лисвяк днищей на шесть или на семь, а иного черново лесу нет никакого, кроме березнику и осинника. А от Малого Маена²⁹ кроме тальника нет лесу никакого, а от берегов лесу не широко, все тундра да Камень. А той реки Анан-

дырь (сделан) чертеж с Онюя реки и за Камень на вершину Анандыру и которые реки впади большие и малые, и до моря, и до той корги, где вылягает зверь. А ходу с вершины Анандыру до ясашново зимовья с Камени грузными нартами недели две или больше. А государевых всяких дел писать не на чем, бумаги писчей нет. И чтоб государь нас пожаловал, своим государевым аманатом для рыбной ловли, сетя нову заводу на мережи и на пушальницы. А большей промысел здесь пушальницами, потому что река каменная, крутая, коли бывает осень дождлива, и той осени езов³⁰ у нас не живет, что вода велика. А рыбы красной приходит много. И та рыба внизу Анандыру от моря идет добра, а вверх приходит худа, потому что та рыба замирает вверху Анандыру реки, а назад к морю не выплывает. А белой рыбы добываем мы мало, потому что сетей добрых у нас нет. Емлем мы новые сети ценою в долг рублей по пятнатцати и больши. А государевых аманатов тою красною рыбою кормить мы не смеем, потому чтоб им, с того нужного корму, оцынжав, не помереть и нам бы от государя за то в опале и в казне не быть. А пасем мы им и кормим потолику белою рыбою. А людей у нас заводных пришло мало, платным и сетяным и всяким заводом должитца не у ково. А государева ясашново сбору со 158 году и всего, что и выше сего писано, на 158 год взято государева ясаку под аманата Чекчоя девять соболей. А во 159 году того аманата Чекчоя братья и родники ево не приходили к ясашному зимовью, потому что де корму не были и оне де разошлись вдаль по промыслом... Да в нынешнем, во 163 году, марта в 25 день, в ясашном зимовье посылали мы з государевою казною служилых и промышленных людей в Якуцкой острог. И оне поднятца з государевою казною не могли, потому что де мы голодны, кормом нужны, едим де мы заморную рыбу киту, в том оне и челобитную подали, за руками. Да в нынешнем во 163 году, марта в 26 день, в ясашном зимовье охочей служивой человек Юрья Селиверстов прочитал наказную память, которая послана к Михайлу Стадухину. И велено ему, Михайлу, по той наказной памяти с Анандыру реки выслать служивых людей Семена Матору с товарищи, да торгового человека Анисимка Костромина да промышленного человека Ивана Бугра с товарищи. И яз, Семейко, от государевы казны тех людей не отпустил, потому что служили мы государеву службу с ними вместе, и что есть государевы казны в зборе, и мы тое государеву казну и отпровадим

вместеж. Да роспись послана у ково сколько явлено кости рыба зубу 160 году промыслу да 162 году промыслу. Послана под сею отпискою челобитная служивых и промышленных людей Федотка Ветошкин да Онисимка Костромина с товарищи о нуждах...

1655 года не раньше августа 16. Отписка казака Данила Филиппова воеводе Михаилу Лодыженскому с товарищами о доставке с Анадыря от Семена Дежнева кости, «рыбьего зуба».

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси стольнику и воеводе Михаилу Семеновичю да дьяку Федору Васильевичю Якуцкого острогу служилой человек Данилко Филипов челом бьет. В прошлом, государь, во 162 году, послан я из-за Камени с новые реки с Онандыря от служилого человека от Семена Дежнева да от Микиты Семенова с ево государевою казною, с костью с рыбьим зубом, а кости рыба зубу пуд. И ныне, государь, та твоя государева казна рыбей зуб милостью божиею и государским щастием дошла до Ижиган августа в 16 день дал бог здорово. И из Жиган, государь, я с тою государевою казною и иттить для заморозу не посмел, чтоб, государь, тои ево государеве казне в заморозе порухи не учинилось. И ныне, государь, я с тою ево государевою казною в Жиганех.

1662 года. Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова в Москву о прибытии с рек Анадыря и Колымы служилых людей Ивана Ерастова и Семена Дежнева с товарищами, о привозе кости «рыбьего зуба» и об отсылке ее в Сибирский приказ с служилым человеком Семеном Дежневым³¹.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу холоп твой Ивашка Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, в 170 году привезли с Колымы и с Анандыри рек сын боярской Иван Ярастов да целовальник Стенька Журливой, да служивые люди: Сенька Дежнев да Ортюшко Салдат твоей великого государя костяной казны рыба зубу, что промышляли на карге на тебя, великого государя, и десятинной и что за пошлинные

деньги имано восемь пуд девятнадцать гривенок. Да они ж, государь, Сенька Дежнев да Стенька Журливой, привезли умерших статков пятьдесят восемь пуд дватцать две гривенки, да дельной кости весом дватцать пять гривенок, да церковной кости рыба зуб по разным прилатам в разные города — два пуда дватцать одна гривенка с полугрибенкою. Да на тебя ж, великого государя, по твоему, великого государя указу и по грамоте взяли у сына боярского у Ивана Ярастова да у служилых людей, у Сеньки Дежнева да у Ортюшки Салдата, у Потапка Мухоплева, да у торгового человека Стеньки Журливого, да у промышленных людей у Томилко Елфимова, у Фильки Данилова — всего у семи человек — сто дватцать семь пуд четыре гривенки. И за ту, государь, кость в Якутском остроге из твоей великого государя казны тем людям денег не дано, потому что, государь, в Якутском в твоей великого государя казне денег нет. Да на тебя ж, великого государя взял я, холоп твой, у промышленного человека у Пименка Максимова пуд семерной кости, да пуд же деветерной кости, да четыре кости весом двенатцать гривенок и за ту, государь, кость тому Пименку в Якутском из твоей великого государя казны выдал по твоему великого государя указу и по грамоте — за семерную кость за пуд пятнадцать рублей, за деветерную кость за пуд двенатцать рублей, за четыре кости, весом за двенатцать гривенок — три рубли дватцать алтын. И всего, государь, из твоей великого государя казны тому Пименку за ту ево кость дано тритцать рублей дватцать алтын. А даны, государь, тому Пименку из твоей великого государя казны деньги в Якутском для ево нужи потому, что, государь, тот Пименко ослеп и скитаецца по миру. А сколько, государь, твоей великого государя костяной казны и сколько умерших статков и церковной кости и сколько, государь, на тебя, великого государя, у сына у боярского и у служилых, и у торгового, и у промышленных людей взято порознь пудов, и тому, государь, послал я, холоп твой, под сею отпискою роспись за своею рукою. А ту, государь, кость послал к тебе, великому государю, к Москве я, холоп твой, с служилыми людьми: с Сенькою Дежневым да с Ортюшкою Салдатом, да с Гришкою Пискуном, с Федькою Копыловым, с Мишкою Мощинцевым с целовальники, с промышленными людьми, с Филькою Даниловым да с Томилком Елфимовым. А Стеньки, государь, Журливого кость, которая взята на тебя, великого государя, послана с ним,

Стенькою, за ево ответом. А безмен, государь, с которой весил кость в Якутском, послал к тебе ж, великому государю, к Москве, запечатав твоею великого государя печатью, с целовальники — с Филькою Даниловым да с Томилком Даниловым.

1662 года июля... Отписка якутского воеводы Ивана Большого Голенищева-Кутузова о челобитье енисейского служилого человека Семена Дежнева.

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу холоп твой Ивашка Большой Голенищев-Кутузов челом бьет. В нынешнем, великий государь, во 170 году, июля 17 день, бил челом тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу, а мне, холопу твоему, в Якутском остроге в съезжей избе Енисейского острогу служилой человек Сенька Дежнев подал челобитную о службе своей тебе, великому государю, и о заслуженном жалованье на прошлые годы. И я, холоп твой, тое ево челобитную и под тою челобитною выписки из окладных и имяных книг послал к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя России самодержцу, к Москве под сею отпискою. И против сего челобитья выписано, в окладных книгах прошлого 155 году при воеводе при Василье Пушкине с товарищи за рукою дьяка Петра Стеншина написано:

По енисейскому окладу денег 5 рублей, хлеба 5 четвертей с осьминою ржи, четыре четверти овса, два пуда без четверти соли. Сенька Дежнев.

А в розборной росписи воевод Василья Пушкина с товарищи 154 году написано:

Сенька Дежнев великого государя на службе на Ковыме реке послан во 149 году, и воеводы Василей Пушкин с товарищи велели ему, Сеньке, быть великого государя в службе до указа великого государя, потому что тот Сенька Дежнев великого государя на службе.

Да по росписи же под памятью 148 года, февраля 16 день, какова подана в Енисейском остроге окольничему Петру Петровичю Головину с товарищи от воеводы от Никифора Веревкина за рукою отца ево духовного попа Кузьмы Ортемьева написано: сын боярской Парфен Ходы-

рев принял на великой реке Лене в новом Ленском острожке енисейских служилых людей у енисейского сына боярского у Петра Бекетова 30 человек, в том числе он, Сенька Дежнев, написал же, а великого государя денежное жалованье на 147 год дано в Енисейском остроге, а хлебное и соляное жалованье ему, Сеньке, на 147 год не дано.

А по расходным Якутцкого острогу книгам со 151 году ему, Сеньке, великого государя денежного и хлебного жалованья по нынешней 170 год не дано, потому что он, Сенька, все был великого государя на службе на Ковыме и на Анадыре реках для великого государя ясачного збору и прииску новых земель и аманатов имал. А служил он, Сенька, в Якутцком остроге сверх государева указного числа, сверх якутцких служилых людей в Енисейском прежнем своем окладе. И в нынешнем во 170 году дано ему, Сеньке, великого государя денежное и хлебное и соляное жалованье на нынешней на 170 год и вперед на 171 годы. Да вперед же дано ему ж, Сеньке великого государя денежное жалованье по его окладу: денег — 5 рублей, а хлебное жалованье не дано, а соляное жалованье и на прошлые годы со 151 году дано в Якутцком остроге.

1662 года июля 21. Из наказной памяти якутского воеводы Ивана Голенищева-Кутузова сыну боярскому Ивану Ерастову, целовальникам Ивану Павлову и Юрию Щепеткину, «да костяные казны Сеньке Дежневу» с выговором за медленное продвижение по Лене и приказом тотчас выйти в дорогу с государевой казной.

Лета 7170 году, июля в 21 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца память сыну боярскому Ивану Яраставу да целовальникам Ивашку Павлову, да Юшку Щепеткину, да костяные казны Сеньке Дежневу. В нынешнем во 170 году отпущен ты, Иван, к великому государю с соболиною казною, к Москве с служилыми людьми наспех, а велено тебе итти днем и ночью, нигде к берегу не приставая. А отпущен ты из Якутцкого острогу июля в 18 день и дано тебе для поспешенья великого государя казны сорок пять человек да илимских и енисейских служилых людей восемь человек в прибавку к якутцким служилым людям к шестнадцати человеком и всего всех шестидесят девять человек. А преж-

ние приказные дети боярские, которые посылаемы по указу великого государя с казною в прошлых годах, Трифан Евсеев да Кузьма Лошаков, а дано им в прибавку к служилым людям промышленные люди по сороку человек. И ты, Иван, забыв великого государя страх и крестное целование, пристал у Коврига для своей бездельной корости. А промышленные люди, которые посланы с тобою, и те сшедши с судов, по кустам поставя майданы, играют зернью, а ты, Иван, того не смотришь, от воровства не унимаешь и с кустов на суды не зазываешь и великого государя казне и поспешенью не радеешь и делаешь не по указу великого государя и не по наказной памяти, какова тебе наказная память от стольника и воеводы от Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова. Да как ты отпущен из Якуцкого острогу великого государя с ленскою казною, милостью божиею и великого государя счастьем подал милосердный погоду по Вас. И ты, добежав до Ковриги, стал для своих прихотей и погодою дале не бежал. А то тебе и самому, Ивану, ведомо, что в Якутском остроге промышленные люди собраны с великими нуждами и боем и посажены к тебе на суды, а больше того в Якутском остроге и по твоей росписи, какову ты прислал, промышленных людей не сыскано. А только промышленных людей в Якутском сыскано, которые идут от торговых людей по покрутным на соболиные промыслы. И с ними, с торговыми людьми, их же покрученники идут до Илимского острогу человек по пяти и по шти на судех. И как тебе, Ивану, ся великого государя память от стольника и воеводы от Ивана Федоровича Большого Голенищева-Кутузова придет, и тебе б, Ивану, тотчас итти великого государя с казною, ни часу нигде не мешкав, вверх Леною рекою со всяким успехом, поделая людей по ровну на оба суды. А будет ты, Иван, сей великого государя памяти не послушаешь и пойдешь Леною рекою великого государя с казною мешкотно, и тебе, Ивану, за то быть от великого государя в жестоком наказанье и в смертной казни. Да ты ж, Иван, с товарищи своими всеу мятешься и затеваешь и говоришь с ними, будто я отпущу с сыном боярским с Петром Ярышкиным да с служилым человеком Епишевым многих промышленных людей. И то Вы говорите, за такую речь по своим прихотям не делом. Будет с Петром Ярышкины и с Семеном Епишевым отпущены сего ж числа из Якуцкого острогу с ними служилые люди, а промышленных ни единого человека. Да в нынешнем же во 170 году

прислана ко мне в Якутской острог от великого государя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца грамота с Леонтием Кетевым, а в той великого государя грамоте написано: за молитвы святых отец подаровал господь бог ему великому государю — царевича Федора Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии, а нам великого государя. И для поспешенья великого государя казны отнял у него Леонтия одинатцать человек промышленных людей, которые у него были наняты и того и сам все видел, как на меня являл таможенной и заставочной голова, что я многих в неволю послал без отпуску и голодны... от Якутцова в малых часах..

1664 года сентября 23. Челобитная ленского казака Семена Иванова Дежнева царю Алексею Михайловичу об открытии «новой землицы» — реки Анадыря, о постройке острожка, сборе ясака с «иноземцев» и о промысле моржовых клыков.

Помета дьяка Сибирского приказа: 173 году, сентябрь в 23 день, выписать.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой великие реки Лены Якутцкого острогу служилой человек Сенька Дежнев. Служил я, холоп твой, блаженные памяти отцу твоему государеву великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси на Яне, и на Индигирке, и на Алазейке, и на Колыме реках, с служилыми и с приказными людьми, з Дмитрием Михайловым да с Михайлом Стадухиным, и в ясачном зборе в вашей великих государей казне учинили великую прибыль. И с Колымы реки поднялся я, холоп твой, морем — проводывать новых рек, и приискал вновь, сверх тех прежних рек, новую реку Анандырь, и на той новой на Анандыре реке, будучи на твоей, великого государя, службе, зимовье и острог поставил, и аманатов поймал, и ясаку тебе, великому государю, и десятыя собрал на той новой реке шесть сороков тритцать девять соболей и пластин соболевых, семь сороков четыре пупка соболевых, пятнатцать пуд тритцать шесть фунт кости рыбы моржевого зубу. Да я ж, холоп твой, с товарищи на Анадыре реке тебе, великому государю, челом ударил два зуба моржевые рыбы кости, весом тритцать два фунта. И с той новой с Анандыря

реки ясак соболи и кость рыба тебе, великому государю, идет и по се число.

А поднимался я, холоп твой, на ту твою великого государя службу, на те новые реки своими деньгами и с своими подъема, а твоего великого государя жалованья мне, холопу твоему, денежного и хлебново и соляново со 151-го году и по 170-й год ничего не дано. И в прошлом, великий государь, во 170-м году в Якутском остроге стольник и воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов твое великого государя соляное жалованье со 151-го году по 170-й год ис твоей великого государя казны мне, холопу твоему, выдал, а денежное и хлебное твое великого государя жалованье для денежной и хлебной скудости на прошлые годы мне, Сеньке, не дано, и о той моей службе к тебе, великому государю, из Якутского острогу писано. И будучи на той твоей великого государя службе, поднимаячи собою, и служба тебе, великому государю, многое время без твоего великого государя жалованья, имаючи иноземцев в аманаты, голову свою складывал, раны великие принимал и кровь свою проливал, холод и голод великий терпел, и помирал голодной смертью, и на той службе будучи, и от морского розбою обнищал и обдолжал великими некупными долги, и в тех долгах вконец погибаю.

Милосердный государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко к тебе, великому государю, и за подъем, и за аманатское иманье, и за раны, и за кровь, и за морские розбои, и за всякое нужное терпенье своим, великого государя, хлебным и денежным жалованьем на прошлые годы со 151-го и по 170 год мой заслуженой оклад сполна...

1665 года февраля 13. Челобитная ленского казака Семена Иванова Дежнева царю Алексею Михайловичу о своей прежней службе в Сибири с просьбой поверстать в сотники по Якутскому острогу.

Помета дьяка Сибирского приказа: 173 году, февраля в 13 день, выписать ево службы из отписок воеводских.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет

челом холоп твой, великие реки Лены Якуцкого острогу служилой человек Сенька Дежнев. Служил я, холоп твой, отцу твоему великого государя, блаженные памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси и тебе, великому государю, — в Сибири по Тобольску и по Енисейску, и по великой реке Лене, и по иным рекам — дватцать лет приказным человеком вместо атамана, и кровь свою проливал, и многие раны принимал, а аманатов поимал, и ясак вновь тебе, великому государю под тех аманатов збирал, и рыбей зуб — моржевую кость проведаль и промышлял, и та моя служба тебе, великому государю, ведома и в Сибирском приказе записана. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль: вели, государь, меня поверстать за свою великого государя службу по Якутцкому острогу в сотники, или как тебе, великому государю, господь бог о мне известит, и вели, государь, мне, холопу своему, про свой обиход купить хлебных запасов про себя пуд ста по три на Ленском волоку по вся годы. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

1665 года февраля 25. Челобитная ленского казака Семена Иванова Дежнева царю Алексею Михайловичу с просьбой отпустить из Устья Великого в Якутск племянника его Ивана Иванова³².

На обороте решение: 173 году, февраля 25 день, велеть ему того племянника своего вести собою в Сибирь на своих подводах, буде он вольной, а не тяглой.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой Сенька Дежнев. В нынешнем, государь, во 173-м году, по твоему великого государя указу волокусь я, холоп твой, в Якутцкой острог, на твою великого государя службу, а племянник мой Ивашко Иванов живет на Устье Великом ни в тягле, ни в посаде — скитаецца меж двор и с женою своею с Татьянкою Григорьевою дочерью. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, того

моего племянника Ивашку с женою его Татьянкою с Устюга Великого взять с собою в Сибирь, в Якуцкой острог, и вели, государь, о том дать свою великого государя проезжую грамоту. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

1668 года не позже июля 12. Отписка атамана казачьего Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Борятинскому с Оленька реки о приходе туда есеевских тунгусов боягирского рода³³.

Помета дьяка Сибирского приказа: 176 года, июля в 12 день, подал служилой человек Сидор Возмищев.

Великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца окольничему и воеводе князь Ивану Петровичю Борятинскому с Оленька реки³⁴ казачей атаман Сенька Дежнев челом бьет. В нынешнем во 176 году пришли на Оленек реку к ясачному зимовью с Есея озера ясачные тунгусы Мангазейского присуду боягирского роду Баликан с товарищи по прежнего своего полоненного холопа Узона, потому что в прошлых годах оне, боягирского роду тунгусы, громили ясачных тунгусов озьянского роду: ево узонова отца с родом побили и ево Узона взяли в полон. И в прошлом во 175 году он, Узон, от них, боягирских тунгусов, пришел к ясачному зимовью и ясак с себя заплатил, и живет у братии своей на Оленьке, а у них боягирских тунгусов в холопах жить не хочет потому, что от служилых людей Мангазейского города бывает им тунгусом изгоня большая, ис своих нажитков бьют батоги и насмерть. И принесли оне, боягирского рода тунгусы, ко мне от них, от служилых людей, грамотку о том мужике. И он, Баликан, в роспросе мне сказал, что де нам, тунгусом, те служилые люди ево, Узона, велели имать за боем и за дракой, буде не учнут давать. И аз при нем тое грамотку у тех тунгусов и скаску послал под сею отпискою в съезжую избу к тебе, окольничему и воеводе князь Ивану Петровичю, а ево, Узона, без указу великого государя и без твоего приказу отдать им тунгусом не посмел. И он, Узон, бил челом великому государю, а мне, Сеньке, в ясачном зимовье на Оленьке реке подавал челобитную, чтоб ево Узона не отдать, потому что боитца он, Узон, смертного убойства и от них, служилых людей, повешенья. И о том о всем что ты окольничий и воевода князь

Иван Петрович укажешь? И челобитную ево, Узонову, я, Сенька, послал в Якутской острог.

1668 года июля 12. Отписка оленекского приказчика казачьего атамана Семена Дежнева якутскому воеводе Ивану Борятинскому о сборе ясака на реке Оленек и других делах.

На обороте помета дьяка: 176 года, июля в 12 день, подал служилой человек Федор Возмищев.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя России самодержца указу, по приказу окольничья князь Ивана Петровича Болятинского послан из Якутского острогу атаманишко казачей Сенька Дежнев служилыми людьми на Оленек реку для великого государя ясашого збору к тынгусам и к якутам. И будучи, Сенька Дежнев служилыми людьми собрал на великого государя с ыноземцов, с тынгусов и якутов, три сорока дватцать семь соболей и выслал тое государеву казну служилыми людьми Сидором Емельяновым да с Ивашком Аргуновым в Якуцкой острог к окольничью князь Ивану Петровичу Болятинскому. И я, Сенька, остался на Оленьке реке с аманаты, с тремя человеки, с тынгусами в Оленском зимовье. И живучи служилыми людьми, и помираем голодною смертью. Что дано нам, холопам, хлебного жалованья понемногу, и что взяли, и тем долги платили. А ныне живем, не зная ни среды, ни пятницы, души свои скверним, всякою скверность принимаем. Что дано, то все съели, а впредь не знаем, чем питаца на твоей государеве службе. Да я ж, атаманишко Сенька Дежнев, посылал в Мег³⁵ и для государева ясашого збору двух служилых людей. И ходили пеши в Мег вверх Оленька реки и ходили десять недель. А ясак взял в Жиганех Ортемий атаман Петриловский со всех и отписи дал за своею рукою.

1668 года августа 3—7. Дело об отпуске жены Семена Иванова Дежнева на реку Оленек.

На обороте решение Якутского воеводы: 176 году, августа в 3 день, отпустить к мужю на Оленек.

а) Челобитная Кантеминки Архиповой³⁶ с просьбой отпустить ее к мужю.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом сирота твоя атамана казачья Семена Дежнева женишко ево Кантеминка Архипова дочь. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй меня, сироту свою, вели, великий государь, меня на Оленек к мужю своему отпустить. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

б) Наказная память якутского воеводы Ивана Борятинского казачьему десятнику Василию Дуракову, едущему на реку Оленек, с приказанием взять с собой Кантеминку Архипову.

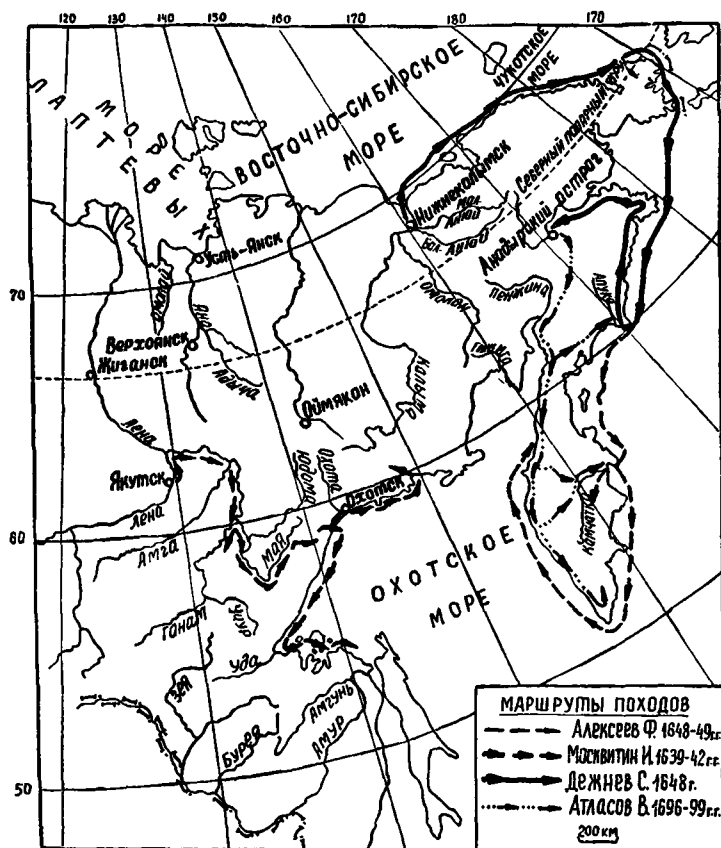
Лета 7176 году, августа в 7 день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца память десятнику казачью Ваське Дуракову. В нынешнем во 176 году, августа в 3 день, была челом великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу, а в Якуцком остроге, в съезжей избе окольниковому и воеводе князю Ивану Петровичу Борятинскому атамана казачья Семена Дежнева жена ево Кантеминка Архипова дочь подала челобитную, а в челобитной ее написано, чтоб великий государь ее пожаловал велел отпустить на Оленек реку к мужю ее. И по указу великого государя, она, Кантеминка, из Якуцкого острогу на Оленек реку к мужу своему отпущена.

1669 года июля 23. Дело по челобитной казачьего атамана Семена Иванова Дежнева царю Алексею Михайловичу о выдаче жалованья.

На обороте решение воеводы и помета дьяка: 177 года, июля в 23 день, выдать. Правил Мишка Ушинский.

а) Челобитная казачьего атамана Семена Дежнева.

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьет челом холоп твой, атаманишко казачей Сенька Деж-

Маршруты походов первопроходцев

нев. Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя и белая Росии самодержец, пожалуй меня, холопа своего, своим великий государь, денежным жалованьем на нынешней на 177 год, вперед на 178 год. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

б) Выписка съезжей избы по челобитью.

И против сего челобитья выписано: по расходной денежной книге нынешнего 177 году великого государя денежного жалованья оклад: денег 9 рублей, не дано на нынешней на 177 год атаману казачьему Семену Дежневу. А ныне

он, Семен, наряжен великого государя на службу, на Вилюй, в Среднее зимовье.

И великому государю атаман казачей Семен Дежнев бьет челом, чтоб великий государь пожаловал ево своим государевым денежным жалованьем на нынешней на 177 год и для вилюйской службы вперед на 178 год, на два годы.

1670 года не позже июля 20. Память якутского воеводы князя Ивана Борятинского казачьему атаману Семену Дежневу о доставке в Москву ясачной соболиной казны и мягкой рухляди с именной росписью провожатых.

На обороте: Атаман казачей Семен Дежнев наказную память и подорожную взял, по его велению, казак Пронька Дудин руку приложил. Начала нет.

...атаману Семену Дежневу с товарищи. В нынешнем во 178 году отпущено с великой реки Лены Якутского острогу к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу к Москве великого государя ленская Якутского острогу ясачная и поминочная и десятинная и неокладная соболиная казна и всякая мяхкая рухлядь збору нынешнего 178 году и доимочная прош(лых лет) в ящике деревянном, да в сороки семи сум(ех) в оленьих и в яловичных, да в дватцати в пяти мехах холщевых великого государя за печатью Якутского острогу. А для береженья в провожатых за тою великого государя казною до Москвы даны ему, Семену, Якутского острогу служилых людей 9 человек. Да с той же великого государя казны ныне у приему и на Москве для отдачи посланы с ним же, Семеном, два человека целовальников торговых людей. Да с ним же послано камень и жемчуг. И ему, Семену, ехать из Якутского острогу вверх Леною рекою днем и ночью наспех, нигде не мешкая, с великим береженьем и ото всяких воровских людей от иноземцев и братских людей оберегатца. А караулом велеть быть днем и ночью, чтоб та великого государя соболиная казна довести в целости. А как ты, Семен, с тою великого государя казною Леною рекою придешь на усть Куты реки, и итти Куютою и Купую реками в тех же дощаниках до усть Муки реки; и пришед на усть Муки реки, взять подводы под казну великого государя у ямщиков по подорожной и ехать через Ленский волок в Илимский острог.

А идучи, тебе, Семену, через волок великого государя казны досматривать, чтобы сысподи грязью, а сверху возжем не подмочило и порухи не учинило. А приехав, тебе, Семену, в Илимской острог, у воеводы у Силы Оничкова взять суды и подводы по подорожной и плыть в Енисейской острог. А приплыв тебе в Енисейской острог, у стольника и воеводы у Кирила Яковлева взять по подорожной под ту великого государя казну подводы и провожатых и ехать в Маковский острожек, не мешкая нигде; и в Маковском острожке тое великого государя соболиною казну, поклачи в дошаник, на чем бы великого государя казна поднять можно, и весть от воды надежно и безстрашно, плыть с тою великого государю казною Кетью рекою до Кетцкого острогу, а от Кетцкого острогу до Оби реки и Обью рекою до Нарыму, и до Сургута, и до Иртишского устья, вверх по Иртишу и в Тоболеск, а ис Тобольска до Тюмени и до Туринского острогу, и до Верхотурья, и с Верхотурья через Верхотурский волок к руским городам и до Москвы, великого государя с Ленскою казною ехать потому ж наскоро днем и ночью безо всякой мешкоты. А подводы тебе под ту великого государя казну иметь по подорожной и за тою великого государя казною провожатых иметь от города до города поскольку человек пригоже. А едуци дорогою, в городех и в слободах, и в селях, и в деревнях на дворах, и на станех великого государя с казною стоять с великим береженьем, и караулы б у великого государя у казны были непрестанно днем и ночью, чтоб великого государя казне порухи никакой не учинилось. А едуци тебе, Семену, над якуцкими служилыми людьми смотреть и беречь накрепко, чтоб они в городех и в селех, и на ямах, и по слободам не воровали и по кабакам не пили и не бражничали и зерною и карты не играли и дурна никакого не чинили. А буде хто ис тех служилых людей с тою великого государя казною едуци, к великому государю, к Москве по городам и по ямом, и по слободам, и по селам и по деревням учнут пить и бражничать и воровать, и грабить кого, и зерною и карты играть, и тебе, Семену, тех служилых людей ото всякого дурна унимать и наказание им чинить, смотря по винам. А ехать к великому государю, к Москве неоплошно, наскоро, безо всякого мотчанья, не мешкая. А будет ты, Семен, великого государя с казною поедешь мешкотно и оплошно и тою твоею оплошкою великого государя над казною учинитца какая поруха и в проезде мешкота, и тебе, Семену,

быть от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца в жестоком наказанье и в смертной казни.

Роспись служилым людям, которые посланы к великому государю, к Москве за ево великого государя соболиною казною в провожатых с атаманом казачьем с Семеном Дежневым:

Нефедка Стадухин
Безсонко Васильев
Микифорко Васильев
Ивашко Аристархов
Ивашко Оконничник
Ганька Иванов
Пронька Дудин
Стенька Насонов
Сидорко Бовыкин

1671 года. Отписка из Енисейска казачьего атамана Семена Иванова Дежнева якутскому воеводе Якову Волконскому с дороги в Москву³⁷.

На обороте помета: 179 году, июня в 3 день, подал отписку десятник казачей Данило Михайлов.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца воеводе князь Якову Петровичу да дьяку Степану Микитичю атаман казачей Сенька Дежнев челом бьет. В нынешнем, государь, во 179 году посланы мы, холопи государевы, за ево государевою казною к Москве. И дано нам, холопам государевым, с волоку судно большое, а людей к нам в провожатые с Ылимского волоку не дано. И нам, холопам государевым, то было судно дано не в силу. Судом божьим ветры стали противные. И мы вниз реки тянулись бечевою и дале Енисейского острогу не могли поспеть. А хлеб, государь, в Енисейском стал дорог — пуд муки купят з гривною по десяти. А паруса я изпорол в малые лоскутья на волоку для соболиные кровли и тот я парус отдал в отдачу на волоку весь сполна.

1681 года не позже августа 9. Челобитная³⁸ промышленных людей царю Федору Алексеевичу о своих долголетних службах в Анадырском острожке с просьбой освободить от несения караулов и позволить приехать в Якутский острог.

На обороте: К сей челобитной вместо промышленных людей Проньки Ярофеева, Савки Ва-

сильева, Фомки Семенова, Ивашка Фомина, Панфилка Лаврентьева, Нехорошка Панфилова, по их веленью Ивашко Анкудинов руку приложил, к сей челобитной отца своего Кирилка Стефанова, Морозка Малафеева (2) Дружинка Алексева, Яковки Офонасьева, Олешки Мелентьева, Петрушки Шукина, по их веленью, и за себя Ефимко Кирилов (Меркурьев) руку приложил.

Царю государю и великому князю Федору Алексеевичю всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцу бьют челом сироты твои промышленные люди: Кирюшка Стефанов, Петрушка Аникиев Шукин, Мишка Малафеев, Васька Алексеев, Ларька Логинов, Панко Лаврентьев, Фомка Семена, Ивашка Савин Прикол, Пронька Ерофиев, Якунька Игнатьев, Нехорошко Григорьев, Савка Васильев, Ивашко Фомин, Васька Фомин, Нехорошко Панфилов, Ефимков Кирилов, Ивашко Григорьев, Пашко Леонтьев, Максимка Семенов, Якунька Афонасьев. В прошлых, великий государь, годех пришли мы, сироты твои, на Анадырь реку в та поры, когда не было на Анадыре реке твоих великого государя аманатов и приказные люди прежде нас, сирот твоих, на ту реку не бывали. И как стали приходить по твоему великого государя указу приказные люди на Анадырь реку, и нас, сирот твоих, они, приказные люди, стали иметь ходить в поход. И мы, сироты твои, с ними, приказными людьми, тебе, великому государю, на Анадыре реки служим с воды и с травы. И они, приказные люди, нас, сирот твоих, с Анадыря реки не выпускают для ради безлюдства. И караулы мы, сироты твои, у твоей великого государя казны и у аманатов караулим потому ж против служилых людей и тягло всякое и потуги платим и аманатские кормы кладем. И оттого мы, сироты твои, обнищали и погибли до конца, и жен и детей своих изохолопили в вечное холопство; и в прежние годы тебе, великому государю, с себя оброки платили и пятинные деньги давали. Милосердный государь царь и великий князь Федор Алексеевич всеа великия и малыя и белыя Росии самодержец, пожалуй нас, сирот твоих, вели, великий государь, в Анадырском острожке свободить от караулов и выпускать нас, сирот своих, из Анадырского острожку и вели, великий государь, сю нашу челобитную послать под отпискою в Якутцкой острог. Царь государь, смилуйся.

СПИСОК ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ УЧАСТНИКОВ МОРСКОГО ПОХОДА С. И. ДЕЖНЕВА ЛЕТОМ 1648 ГОДА

Люди Федота Алексеева: Никита Прокофьев, Третьяк Евсеев, Артемий Федоров, Леонтий Семенов, Лука Алимпиев, Урус Александров, Тимофей Игнатьев, Филимон Александров, Насон Козмин, Осип Никифоров, Третьяк Назаров, Кирилл Иванов, Федор Иванов, Чюдин Мартынов, Ивашко Осипов, Дмитрий Вятчанин, Панфил Иванов, Иван Осипов, Мирон Иванов, Богдан Анисимов, Тимофей Мясин, Михаил Шабakov, Никита Федоров, Осташ Кудрин, Дмитрий Яковлев, Максим Ларионов, Юрий Никитин, Василий Федотов, Емельян Стефанов.

Люди Афанасия Андреева и Бессона Астафьева: Иван Нестеров Окруженин, Петр Кузмин Усолец, Елфим Меркурьев, Фома Семенов и Роман Иванов — мезенцы, Борис Иванов Устюжанин, Кирилл Лаврентьев Чердынец, Алексей Афанасьев Мелентьев.

Люди с коча С. И. Дежнева: Кирилл Стефанов, Петр Аникеев Шукин, Михаил Малафеев, Василий Алексеев, Ларион Логинов, Панфил Лаврентьев, Иван Савин Прикол, Прокофий Ерофеев, Яков Игнатьев, Нехороший Григорьев, Савва Васильев, Василий Фомин, Ефим Кириллов, Нехороший Панфилов, Иван Григорьев, Павел Леонтьев, Максим Семенов, Яков Афанасьев.

Руководители похода: Ф. Алексеев, С. И. Дежнев, Афанасий Андреев, Бессон Астафьев.

Имена тридцати промышленных людей и казаков, пошедших на коче вместе с Герасимом Анкудиновым, остались неизвестными.

КОММЕНТАРИИ

¹ Якутский воевода Петр Головин принял на Лене казаков, присланных на службу из Енисейского острога. Среди этих служилых людей был и Семен Иванович Дежнев. С 1640 г. Семен Дежнев стал служить в Ленском остроге.

² Годовое казачье жалованье равнялось 5 рублям, 5¹/₄ ржи, 4 четвертям овса и 1¹/₂ пуда соли. Жалованье для казаков присылалось из тех городов, за которыми они числились (Томск, Тобольск, Мангазея, Енисейск, Красноярск). Так, «енисейская присылка» означала присылку из Енисейска хлеба и денег для раздачи казакам.

³ Наказной памятью в XVII в. на Руси называли своего рода инструкции, позднее — указы, которые вручали исполнителю.

⁴ Ясак — дань, принудительная подать, установленная законом и собиравшаяся с «инородцев» Сибири. В Сибири ясак существовал задолго до присоединения к России. Присоединяя земли недавно подвластные татарским и монгольским завоевателям, русские как бы «перевели на себя ясаки», до тех пор улачиваемые их предшественникам.

⁵ «Иноземцами» русские в XVII в. называли сибирские племена, а также всех приезжих, нерусских.

⁶ Этот документ — свидетельство участия русских в примирении родоплеменных вождей, которые вели между собой войны за захват лучших угодий. Царские воеводы пресекли раздоры и установили правовой порядок, принятый в Русском государстве XVII в., в целях успешного сбора ясака. Участие С. И. Дежнева в примирении враждующих сторон характеризует его как человека умного и высокоморального.

⁷ *Проезжая грамота* — таможенный пропуск, который получали торговцы после «объявления», регистрации своих товаров и уплаты за них пошлины.

⁸ Федот Алексеев Попов был холмогорец, приказчик крупного купца Алексея Усова. Фактически он был главою экспедиции С. И. Дежнева вдоль берегов Чукотского полуострова. Летом 1641 г. Ф. Алексеев приехал в Енисейск, а в следующем году был в Якутске, откуда отправился с другими торговыми и промышленными людьми на Оленек. Этот поход возглавил казак Иван Ребров и целовальник, торговый человек Андрей Дубов. К лету 1647 г. Алексеев прибыл на Колыму и принял участие в первом неудачном походе с С. Дежневым на Анадырь, а в следующем году — во втором историческом походе вокруг Чукотского полуострова. После того как отряд миновал Берингов пролив, коч Алексеева попал в бурю и был отнесен к берегу Камчатки. Во время похода Атласова по Камчатке (1697—1699 гг.) камчадалы передавали ему, что много лет назад при впадении реки Никулы, или Федотовки, в Камчатку жил некто Федотов с товарищами, это мог быть сын Федота Алексеева; сохранились также свидетельства о «бородатых» людях, которые жили на Аляске (см. сообщение Кобелева). Не исключено, что это были товарищи Алексеева. Американские археологи обнаружили на Аляске остатки рубленых изб, построенных в русской манере XVI—XVII вв. Обнаружение этих изб, рассказы индейцев Аляски о живших здесь бородатых белокурых людях дают основания предполагать, что, возможно, это были занесенные бурей к северным берегам Аляски спутники Дежнева.

⁹ *Проезжая грамота* Федота Алексеева и Луки Васильева — документ об оживленной русской торговле на северо-востоке, которая способствовала развитию производительных сил и культуры сибирских племен.

¹⁰ Челобитная С. И. Дежнева — свидетельство того, что до своих походов на северо-восточные реки он состоял в браке с якуткой Абакаядой Си-чю. Из документа видно, что С. И. Дежнев имел небольшое хозяйство, оставленное на попечение якута Манякуя. На Лене был широко распростран такой порядок, что, когда казаки уходили в поход, свое имущество отдавали под охрану в соседние якутские улусы. Оставлялись на попечение якутов и казачьи семьи до возвращения в Якутский острог, как это было с семьей С. И. Дежнева.

¹¹ Аломунский князец Чюна — глава эвенкийского племени. Князец Чюна сопровождал Михаила Стадухина на Индигирку, затем он был доставлен в Якутск, где дал ценные показания о реке Охоте. В 1646 г. Чюна провел на эту реку отряд якутского казака Семена Шелковникова, который построил там первый острог.

¹² «Воровство» — т. е. нарушение существующих законов. Семен Дежнев жалуется в челобитной на Герасима Анкудинова, который нарушил правопорядок и должен быть наказан. Еще в 1642 г. Анкудинов без разрешения воеводы «бежал» с реки Яны на северо-восток и, живя на Колыме, занимался грабежами торговых людей; он хотел «побивать и животы грабить» на реке Анадырь, куда должен был ехать Семен Дежнев.

Впоследствии Анкудинов пристал к каравану С. Дежнева. У Большого Чукотского Носа его судно разбилось. С. Дежнев принял «разбойных людей» на свои суда. О дальнейшей судьбе Анкудинова известно, что вместе с Алексеевым его выбросило на берег Камчатки.

¹³ Иван Баранов рассказывает о челобитной в своей попытке пройти по морю к реке Анадырь летом 1647 г. В это же время Ф. Алексеев и С. Дежнев проявили подобную инициативу. Баранов рассказал о своем участии в походе Ф. Алексеева и С. Дежнева.

¹⁴ К Русе — т. е. в Россию.

¹⁵ Поход Михаила Стадухина вдоль берегов Чукотского полуострова на Анадырь состоялся через год после плавания С. Дежнева. Конечной точкой Стадухина был мыс Шелагский.

Михаил Васильевич Стадухин — основатель Нижнеколымского острога, выходец из пинежских торговых людей. В 1630 г. он был направлен на Лену с одним из первых отрядов енисейских казаков, в 1633 г. возглавил поход из Якутска на реку Вилюй, в 1641—1645 гг. — на реку Колыму (по Индигирке и морем). В 1647 г. М. Стадухин сухим путем прошел с Колымы на Анадырь, осмотрел берега Охотского моря и составил «чертеж» этого пути. В 1650—1653 гг. с отрядом служилых людей совершил сухопутный переход: Анадырь — Оклан — побережье Охотского моря; в 1657 г. прибыл с отрядом в Охотск, в 1659 г. вернулся в Якутск.

¹⁶ Промышленному человеку Юрию Селиверстову, который ходил вместе со Стадухиным в море, поручили отвезти «костяную казну» в Якутск, а сам Стадухин в это время направился по суше на Анадырь.

¹⁷ Спасская кость — кость, пожертвованная промышленниками и казаками Якутскому Спасскому монастырю.

¹⁸ Бугор Василий Ермолаев — енисейский казачий десятник, «охочий промышленный человек». Летом 1647 г. вместе с товарищами поднял бунт против якутского воеводы Василия Пушкина. Одним из предлогов восстания был отказ воеводы об отпуске казаков на новую реку Анадырь. Восставшие захватили у торговых людей «воеводские суды» и бежали в низовые реки Лены, а оттуда на Яну, Индигирку и Колыму. В 1649 г. В. Бугор со своими товарищами ходил со Стадухиным по морю на Анадырь. Позднее В. Пушкин потребовал присылки Стадухина и других казаков для расправы в Якутск, но С. Дежнев, с которым они служили на Анадыре, ответил отказом на требование воеводы.

¹⁹ В этой челобитной С. И. Дежнев яснее, чем в других своих челобитных, рассказывает о морском походе с Колымы вокруг Чукотского полуострова «по великому морю-окияну». Настоящую челобитную С. Дежнев послал с казаком Данилой Филипповым, который вез с собой «для опыту» пуд моржовой кости, добытой Дежневым в устье Анадыря.

²⁰ В документе подробно изложен поход Ю. Селиверстова с Лены на Колыму, затем на Анадырь и его служба с С. И. Дежневым. В этой отписке проскальзывает неприязненное отношение завистливого Селиверстова, составившего исключение в дружной среде казаков. Он пытается создать впечатление, что С. Дежнев и его товарищи грубо нарушают существующий порядок, не платят казне пошлин и т. д., таким образом сокращая казенные доходы. Подобными подозрениями и наветами Селиверстов, очевидно, хотел добиться того, чтобы С. Дежнева отозвали на Лену, а он остался бы полным хозяином на Анадыре. Но случилось наоборот. Селиверстову пришлось покинуть Анадырь.

²¹ Мотора Семен Иванов, казак, служил на Лене с первых лет ее открытия. Зимой 1650 г. Мотора отправился на Анадырь и служил с С. Дежневым. Однако, по сообщению беглого служилого человека Ивана

Пинеги, Мотора летом 1648 г. совершил поход «за Камень», скорее всего, за Аноийский хребет, на Анадырь.

²² *Заморная кость* — клыки моржей, долгое время пролежавшие в земле.

²³ Люди, упомянутые Селиверстовым, примыкали к группе восставших летом 1647 г. против якутского воеводы В. Пушкина. Как уже указывалось, С. И. Дежнев отказался выдавать своих товарищей.

²⁴ *Корга* — морская отмель; здесь — коса Русская Кошка, расположенная в устье реки Анадырь и прикрывающая вход в реку с моря.

²⁵ *Шиверы* — речные пороги.

²⁶ *Сувой* — волнение в море от столкновения встречных течений при начале прилива.

²⁷ *«Зубатые» люди* — это эскимосы, «зубатыми» их называли чукчи из-за своеобразного украшения в виде втулки или округлой бляшки из кости или моржового зуба, которую они носили в прорезах нижней губы. Во время еды втулки иногда снимали.

²⁸ *Святой Нос* — в данном случае мыс Шелагский.

²⁹ *Река Мая* — правый приток Анадыря, при разветвлении образует Малый и Большой Аим.

³⁰ *Езы* — забор из кольев на реке, к которым прикрепляют конусообразные ловушки для рыбы.

³¹ С. Дежнев переехал с Анадыря на Колыму в 1660 г. и просил приказчика Ивана Ерастова направить «костяную казну» своего промысла в Якутск. Однако едущие на Лену торговые люди отказались погрузить моржовые клыки Дежнева на свой коч, ссылаясь на его ветхость. Через год, следующим летом, вместе с Иваном Ерастовым Дежнев вышел в море. На другом коче плыл колымский целовальник Степан Журливый. Вблизи Святого Носа коч Ерастова попал в лед, а затем его прижало к земле, однако Журливый, успевший миновать опасное место, не помог товарищам, помня враждебные отношения с Ерастовым на Колыме. Однако благодаря большому опыту мореходов им удалось вывести коч в море, и к апрелю 1662 г. «костяная казна» была доставлена по Лене в Якутск.

³² Эта челобитная едва ли не единственный документ, косвенно указывающий место происхождения С. И. Дежнева. Но определенно сказать о его месте рождения по этому документу нельзя. Племянник Дежнева, Иван Иванов, принадлежал к разряду гулящих, бездомных людей. В переписных книгах Устюга Великого фамилии Дежнева нет.

³³ В начале 20-х гг. XVIII в. Иван Ребров открыл устье реки Оленек, однако долгое время внимание к этим местам воеводы не проявляли. После прихода мангазейских казаков на реку Анабар положение изменилось. Сибирские власти разделили весь Анабарско-Оленекский район на две части. Тунгусские племена оказались также поделенными: есеевские тунгусы (около озера Ессей) попали под власть Мангазеи, оленекские — под власть Якутска. Воеводы этих городов ссорили племена друг с другом под предлогом полного сбора ясачной казны. Атаман С. Дежнев уже не в первый раз выступил против разжигания межплеменных распрей. Он предотвратил столкновение боягиров с оленекскими тунгусами.

³⁴ После возвращения из Москвы Дежнев служил на реке Оленек в 1666—1668 гг.

³⁵ *Кантеминка Архипова* — видимо, вторая жена С. Дежнева, которая получила при крещении новую русскую фамилию, сохранив свое старое якутское имя. В Якутии при переходе в православие такие случаи были

часты. Первая жена С. Дежнева Абакайда Сичю осталась в доме якута Манякуя летом 1641 г. перед его походом на реку Оймякон. Сын С. Дежнева, Любим, родился от первого брака. Любим Дежнев поступил на службу и стал казаком вскоре после смерти отца. Он прослужил до конца 80-х гг. XVII в. Известно, что вместе с Владимиром Атласовым Любим Дежнев служил приказным человеком на реках, впадающих в Охотское море: Охоте, Улье, Уде, Учуре. От второго брака был сын Афанасий.

³⁷ Отписка еще раз подтверждает трудности сибирской службы русских казаков. Путь до Ленского волока Дежнев преодолел за два месяца. Дождаясь вскрытия реки Верхняя Тунгуска, зиму 1670/71 г. он провел в Илимске. Весной воевода Сила Аничков дал Дежневу судно, а в конце декабря, после полутора лет путешествия через всю Сибирь, отважный мореход прибыл в Москву.

³⁸ Челобитчики, промышленные люди Анадырского острога, Фома Семенов Пермяз, Алексей Мелентьев и Ефим Меркурьев — участники похода С. И. Дежнева. Ефим Меркурьев и Фома Семенов находились на судне С. И. Дежнева и после кораблекрушения пришли на Анадырь. Остальные челобитчики, скорее всего, также участники исторического похода. Заявление дежневцев о том, что они первые достигли реки Анадырь, еще раз подтверждает сообщение С. Дежнева об открытии им этой реки. Публикуемые материалы убедительно свидетельствуют, что С. И. Дежнев первый обогнул Чукотский полуостров и открыл пролив из Ледовитого океана в Тихий.

«Скаски» Владимира Атласова

Владимир Владимирович
Атласов

Владимир Владимирович Атласов — сын якутского казака — был зачислен на службу в день смерти своего отца, 3 июня 1682 г. Известно, что к этому времени Владимир Атласов был женат на некоей Степаниде Федоровне. Он был грамотным казаком, и уже в августе 1682 г. его послали на «двухгодичную службу» на реку Учур (правый приток Верхнего Алдана) в должности «подъячего». В январе этого же года Атласов вернулся с ясаком и известиями об обнаружении слюды. В августе 1684 г. В. Атласов снова в качестве подъячего был послан на далекую реку Уду, где было мало «прокорму», поэтому пришлось взять «добрые запасы». Но по пути с Атласовым и его товарищами случилось несчастье. На них напал казак Ларион Дурнев и забрал большую часть продовольствия. На Уде после этого пришлось жить впроголодь. Тогда же Атласов побывал на реке Хамун (Амгунь). В это же время до Удского острога дошли сообщения о том, что готовится нападение на Албазин и Удский острог. Сообщение поручили доставить в Якутск В. Атласову, дав в помощники трех казаков, среди которых был сын С. Дежнева Любим, а также Тимофей Борисов и Андрей Ципандин, ставший вскоре «начальным человеком» Анадырского острога. В Якутске Атласов пробыл год, в это время (1684 г.) у него родился сын Иван.

В августе 1687 г. В. Атласов сопровождал отряд казаков на Уду, вернулся в Якутск, добился выделения в Якутске отдельного двора и огорода. До этого он жил в отцовском доме с братьями Иваном и Григорием.

В 1687 г. новый воевода Якутска Петр Зиновьев поручил Атласову вести борьбу с самогонщиками и неплательщиками ясака. Молодой казак рьяно принялся за выполнение поручения и явно перестарался, особенно со сбором недоимок. За рукоприкладство воеводе пришлось завести на Атласова специальное дело, и по его решению Атласов был публично порот «на козле». В 1691 г. В. Атласов впервые отправился на далекий Север, а летом следующего года принял участие в походе анадырского приказного Семена Чернышевского к восточным чукчам. Во время похода русские собирали новые сведения о землях восточных чукчей, а также особенно ценные сообщения об Аляске, об «острове», на котором живут иноземцы (эскимосы), которые «говорят своим языком и приносят соболи худые, подобно зверю хорьку». В августе 1694 г. Атласов снова оказался в Якутске, доставив туда партию пушнины. Тогда-то он и поведал якутскому воеводе И. М. Гагарину о том, что из Анадырского острога можно организовать походы с целью изучения «новых земель». Рассказ произвел впечатление. В. Атласов решил этим воспользоваться и попросил воеводу поверстать его в пятидесятники. Просьба Атласова была уважена 14 октября 1694 г. В августе следующего года он был официально назначен новым приказным Анадырского острога. На место службы он смог добраться лишь в конце апреля 1696 г. Здесь Атласов узнал, что на далекую Камчатку совершили поход Лука Семенов, Мороска Старицын. Они сообщили много интересных сведений о Камчатке.

В свой поход В. Атласов взял из Анадырского острожка 65 русских казаков, промышленных людей и 60 юкагиров. Начался поход неудачно. Не зная, что еще в 1696 г. на севере Камчатки Михаил Зиновьев Многогрешный уже собирал ясак с коряков, Атласов стал собирать его вторично. Коряки послали жалобу приказному Анадырского острожка Григорию Постникову, которого прислали на смену Атласову. Постников решил отозвать Атласова, но уже не смог нагнать его. Отношения с участниками похода складывались у Атласова сложно. Он восстановил против себя не только местных коряков, но и юкагиров, которые участвовали в походе. В результате юкагиры убили и ранили несколько человек. Таким образом, в 1697—1698 гг. у Атласова создалось сложное положение. Сознвая опасность отшщения, Атласов не спешил возвращаться назад на Север и решил сосредоточить свое внимание после похода

к олюторским корякам на южной части Камчатки — на землях камчадалов (ительменов) и курилов (камчатских айнов). Именно здесь он и проявил особую наблюдательность, снискав себе славу первого исследователя Камчатки.

Оправившись от ран, Атласов налегке отправился в Якутск. От обязанностей доставки пушнины его освободили. Донесения Атласова были так поразительны, что в июне 1700 г. его вместе с другими казаками отправили в Москву. 14 февраля 1701 г. Сибирский приказ выдал В. Атласову жалование и покрыл часть путевых издержек. В конце февраля большой обоз Атласова из 18 подвод покинул Москву. Тогда же из столицы в Якутск была послана грамота о верстании в казачьи головы В. Атласова и посылке его с казаками в Камчатскую землю. Но на Камчатку Атласов попал не скоро. Роковую роль в его жизни сыграло разрешение закупить в Сибири за счет казны товаров на сто рублей. Узнав, что на Ангару идет торговый караван умершего московского купца Добрынина, Атласов решил самовольно забрать из этого каравана товаров на указанную сумму рублей. И хотя он составил подробный список изъятых товаров, его обвинили в «разбое» и на несколько лет задержали в Якутске. Следствие закончилось мирно. Атласов был освобожден и даже не разжалован и остался «казачьим головой».

На Камчатку Атласов вернулся со своей женой Степанидой Федоровной, с полномочиями камчатского приказного. Но, испытав на себе в Якутске жестокости, он начал править сурово. Своим грубым поведением Атласов способствовал тому, что на Камчатке в 1707—1711 гг. прокатилась волна казачьих восстаний, в результате которых он сам же стал жертвой. В январе 1711 г. восставшие казаки пришли к нему ночью с фальшивой грамотой, и когда он наклонился к свече, чтобы прочитать ее, то был убит ударом ножа в спину.

Первая «скаска»

Вл. Атласова*, 1700 года

«208 году, июня в 3 день, явился в Якутцком в приказной избе, перед стольником и воеводою Дорофеем Афа-

* Печатается по: Оглобин Н. Н. Две «скаска» Вл. Атласова об открытии Камчатки//Общество истории и древностей российских. Чтения. М., 1891. Кн. 3.

насьевичем Траурнихтом да перед дьяком Максимом Романовым Якутский пятидесятник казачей Володимер Отласов и сказал:

В прошлом в 203 году, по указу великого государя, посылан был он Володимер с служилыми людьми за Нос в Анадырское зимовье, для государева ясачного сбора. И собрав казну великого государя в Анадырском с ясачных Юкагирей на 205 год, выслал в Якуцкой город с служилыми людьми. И после ясачного платежа, в том же 205 году, по наказной памяти, пошел он Володимер из Анадырского на службу великого государя для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскую высокосамодержавную рукою в ясачном платеже не бывали. А служилых де и промышленных людей ходило с ним Володимером 60 человек, да для соболиного промыслу Анадырских ясачных юкагирей 60 человек.

И шли де они из Анадырского чрез великие горы на оленях полтретьи недели и наехали подле моря к губе Пенжине реке в Акланском и в Каменном и в Усть-Пенжинском острожках неясачных сидячих пеших коряк¹ человек ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служивыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи. А бою де у них с ними не было, потому что по государственной учaste (sic) учинились они неясашные коряки покорны.

А ружье де у них — луки и копье, и начального человека они над собою не знают, а слушают который у них есть богатой мужик. А товары де надобны им — железо, ножи и топоры, и палмы (?), потому что у них железо не родитца. А соболей де у них на устье Пенжины реки нет, а питаютца они рыбою, и аманатов не держатца.

И от тех де острогов поехал он Володимер с служилыми людьми в Камчатцкой нос, и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатцкого носа, по скаскам иноземцев — вожей, пошли они чрез высокую гору и пришед к Люторским острогам, к иноземцам к люторам, и по наказной памяти под царскую высокую руку призывал ласкою и приветом, и призвав их немногих людей и в ясак писал с них лисицы. А промышляют де они те лисицы себе на одежду близ юрт своих, а соболи де от них по горам недалеко белые, и соболей де они не промышляют, потому что в

соболях они ничего не знают. И русские люди у них прежде Володимерова с товарищи приезде никто не бывали, для того они соболей не прмышляли. И бою де у них с ними никакова не было, а ружье де у них лук и стрелы костяные и каменные, а железа у них нет и не родитца, а опричь железново — ножей и палем и копей — иного они ничего у них не берут. А аманатов де своих они не держатца-ж.

И от того острожка отпустил он Володимер 30 человек служилых людей да 30 юкагирей подле Люторское море для проводыванья той земли и островов и для призыву под царскую высокосамодержавную руку вновь неясачных людей с ясачным платежем. А сам де он Володимер с достальными служилыми людьми и юкагирами пошли подле Пенжинское море к Камчатке и к иным рекам.

И недошед Камчатки реки наехали неясачных оленых коряк 2 юрты, и ласкою их под царскую руку призывал, и они ясаку великому государю платить не стали и грозили их побить всех. И он де Володимер, поговоря с служилыми людьми, громил их и побил.

И после того ясачные юкагири Почина с родниками послали от себя к родником своим Кому с родниками юкагиря Позделя, и велел им их Володимера с товарищи побить, и отнюдь бы де их Володимера с товарищи не спускали, а он де Почина с родниками своими русским людем не спустит — побьет их всех. И после того пришед они (юкагири) к Анадырскому острогу, хотели взять и служилых людей побить. А пронеслась де та речь от них же юкагирей, и по тому их согласию идучи подле Пенжинское море ясачные юкагири Ома с родниками трое человек отходили от него Володимера в сторону и пришед сказали: подсмотрели де они на дороге коряцкой лыжной след. И он Володимер для подлинного проводыванья послал с ними служилых людей 4 человек, и он Ома с родниками, отведя их казаков от него обманом, следу им не оказал, и заночевались. И ночью порою 4 человек казаков (Ома) убил до смерти, а родник де их Еремка Тугуланов на четвертого человека Яшку Волокиту пал и убить не дал, и они юкагири ево Яшку в 4-х местах изранили. И послал он Еремка к ним Володимеру с товарищи родника своего со знаменем с наушками, и велел ему про убийство сказать. И родник ево им про убийство не известил, и совестясь с родниками своими с Омою с товарищи послал их чтоб они их побили.

И они Ома с родниками на Палане реке великому госу-

дарю изменили, и за ним Володимером пришли и обошли со всех сторон, и почали из луков стрелять и 3 человек казаков убили, и его Володимера во шти местах ранили, и служилых и промышленных людей 15 человек переранили. И Божиею милостию и государевым счастьем они служилые справились и их иноземцев от себя отбили, и сели в осаде, и послали к товарищем своим служилым людям с ведомостью юкагирия, и те служилые люди к ним пришли, и из осады их выручили.

И услыша изменниковы родники от коряк вестъ, что родник их Почина с родниками товарищев ево (Атласова) служилых людей обманом побить не могли — многие учали быть покорны. И он де Володимер на Кыгыле реке дал им страсть (острастку) — бил батог. А изменники де Ома (с товарищи) от них ушли.

И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему Володимеру служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними итти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут? И он де Володимер по челобитью их с Кыгыла реки, взяв вожев дву человек, пошел с служилыми людьми и с остальными ясачными юкагириями, которые не в измене, подле море, на оленях, и дошел на Камчатку реку².

И наехали 4 острога а около тех острогов юрт ста с четыре и боле, и подозвал их под царскую высокосамодержавную руку, и ясак с них вновь имал, а с кого имяны — подаст книги.

А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки, род с родом почасту. А соболи де и лисицы у них в земле есть много, а в запас не промышляют, потому что они никуды ясаку не плачивали, только что промышляют себе на одежду. А по государскому счастью руским людям они были рады. А ружье у них — луки усовые китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца.

И они Камчадальские иноземцы стали ему Володимеру с товарищи говорить, что де с той же реки Камчатки приходят к ним камчадалы и их побивают и грабят, и чтоб ему Володимеру с ними на тех иноземцев итти в поход и с ними их смирить, чтоб они жили в совете. И он де Володимер с служилыми людьми и с ясачными юкагири и с камчадальскими людьми сели в струги и поплыли по Камчатке реке

на низ. И плыли три дни и на которые они остроги звали — доплыли, и их де камчадалов в том месте наехали юрт ста с четыре и боле, и под царскую высокосамодержавную руку их в ясачной платеж призывали. И они камчадалы великому государю не покорились и ясаку платить не стали. И он де Володимер с служилыми людьми их камчадалов громили и небольших людей побили, и посады их выжгли, для того чтоб было им встрах и великому государю поклонились. А иные иноземцы от них разбежались.

А как плыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцов гораздо много — посады великие, юрт ста по 3 и в 4 и по 5 сот и больши есть. И оттоле пошел он Володимер назад по Камчатке вверх; и которые острожки проплыл — заезжал, и тех камчадалов под государеву руку призывал и ясаку просил, и они камчадалы ясаку ему не дали, и дать де им нечего, потому что они соболей не промышляли и русских людей не знали, и упрашивались в ясаке до иного году.

И с того места пришли, откуда поплыли по Камчатке и у них де оленные коряки олени их хотели украсть, для того чтобы им Володимеру с товарищи великому государю служить было не на чем. И он де Володимер с служилыми людьми увидя их дорогу и следы, за ними погнались, и сугнав их у Пенжинского моря³, поставили они с ними служилыми людьми бой, и бились день и ночь, и Божиею милостию и государевым счастьем их коряк человек ста с полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки разбежались по лесам.

И от того де места пошел он Володимер вперед подле Пенжинское море на Ичю реку. И услышал он Володимер с товарищи у камчадалов: есть де на Нане реке у камчадалов же полоненик, а называли они камчадалы ево русаком⁴. И он де Володимер велел ево привести к себе, и камчадалы, боясь государственной грозы, того полоненика привезли. И сказался тот полоненик ему Володимеру: он де Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством⁵. Шли де они из Узакинского государства в Индею на 12 бусах, а в бусах де у них было — у иных хлеб у иных вино и всякая ценнинная посуда. И у них де на одной бусе дерево (мачту.— К.Ц.) сломило и отнесло их в море, и носило 6 месяцев, и выкинуло к берегу 12 человек, и взяли де их 3 человек Курильского народа мужики, а достальные де подле того же морского носу в стругу угребли вперед, а

где девались — того он им не сказал. И товарищи де ево 2 человека живучи у курилов померли, потому что они к их корму не привычны: кормятца де они курила гнилою рыбою и кореньем. И тот де индеец им Володимеру с товарищи — что они русково народа — обрадовался и сказал про себя, что он по своему грамоте умеет и был подъячим, и объявил книгу индейским письмом, и ту книгу привез он Володимер в Якутцкой. И взяв ево (полоненика. — К.Ц.) он Володимер к себе и оставил на Иче реке у своего коша, с служилыми людьми⁶.

А сам де он Володимер с служилыми людьми пошел подле Пенжинское море вперед. И послыша их приход оленные коряки с жилищ своих убежали вдаль и он де за ними гнался 6 недель. И мимо идучи на Нане, и на Гие, и на Ники, и на Сиунчю, и на Харюзове реках неясашных камчадалов под царскую высокосамодержавную руку призывал и ясак с них ласкою и приветом имал, а с кого имяны — тому подаст книги.

И оттуды де пошли они вперед и на Кукше и на Кыкше реках оленных коряк сугнали и подзывали их под царскую высокую руку в ясашной платеж, и они коряки учинились непослушны и пошли от них на побег, и он Володимер с товарищи их постигли и они иноземцы стали с ними битца, и Божиею милостию и государевым счастьем их коряк много побили, и дому их и олени взяли, и тем питались, а иные коряки от них убежали.

И оттуды пошед, наехали они Курильских мужиков⁷ 6 острогов, а людей в них многое число и их под царскую высокую руку призывали ж и ясаку просили, и те де курила учинились не послушны: ясаку с себя не дали и учинили с ними бой, и они де Володимер с товарищи из трех острожков один взяли и курилов человек с 50, которые были в остроге и противились — побили всех, а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего⁸. А соболей и лисиц в их земле гораздо много, только они их не промышляют, потому что от них соболи и лисицы никуды нейдут.

А до Бобровой реки, которая на Пенежской стороне, не доходил он Володимер за три дни. А от той реки — сказывают иноземцы — по рекам людей есть гораздо много. И оттого воротился он Володимер со служилыми людьми назад и пришел на Ичю реку. Божиим изволением олени у них выпали и итти им было вскоре в Анадырский острог

не на чем, и он де на той Иче реке поставил зимовье. А на Камчатку реку послал от себя служилых людей Потапа Сюрюкова, всего 15 человек, да ясачных юкагирей 13 человек. И он Потап писал к нему Володимеру: камчадалы де все живут в совете, а в ясак упрашиваютца до осени.

И на Иче реке служилые люди били челом великому государю и подали ему за своими руками челобитную, чтоб им с той Ичи реки итти в Анадырской, потому что у них пороку и свинцу нет — служить не с чем. И потому их челобитью он Володимер с служилыми людьми и с полонеником с той Ичи реки пошли в Анадырское зимовье.

И идучи дорогою оленной коряка Эвонто, которой убежал из Анадырского, и сказал ясашным юкагирам, что де Анадырской острог взят, служилые и промышленные люди побиты и аманаты выпущены, и Чюванского роду Омеля Тюляпсин с товарищи 30 человек изменили и дву человек — казака да промышленного убили.

А в сборе у него Володимера ясачной казны 8 сороков⁹ соболей, 191 лисица красных, 10 лисиц сиводущатых¹⁰, 10 бобров морских, парка соболя, 7 лоскутов бобровых, 4 выдры, да староплатежных юкагирей, которые ходили с ними в поход — 42 соболи, 26 лисиц красных. А у многих де соболей хвостов нет, для того что они камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из иных шьют наушники.

А из Анадырского ходу до Пенжины реки тихим путем 3 недели, а от Пенжины до Люторских народов 2 недели, а от Лютор до Камчадальских первых рек 6 недель, а от Кыгыла реки до Камчатки (реки) переход на оленях 2 недели, а до Курил ходу от Кыгыла ж 5 месяцев.

И он де Володимер из Анадырского с служилыми людьми и с казною великого государя и с полонеником пошел в Якуцкой город.

И тот полоненик шел с ними 5 дней и ногами заскорбел, потому что ему на лыжах ход не за обычей и итти было ему невмочь, и он де Володимер того полоненика с дороги с провожатыми возвратил в Анадырской. И после того встретя на дороге прикащика Григорья Посникова и о том ему говорил, чтоб он ево не задержав, выслал в Якуцкой с служилыми людьми, и дал ему Григорью 35 лисиц красных, чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы.

А книги де он Володимер вышеписанной ясачной сборной казне, с кого имяны что взял, подаст за своею рукою

вскоре. А дорогою де он Володимер тех книг не написал, потому, что не было у них писчие бумаги.

И есть ли из Якуцкого на Камчатку служилым людям впредь будет посылка, и с ними надобно послать 2 пушечки небольшие, для страха иноземцом, потому что после их Володимера с товарищи тех вышеописанных родов иноземцы острога свои от приходу русских людей почали крепить».

На обороте листов по склейкам: «Якуцкого города пятидесятник Волотька Атласов руку приложил».

Вторая «скаска» В. Атласова, 1701 г.

«1701 году, февраля в 10 день, явился в Сибирском приказе Якуцкой казачей пятидесятник Володимер Отласов, а по допросу сказал:

Из Якуцкого де он Володимер пошел в 203 году, августа в последних числах, в Анадырское зимовье, для государева ясачного сбора, а с ним было якуцких служилых людей 13 человек. Из Якуцкого де переплыв он в лодках через Лену реку, взяв конные подводы, шли еланскими и луговыми местами по Алдану реки дни с три. А ходу в день будет верст по 30-ти. А переехали через Алдан в лодках, а коней от Алдану наймовали, и через Алдан плавили повыше устья за день против р. Токулана. А Алдан река великою будет против Москвы реки вдвое. А против, р. Токулана вверх по правой стороне шли коньми ж, по грязным и каменистым местам до самой вершины 11 дней. А зима захватила их на устье Токулана реки. А та Токулан река меньше Москвы реки. И перешед Токулан реку пришли на вершину Яны реки, через камень 1 день, и шли по Яне реке вниз коньми недели с две до Верхоянского зимовья.

И в Верхоянском зимовье, наняв новых лошадей, шли на низ по Яне, а Яна река шире Москвы реки и перешли на Тастак. А Тастак река меньше Москвы реки и мелка. А с Тастаку на Галяндину речку, а та Галянда р. пала в Индигирку реку, под Индигирским острогом. И шли тою Галяндою речкою до Индигирского острожку на конех же. А всего ходу и с простым от Якуцкого до Индигирского острожку недель по шести и по семи.

А из Индигирского острожку на низ по Индигирке шли на наемных оленях дней с 5 или с 6, до Уяндинского зимовья. А та Уяндина река пала в Индигирку р. с левой стороны. А от Яндина шли небольшое место на низ по Индигирке и перешли через хребет до Алазейского зимовья, а ходу дней с 8 или с 10. А от Алазейского зимовья на оленях же через хребет шли до Колымы реки до урочища Ярмонги 2 дни. А с ярмонги шли на низ по Колыме дней с 10 на Тартах до Нижняго Колымского зимовья, а то зимовье близь самого устья.

А от Колымского зимовья пошли вверх по Аною реке и через хребет до Яблонной реки, а по Яблонной вниз до Анандыря реки, и по Анандырю вниз до Анандырского острогу, недели с 4, а налехке весною выходят недели с три. А в подводы коней и оленей наймуют они служилые люди собою у ясачных иноземцов.

А меж Колымы и Анандыря реки необходимой (непроходимой.— К.Ц.) нос, которой впал в море, и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло, а по другую сторону того носу весною льды бывают, а летом не бывают. А на том необходимом носу он Володимер не бывал. А тутошные инородцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анандыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров, а с того острова зимою как море замерзнет приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку, и тех соболей соболя с три он Володимер видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными.

И в Анадырском де зимовье собрал он Володимер служилых и промышленных людей человек с 60-т, а что с теми людьми он Володимер учинил и куды ходил и то де писано в допросе ево, которой прислан из Якуцкого и в ево Володимерове челобитной, что прислана из Якуцкого под отпискою.

А идучи в Камчадальскую землю и из Камчадальской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцов, и рыбою, которую они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетями, которые взяты были с ними из Анадырского зимовья.

А рыба в реках Камчатской земле морская, породю особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больши семги, а иноземцы ее называют овечиною¹¹. И иных

рыб много — 7 родов разных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводах¹². И для той рыбы держится по тем рекам зверь — соболи, лисицы, выдры.

А ходили они по той Камчатской земле летом и зимою на оленях, и зимою тех оленей впрягают в нарты, а летом на оленях ездят верхом с седлами, а седла бывают деревянные.

А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снега бывают небольшие, а в Курильских иноземцах снег бывает меньше. А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого близко вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает.

А в Курильской земле зимою у моря птиц — уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остаетца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чаёт он, что та земля гораздо подалась на полдень.

А в Камчатской и в Курильской земле ягоды — брусница, черемуха¹³, жимолость — величиною меньше изюму и сладка против изюму. Да ягоды ж растут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньше курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине. А на деревьях никакова овоща не видал.

А есть трава — иноземцы называют агататка, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, а как высохнет — будет бела, и тое траву едят — вкусом сладка, а как тое траву изомнет — и станет бела и сладка что сахар¹⁴.

А деревья растут — кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пенжинской стороне по рекам березник да осинник¹⁵.

А на Пенжине живут коряки¹⁶ пустобородые, лицом русоковаты, ростом средние, говорят своим особым языком, а веры никакой нет, а есть у них их же братья шеманы — вышеманят о чем им надобно: бьют в бубен и кричат¹⁷.

А одежду и обувь носят (коряки) оленью, а подошвы нерпичьи. А едят рыбу и всякого зверя и нерпу. А юрты у них оленьи и рондужные¹⁸.

А за теми коряками живут иноземцы люторцы, а язык и во всем подобие коряцкое, а юрты у них земляные, подобны остяцким юртам.

А за теми люторцы живут по рекам камчадалы — возрастом невелики, с бородами средними, лицом походят на зырян. Одежду носят соболью и лисью и оленью, а пушат то платье собаками. А юрты у них зимные земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, намощено досками и покрыто еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам. И юрты от юрт по блиску, а в одном месте юрт ста по 2 и по 3 и по 4.

А питаются (камчадалы) рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землею, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадный дух, что русскому человеку по нужде терпеть мочно.

А посуду деревянную и глиненные горшки делают те камчадальцы сами, а иная посуда у них есть левкашенная и олифляная¹⁹, а сказывают оне, что идет к ним с острова, а под которым государством тот остров — того не ведают.

А веры никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги.

А по хребтам живут в Камчадальской земле оленные коряки.

И с теми камчадальцы всякую речь, о чем руским людем доведетца говорить, говорят коряцким языком ясыри, которые живут у русских людей. А он Володимер по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает²⁰.

А за камчадальцами вдаль живут Курильские иноземцы — видом против камчадальцов черные и бороды меньше²¹. А в той Курильской земле против Камчадальской теплее. А одежду носят такую ж что и камчадальцы, только камчадальцов оне скуднее. А соболи у них есть, только плохи, для того что место стало быть теплее. А бобров больших и лисиц красных много.

А вдаль за теми курильскими иноземцами какие люди есть и далека ль та земля — неведомо.

А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду велика гораздо и высока, а другая близь ее ж — подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великий шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили — назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось — не ведают.

А из-под тех гор вышла река ключевая — в ней вода зелена, а в той воде как бросят копейку — видеть в глубине сажени на три²².

А вышеописанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают. И род на род войною ходят и дерутся. А летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги. А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы. А наперед сего дани с тех иноземцев никуда не имано.

А жен имеют всяк по своей мочи — по одной и по 2 и по 3 и по 4. А скота никакого, у них нет, только одне собаки, величиною против здешних, только мохнаты гораздо — шерсть на них длиною в четверть аршина. А соболей промышляют кулемами²³ у реки, где рыбы бывает много, а иных соболей на дерев стреляют.

А воюют те иноземцы меж собою род с родом. А огненного ружья гораздо боятся и называют русских людей огненными людьми²⁴. А бои с русскими людьми у них были только до тех мест как сойдутся с рускими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад. А на бои выходят зимою камчадалы на лыжах, а коряки оленные на нартах: один правит, а другой из лука стреляет. А летом на бои выходят пешком, наги, а иные и в одежде.

А товары к ним надобны: одекуй лазоревой²⁵, ножи. А у них против того брать соболи, лисицы, бобры большие²⁶, выдры.

А на море около люторов зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли — не ведает. А летом на том море люду ничего не бывает.

А по Камчатке реке к морю посылал он Володимер казака для проводыванья иноземцев, и тот казак по Камчатке

до моря ходил и сказывал что он видел по Камчатке камчадалских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и 150²⁷. А летние юрты около острогов на столбах — у всякого человека своя юрта. А до русских людей острогов у них было меньше, а при русских людях острожков поставили больше для опасения, и из тех острожков бьются — бросают камнем, пращами, и из рук большим камнем с острогу мечют, и обвостренным кольем и палками бьют. И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцов — противников побивают. А где острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и розрывают землю кольем, а иноземцам на острог взойти — из пищалей не допустят.

А по другую сторону той Камчадалской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжи(ны) реки до Кыгылу на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до устья ходу бывает скорым ходом пешком, до Камчатки реки, через камень, в 3-й и в 4-й день. А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много.

А против первой Курильской реки²⁸ на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и живут люди, а какие — про то иноземцы сказать не умеют²⁹. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценнинная посуда и платье даб³⁰ полосатых и пестрых китаек и лензовые³¹ азямы³². И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают³³. А на чом с тех островов к курилам приходят — того иноземцы сказать не умеют.

Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадалской стороне повыше Камчатки (реки) к Каланской Бобровой реке³⁴ приходят по вся годы бусы и берут у иноземцов нерпичей³⁵ и каланской жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо.

А в море бывают киты великие, нерпы, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет — и каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут пото-

му что ноги у них самые малые, а береги деревянные (Sic!.. каменистые?..), крепкие.

А Амур река далеко ль — про то он не ведает.

А у Пенжинских иноземцов для морского ходу бывают вместо лодок байдары — сшиты из нерпичей кожи, в длину сажень 6, а поперек сажени $1\frac{1}{2}$, и в середине ставят деревянные распорки и решетки, и в тех байдарках человек по 30 и по 40 на море плавают для нерпичего и жирового промыслу, а далеко ль на море в тех байдарках выходят — про то он не ведает. А у камчадалов бывают лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20-ти, а иных судов не видали. А у курилов никаких судов к водному ходу не видал, для того что был зимним временем.

А в Камчадальской и в Курильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают.

А руды серебряные и иные какие есть ли — того не ведает, и руд никаких не знает.

«А полоненик, котораго на бус морем принесло, каким языком говорит — того не ведает. А подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом черн. А как увидел у русских людей образ Божий — зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же. А с ними говорил тот полоненик иное поруски, для того что жил он с ним Володимером 2 годы; а иное говорил через толмачь по корятцкому языку, для того что у иноземцев жил он до него Володимера два ж годы. А сказывался индейцом, и золота де у них родится много, и палаты ценинные, а у царя де индейского³⁶ палаты серебряные и вызолочены.

А у Курильских иноземцов взял он Володимер серебряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее индейскою копейкою. А соболей и никакова зверя у них не употребляют. А одежду носят тканую, всяких парчей, стежную на бумаге хлопчатой.

И тот полоненик шел с ним Володимером на лыжах от Анадырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть и заскорбел, и затем поворотил ево назад в Анадырское зимовье, и буде он оздоровеет, то он с русскими людьми в Якуцкой выйдет³⁷. А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен³⁸.

Да он же Володимер вез с собою камчадальского князца к Москве, для подлинного о той земле уведомления, и тот

иноземец говорил поруску, и в Кайгородском уезде весною умер.

А у сибирских иноземцев у всех учтивости никакой нет — люди худые, чистоты никакой не имеют».

По нижним полям листов и в конце текста: «К сему добросу (Sic) Якуцкой казачей пятидесятник Волотка Атласов руку приложил».

КОММЕНТАРИИ

¹ *Пеших коряк* — т. е. оседлых, не имеющих оленей.

² Как писал Л. С. Берг, «наименование Камчатка» встречается на «чертеже» Сибири Петра Годунова 1667 г., а в «списке с чертежа 1672 г.» говорится о реке Камчатке.

Русские могли проследовать о Камчатке только после открытия реки Анадырь, куда впервые проник М. Стадухин в 1647 г. посуху, с Колымы. А первыми из русских, открывших Камчатку с моря, были Алексеев и его спутники, среди которых был и С. Дежнев. Они обогнули северо-восток Азии в следующем 1648 г. По некоторым известиям, часть людей Алексеева была отнесена к югу и достигла реки Камчатки, где на реке Федотовке, по сведению историка Миллера, еще в 1728 г. видны были остатки русских зимовий.

³ *У Пенжинского моря* — т. е. у Охотского моря.

⁴ Это был японец по имени Денбей из города Осака на острове Хондо, или Нипон. Он жил на Камчатке у «иноземцев» уже два года, и Атласов объяснялся с ним через корякского толмача. Впоследствии японец, живя два года у Атласова, выучился говорить по-русски.

⁵ *Индия* — японский город Иеддо, или Токио, название которого на диалекте жителей города Осака звучит «Еядо».

⁶ Позднее, попав в Москву, Денбей в своей «сказке», данной в Сибирском приказе (1702 г.), сообщил очень интересные сведения о своем плавании, о Камчатке и о Японии.

⁷ *Курильскими мужиками* назывались жители так называемой «Курильской Лопатки», т. е. с южной части Камчатского полуострова. В отличие от них жители Курильских островов назывались «мохнатыми курильцами». Это первое упоминание о курилах или айнах, которые обитали на острове Хоккайдо (Иезо) и в «южной» части Сахалина. Сами себя они называли айну, что значит «человек». Народ этот резко отличался от своих соседей сильно выраженной растительностью. Чуванцы, о которых упоминает Атласов, — племенная группа юкагиров. «Люторы, алюторы» — группа приморских коряков.

⁸ В 1705 г. пятидесятник Колесов посылал на немирных курил казака Лашаева с 40 служивыми. Курилы не соглашались платить яса; сто человек из них было побито, а остальные покорились.

⁹ Соболи, подбираемые по качеству, связывались пачками по 40 штук и назывались «сороками». Высшего качества соболи подбирались по паре и назывались «паренными»; самые хорошие экземпляры, даже не имевшие себе пары, шли одиночками и назывались «непаренными».

¹⁰ *Сиводушка* — разновидность обыкновенной лисы, у которой брюхо

черно-бурое. Сиводушка представляет нечто среднее между красной и черно-бурой лисой.

¹¹ *Овечина* — чавыча, рыба из рода восточных лососей, которой Атласов дает название, заимствованное из языка «сидячих коряков» (евоч). Чавыча самая лучшая и самая крупная из камчатских проходных (т. е. из входящих из моря в реки для икрометания) рыб.

¹² Здесь имеется в виду красная рыба. Атласов правильно замечает, что чавыча и родственные ей тихоокеанские лососевые (кета, горбуша и др.) мечут икру раз в жизни, а затем погибают.

¹³ Брусники и черемухи на Камчатке много. Черемуху камчадалы едят как свежую, так и в виде лепешек, приготовляемых из растертых и высушенных на солнце плодов.

¹⁴ Речь идет о сладкой траве (*Heracleum dulce*), из которой местные жители добывали сахар и вообще употребляли как сладкую приправу, а русские курили вино; сок из сладкой травы, сорванной весной, служил для выведения вшей.

¹⁵ «А деревья растут — кедр малый...» — Малый кедр — это *Penus pumila*, кустарниковый кедр, кедровник или сланец, орехи которого играют важную роль в жизни местных жителей. Ель представлена лесами из аянской породы (*Ricea jezoensis*). Ель обычно смешана с лиственницей, осиною и березой. По горным склонам растут светлые леса из развесистой и кудрявой каменной березы (*Betula Ermani*), имеющей серую или красноватую кору.

¹⁶ *Коряк* на языке этого народа значит «оленный», сами же себя оленные коряки называли чаучу, что значит «оленовод».

¹⁷ В настоящее время южная граница проживания коряков — река Тигиль, на западном берегу Камчатки; Укинская губа и Карагинский остров — на восточном.

¹⁸ *Рондужные* — т. е. из оленьих кож.

¹⁹ Здесь, очевидно, речь идет о японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним курильцам, потом к ближним, а последние привозили ее на Южную Камчатку. Левкас (*leukas* — греч.), по Далю, «уконописцев и позолотчиков род жидкой шпаклевки, мел с клеем для подготовки под краску и позолоту». При изготовлении японской лаковой посуды деревянную посуду сначала левкасят, а потом олифят.

²⁰ Объяснялся Атласов с камчадалами при посредстве коряков, живших у русских и знающих русский язык.

²¹ По-видимому, здесь описка — вместе «больше», т. к. согласно описаниям у камчатских курилов бороды были больше, чем у камчадалов.

²² Гора, из которой идет дым и пламя, — это Ключевская сопка (4860 м), а другая, по-видимому, — Шивелич (3300 м).

²³ *Кулемами* — т. е. ловушками.

²⁴ Камчадалы думали, что русские имеют огненное дыхание.

²⁵ *Лазоревый* — т. е. голубой бисер.

²⁶ *Бобры* большие — так называемые морские бобры (*Enhydra lutris*), или каланы, правильнее — морские выдры, т. к. с настоящими бобрами, кроме качества меха, они не имеют ничего общего.

²⁷ Острожками русские называли камчадалские «юрты», т. е. землянки, укрепленные земляным валом и частоколом. Подобные укрепления камчадалы стали воздвигать после появления казаков.

²⁸ Атласов не только собрал сведения о Курильских островах, но и был первым русским в 1697 г., который видел один из островов, хотя

сам на островах не был. С реки Голыгиной (или, как он ее называет, «первой Курильской реки») под $52^{\circ}10'$ с. ш. Атласов мог видеть самый северный остров Алаид.

²⁹ *Курильскими иноземцами* Атласов называет не жителей Курильских островов, а обитателей южной оконечности Камчатки, к югу от рек Большая и Авача.

³⁰ *Ценинная посуда* — старинное название хорошей каменной посуды, т. е. фаянса и фарфора.

Даба — китайская хлопчатобумажная ткань.

³¹ *Лензы* — употребляемое местами в Сибири название легкого атласа. Лензовый — значит атласный.

³² *Азям* — слово, взятое из татарского языка, означает «зипун».

³³ Фарфоровая посуда, платье, о которых рассказывали курильские иноземцы, могли происходить только из Японии. С этой страной жители Южной Камчатки были знакомы из рассказов через жителей Курильских островов, ходивших на Камчатку на судах для торговли, и от самих японцев, которых иногда бурей прибывало к берегам Камчатки. Японцы никогда не вели торговлю непосредственно с камчадалами.

³⁴ *Каланская, или Бобровая, река* — река Озерная, вытекающая из Курильского озера. Калан — камчатское название морского бобра.

³⁵ *Нерпа* — тюлень.

³⁶ *У царя индейского* — т. е. в Токио.

³⁷ Пленника Атласов отнял у туземцев и содержал вместе со служилыми людьми на реке Иче (впадающей в Охотское море), а затем все вместе пошли в Анадырское зимовье, куда прибыли 2 июля 1699 г.

³⁸ Полоненик Денбей был в 1701 г. доставлен в Москву и 8 января 1702 г. представлен Петру I. Это был первый японец в России. Петр велел обучать его русской грамоте, «а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из русских робят человека три или четыре — учить их японскому языку и грамоте». Затем Петр приказал: «его, иноземца, утешать: «когда он подучит русских робят японскому языку его отпустят в Японскую землю». Однако это обещание не было выполнено: в 1710 г. Денбей бил челом Петру об отпуске в свою землю, но царь не позволил и велел японца окрестить. При крещении его нарекли Григорием.

Известия об Амуре и походе И. Москвитина к берегам Тихого океана

Сказание о великой реке Амуре,
которая разгранила
русское селение с Китайцы*

«Оная великая и преименитая река Амур¹. Хотя у древних земнописателей нигде о ней слыху не отозвалось и в писании не обреталось; но мы ее зычно яснению напишем пространно, за величество ея; понеже она величиною, не токмо паче всех Сибирских рек, но вяще всех на свете обретающихся. Начинаем вершину ея с тех мест, идеже в нее пала великая река Шингал. Оттуда вниз оной реки Амура ведомыя и дальния суть реки описуем. Первыя реки Онон, да Ингода текут от хребта, до котораго ехать сухим путем от Селенгинскаго острога 2 недели 3 дни; из того хребта течет река Селенга, в которую пала река Чикой, а обе пришли в Амур же. Оныя реки Онон и Ингода окружают многия степныя места, и Онон на правой (стороне), и по ней кочуют многие. Мунгальские народы с тайшами; а Ингода река большая и судовая, и окружает на лево степныя же места, и по ней кочуют Мунгальские ж народы. И по той реке Ингоде в пролых годах приплыл досчаниками Афанасий Пашков, и построил острог Нерчинской², а приехал чрез Байкал и Селенгою рекою, и оставить Селенгу, плыл рекою Хилком до Иргенскаго острога 4 недели, и в Иргенском, оставив суды, озерами и волоками до Ингоды реки 1 день, и на той же Ингоде сделал новые большие досчаники, и плыл вниз по Ингоде и по

---

* Печатается по: Спасский Г. Сведения русских о реке Амуре в XVII столетии//Вестник Русского географического общества. 1853. Ч. VII, отд. 2. С. 15—42.

Хилку до Усть Нерчи реки 3 сутки, и тут построил Нерчинский острог меж рек Нерчи и Шилки.

А вышеименованные реки Онон и Ингода пришли из степных окружений, чрез камень и лесные места, хребтами близ Нерчинска 2 дни, и тут Онон впадает в Ингоду, и в том месте те обе реки потеряют имена своя, и именуются одним именем—река Шилка. Другая вершина великия реки Амура есть река Аргуня, течет из великаго озера Далая чрез хребты и Камени степные, и впадала в Шилку реку. От Нерчинска вниз плывучи 4 сутки, где сошлись реки Шилка да Аргуня, и те обе реки потеряют имена свои и назвася Амуром. От того места и до самого моря и от усть Аргуни вниз по Амуру до Албазинскаго острога, плыть день. А от Албазинскаго острога, вниз же по Амуру, на правой стороне, первая река Камара (Хумара), течет с хребта с Богдойской стороны, и по ней живут Богдойские Дауры, и на той реке Камаре построен острог Камарской, который в прошлых годах сожгли иноземцы. Вторая река на левой стороне Азия (Чикири по-манчжурски, у нас — Зея), течет с Ленскаго хребта, и на устье реки живут Дауры, а вверх той реки живут Тонгусы (Тунгусы), Петрушка ленной³ (оленой) с родом своих, с котораго Албазинскаго острога казаки ясак имали; и Китайские Наунские воеводы на него же Петрушку жалобу творили, потому что по Азии реке живут Никанские подданные люди. И по той реке и по Шингалу винограду родится много; и от Албазинскаго острога мимо устья Камары реки до устья Азии реки, вниз по Амуру, плыть неделю. Третья река Быстрая (Номан на картах, а правильнее — Нюман), вниз по Амуру на левой стороне течет с Ленскаго ж хребта; и на устье живут Джючера⁵ (Дучары), пашенные Китайские люди; а в вершине ея живут ленные (оленные) Тонгусы, ни кому ясаку не платят; по ней лесу много. Четвертая река большая, Шингал (Сунгар-ула, по-манчжурски), вниз по Амуру на правой стороне: от того места, что в Амуре пойдет, именуют одним именем до устья Амура реки — Шангар или Шонгия. А в Шингале пала река Наун, по которой есть многия Китайские села, и Даурские люди всякой хлеб сеют; а в Наун реку пала река Иал (Ял), по которой живут Таргачинские и Китайские люди, и по той реке идет дорога из Нерчинска к Науну; в ту же реку Наун пала река Карга, и сказывают, что по той реке есть город Китайской, и в нем живут многия тысячи людей, для обережи от Русских людей. А от устья Шингала до

того города ходу 2 недели; а из того города до Китайского царства ездят скорым ходом 10 дней; а от Албазинского острога до усть Шингала вниз по Амуру реке ходу 2 недели. И в прошлых годах на усть Шингала реки был водяной бой у Китайцев с Русскими Даурскими Албазинскими казаками, потому что у Китайцев были суда большия 50 досчаников и бусы, и на них были пушки, опричь мелких судов; а казачьих было 12 досчаников, а на них людей 209 человек, и один досчаник ушел, а последние досчаники и люди 400 человек побиты⁴. А та река Шингал великая, течет с Даурской стороны; а по ней живут Китайские пашенные люди множество, и винограду и иных лесов довольно. Пятая река Ушар (Узури на картах), на правой стороне Амура реки, течет с того же Наунского хребта; а на усть ея живут Джючера, пашенные Китайские люди; а по вершине кто живут, того неведомо, потому еще Русские люди не проведали. Только оные пашенные люди сказывают про ту реку большим Амуром, и будет-де против вышеописанного Амура величиною втрое, и пала-де та река в море особным устьем своим, и сказывают, что по ней живут иноземцы Куяры, и делают кумачи, камки, бархаты и иныя, всякия парчи, узорочны ковры и занавески. А от усть Шингала реки до усть Ушара реки, вниз по Амуру реке плыть 2 недели. Шестая река Хамун (Амгун), вниз по Амуру на левой стороне, и от усть реки Ушара до усть реки Хамуна плыть неделя, а течет из черных мест — из лесов; с устья той реки до моря, до Гилянския земли⁶ и до устья Амурского плыть 2 недели, и после (подле) того моря земля Гилянская.

А в той Гилянской земле впали реки в море: 1) Лама, 2) Охота, 3) Тавуй, 4) Тодуй, 5) Пенжин, 6) Камчатка, а против той Камчатки, столб каменной высок гораздо, 7) река Чулдань, 8) Анадырь. А Амурским морем в Китайское царство проходу пределан путь каменем, будто стеною и объехать нельзя, льды не пропускают; а есть проход в Китайское государство с другую сторону. А на вышеописанных реках Русские люди бывают и промышляют рыбою кость (моржевые зубья). А река Анадырь течет из камня; а тот камень возмется от Байкальской пучины и до моря, и в моря прошел далеко такожде стеною, а конца никто не знает, объехать нельзя, потому что льды не пропускают. А чрез тот камень поперег ходу пешему день, и с нею оба моря по обе стороны видят с верху. От того камня до реки Колымы бегают парусами на кочах одним летом; а как льды

не пропускают и в то время ходят года по два, по три и больше. А сверху той Анадыри реки чрез тот камень есть волок на Блудную реку: Блудная пала в Колыму реку, и те места край и конец Сибирской земли.

Вышеименитая великая река Амур, гористая и лесистая и в океан впала одним своим устьем, и против того устья есть остров великой⁷, а живут на том острове многие иноземцы Гиляцкие народы. Юрты у них деревянные рубленые, а носят платья собольи и лисьи, и звериные кожаны, и ездят на собаках, нартами зимою, а летом по водам в лодках, и держат в улусах собак по 500 и по 1000; питаются всяким зверем и рыбою, и медведем (медведей) кормят в улусах для работы мирно. По правую сторону, по морю как идти, по воде в губах растет великой камыш, и в лодках ездить тем камышом нельзя для того, что тот камыш великой, густой и толстой⁸. И на устье Амурском живут многие иноземцы. Гиляки, и сказывают те Гиляки, что из устья Амурского вышел на море, в левую сторону идти подле земли к Ламе реке, и тут обретаются леса многие и великие, горы высокия. От той реки пошел нос великой каменной в море далеко, иже называют Святой нос, а почему не известно. К Амурскому устью ездить кочами нельзя, потому что к тому носу присох (прилег) Утаень великий, и кочи разбивает. Всякого зверя в том месте морского, китов и моржей, разбивает много; а лесов на том мысу никаких нет, только иноземцов Гиляков сыромятников в том месте держится много гораздо.

Днесь, на устье при море в прошлых годах, тому будет лет 38⁹, казаки Даурские камышники зимовали многожды, и сказывали, что море около берегу мерзнет и снега бывают великие, больше печатной сажени, и стоит зима до Маиа месяца и до Николина дни; а вдаль море не мерзнет. А как река Амур и берега морские весною опускаются, и тогда плавать на море мочно; а от устья Лены реки и до устья Амура реки, морем плавать нельзя для того, что по морю ходят льды великие, да и вышеименованную каменную гору, которая идет от Байкала и до моря далеко, обходить нельзя же, льдами разбивает, как ветер бывает и льды; и краями великими зашатаются; и пуститься по морю шум и вал великой, что ни коими мерами не возможно друг от друга голосу слышать. Только от устья Амурского на левой стороне по морю до иных рек ездить мочно. А усть реки Амура на правой стороне еще Русские люди не проведали¹⁰,

только Гиляки, которые там живут, рассказывают, что они по морю ездят подле берег, потому что у них суды небольшие, поднимает человек 20, для рыбного промысла, и пристают, обыскав высокой берег, на земли, и есть-де там вырос густой камыш и толстой, и тем камышом вдаль на чистое море ни коими мерами пройти не возможно, потому они (и не могут) сказать, что есть ли какое против их государство близко. Только они ведают, что на море острова далеко от тамошних мест великие есть, и селение стройное, людей множество; а слышно-де им от мореходцов, которые мимо их из моря бегают в реку Амур и ходят в новое царство Каргальт¹¹, что-де на оных великих островах старинное Китайское государство, и от устья Амурского не подалеку будет, если на меру, верст с полтора, и суды-де у них великия не имеются. Да они же сказали, что в мимошедших годах, Голанцы и иных земель Немцы, тем морем на кораблях ходили в Китайское царство, и рассказывали, что от устья Амурского морем ходить мочно, только бережись, камня много, и обегать то камень продолжительно».

КОММЕНТАРИИ

¹ «Сказание» — самое раннее из дошедших до нас описаний всей амурской водной системы. В нем много географических подробностей, но имеется также и достаточно неточностей, т. к. И. Г. Спафарий, автор записи «Сказания», сам не бывал на Амуре, а пользовался ранее записанными сообщениями.

² Енисейский воевода Афанасий Пашков был ревностным поборником упрочения русской власти на Амуре. В 1654 г. он представил в Сибирский приказ проект, в котором говорилось, что для освоения приамурских земель необходимо сначала утвердиться на реке Шилке и покорить тамошние народы. Предложение было принято и дано распоряжение взять в полное ведение имеющихся казаков и промышленных, назначив им пособие и припасы из Тобольска. Однако, не дожидаясь назначенной помощи, 18 июля 1657 г. Пашков отправился в путь из Енисейска, сам набрав людей. Весною 1658 г. он достиг Шилки, где в устье реки Нерги заложил острог, названный им Нелюдским (по кочевавшим там тунгусам, которых считали за нелюдей из-за непривычного для русских образа их жизни). Вскоре острог получил другое имя — Нерчинский. Пашков самоотверженно выполнял свои обязанности, встречая, однако, сильное противодействие со стороны енисейских воевод, недовольных потерей Забайкалья из своего управления. В 1661 г. Пашков был сменен присланным из Тобольска сыном боярским Толбузиным, а в 1662 г. уехал в Москву.

³ «Петрушка ленной (оленной)» — в другой редакции «Сказания», в списке Переца, говорится, что в вершине реки Зеи «живет тунгус Петрушка ленский с родом своим, который бежал с Лены в прошлых го-

дах, а ныне паки Албазинского острогу казаки поймали ево и ясак взяли». По документам Якутского острога Б. П. Полевому удалось установить, что здесь речь идет об эвенке-манегире «Ювита да Лама, а другое ему имя Петрушка». Этот эвенк-манегир действительно сперва давал ясак русским на верхней Лене, затем перешел на Олекму и оттуда в верховье Зеи, где его задержали казаки Никифора Черниговского из Албазинского острога.

⁴ Этот бой русских с китайцами при устье Шингала произошел в 1658 г., когда казак Онуфрий Степанов с пятью товарищами отправился по Амуру для ознакомления с ним и за добычей. Неожиданно они наткнулись на хорошо вооруженную китайскую флотилию. Завязался ожесточенный бой, в котором все русские погибли или были взяты в плен.

⁵ *Джючера* — в других русских источниках XVII в. они обычно назывались джучерами, реже — жучерами. Так русские в XVII в. называли предков современных нанайцев.

⁶ *Гилянские земли* — так в XVII в. русские называли острова Сахалинского залива, заселенные нивхами.

⁷ *...И против того устья есть остров великой...* — здесь речь идет об одном из Шантарских островов.

⁸ *...Камыш великой, густой и толстой.* — Русские переселенцы XIX в. также называли сахалинский бамбук... камышом. Сахалинский хребет получил свое название — Камышовый, так как на его склонах растут непроходимые заросли бамбука.

⁹ *...Тому будет лет 38, казаки Даурские камышники зимовали...* — Автор «Сказания», очевидно, относит начало появления русских в устье Амура ко времени южного похода И. Ю. Москвитина.

¹⁰ *А усть реки Амура на правой стороне еще Русские люди не проведили...* — Здесь Н. Г. Спафарий допускает некоторую неточность. Русские в те годы еще не совершали дальних путешествий в том направлении, но по «чертежу» всей Сибири Ремезова (1684 г.) видно, что землепроходцы уже тогда доходили до средней части Сахалина и до залива Чихачева (Де-Кастри).

¹¹ *Царство Каргалть* — в данном списке «Сказания» произошло искажение названия по вине переписчиков. Следует читать не «Каргалть», а «Камбалык, где богдыхан живет» (см. сборник из фонда В. Н. Переца — л. 207) — известное в то время тюркское название Пекина («город хана»; «кам» — испорченное «хан»; «балык» — тюркское слово, означающее «город»).

**«Роспись рекам и имяна людям,
на которой реке
которые люди живут...»***

**«Роспись рекам и имяна людям¹, на которой реке
которые люди живут, тунгусские роды, по роспису Томского**

* Печатается по: Степанов Н. Н. Первая экспедиция русских на Тихий океан // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 75, вып. 2. М.; Л., 1943. С. 45—48.

города служилых людей Ивашки Москвитина² да Семейки Петрова, толмача тунгускова, с товарищи³, куда ходят на Ламу⁴ из Якуцкого острогу: по Лене вниз плыть в судах сутки до усть Алдану реки, а по Алдану верховым путем итти в судах до усть Маи реки 5 недель, а по Мае до волоку итти в судах до подволошной реки 6 недель до Нюдми⁵, а по Нюдме в стругах итти вверх 6 дней ходу, до хрепта итти, волоку половина дни на ламские воды на вершины ульинские, а с вершины до розсох итти пешим путем день ходу, из тово места сойдутся две розсохи вместе, и из тех двух розсох пойдет река Улья, и от тех розсошек в судах плыть можно и до Ламы, и по той реке вниз в судах плыть 5 дней. Река [Мая], а в нее реки пали сторонные, а по тем рекам живут тунгусы: река Чабча пала в Маю;

Река Юнома пала в Маю с левою руку, через ее кочюют оленные люди тунгусы, ламские мужики озенканы; река Аим пала в Маю с правую сторону, а по ней кочюют оленные люди, тунгусы, долганы и лалкагиры; река Маймакан пала в Маю с правую сторону, а по ней живут оленные люди тунгусы, и кочюют с Ламы, маймаканут; река Уй пала в Маю с правую сторону, а на ней живут тунгусы многие, оленные люди, макачинуи, и долгируи, и гулюгирцы, и чолногирцы и кутугирцы; в тое же реку пала речка с левую сторону Кутага, а по ней живут оленные люди, лалкагиры и озянт, мужики ламские; река подволошная Нюдма пала в Маю с правую сторону, ходу по ней 6 дней; и с тое реки переход на ламские воды на речки, на вершины: река за волоком пала устьем в Ламу, на вершине тое реки живут оленные люди, тунгусы озянт, а на усть тое реки сидячие люди, озянканы, а ездят они на собаках. И по той реке, выплыв на Ламу, и по Ламе из под северной стороны пали реки в Ламу; река Урана пала устьем в Ламу, а по ней живут оленные люди, те ж тунгусы, род бояшинской; река Охота пала в Ламу, а по ней живут тунгусы многие, на усть тое реки орда сидячая, толиганы, а вверх по той реке Охоте живут люди оленные: род Киланской, род Горбиканской, род Толюнской, род Унгатабирской, род Тумучерской, и иные на ту реку приходят многие для корму рыбново, что та река рыбою рыбна, и в тех родах и в их улусах человек по 100 и по 150, и на той реке люди воисты, боем своим жестоки; река Кукты⁶ пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, озяны и готнинканы, и в тех родах и в улусах человек по 100 и по 200; река Улкондон, устьем пала в Ла-

му, а по ней живут тунгусы улбиданцы; река Инга⁷ впадала в Ламу, а по ней живут тунгусы инганцы; река Тоуй пала в Ламу, а по ней живут тунгусы говуданы, и уяганы, и выяканы и огочолы. В полуденную сторону которые реки в Ламу устьем пали: река Тукчи устьем пала в Ламу, и по ней живут тунгусы чавуалы; а против тое реки устья стоит на море в голомени остров каменной, и на том острову птицы водитца многое множество, с тово острова тою птицею кормятца тунгусы, многие люди, как учнут яйца водить; река Алыма устьем пала в Ламу, а по ней живут тунгусы оленные, чюлюгильцы; река Уда пала в Ламу, а по ней живут тунгусы, оленные люди, Биларытьевского роду, сказывают до 300, и те люди торгуют с сидячими людьми, а те люди хлеб сеют; да те же тунгусы сказывают про реку Омуть⁸, и та де река великая, а по ней живут тунгусы тамагири, оленные люди, а сходятца те люди с иными людьми, с натканы, а язык у тех людей свой, а не тунгуской, продают тем людям соболи, а у тех людей емлют серебро и чаны большие медные, и в тех чанах есть варят, и одекуй идет от тех же людей и кумачи, и те натканы живут у Ламы, промежду рек в стрелке; а те товары идут со иной реки: серебро, и медь, и одекуй, и кумачи. Река есть Амур от конных людей, те люди хлеб сеют и вино сидят по русски кубами медными и трубами; да в тех же людях водятся петухи и свиньи, и кросна ткут по русскому, и от тех людей возят к натканам муку по Амуре, в стругах плавят.

И Ивашка Юрьев и Семейка толмач и служивые люди, не доходя до Чии реки, назад воротились для того, что оголодали и вожей не стало, тунгусы отбили. И про те нам реки у тунгусов Семейка толмач расспрашивал, а сами на тех реках не были, и про то подлинно сами не ведаем, на Ламе служили два года, а запасы у служивых людей были невеликие, на человека по 2 пуда; до Ламы идучи кормились деревом, травкою и кореньем, на Ламе же по рекам можно рыбы много добыть и можно сытым быть⁹.

КОММЕНТАРИИ

¹ Экспедиция Москвитина в 1639 г., первая из русских экспедиций, достигшая по реке Улье Тихого океана, оставила после себя этот замечательный документ, в котором впервые дается географическое и этнографическое описание Охотского побережья.

² В 1637 г. томский казачий атаман Дмитрий Епифанович Копылов, наслышанный о богатствах Лены, решил направиться в совершенно неизведанном тогда направлении — «встреч солнцу», на восток. Поставив в конце июля 1638 г. на Верхнем Алдане Бутальское зимовье, Копылов послал к Тихому океану 20 казаков во главе с Иваном Юрьевичем Москвитинным.

³ В результате кропотливой работы в архивах Б. П. Полевому удалось достоверно установить имена примерно половины участников первого исторического похода русских на Тихий океан. Вот эти имена: Анисимов (Онисимов) Иван, Бурлак Иван Васильевич, Варламов Степан, Денисов Пенька, Евдокимов (Овдокимов) Тимофей, Епифанов Еремей, Иванов Афанасий, Иванов Василий, Иванов Дружин (убит на Улье в апреле 1640 г.), Иконник Прокопий, Колобов Нехороший Иванов (он же — Иванов Косой Томской, или Иванов Кривой Томской), Москвитин Иван Юрьевич — руководитель похода, бывший рядовой казак Томского острога, впоследствии казачий пятидесятник; Немчин Алфер Алексеевич, Петров Семен (прозвище Чистой — тунгусский толмач) — переводчик, Ремез Иван, Трофимов Дорофей. Остальные 15 имен пока неизвестны.

⁴ На Ламу — Охотское море в XVII в. называлось Лама или Ламским, от тунгусского «ламу» — море, большая вода. Ахоть — охота по-эвенкийски.

⁵ Юдома — теперь река Юдома.

⁶ Река Кукты — современное название — река Кухтуй.

⁷ Река Инга — имеется в виду Ина, Алыма — Алдома.

⁸ Река Омуть — скорее всего, это река Амгунь, т. к. «роспись» отмечает живущих на реке Омуть тамагиров, которые действительно жили на реке Амгунь. Против же отождествления Амгуни с рекой Омуть говорит тот факт, что в документах XVII в. Амгунь фигурирует под названием Хамуна, Хамун, а также и то, что в некоторых документах в одном контексте стоят и Хамуна и Омуть (Амуть), как две особых реки. Очевидно, в данные «росписи» слитно вошли рассказы тунгусов и об Амгуни, и о реке Омуть. От последней сохранилось имя, от первой сведения, что та «река великая».

⁹ Достигнув побережья Охотского моря, отряд Москвитина предпринял попытку пробиться к Амуру. Однако экспедиция окончилась неудачей. Голод и потеря проводников (вожей) не дали возможности выйти далеко на юг. Москвитин и его спутники не могли достоверно знать, до какого именно места они дошли, т. к. оказались без проводников. Только во время обратного плавания москвитинцы узнали, что от устья Амура их отделяли один остров и большой каменистый полуостров — начало устьевой части (левого) берега Амура, т. е. надо было пройти еще современным фарватером Невельского. Пополнить сведения о богатствах еще неизведанного края землепроходцам помогли охотские тунгусы.

**Документальные
свидетельства
и научные описания
Сибири,
Дальнего Востока
и Севера в XVIII в.**

«Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого

Григорий Ильич
Новицкий

Сочинение «Краткое описание о народе остяцком»* принадлежит перу ссыльного украинца Григория Ильича Новицкого. Некоторые обороты речи и отдельные слова подтверждают украинское происхождение автора (например, вместо: у них — в них, узоры — взоры, всем — всим и т. д.). О личности Новицкого известно, что его отец был казачьим полковником, который играл значительную роль во внутренних событиях Украины в конце XVII в. Он дал сыну приличное образование: учился Г. Новицкий в Киево-Могилянской коллегии и впоследствии стал полковником. Родственная связь Новицкого с генеральным писарем Мазепы, очевидно, сыграла свою роль в определении политической позиции в момент измены Мазепы Петру I. Некоторое время Г. Новицкий был мазепинским резидентом при гетмане Сенявском. В 1709 г. Новицкий написал канцлеру графу Гавриле Ивановичу Головкину, недавно назначенному Петром I, письмо с повинной. Ему разрешили вернуться, но сослали в Сибирь, с другими казаками. Живя в Тобольске, Новицкий пользовался покровительством митрополита Филофея Лещинского и губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, которого в 1721 г. казнили за грабеж и злоупотребление властью. По приезду в Сибирь Новицкий поступил на службу к Филофею, это дало ему возможность сопровождать Филофея в путешествии к ханты и манси, где будущий автор собрал материал для «Краткого описания». Пос-

---

* Печатается по: Новицкий Григорий. Краткое описание о народе остяцком (1715). Новосибирск, 1941.

4 Колумбы земли русской

ле 1721 г. Новицкий получил должность надзирателя за исполнением христианских обычаев новокрещенных ханты Кондинской волости. В истории миссионерской деятельности русских в Сибири это был период, когда основным методом распространения христианства был метод «огнем палить и рубить капища». Метод грубого насилия в деле насаждения «веры христовой» не мог не вызвать сопротивления со стороны ханты и манси. Г. Новицкий оказался жертвой этой политики.

Глава II

О житии, обыкновении гражданства и прочих

1. Народ сей в житии своем нерадив, необычен мниться быти, аки последний от людей всего мира: обаче подобен лице зрением красоте народом европейским; ниже бо зверообразен, ниже коею черностию одержим, яко прочия народы: Ефтиопы, Калмыки. Возрастом знаменитых немнози обретаются, но средне возрастом; очес малых, легкостию знамениты, в крепости славими немнози. Зело же прост и гражданства всякого чужд, во всех своих обычаях наченше от первых предел жития их.

2. Аще обще един есть путь всим родитися, внити в мир и прейти от мира, обаче при таких случаях, различна народы разныя имеют обычая: иная по закону, яко иудеи и махометане прирожденный, обрезание имеют; иная же и гражданство уставы обучения и обхождения пирование и инная знамения радостная. Но сей народ ниже законная, ниже гражданская употребляет обычая: егда им родятся чада, тогда бедствующий невежа Остяк недоумевая родившемуся отрочати наложить имя и нареки е, но исходить от дому своего, иская путь шествующих в близости себе христиан: иногда по случаю обретши, молит я назнаменоват рождшееся каким именем, и посему множество случыся зрети русскими именами нарицающихся в своем их зловерии. Егда ж случай недоумению его не подает помощи умолиши изыскать себе у каковых людей имени, тогда что первое узреть изшедши из дому: птицы, звери или что ни будь, тем именем родившееся нарицает. Имеют и сей в недостаточесте обы-

чай, яко по числу рождения нарыцают своя чада: первый, второй или третий — сын, женскому же полу никаких имен не налагают; егда же в супружество приемлеться тогда налагаются имена ей своим наречием: анка, се есть жена.

3. Жены их имеют при рождении своем аки бы законное уставленное, еже восприяша от нравообычаев старейшин своих: имущая бо близ время родити исходить от общего жилища и входить в некую особную хижину, иде же мужеск пол не имати входить; егда же родит, тогда три недели и вящше должна в оном пребывании удержитесь не входя тамо, иде же мужеск пол пребывает; окончавше же время надлежащее, огонь возгнетши вместо очищения, чрез оный трыжды прескочивши входит в общее пребывание мужа своего.

4. Аще обще всему миру десница вышняго предустави предел в болезни родити чада, zde тояжде всемогущества его десница призри рода сего. Острейшее и нужнейшее паче естества человеческого жития мнится, яко снабди и облегчи тяжесть сию. Жены бо их обремененны, иногда зимнего времени (яко zde под студеным кругом зело люта зима бывает), принужденны неких ради нужд от жилищ преходити на иныя места. Случается путь шествующим родити на пути, но сим препятиям недугом не удержать пути своего: род'шееся отроча и болезнь в рождении тогожде часа снемши от земля, отерши снегом, идеть в подлежащий путь. Отроча же полагает себе к грудям за одежду, еже есть налимии кажаны ис кожи рыбы, нарыцаемой налим, обычно утворает себе; толикой же есть теплоты одежда сия, елико бы на жестоком мразе без инныя одежды содержат теплоту холстяная рубашка; егда убо и паки от жестоких ветр поражаемо отроча начнет вопити, тогда и паки в снег повергшы отирает и тем облегчает жестокость мраза и ветров. Сим же и обучает во острое и жестокое житие, яко сие добре истинствоватися может. От обыкших терпению, не бывает терпение, и вящше нрав и обычай, ниже самая природа может.

5. Прост и дивный народ сей вящше нравообычаем своим звероподобен, чуждает'ся, избегает всякого обхождения с иными гражданы, обыкл вящше в пустынных обитати местах, иногда до едина, иногда две юрты, еже есть жилища их, в пустом поставляют месте; бывает же и множество юрт в собрании: обаче сих что близ селений градов Тоболска и протчих обитают, и имея селения своя, с

граждане мало что обычны; а яже в далния страны и пустыя удалишася, сии зело дивий. Обще же все никаких писмен и учения не имеют, ниже прыемлють; сего ради ниже уставления какова, ниже законоположения содержать, но правительствуется естества законом, иже есть прыродное познание зла и добра, и сими противно себе дело узнають, зло и неприлично. Содержат же твердое основание естественнаго закона, междоусобное друголюбие, на сем бо закон естества полагается зане е же искореняеть друголюбие, разораеть твердь естественнаго закона, яко же убийство и инная противозакон'ная искореняють друголюбие, разоряеть твердь естественнаго закона. Но сей народ остяцкий добре храняще естества закон и многия на сем утверждаху добродетели, не слышится убо между ими крадеж, убийства и инных обид друг другу содевающих: однако же, не без злоключения каковаго, приключается бо иногда противозаконная, но та таковых творащия зело жестокой и от среды себе извергають.

6. Паче же всего мнози хранящии суть истинну иногда бо нужд ради своих одолажася некоему заимодавцу, по заключении же неким впадши в крайнюю нищету не имея чым должное отдати; заимодавцу же иногда случиться не утвердившу ни писанием, ниже свидетелми долженствующаго себе, древностию же замедлившу не ищеть. Обаче сему виновный должник острою и коварством отвестися ложне сокрытися или утаити себе но во истину рекшу, и простоумием своим принесше вину не имея чым должное отдать жену и чад своих в вечную заимодавцу предаеть работу, и таким обычаем древностию пришедшая долги по прародителех и отцех своих никакова имения наследницы не прыемше — заимодавцем своим истинствуют и отдають должное без всякаго рвенія. В такой убо простоте и беззаконии хранящися многия добродетели приводят мене помянуть и узреть в сем народе, рекше иногда Апостолом: яко беззаконна бывше, обретають закон хотящий добре творити.

7. (Понеже писмен никаких не имеют), промыслы же своя и обхождения с российскими людьми содержать, и в нужде своей помоществования от них употребляют. В (место же) заемных писаний (и кобалах) иногда прынужденны знаменіем неким руку свою подписать. Тогда употребляют сего обыкновения, имеют знаменія некая: или взоры на руцех и персех, или на нозех, яже в различ-

ныя виды и черты чернотию сие изображаютъ еще здетска руце или нозе или на персех иглою до крове избодше сажею с ыными утварими тако крепко натирають, яко сотретися до кончины его не можетъ. И сих употребляютъ знаменія яже вместо подписанія рукою своею черты своя выписуютъ и заемная утверждаютъ писанія.

Не толико же се имеютъ сего ради употребленія, но почитають се за украшение некое, и женскій бо их пол такожде руце себе изпещрають и украшаютъ тоеюжде единою чернотию, но излишше различными видами и взоры (селных) птиц и зверей сие изображение изображаютъ.

8. Не толико же сей народ писмен не имея, яко же прежде вспомянухом, но ниже коего хитростнаго рукоделие употребляютъ. Обще всим едино рукоделие, стрелянием звѣра (убивають), ловление птиц, рыб, ими же себе препитать можетъ. Сих убо хитростей и чада своя изучаетъ и от младых ногтей принавляютъ я к стрелянню из лука убивати звѣра, к ловленню птиц, рыбы (обучаютъ их); ничим бо иным чрез все жытіе свое не упражняется, яко сим единым промыслом, и таково хитростно в своем рукоделии изученны, яко всякъ в младости своей изучися лук себе из древа и стрелы сам делаетъ и найкрепчайших звѣров: медведя, лосей, еленя убивать, тожде дражайших соболей, лисиц, белку, птиц всяких, не толико на воде плавающих, но по воздуху летающих, в самом летаніи стрѣлами улучаютъ, и се обще всих едино рукоделие: не желаютъ яковых хитростей изучитися, сим бо довольны, им же могутъ препитати житіе, но вящие же полагаются в ловленіи рыб, оных бо множеством здешняя палестина свободнейшее и скорейшее жителем своим даетъ препитаніе.

9. Паче всего повседневная их пища от рыб; зане скорѣе сие имѣти могутъ, и всегдашним ея употребленіем питаются. Летним убо временем жителствуютъ при водах, наипаче при великой реки Оби, яже своим пространным разширеніем множество различных родов рыб содержать, не толико жителей своих Остяков, но и сию палестину доволством израдных рыб питаетъ; облажашии же ю бреги преславный суть доволством звѣра на сих бо частый лес, рѣдко равныя мѣста но частыя ровы, долины, самородныя, аки рукою человѣческою ископаны. Темнота убо сих мѣст питаетъ множество звѣрей, и весма всем доволством сія преславная река питателница есть Остяцкому роду. Присѣдять же сии чрез все лето упражняющесе ловленіем рыб, и якоже

нецыи в хлебородных местах собирають плоды земныя, прыготовляя на зимнее время сими питатися, тако и бедствующий Остяк в пустых бесплодных сих местах рыбы на всю зиму собирает и своим обыкновением рыбу израдную, муксун названную, и прочая, без соли тако усушуют, что чрез всю зиму содержатися можешь. Нарыцають же сушеную позымы. Егда же хотять себе сладклястием насытить, тогда употребляют жиру рыбного, еже в больших сосудах берестяных держат, сего же взявше омачивают позымы своя в сытость сию и сими прятными себе сластями довольны бывають. Иногда довольно жиром самым напаяють себе, особеннейшее себе почитають избраннейшее ястие, еже варку нарицають. И толико сие в начальнойших приуготовляются во время пирования странного их, се же сие утворяют: взявше потрохи от разных рыб, не очищая, оныя со гноем в сосуд каковый полагають, таможде довольно жиру вливши, на огне смажить, даже очернеет. Тогда снемше услаждаются сими сластями и мнать, яко такового сладклястия нигде обрести не могут. Аще самой смрад ястия сего далече от себе всякаго обращает, обаче им обыкшим сладко, прятно есть. Се же за обычай им есть живу рыбу взявше от воды ясти, найпаче же мнать полезнейшее здравию сыро с кровию ясти, неже уваренная, или печеная; зимою же мразния рыбы паче всего прятны вкушают.

10. Скучность в пищи и недостаточество воспоминает довольно множество (водных) птиц: лебедей, гусей, казарки и разных родов птицы. Великия бо зде воды и блатные места, угодная же умножению их: производиться многоплодно, яко довольно скудному народу сему питатися мощно. Упражняють же ся ловлением оных птиц летняго времени, найпаче же в последних числах июня. Зде бо в то время птица лишается перия, к летанию же немощна, в довольно Остяку попадает препитание. В сие бо удобное время скорое старья с птенцы уловлять могут осенним же сим временем тожде ловлению птиц присидять, и тогда довольно промысл в ловлении их имеют, зане в то время переметы или сетми, на то устроенными, множество птицы уловляють; зимним же временем пищу и промысл держать зверя убивать, еже и обычным оружием из лука всякаго зверя убивають; мяса же всякаго зверя: медведя, лисицы и прочая ядять.

11. Яко же бо всих сия великая река Об препитанием и пищею воспоминает Остяков, тако и жажду их утолить

доволна есть, зане иного пития не имеют, обскою толико удовлетворяют себе водою. Паче же всего употребляют табак китайского, его же нарыцают шар. Сего над вся дражайший и нужнейший, здравью же своему мнать быти полезнейший. Употребляют же сего необычно: мало воды в уста взявше, чрез воду дым в себе глотает, ни мало от уст испущая, и тако оным поражается, яко весь трепеща трасется, бледнеет; иногда падает аки нейством и черною поражен немощию, донелиже прииде к себе. Обаче же за искуснейшее и полезнейшее себе содержать врачевание. Употребляют же сего все обще мужы и жены, и чадом своим младым сего же уделяюся врачевания, издетска поправляют сему, зане сие употребление табаки есть им сею помощию что мокроту природную, умножающуюся от повседнежнаго ястия рыб и жиру рыбьяго, истягает тот табак и высушает мокроту сию.

12. Нерадивый же сей народ нимало имеет о имени своем попечение. Жилища своя юрты имеют на двое: летняя и зимняя; но сия вся немногим иждивением угоднаю себе утворяют: яже суть зимняя, сии обычно пры лесах полагают, созидают же я четвероугольные, внутри оных около лежа своя имеют, посреди же огонь полагая: безпрестанно умножают и присядят сему, согревая нагость свою. Летным же временем при водах поставляют берестяные юрты, походячие яже с места на место без тяжести со собою переносити может; таким ждо обычаем созидают толико не тако огонь, яко дым безпрестанно хвастием умножает для рыбы, юже усушают на зиму: понуждает же скудость и нищета их зимним и летным временем с места на иное селение переходити, ниже удержать неудобное лютые зимы время ничтоже бо противе возбранить в снегу, или в раселинах ледоватых утворять себе жилище и пребывать, ниже домашних вещей собрание, сосуды и прочая, отягчаяя тяжестью своею удержать от частаго преселения, но сие обичное его собрание — сосуды берестяны; главнейша яже и нужнейшая — сети, стрелы, лук, лотка; не у всякаго же топор, не до зела обтягчают его, но вящше нищета такой его обучает легкости.

13. Умножение скота и вскормление овец, коров лошадей не обретается в них, ниже о сем попечение каково имеют, но весма крайней прилежать скудости; инии же мощнейшии множество еленей содержать, аки домашний скот, их же употребляют вместо лошадей, найпаче ску-

дость в сем и нужду еленми удовлетворяют, и во вся путь шествия своя еленми отправляются. Камо же путь свой похощеть имети, еленя заложа в сани идетъ ноним, на то особныя устрояють, юже нарты нарыцають. Обще же все не толико еленей, но псов употребляютъ в путешествие и по пяти, и по шти, и дванадесять до единых нарт закладаетъ псов; нарты же сии в долготу тры аршина, в широту пол'аршина, зело легки. Полагають же на сии толикую тяжесть, яко не возможно верити, чтобы тяжесть сию поднати мощно, и так скоростию в пути поспешити псами, могутъ бо в день пятьдесятъ и вяще ускорити верст. Не толико же тамошние жители, но и всяк преходящий пришлец еленьями и псами путь свой zde отправляет: инако бо ради многих и высочайших снегов невозможно, зане лошадь в тех снегах тако погразнет, что ниже изыйти возможе, елен же и пес легкости ради своя не пограизають.

14. Остяки, а найпаче самоид, не толико зимнего времени, но и лети употребляютъ саней, но на летнее время особне устрояють сих; полозья подбиваютъ кожею еленею, юже взимають с самых голеней елениих, и подбиваютъ оныя, ими же касаяся земли гладкостию сию легчае и скорает поспешней бывают. Легкости же так безмерной суть, яко единою рукою возможна поднати и бросить на воздух. Сими не толико по земному пути возимы бывают, но где набегнуть воды и болшии реки — пускаются безопасно. Елень бо со оными чрез реки переплывая перевозитъ оныя и сидящаго на них.

15. Земля аще всему питательница и многия израдних плодов изобилием ущедряетъ, обаче сему народу скудна подаянием, зане дивиим питается зелием, а плодов никаких не признает. Сего ради не имеютъ земледелия, ниже употребляютъ каковыя семена, но сим довольны дивым корением, что земля под студеным кругом с камня мразом заледво могуща есть и сия произносить. Жены их, не имея конопель, нужду и недостаточество свое удовлетворяютъ полным зелием: от кропивы бо зелныя хитростне истягають нити, из сих холсты утворяють. От них же соделовають себе пологи для сохранения комаров, за множеством бо комаров, мух и прочих, невозможно без пологов пребыть; сшивають же себе и рубашки от тогожде кропивнаго холста и украшаютъ я различными пестротами, вышивая нитми разныя взоры.

16. Одежда их обще из кожей рыб, найпаче с налима (еже есть) подобен сому; тожде с осетра и стерлядей

одерше кожу толико трудами своими умягчивают, яко могут все одеяние себе из них сошивают обще же из налимей кожи — кажаны, с ыных же чулки, сапоги себе утворають. Зимнего же времени мощнейшии имением и нарочытыи с еленьих кож одежду и сапоги сшивают и верхнею одеждею заедино главу и самого себе покривает. Се же противу зельной укривается стужы, нищета же и скудость не всякому такой свободно попускает имети одежды: иный бо и зимнего времени лютость тяжчайших морозов в налимьем претерпевает кажане, и в таковой нищетоной одежде исходить от жилищ своих в далняя страны пустыя, леса, промышляют звер соболей, дражайших черных лисиц, горностаю, белку, на которых вещех драгость всяк взирая, промысл и труды бедников оных снискаемую их же видя скудость, прилично сие помянуть им Овидия:

Собирает пчелы сот; но от трудов ясти
Крупница им дается, иным же вся части.
Ни себе сладость сию пчелы собирают.
Горесть трудов приемше, инных услаждают
Так и остяк бедный с премногими труды
Собирает драгость шуб, украшает людей,
Сам наг горкой нищеты вся поносит злости,
Вес скуден, една кожа, под кожею кости.

Зелная же скудость понуждает я от птиц, гусей, лебедей здирати кожи, яже по своему обыкновению выделывают израднo, болшия, истребивши перя самой толко оставлше пух; трудами же своими кожу умягчивают и составляют шубы; сия же и теплыя глаголють быти, аще и скудость зелна преодолевает, обаче красоты желание понуди я особеннейшия для украшения утворати одежды, наипаче женский пол тщателен о сем: утворають одежды своя иногда из сукон обычаем тем же, что и мужы, токмо должайшыя, даже до самой земли; украшают же цаты от олова в низу и наколо цату близ цаты покладая; оныя же суть излиянны в подобие взоров; на главах же имеют покривала из холста, вся различием цветов изшита и изпещренна, сим не толико главу, но и лице все покривают, да не явленна и зрима будеть иностранным лепота лица ея, зане имеют се знамения стыдения; аще от иностранных лепота лица зрима бывает; обще же все наипаче украшаются червленными одеждами, зане той цвет приятен им зело есть, от сукна ли или от камки, яко началнейших

оных жены употребляют камчатих одежд, но всегда червленых.

17. Разньствие чына между има малое зрится, все бо в единоравенстве пребывают; толнко се вносить им чына разньствие, егда кто имением паче иных знаменитейший: того за начальнойшаго себе почитают и сиею титулою чести почитают его князь. Повинуются же от друголюбного себе произволения, вящше неже властью и силою законоуложения какового покоренны. Бываху же иногда природныя их княжичи, но сих род древностию пресечеса; аще неции и остаха от племени рода княжеска, но не имеют первыя своей власти правления, ни дани от них взимають, ни правовластием судить иматъ, но вси за едино под правлением комендантов по городам указом царского величества уставленных обрытаются. Имеют же своя всяк княжик пределы и по разных речках особеннейшая своя улусы; от рек же название свое себе употребляютъ, яко от Сосвы реки — Сосвинский княжык, от Лапина — Лапинский, и прочая. Сим обычаем чынов их власть и должность сия есть: дани от себе належащия и от порученных своих собрать, принесть в город комендантом и отдать в казну царского величества. Судов же главных никаких промежду собою не судять, но властью комендантов, до какого присуду какова волость принадлежать, суд и розправу окончываютъ; и дани от них, яже они своим языком ясак нарицають, аще ли замедлят, наказанием и жестокостию исправляютъ.

18. Аще скуден и нищетою отвсюду одержим сей народ, но ясак или дани их дражайшая, обаче труды их и промыслы премногии богатства в казну царскую собирают; зане их промыслов весь звер соболь, черныи лисицы, иже дражайшею красотою своею из цены выходить, белка, горно-сталь, песцы, бобры и прочая различных родов зверы в казну царскаго величества приходят. И сими израднейшими вещми не толико во европейских государствах преславно государство Московское, но во Азии вымокия славы есть, зане государство Китайское через торговыя промыслы сими израдными вещми довольно наполняетъ, а оттуду безмерныя собираются богатства: злата доволства драгих камней, камок, шелковых парчей, сосудов фарфоровых: вся же сия едиными прежде реченными товары, яже от дани и промыслов народа сего имеют. Дани, им налагаемая, сицевым чыном расположены: яже вниз по Оби, сии обложены вся

кто луком промышляют в един соболь знаменитый в имении: по три соболя в год, соболь же поставлен ценою по семи гривен. Се же сего ради, аще не получат соболя, или не похощет сободем дати, то в колико соболях обложен, толико по семи гривен в казну царскаго величества должен отдать; бывает же иногда благополучна целая волость, что единою черною лисицею, яже нецый марморкою нарыцають, всю свою должность выплатити может: суть бо сии яко безмерной красоты, тако и дражайшей цены, во сто рублей, трех сот и вящше, яко же и прежде рекохом, иная драгостию своею из цены выходить. Каковыя убо от их промыслов собираются в казну царскаго величества прыходы, всяк свободно и известно уразумети может. Суть же нецый на хлебородной земли, наипаче около Тобольска, сии вящше обложени: всяк, кто своим домом, по два и по три рубля обложен в год; зане оныи и от плодов земли собирають имение, и скотом полны, на звер и на рыбу дополны.

19. О всех сих прежних народа сего известившихся обыкновениях и обхождениях, прилежеть и о супружестве их помянуть. Супружество их никаким не утверждается по их зловерию законным установлениям, но на произволение и уговорах самих состоится. Егда бо хощет кто поняти себе в жену у которого дочер, тогда отец ощеры поставляет оной цену, яже, по их, калым нарицается. Совершивше же договором и утвердивше оный калым, назнаменанный оный зять, егда хощет зарученную себе невесту приветствовать, должен сохранить сей обычай, чтобы не явственным лицом, но обращшеся плещми своими входил в жилище тестя своего, ниже взирая дерзнуть на лице его, но ускораеть на место, иде же она зговореная сидит; се же обыкновение в знамение смирения есть противо родителей. Мнять бо аки новому сему усыновленному не достоить вознесенными очесы взирати на лице отца, а наипаче матери невесты своя. Калым обычно поствляется во сто рублях, противно же сего назнаменованный зять вещи своя полагает нужнейшая: лотку, лук, пса, и отдает я тестю своему в цену, сам же по своему изведению платежчых своя вещи — оцениет и ставит лотку в шести и десяти рублех, и прочая. Такожде безмерною высокою поставляет ценою безделныя своя рухляди, донели же ввес уставленный исполняется колым; егда же исполнить, тогда отец поемлет ю и отдает зятю, наказуя да сохранить союз любве пови-

новатися мужу своему; аще же калым вес не исполнить за скудостью своею, то не может отец из дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же с нею свободно в дому своем не возбраняеть пребывати, донелиже вес калым заплатит, и иных же обхождений не имеют, ниже пирования каковаго; толико отпушая из дому дщер свою в жилище мужа, покладает на оную шубу; аще ли от нарочытых, то всячески ищеть червленою почтит одеждою. Имеют же жен толико, елико кто может препитати и калымом заплатить; свободно же жены своя имеют заложить, дать, даровать и продать, отпустить и инныя воспрять, и такому обыкше беззаконию многия жены по две и по три, и елико кто может держить.

20. Таковое их преизлишнее женорачительство, яко всяк от них неистовою похотию понуждаем содержать многих жен, таковое же их во всем неумеренное житие, необычная повседнесная пища: риба, жир; хлеба же, сердце укрепляющаго, нимало вкушают; питье едина вода, и инния нерадивая и гнүсная в житии обычаи нисведоша их впасти в такии неизцелный нечистоты недуг, еже мниться быти проказа, или весьма нечистотость толико же люта, яко живу человеку гнилостю снedaеть уста, нос, ноги, и многим все тело, даже до костей снedaемо бывает. Жестокою же сею язвою вящшая их часть поражена, не опасны бо в таковом своем зловредительном недуге, но все единокупно пребывая един от единаго зарадається. Нерадивых же о сем не мало: егда коно начынаеть сия болезнь язвити, тогда начало вредителному сему недугу никаковаго не ищеть врачевания, и не толико имеют попечения о исцелении, но ниже ради облегчения болезни язвы согнившыя чым прикрывать. Но не ради о сем, берестом гниущию обвив язву, за промыслом в далное разстояние или где в путь идет, и доселе ходить, донелиже весь согнившю сию язвою поражен падеть. Удивление ест необычное разумное твары в болезни так жестокой о себе нерадение. Лубомудрецы, иже о естестве зверей взыскують, свидятельствуют, что зверие, егда язвою якою поражаемы бывают, ищут от земли яковаго врачевания, чим бо исцелить наносные язвы. Пес язвы своя лижуще облизанием сим от взвы взымаеть и врачевание язвам своим приносить. Но се твар, аще и разумная есть, обаче по естественной самого себе любви никакого о своем здравии не имеют попечения; но доселе со язвою гниущею ходить, донелиже все тело гноем в конец

истощится. Врач же души и телу, господ да будет живот и исцеление роду сему, зане зело во младых летех таким поражаемы недугом безвременно лишается бытия.

21. Толико зловредительная язва народ сей смиры, яко зрится неугоден до воинских дел, и самая природа вящше трепетных, а неже мужественных являеть. Обаче знамение воинских дел: шабель, панцеров множество обретаются, но вся сия ветхая, а наипаче при кумирах, и оттуда являється, что древних лет народ сей упражняшесь воинскими делы. Древних же писателей о сем ничтоже обретохом, толико писавый — некто о взятии Сибири Ермаком Тимофеевичем воспоминает о дерзновении их. Егда по убиении Ермаковым и паки Татаре, Алей, сын царя Кучума, и князь Сейдак град Тоболск пообладаша, Россияне же, во второе лето по убиении Ермаковым, с воеводою неким Иваном Мансуром приплыша под Тоболск, внити же в он за множеством неприятелей и крепким их возбранением не возмогша, но пустишася вниз по Иртышу в Об, в сию воспоминаемую Остяцкую страну, и озимиша плаванием своим, и поставиша на устии Иртыша ограду некую пребыть в ней зимное время; Остяки же в пределах своих не восхотевше попустити, прыступаху крепко ко ограде сей со кумиром, его же помоществования ради взяша; егда же от Россиян случаем из пушки поражен и сокрушен бе идол, убояшася видевше сего сокрушенна, его же заступлению и помощи себе вовираху бегством от Россиян отступиша, и толико о дерзновении их извещения. Егда же и паки победоносным оружием вся Сибирь под область российскому скипетру прииде, тогда и народ сей зело великому порабощен смирению. Ныне же вящше их смирает толь неизцелный недуг, иже всегда множае понуждает вздыхать в болезни и частей от сего погробателная внимать сетования.

22. На погребении своих умерших имеют от зловерия древних своих старейшин законоустановленные обычаи. Егда кому отец, или мать, или муж жены, или кто в племени свойствен от живых преиде, тогда проводяше его сродницы до погребения в Знамения сердечного жаления терзают власы своя, и елико возможно ногтми одирает лице свое до крове. Власы же окровавленные мещуть на умершаго, зане зловерием своим чають, яко душа по несколько днех придет рассмотреть знамения болезней, от них же праведную умерши и себе любов свойственных своих внем'ше и в оном вецы вечно благодарить не устане. Имения отчастей, а паче

нужная в житии: одежду, лук, стрелы, топор, котел и прочая с умершим во гроб полагають. Се же прияша обыкновения частию от Чуцкого, прежде обитавшаго zde народа, частию сами своим зловерием мнять, яко по смерти житейския употребляють пищи, сего ради и вся нужная в житии с собою полагають. Станный же, безумия и безстыдия исполненный обичай наипаче жены их по смерти мужа своего содержать. Умершему же мужу, жена прием одежду его некую, изсекше себе от древа наподобие человеческого кумира, полагает на сего одежду мужа своего и прибирает утварами в подобие умершаго, поставляет же его на месте, иде же обикл быше муж ея сидети; вся же, что ему живу бывшу угодная бяху пища некая, сия сему бездушному древу усердно уготовляет и на первом седалищи своем, иде же присядят — приимати пищу, и его з собою положше, об'емлет, лобазает кумира сего, аки жива мужа. Верует бо умершу вся сия ведать и душа умершаго иногда в сего утвореннаго идола в'ходить. Содержит же сие чрез некое время, чрез год и вящше упражняючися сим безчинием, последи же идола со всем во одежде скривает в землю, провождающе с плачем и жалостию.

Глава III

О злочестии идолопоклонения

1. Зловерие их вящше — самое беззаконие и самая крайняя мерзость запустения, в такую бо естественнаго их ума светило паче безумия бездну, яко ниже изчислити их нечестиваго многобожия людей, егда уклонишася в путь беззакония вес сих идолонеистовства сонм изваянну поклонися телцу в Вавилоне, телу златому поклоняхуся. Елины же Крону, Юнони, zde же един народ сей, но всяк от них изменивше славу нетленнаго бога в подобие птиц, гадов, различныя утвораху боги: иныи поклоняхуся кумиру по подобию звериному, наипаче медведя, иныи же в подобие птиц: лебедя, гуся и всяк по своему пристрастию, до чего вящше пристрастен есть, боготворяще и толико безстыднаго многобожия — елико умом познаваху тварей, толико подобная изображаху боги. Иная же безвестная подобия твораху, ни от зверей, ни от птиц, но некия лежащая в зыбках дре-

вища, повитыя кожею, сукном и холстом, посреди же часть стекла зеркального уложено, боготвораху, и прочии. Откуда же сие в них такое различие многобожие вниде, мниться, яко желание скверно прибытчества нанесе им сия. Мнози бо от них злохитрецы желающе чюждым обогатиться трудом, дивно различная новыя утворяють твары, боготвораше, да сими вящие новымы твары дароприношения и почитания слепотствующий привести народ, новостию бо и дивностию прелщены, вящие влекомы бывають до частаго видения оных, сих же приемлють обычаи дароприношения скверных жертв, частым ж приношением самоделцы мнимых богов со жрецы доволно сыты бывають; сего ради скверно прибытства многие оных жрецы, по их наречию шаманчыки, в вечное диявола порабощение и союз единодействия волхования и мечтой себе владоша.

2. Жрец их и всяк самоделец кумира, или настоящих по наследию отец или сродник своих державец идола, чиновства же пределительнаго по своему зловерию никакого не имеют: кто утворит или содержит идола, или себе претворит ревностию около идолов всегда упражняться, наипаче егда кто обще от всех вящие разумети мнится, то и жрец бывает. При главных же кумирах (о них же последи известим) особ пределительный и уставленны бываху, всегдашние стражие сии и жрецы почитаются. Чына их должность всегда быти служителем лжи, иногда бо скудость в препитании поощрает лестию народ до приношения жертв, об'являя аки бы сего требуют мнимыи их бози; егда же похощет кто зрети, тогда приводят скота или зверя, над оным же жрец баснословит пения, моля, да подасть изобилно ловление рыб, зверя; сам ж помоществует жрущему до убиения скота, и за труд сец часть снedaет с жрущим. Суть же нецый, иже мечты некия и волшебства творять, предавшись в вечное порабощение сатане, и обычно будущия кусаться предвозвещати. Егда же сих нецый хотять известитися, наипаче о повседневных своих нуждах, о промыслу на рыбу и зверя, тогда волшебствующаго вводить в темную хижину, и тамо его накрепко связуют, сами же присидять играюще в своя свирелы. Связан же некими восклицает кудесными словесы, призывая союзника своего сатану. Обычно же се всегда в нощи творять; тогда по несколько часех взыванию их входит дух бурен некий шумящ. Приседаящи же бежать из хижины, оставльше связаннаго волшебника, его же пытлив сей дух емше долу и верх воз-

носить, сокрушает всяческий мучаще, ея же ради и свя-зуют его, да не камо неистов сый от мучений избегше погибнуть. По неколицех часех дух нечистый лстивыя предвещания, яко отец лсти влагая в ушеса его, оставляет; он же ели жив свободается от мучения и разрешается сам, вещает же лстящи предибудущая. Иногда же лестию прелщенны, иде же чають изобилие рыбы и зверя — ничто же тамо приемлють; иногда же прелестию впреди уловляя слепотствующий народ, сбывается предсказаемое, изобре-тають изобилие рыб; аще же бы всегда лож бяще неухищ-ренна и не укрыта неким мнением, правды не бы вероваху впреди лестем его и мечтам, но хитр сей бес, како прелест-ныя своя сокрывати сети.

3. Сими бо кудесными прежде рекше тоlikое различие, введеса многобожия и безчисленное изображение кумиров, их же богомерзце почитают, почитание их нечистивого многобожия несть каковыми пределы уставленно, ниже есть обще повседневно, но всяк по своему изволению когда об-ращает посему время, почитание и поклонение творят. Обаче зане праздными руками никогда почитание не бы-вает, всем народ общий пребывающих всегда при куми-рах жрецов молять наставления, кним кумиров почитанием учредить, всяк же жрец притворяет себе особеннейшее иметь со своим кумиром союзство, аки бы ему всегда нужная требования мнимых богов об'явленна суть сего ради. Аще кто по своему зловерию здравия ради, приобретения име-ния, в нуждах отрады яковаго хошетъ молити кумира, тогда жрецу онаго об'являетъ намирение свое приносить жертву и прыемлетъ извещение, что прятнейше требуетъ бездушный той истукан — пирования ли яковаго, одежды или инных нужнейших, таковыми дары и почитанием ку-мира и снабдеваетъ. Обще же народ не всегда взискуя извещение от жрецов, но сами приносятъ кумирам раз-личныя утвари: холсты, сукна, множае от кожъ зверыных и рыбых, и оными в почитание принесшими повиваются, иже тоlikо сими странными рубищы утолстеваютъ, яко в пятидесяти аршин толщиною бывають; древа же самага исеченнаго не вящше поларшына весь же расшырен иско-ни приношением тех утварей, ими ж повивають. (Тако обре-тохом в Шоркоровских юртах кумира единого: в среде по-ленце от пятьдесят лет прикладными обвитое сукнами, а на верху з жести изваянная личина мало что бяше подобие человека. И егда то во огонь ввергохом, так смраднаго дима

всех нас наполни, яко едва не избегахси от их селений.) Иногда же украшают кумира своего и снабдевают одеждою червленною, наипаче егда некоего благополучия, достояния в ловлении рыб, промыслу на звер воспрять желают. Егда же желаемых благ не получают, тогда из него одежду снем и его низрынуть в безчестное место со всяким ругательством; последи же паки вводят в первое чести достояние. На холмах же превысочайших и местях израдных, всякому ведению приятных, кумиры своя поставляют, иногда далече от своих жилищ особне поставляются. Се же в знамение чести угодная и израдная изобретают места, кумирни пространныя созидают, в них же покладают кумиры и тамо приносимыя пред ними скупают своя жертвы. Другия же меньшыя, в них же складают кости по зловерии своим и соблюдают сия, мняще яко недостойно пометати безчестно костей, приносимых на жертву.

4. Обыкновение и чин приношения жертв тожде несть каковыми уставлено чреды, яко же прочии идолопоклонники, наипаче же Мунгалы, иже уставленныя чреды приношения жертв имеют на нов месяц; zde же слепотствующий невежа Остяк никаких чред не имея, но егда несытое их до пирования понудить чрево, или кто почитаемый в место жреца нская угодия несытой гортани отверзает оную извещает, яко бози требуют жертв приношения, за сия же некая обнадужует обрысти благополучие, тогда и чреды время приношения до крайняго же своего разорения ищут зверя или лошадей на жертву; наипаче бо обыкоша сии, что ближе татарских жилищ пребывают — приносить лошадей, зане сообщаясь с Татараы обыкновением их и ядению татарскому мяс лошадиных пристрастилис, сии, и на скверныя своя жертвы употребляют лошадей. А яже в далних пустынных селениях обитают, сии елени наипаче приносят на жертвы, зане сих аки домовый скот у оных многоплоден. Егда же приведают жремое пред кумиры, сиевым обыкновением сие в жертву приносят: иже вяще буесловити может, сей вместо жреца началствуя, приведеннаго скота приемлет и связует первое ноги; другой копие приемше, держать прамо противу жремаго скота; третий с напруженным луком станеть; (четвертый з секерою станеть противу очий приведеннаго зверя). Начынает убо жрец баснословити песньми моля идолов изобилие рыб подать, угодное ловление зверя получить. Окончавшу же сие, ударает скота первое сам жрец уготованным на то орудием, потом

другий язвить стрелою, третий копием. Падшу убо скоту, еще дышушу, емлють и трыжды около идолов сего обносять, последи ударають ножем в сердце, испущая кров в блюдо кроплять сею мерзостию и жилища своя, идолом же уста помазуют, в украшение же и всегдашнее воспоминавание кожу со главою и ноги даже до колен за едино з кожею на древах завешуют над кумирнями и избирають на се крепчайшия древеса, наипаче некое лествичное древо, иже подобно сосновому древу, но крепчайшее и не гниющее паче иных древес; мяса же сварив, избраннейшими частми кумиром уста смазуют; последи же вся сия сошедшеся с чады и домовники своими снедают. По снедении же, в знамения благодарение, палица своя на воздуху бросають: се мнять нечистаго духа, его же боготворать во оном идоли, с ними на том же пировании приседящаго провождать возносящагося на воздух. Глаголють же, яко и страстки ради сия творать чтобы сохранил честь творимую им. Обыкоша бо за злополучие некое безчестить идолы своя, и сего ради при всяком приношении жертв знамения страха являют, желая да вящше о сем имеют попечение на звери и на рыбных ловлях добрым их обдарить промыслом. Сим частым жертв приношением в премногую внийдоша нищету и крайное разорение, яко чад и жен своих продаваху заимодавцем своим в работу.

Егда бо скудость и нищета его начнет одолевать, тогда лестное мнение и тщетная надежда понуждает сего приношением жертв снискать себе у идолов благих неких приобретения, не имея же откуду промыслить на жертву скота, жену и чада в заклад отдает, надеясь обретшим благополучием искупить оныя; но лестию сею иногда погубляем бывает, надолзе тщетным чаянием: искаая благ, ничесо же обращает, а не имея чим искупить, жены и чад лишается. И тако мнимыя их благ датели, боготворимый во идолех дух лжи утаенною лестию безвестно сих невежей истребляеть имения, и чаянием будущих имущая погубляють.

5. Между розличным кумира почитанием премного почытаются и дивии зверие, наипаче же медведь: его же почытають должностию, виновных себе разумеють быти, зане зловерать, яко по убиении от рук аще не буде почтен, то свое убиение убивающему отмстить; и сего ради аще случыться им сего убить, снемше кожу пред кумирнею поставляють, распростирая оную, приподобляюще аки жив, сошедшеся убо игралища, плясания около сего творать, из'яв-

ляеть же песньми невиновна себе его убиению, глаголя: яко не он делатель железца и стрелы, ниже сего пера (суть правящий стрелец) (Русак укова железо, пера орел — родитель), такими песньми восклицающе, последи приходить и лобзають распростершую кожу; удоволивши же себя сими дьявольскими игралищы, оную возьмет властитель ея и продает ю аможе хоцеть, и употребляет без сомнения. Странное сего диваго от зверя почитание мнитья тоежде быти отчасти идолопоклонение, зане клятвы своя на кожи утверждають и зело со опасением соблюдают; многим бо случается, иже сие сбывается им, яко от зверя сего поражаемы и убиваемы бывають кленующиеся лестно; ложными же усты и клятвою предающиеся зверя сего убийству. Аще же се бысть острою и хитростию дьявольскою, иже истинну действовать претворяет себе, да сим инным множайшим лестием веровати народ привести. Мнитья же, яко и попущением божием бысть се во лжи наказанием, а не действие сатаниным, зане сей разоритель истинны, а не блюститель оныя, а таковая страсть удержаваше от всякия лжи и неправды их зане господь и в языцех понуждаше истинну.

6. Егда же верность государю своему его царевскому величеству клятвами утвердити и явити случай понуждает, тогда по их зловерию и обыкновениях полагають сего же прежде воспоминаемого зверя кожу, на ней же топор, нож и инныя страсти орудия. Хотящим убо утвердити и обовязати верность свою клятвою подають сим нож, снем с кожи, на нем же на концы часть хлеба положше подають, вместо же черты талмач выговорит: «Аще лестию сию клятву утвораете, и неправедно служить и радеть в отдании ясаку будете, звер сей отмщение вам да будет и от него смертью да постраждете. Хлеб сей и нож да погубит тя, аще не правдою верностию, ею же обещаешися, творыти хоцещи». И сей обычай главный и всенародный клятвы обещания: междоусобным же прением и сваром егда иматъ клятвою что засвидетелствовать и смирить прекословная противности, то пред идолы своя домашняя противящийся приходить, и ему же клятвою оправдितися подобает, сему старейшыны их нож дають, в руце, повелевая: «Аще ты сему на тя важдающему невиновен, се имашы нож. Возьми идола (по их наречию: шайтана), сокрушай и ссечы его; не опасен же вины взять идола, сокрушает и ссечет приговаривая: взыщы виновнаго и тако сокрушай, содержаый в

работе своей враг». Иногда виновному сия утвораеть, се же не яко хранитель истинны, отец бо лжы, ненавистник есть оныя, не яко обыкль тму укрывать блистанием притворнаго света и явственную лжу хитростями, истинну превтворають, тако и zde да не всегда явить себе лукавым лестцем, иногда принужден отчасти явити себе хранителя истинны, и языцы бо аще бы всегда лукавое и лживое видели действие его, отвратилися бы лестей и лукавых обычаев его, ими же уловленны впадоша в богомерзкое идолопоклонение. Но сей исконе льстец, содержа их в сетех своих, соплетает и истинну с лестию, да сим коварством множайшим лестем вверити может и благое (к добру) прытвораеть себе действием, (да злым скорое сообщить) и ничтоже сему противу есть явити иногда притворную истинну, дабы толико сею низвел множайшим прелестем веру яти сими же и паки прелстившихся низвести в погибель еже едино искони его тщание.

7. Между различным многобожием содержаху разньствие (и сие) домашния своя божки, яко всегдашнее свое рукоделие, не такую честию почитаху, зане естественным ума познанием творимая своима руками, всегда видя, повседневно же с ними имеют обхождение, малым чым умаляют почитаний от древнейших (прежних почитаемых си) богом сим бо высочайшею честию покланяхуся, зане делом отец и праотец своих усердие ревноваху. Ревностию же и древностию обыкоша и узакониша себе вящим повиновением покланятися сим, иже древность остави им, восприяша убо от предания и злочестия старейших своих древностию почитаемых богов, их же во всей Остяцкой стране почитахуся три первоначалныя: нарыцаху же ся Старык Обский, Гусь и Кондийский, о них же последи.

8. Старик Обский сей имеюще скверное свое хранилище на усть Иртиша прежде Самарова града. Бысть же сей по их зловерию бог рыб, изображен безстудне: доска некая, нос аки труба жестяны, очеса стекляны, роги на главе малые, покрит различными рубищы, сверх одеян червленною одеждою (з золотою грудью). Оружие — лук, стрелы, копие, панцеры и иная — около его бяху положенна. Вину собранного оружия, по мнению зловерия их, сию сказуют, яко сей в водах брань часту имеяше и прочия подручная себе побеждаше. Мняху же безумне яко шкарад сия ужасна видению всем в моры, и в великих водах страшна есть, приходить сквозь вся бездны, в них же рыбы вся и зверы

водныя под своим имеяше направлением, и елико кому похощеть, толико попускаше. Имеяше две кумирни: первая яко воспомянухом пры исходе Иртыша, иде же впадаеть в Об; другую же при великой рыки Обы, в них же по трилетно пребываше; егда время угодно начынається быти ловлению рыб, когда прешедшей зымы солнечным сиянием льды распущаются, и воды зелныя студень и жестокость во благоприятную изменяются теплоту, тогда служители бесов жрецы их начнуть лестьмы коварно произносить, аки бы видение прыяша от сего бездушнаго истукана, что вся рыбы морские времени сего ввести имеет в ловли их, народ же издревле помрачен лестию веру емлет, великодушествуя в надежде скоро исходить к ловлению рыб, и первую рыбу морскую, юже Нелму нарыцають, егда по случаю обращуть в его мерзкую прыносять жертву, сварившие сию прежде сытостию уста и нос идолу сему змазуют, прочая же сами снедают; снесше, по обычаю своему, вместо благодарения палками мешут на воздух, его же приемлют с честью, аки бы что достойно приносят из кумирни до другия кумирницы, провождающе же различная бесовская творять игралища. Егда же на первом ловлении морския не обращуть рыбы вскоры, возвращаются, с премногим ругательством, нападая нань укарають, яко безстудная старости сего толико, отец и праотец наших неблагодарен забыв почитания и нерадив о рыбном промысле, погубляет голодом нас; малословном же его 'ругая, вящше скорое дело ругательство из'являя свергше с хранилища, вервою оцепивше, влекут его во вся безчестная места, попирая всяк ногами и оплевая его, и дотоле в сем содержать безчестии, донележе полов рыбный начнет исправлятися. Приличествует zde воспомянуть обычаем сим повесть о некоем древнем идолопоклоннице, иже, крайнею одержим нищетою, внийде в кумирню моляше, некоего кумира о благое некое подаяние в нещете; кумир же бездревян, в главе же часть злата держаща. Надолзе же сему молящуся, ничто же обретши, прием кумира удари о землю; сокрушившемуся убо всему, из главы испаде злато, требующий же скудник прием рек: «Молением ничтоже обрытох, биением же вящше получил тя благодать». Добре сего искуства и обычаев бедственный употребляет Остяк, егда чего у своих почитаемых благодателей немилостивых божков молением не обрящет, биением же взыскуеть.

9. Гусь боготворимый идол их бяше, изваян от меди в

подобие гуся; име скверное жилище в юртах Белогорских при великой рыке Обе. По их зловерию, почитается бог птиц водных: лебедей, гусей и всякого рода птиц, иже водному обычны плаванию: мняху же яко за легкость свою сий летая невидимо по местыцах веселия исполненных и видения приятных вся покараше под область свою птицы. В кумирни седалище его бе от различных сукон, холста, кожей, соплетено в подобие гнезда, на нем же сия вселшаяся прочвара сидяще, почитание бе того немало всегда, а наипаче во время егда ловление птиц водных начинашеся, зане и места zde к ловлению их зело угодно и множество безмерно различных родов птиц. Славим же бе толико сей идол, яко от далечайших селений прыхождаху скверная своя совершающе жертвы, едыным обычаем скотов, а наипаче лошадей приношаху, имеяше твердое о сем мнение, яко сей есть скорейший многих благ датель, а наипаче изобилие подаеть получать птиц водных. В сем подаянии народ прелестию сатаны ослеплен, и наипаче являющий себе вместо жрецов лжесловием своим во всей Остяцкой стране прославиша сего толико, яко многия невежды вероваху чудесная некая приимать благополучия, и многия тщетно нажеждою прелщенны обезумишася: скота, его же всегда (может) без трудов употреблять в препитание свое, пожреть сего бесу сему, сам же чаянием благ надежден летаемая по воздуху трудом снискать птицы, яже иногда чающе получитьи в руке, очесы и мыслию летаемая по воздуху провождает, вещью же обретается гладен и скуден, но обаче возлюбивший злобу паче благодетели, неправду неже глаголати правду прославляху его.

10. Первоначальный же и паче всих настоящий кумир zde бо заедино з Гусем бысть во единой кумирни в Белогорских юртах. Сего и Кондийским прежде воспомянухом, по сему что народ сей зело по своему зловерию ко оному имеюще усердие; ныне во время сие егда искореняшеся идолобесие, сохраниша сего истукана и уносоша в Конду, откуда же и Кондийским нарекоша. Там же Вагулитам, единомысленным зловерия своего союзником, в соблюдение даша, сего ради и не получыхом видети и известно описать о бесстыдном изображении его и доселе тамо пребывает, соблюдением, донележе всесилною десницею сий достигше сокрушить и потребить.

СЛОВАРЬ

Абие — вскоре, тотчас, немедленно, потом, вслед за этим.

Абыс — татарский поп, мулла (собственно — отец).

Аз — я.

Аки — будто, наподобие, по примеру.

Аможе — куда, в которое место.

Аще — а, ежели, если же.

Бегу ятсѧ — обратиться к бегу, побежать.

Безденные — темные, мрачные.

Безстудный — бесстыдный, нахальный.

Бо — частица — же, ведь.

Блюдохся — оберегался (от слова «блюстись» — беречься; 1-е лицо, прош. вр.).

Брань — война; ругань, ссора, поношение.

Буесловити — говорить глупо, вопреки здравому рассудку.

Быст — бых, бяше, бяху — прош. вр. глагола «быть».

Ведать — знать.

Видевивши — зная, ведая.

Венчася — от слова «увенчаться» — окончиться.

Вем — ведаю, знаю.

Вертепы — пещеры, места обитания зверей или людей.

Верва — веревка.

Вертоград — огороженный сад.

Вина — причина.

Вмистить — внести.

Внезапу — внезапно.

Вожделение — сильное желание, великая охота.

Воя — войска.

Вящше — больше, сильнее.

Гладен — гладкий.

Грядем (от слова «грѧсти» — идти, шествовать) — идем.

Да — пусть, пускай, чтобы.

Десница — правая рука.

Дивий — дикий, лесной, в пустом месте находящийся.

Днесь — ныне, сегодня.

Долу — вниз, на землю.

Донели — до сих пор.

Досезати — доставать, постигать умом.

Дотолѧ — до сих пор.

Дуну рек — изрек, высказал.

Егда — когда.

Еже — чтобы, дабы.

Еленми — оленями (от слова «елень» — олень).

Елико — сколько.

Есм — от гл. «быть» (1-е лицо, ед. число, наст. вр.).

Жерц — жрец.

Жремое — приносимое в жертву.

Занеже — потому что, для того что, ибо, так как.

Запять — воспрепятствовать.

Зелие — злак, трава огородная или полевая, в пищу употребляемая.

Зело — весьма, много, очень. Зелый — сильный, большой.

Злочестие — мысли и дела богопротивные.

Зратсѧ — виднеются, представляются взгляду.

Зрачный — видимый.

Идеже — где, в котором месте.

Иждени — уйди, выйди.

Иже — который, -ая, -ое.

Избодше — выколов, исколов (избодение — выкалывание).

Извет — явка или донос.

Изследить — оставить после себя следы.

Имение — имущество.

Инако — иначе, иным образом.

Искони — издавна, вначале.

Инуде (инде) — в иное, в другое место.

Истинствовать — говорить истину, поступать справедливо.

Истый — точный, подлинный, тот самый.

Истягает — вытягивает.

Како (вопросит.) — каким образом, способом, почему.

Камо — куда.

Камка — род шелковой китайской ткани с разводами.

Крын, крин — лилия.

Ладии — лодки.

Лактий — то же, что локтей. Локоть — мера длины.

Лепота — красота, украшение.

Лестцы — лъстецы.

Лесть — ложь, обман.

Мешут — мечут, бросают.

Мнех — от слова «мнити» — думать (ед. число, прош. вр.).

Мраз — мороз.

Мрежа — рыболовная сеть из ниток.

Могутство — могущество.

Марморка — серебристо-черная листва.

Найпаче — особенно, главным образом, пуще всего.

Нань — на него.

Нарекоша — назвал.

Недузуют — болеют.

Не тще — не напрасно.

Неули — неужели.

Неусхне — не сохнет.

Нециш — иные, некоторые.

Ниже — отрицание «не».

Низринуть — низвергнуть.

Нозе (нози) — нога (ноги).

Несть — нет.

Обаче — однако, впрочем.

Обращет — найдет.

Обыкоша — от глагола «обыкать» — привыкать, приучаться к чему-либо.

Овамо — туда.

Огепална — опаляющая своим пламенем.

Окрылатовать — окрылатеть, обрести крыльями.

Оный — тот, а также употребляется

в значении личного местоимения «он».

Отверзе — от слова «открывать».

Паки — опять, вторично, вновь.

Пажитный — годный для пастбы скота (пажить — скот).

Палица — батог, трость, посох, жезл, палка.

Пама — пальма.

Паче — более всего, преимущественно, предпочтительно.

Пекийся — от слова «печься» — заботиться.

Плевелы — негодные растения, сорная трава.

Полнощный — северный.

Полнощный круг — Полярный круг.

Полуденный предел — южная граница.

Пометати — покидать, побросать (от слова «метать»).

Понеже — ибо, потому что.

Поняти — взять.

Поостры — от слова «поостроить» — поощрить.

Попрыщ — мера длины или пути.

Посмеиваяся — подвергая посмеянию, поруганию.

Преди — впереди, наперед.

Препяття — препятствия.

Преоделяет — определяет.

Прием — взявши.

Присно — всегда.

Прозреть — начать видеть, понимать.

Пухлина — опухоль.

Прострежеся — распространившись.

Прибытчество — нажива.

Сверыл — свиреп.

Сей, сый — этот.

Сельный свет — сельный — в поле растущий, полевой.

Семо — сюда (сема и овамо — сюда и туда).

Сень — тень.

Сие — это.

Сице — так, таким образом.

Снедать — съедать.

Снемше — снявши.

Стезя — тропа, дорожка. Способ к достижению чего-либо.

Тако — таким образом.

Талмач — переводчик.

Тверд — твердо, крепко, прочно.

Твердь — основа.

Тещи — течь.

Тоже — тоже.

Толико — столько.

Толикое — столь многое, столь великое.

Тщение — старание.

Убо — итак, сего ради, следовательно, посему.

Удоволяет — удовлетворяет, доставляет удовольствие.

Узилище — тюрьма, темница.

Укоснуть, укоснение — замедление.

Умроста — умерли.

Февруарий — февраль.

Цаты — украшение из подвесок.

Червлёный — темно-красный, багряный.

Шкаредь (шкарад) — мерзость, пакость.

По шти — по шести.

Язвити — ранить.

Яко — как, что.

Ястие — яство; употребление, вкушение пищи.

Записки лейтенанта Харитона Лаптева

Харитон
Прокофьевич
Лаптев

Харитон Прокофьевич Лаптев родился в 1700 г. в деревне Пекарево Великолукского уезда, в дворянской мелкопоместной семье. В деревне было 6 дворов, в пяти из них жили 17 крепостных, а в шестом — сам помещик, отец Харитона. Детство прошло с крестьянскими детьми на реке Ловать, мальчик участвовал в нелегких крестьянских работах, которые закалили его, воспитали волю и настойчивость.

Как все дети небогатых помещиков Петровской эпохи, начальные знания по чтению, письму и арифметике Харитон получил у местного священника. В 1715 г. он поступил в Морскую академию в Петербурге. Вместе с Харитоном туда же поступил его двоюродный брат Дмитрий, 1701 г. рождения. Академия давала лишь начальное морское образование будущим штурманам и строевым офицерам. В основном там делался упор на самостоятельное изучение предметов под контролем преподавателей. В 1718 г. после сдачи экзаменов братьев Лаптевых произвели в гардемарины и зачислили в Балтийский флот.

Два года спустя Дмитрий, которому морская наука давалась легче, получил первый офицерский чин мичмана, а через 5 лет он уже командовал кораблем в чине унтерлейтенанта. Дальнейшая судьба Дмитрия сложилась благополучно: он был удачлив в чинах, но менее преуспел в открытиях, чем его брат Харитон. Харитон получил чин мичмана в 1726 г. В 1733 г. Дмитрий был назначен в состав Великой Северной, или Камчатской, экспедиции в чине лейтенанта флота, Харитон в эту экспедицию не попал.

В 1734 г. во время службы на фрегате «Митау» Х. Лаптев чуть не стал жертвой дворцовых интриг периода правления Анны Иоанновны. Два года в числе других незаконно обвиненных офицеров он находился под стражей.

Только в 1736 г., после разбирательства дела, офицеров выпустили на свободу. В 1736 г. Х. Лаптев плавал на Балтике, а осенью он был послан на Дон, где намечалось строительство флотилии на случай войны с Турцией. После успешного выполнения задания Х. Лаптева назначили командиром придворной яхты «Декроне» в Петербурге. В ноябре 1737 г., узнав, что в Камчатскую экспедицию требуются офицеры, Х. Лаптев подал прошение императрице Анне. В декабре мичман Лаптев был утвержден командиром дубель-шлюпки «Якутск» Ленско-Енисейского отряда и произведен в чин лейтенанта флота. В инструкции Х. Лаптеву предписывалось пройти морем из Лены в Енисей с попутной описью неизвестных берегов. Х. Лаптев должен был продолжить дело лейтенанта В. В. Прончищева, который в 1735—1736 гг. совершил плавание к северо-восточному побережью Таймырского полуострова, но завершить плавание ему не удалось из-за встреченных в пути льдов. На обратном пути Прончищев и его жена Мария умерли от цинги. В поселке Усть-Оленек до сих пор сохранилась их могила.

В начале 1738 г., когда Х. Лаптев готовился к экспедиции, неожиданно из Якутска в Петербург прибыл Дмитрий Лаптев. Он привез карты своего неудачного плавания по Колыме и запрос В. Беринга вести опись берега по суше в случае, если из-за льдов не удастся пройти Колыму или Енисей. Получив разрешение, в марте 1738 г. братья Лаптевы отправились в Сибирь. Предварительно они заехали в Пекарево, где Дмитрий простился со своим старым отцом, а Харитон с молодой женой и сыном Капитоном.

Весной 1738 г. Лаптевы прибыли в Казань, где они получили необходимое снаряжение, приборы, «подарошные вещи», инструменты и т. д. Все это было погружено на баржи, и по Волге конской тягой и бурлаками потянули до устья Камы и Чусовой, затем обозами через Урал до реки Туры, через Тюмень в реку Тобол, из Тобольска по Иртышу на Обь до реки Кети к Московскому острогу в г. Енисейск и в Усть-Кут на реку Лену.

Через три с половиной года Х. Лаптев возвратился по Енисею, этим он замкнул исследования громадного круга

территории сердца Сибири между Леной и Енисеем, дав миру свое «Описание».

8 июня 1739 г. Харитон и Дмитрий Лаптевы из Якутска начали свой поход вниз по реке Лене. На дубель-шлюпке «Якутск» вместе с командиром было 47 человек, среди них полярные ветераны: штурман Семен Челюскин, геодезист Никифор Чекин, боцман Василий Медведев и др.

В 1742 г. труднейшая экспедиция Харитона Лаптева была завершена. Самоотверженным трудом были добыты ценнейшие сведения, описанные Х. Лаптевым в рапортах. После почти 10-летних плаваний Лаптев прибыл в Енисейск. Здесь он работал над составлением морских карт Северного Ледовитого океана между реками Леной и Енисеем.

В 1743 г. Х. Лаптев уехал в Петербург, где, кроме основной карты, представил другую — «Описание реки Лены от города Якутска до моря и Енисей...», краткое извлечение о санных поездках. Х. Лаптев, не получив никаких наград, остался в прежнем чине и командовал различными кораблями Балтийского флота. Только в 1746 г. Адмиралтейств-коллегия вспомнила о полярном исследователе и приказала явиться в Санкт-Петербург для составления «Генеральной карты Сибирским и Камчатским берегам», к этой же работе были привлечены и другие полярники — капитан Алексей Чириков, Дмитрий Лаптев, Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Софрон Хитрово, Иван Елагин.

В 1752 г. Х. Лаптеву был присвоен чин капитана с назначением, как опытного штурмана, помощником директора в кадетский корпус. В чине капитана 2 ранга он участвовал в войне с Пруссией, в 1762 г. в чине капитана 1 ранга был назначен главным интендантом снабжения Балтийского флота. Когда Х. Лаптев был в экспедиции, его жена из-за бедности сдала в аренду часть земли в Пекареве под вексель. Земля была незаконно продана, началась многолетняя тяжба с богачом-ответчиком, которая так и не закончилась при жизни Лаптева. Нелегкий труд полярного исследователя подорвал здоровье Х. Лаптева. Умер он в 1763 г., похоронен, по неполным данным, в Пекареве. Сын Х. Лаптева Капитон в конце XVIII в. служил почтмейстером в г. Великие Луки. Х. Лаптевым составлена карта «реки Лены от города Якутска...», а его рапорты и протоколы говорят о том, что им совместно с Челюскиным составлены 3 отчетные карты: «Восточный берег Таймыра по плава-

нию 1739 г.), «Морская карта берега Северного Ледовитого моря между реками Леной и Енисеем» (побережье Таймыра) и, наконец, уже упомянутая карта, в ней описаны морское побережье Таймыра, южная часть Красноярского края и Якутии до 58° широты. Эта карта была как бы иллюстрацией к «Описанию». Отряд выявил полуостров, названный через 100 лет Таймыром.

В 1746 г. карты Х. Лаптева были перенесены на Генеральную карту России, вскоре она была опубликована и более 130 лет определяла географами всего мира представление о северной части Азиатского материка (до экспедиции А. Э. Норденшельда в 1878 г.). Впервые на картах Х. Лаптева указаны озеро Таймыр, Хатангский и Пясинский заливы, реки Енисей, Пясины, Хета, Хатанга, Таймыр, Анабар.

До сих пор этот труд имеет научное значение для определения изменений, происшедших с тех пор. Но имена Х. Лаптева и С. Челюскина, как и других участников Великой Северной экспедиции, стали известны миру лишь через 100 лет. Экспедиция была подвигом со стороны ее участников, а сведения, добытые ими, казались даже в XIX в. легендарными. Только после появления в свет трудов морского историка А. Соколова и академика А. Ф. Миддендорфа, изучивших все архивы Х. Лаптева и С. Челюскина, подтвердилась достоверность научных открытий. Берег северо-западного побережья Таймыра носит теперь имя Харитона Лаптева, в архипелаге Норденшельда есть мыс Лаптева, на Таймырской губе — мыс Челюскин. В море Лаптевых, на северо-восточном берегу Таймыра, — мысы Харитона Лаптева, Прончищева, Чекина, а в Советском Союзе именами Харитона Лаптева, Семена Челюскина, Василия Прончищева названы ледоколы.

15 августа 1980 г. на берегу реки Хатанги, близко от места стоянки дубель-шлюпки «Якутск», был открыт памятник Х. Лаптеву, С. Челюскину и их товарищам. Надпись гласит:

«Памяти первых гидрографов — открывателей полуострова Таймыр — Харитона Лаптева, Семена Челюскина и их 45 товарищей, зимовавших в 1739—1742 годах в 200 м отсюда к югу, поставлен этот знак Хатангской гидробазой к 50-летию Таймырского автономного округа.

15 августа 1980 года».

Теперь суда при подходе к памятнику салютуют подвигу русских моряков-исследователей.

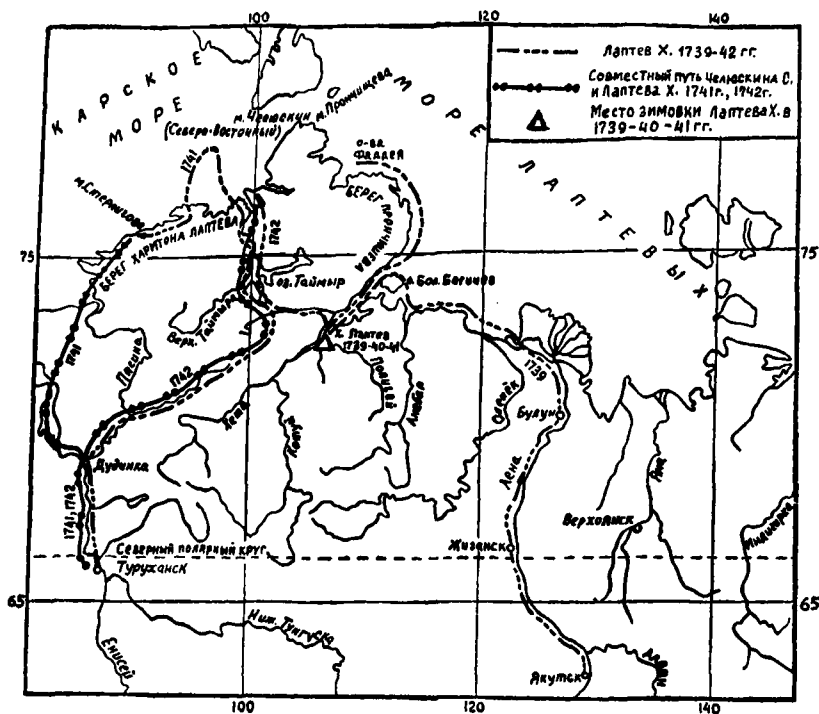
Описание, содержащееся от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчацкой экспедиции меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки и на них всех живущих промышленников состояние

Реки Лены берега по обе стороны от ширины $71^{\circ}24'$ лежат крутые и лесов стоячих нет никаких; где окончились — зимовые юрты, зовомые Кумак-сурка. Из оной реки Лены выше Усть-Ленского столба¹ к западу прошла протока, зовомая Анардамская², над которою настоящего берега лежат горы. И в таком состоянии и к морю пошли.

Усть-Ленский столб лежит остров на устье реки Лены окружением с одну милю, от которого пошли две протоки главные. Одна к востоку около берега крутова, другая к западу, зовомая Крестьянская³, которая идет меж низкими берегами ровными, глубиною от 6 фут до 8 сажен. На островах около тех проток кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуютца рыбою, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озерам маленьким. Оные ж якуты промышляют песцов белых и голубых. Чрез всю зиму ездют на собаках. На полях около протоки трава низкая и изсохшая, и мох. А где по мокрым местам, есть трава зеленая, невысокая. На сих островах оной протоки лесу наносного много и годен на строение. И в таком состоянии она протока лежит до устья своего, где впала в море. Которые острова лежат восточнее, те называются Туматы, а которые лежат к западу, те называются Крестьяки⁴.

На устье Крестьяцкой протоки, на северном мысу поставлен маяк из бревен вышиною около семи сажен⁵. Около устья сей протоки состоят подводные пески миль на 7 в море, над которыми их лотка не может пройти, кроме одного надлежащего фарватера, по которому от 7 до 12 фут глубины.

Берега от реки Лены западней и в море от протоки ленских пошли крутые и безлесные и над ними горы высокие, каменные⁶. И в таком состоянии лежат до реки Аленика. Около сего берега из Лены реки помянутою Крестьяцкою

Маршруты отрядов Х. Лаптева

протокою до реки Аленика с половины июля можно ходить на дощениках, понеже в июле делается заберега⁷.

Усть Оленские острова лежат собою низки, безлесны. С морскою стороны кажутся токмо 3 острова, между собою в расстоянии каждой меньше мили. Берега их мало прикруты. И когда этих островов будет западный мыс на зю в то время видно будет, что река Аленик лежит меж двух гор высоких, середина ея на зю. На устье реки Аленика в зимовьях живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые чрез жен своих соединились многие с новокрещеными якутами, и на их природу и обычаи схожи.

Берег от реки Аленика пошел к западу крутой и ровной, також безлесной, по которому состоят, меж собою около

О П И С А Н І Е З Е М Л И КАМЧАТКИ

с о ч и н е н н о е

СТЕПАНОМЪ КРАШЕНИННИКОВЫМЪ.

Академіи Наукъ Профессоромъ

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

.....

ИЗЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

при ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

1755-году

Титульный листъ первого издания
«Описания земли Камчатки»

30 верст, балаганы маленькие оленских промышленников, для промыслу песцового. И таким состоянием до устья реки Анабары.

Остров Салкаев⁸ собою невелик, не более двух миль расстоянием, и с моря в 3-х милях кажется низок быть. За ним берег едва видно, низким кажется.

Река Анабара впала в море в 74-м градусе ширины меж высоких берегов и прирых. Устье ея шириною 8 верст, глубины довольно, без островов и подводных мелей. С моря приход без нужды. На устье промышленники русские и новокрещенные якуты живут.

Нордовик⁹, от нас именованная залива. С моря проход

шириною в нея близ 6 миль, а в ней поперег залива близ 30 миль. Берега крытые и утесные. Чего ради по берегам ея лесу наносного ничего нет. В ней льду ломаного стоит великое множество. Видно якоб всякая льдина ребром. Течения в нея и из нея по $2\frac{1}{2}$ мили в час. В новолуние и в полнолуние наводнения¹⁰ время 6 часов.

У южного мыса, где на якоре стояли, земля песок с мелким камнем. На полях около сей губы земля крепкая глина. Травы никакой нет, кроме что мох, неудобной к оленему корму. А лесу стоячего отнюдь нет. Песцов белых видно нам было много. Жителей и промыслов никаких нет и не бывало, понеже здешние объявляют, что оной губы не знают¹¹.

От сего Нордвика берег к северу лежит даже до Хатанской губы ниской, около которого в миле лежит грядою песок, которой токмо большею водою закрывается. За оным же морским берегом, в кряжу в милях в 5 до Хатанской губы, лежат каменные горы высокие¹². По сему нискому берегу лесу наносного довольно есть, токмо не годной ни на что, кроме дров. Жителей и промыслов никаких нет и не бывало.

Посреди сего берега изо льда сделалась гора, на которой видно, что по веснам великими ветрами песок снегом наносит, которая вышиною близ 10 сажень, длиною 30, поперег сажень с 6. Около сего берега якорного места нет, понеже земля песок крепкой с мелким камнем, и отмелей.

Остров С. Преображения¹³ лежит от восточного берега до Хатанской губы близ 8 миль, который длиною и поперег более мили. С моря сей остров стоит утесом, как якоб стена из одного камня. А с той стороны, которая в губу, лежит берег пологий и ниской. С моря виден был всякой день миль за 15.

Хатанская губа с моря имеет проход свободной и большим кораблям по глубине ея. А вид по помянутому острову С. Преображения и берегам, меж собою не меньше 10 миль шириною. А что в губу дале, то меж собою берега шире. Берега приярые и высокие, и приглубые, для чего якорного места и защиты нет, понеже по ней меньше 15 сажень глубины нет, и грунт песок крепкой.

В сей губе остров С. Николая лежит¹⁴, хотя высок, но около ево все отмелые места. В устье Хатанской губы, у Конечного зимовья¹⁵, полнолунного и новолунного наводнения 1 час. 48 минут.

По западному берегу Хатанской губы, от моря к реке Хатанге состоят зимовья енисейского жителя, промышленника Василья Созоновского. Речка Балахна¹⁶, где впадала в Хатанскую губу в вершине тут, как видели, потом и жители сказывали, что места мелкие, так что лотка с нуждою проходит.

Река Хатанга впадала в губу у Корги¹⁷, и вверх состоит до тех мест, где мы зимовали, круто. Берега шириною больше 3 верст. Река Попигай¹⁸, где впадала в реку Хатангу, и тут места мелкие. По ней ездят вверх к реке Анабаре.

А на реке Хатанге промышляют рыбу, оленей и песцов. И здешние жители не так радеют о хлебе, котораго у них и не бывает, как рачат о рыбе и оленях, чем они и все приморские здесь жители обычайно довольствуются.

Устье реки Хатанги, где впадала в губу, меж берегов ширина не меньше 7 верст, но токмо фарватером не шире 2-х верст. Пониже у Корги, то есть на устье Хатанги, в завороте, никогда обстоятельная протока глубокая бывает на одном месте, ибо и одним летом бывает, от больших ветров и вод, переменяется проход, пересыпает песком. Здесь состоит прикладной час¹⁹ 11 часов 45 минут. На помянутой Большой Корге сыскано нами в горе, высипном яру перпендикулярно от ватер-линии²⁰ в 25 саженях вышины, из земли торчат толстые бревна гнилые, и все в лучины раздробились. Над ними землиросло вышиною в 5 сажен.

От Хатанской губы берег лежит к северу до ширины 75°30' прикрут, с горами, и приглубой, для чего и лесу нет наносного. И видели моржей на льдине и в воде много. А от оной ширины к северу и к западу, даже до мыса. С. Игнатия²¹ лежит берег niskий, на котором лес есть наносной, хотя неудобной на строение за гниlostию, а на дрова можно сыскать довольно. Около берегу в полуверсте до губы Петровской²² песок наружной, так что только полную водою закрывает. На полях земля крепкая глина, на которой только один мох. Песцы белые видны были по всему берегу изретка.

В параллеле 75°15' ширины из моря в берег состоит губа²³, которая усмотрена и описана в 1740 году, на устьи не шире 3-х верст. Потом, заворотяся, к северу пошла, и где ее вершина, за дальностию не изведена. По сей губе всегда в лете носит лед полную водою без очищения. Собою сея губа глубока.

Острова С. Петра лежат, их 3²⁴. Из них один больше.

Собою все ниски. Губа Петровская в берег простирается миль на 13 низкими берегами. И по ней (когда шли) ежели от фарватера мало что в нее отидешь, то мельче гораздо пойдет. И потому видно, что она губа мелка. Якорные места весьма неудобны. Земля песок с мелким камнем, а на иных местах лед в воде с песком смерзлись, чего ради тут так светло, что сажени на 3 видно в воде.

Остров С. Андрея²⁵ и губа его лежит ниско берега, и собою весьма мелка, чего ради близ губы и острова за мелкостию не подпустило.

Северный Песок²⁶ лежит против берега полукружием, вышиною от ватер-линии футов на 7. По вершине его камень мелкой, а местами есть мох мелкой, там где земля наносная есть. С морскою сторону глубиною 8 фут в двух саженьях от берегу, а на внутренней стороне отлого. И лес есть наносной, в песку зарывся, лежит, а свежего на верху земли нет. В нашу бытность вода полная была не более двух футов. За сим Северным Песком стоит лед неломаной в нынешнее лето, но токмо от солнца местами на нем есть вода. И во оную губу проходы очень узкие с восточную и западную сторону, с моря подле берегу.

Остров Святого Павла²⁷ собою прикрут с моря. На нем мох есть.

Мыс С. Игнатия²⁸. Берега прикрутые, каменистые, около которых лесу наносного очень многое число. На полях земля мягкая и на ней мох. Здесь выкопали из земли мамонтовой рог длиною в $2\frac{1}{2}$ фута. У сего мыса изо льду гора давно зделалася, выше и больше прежде упомянутой. Берега от мыса С. Игнатия даже до мыса С. Фадея в губу лежат мало отлогие.

Острова С. Самуила лежат ниские, около которых и за ними, не видно конца, стоит лед стоячей, гладкой, не ломаной в нынешнее лето. Сей лед протегается в одном состоянии от мыса С. Фадея и за оные острова.

Мыс С. Фадея лежит утесом каменным. И так простирается в губу к Z и к W. На нем местами мелкой камень белой, подобно алебастру. Земля глина и изретка мох, неудобной к оленьему корму. Здесь мамонтовой рог выкопали из земли, длиною в 4 фута. Над сим мысом и над берегом лежат ипотенусом²⁹ горы высокие, которые сошлись близко с восточными горами.

У сего мыса стоя, видели морских зверей великих собою, подобные рыбе, шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло

свиное черное. По здешнему называют белуга³⁰. На сем мысу зделан от нас маяк³¹ ис камня плитного, вышиною в полторы сажени. От сего мыса к северу и к NO лед гладкой, не ломаной стоит, на который иногда полная с ветром вода всходит, понеже видели на нем лед наносной.

Ис Хатанской губы к северу и к западу от берега морского в расстоянии миль 15 лежат каменные горы³², высокие, которые, прошед мыс С. Фадея, к NW западнее Северного мыса³³ у Ледовитого окияна окончались.

От усть Хатанской губы, от Конечного зимовья, то есть последнего к морю, к северу и в завороте к западу, по берегу промышленных заводов нет никаких. И не бывали люди, за тем, что нет ловли рыбам и оленям, чем они всегда питаются.

Расстояния берегов около моря Северного от мыса С. Фадея к западу, усмотренные при описании сухим путем

От мыса С. Фадея к западу берег морской описан сухим путем до устья реки Енисея, понеже морем имели велики препятствия, и по крайней нужде в 739 год до сего мыса на судне, дубель-шлюпкою, морем дошли. От которого простирается в летнее время лед стоячей, не ломаной. А в 740 году и до сего места не допустил лед, судно истерло. Чего ради оное морское описание оставя, описывали сухим путем на собаках, по здешнему состоянию в нартах запряжки. А описание чинено в апреле, мае, июне месяцах, понеже прежде сего время в здешних местах состоит великая стужа и мятьель. К тому ж и солнце многое время под горизонтом бывает.

За мысом С. Фадея к западу, в губе³⁴ заберега низкие. Такова ж состояния и к северу берег лежит. Но токмо на некоторых местах есть высокие, каменные средней высоты (горы), на которых землю покрыто со мхом неудобным.

Мыс Северной³⁵ собою высоты средней, прирай. На нем поставлено одно бревно вместо маяка. На берегах, где в заливах есть наносный лес старой, весьма мало удобен на дрова от гнилости. О котором чаятельно, что в давние большие воды нанесло сверх льда. Западнее Северного мыса, к

югу в 20 милях окончились к морю от берега в 10 верстах те горы каменные, которые лежат около моря и Хатанской губы и обошли мыс С. Фадея³⁶. Шириною во окончании те горы не меньше в 5 верст. Собою весьма высоки и прияры. Против тех гор в море от берегу в 5 верстах остров небольшой, каменной³⁷. Около Северного мыса в море льды глаткие, а местами изретка тороса. Около сего мыса к северу в море, чается, что многие годы лед не ломан, но сверх льду разве бывала когда вода.

На Северном мысу есть небольшая 'залива'³⁸, которая разделяется с моря в два мыса. Ниже Северного мыса, к западу от параллель 77°00', к Таймурской губе начнутся местами берега каменные, черные средней высоты, а местами пологие берега и низкие. И все прикруты глубиною, на которых изретка мох неудобной.

О Таймурской губе

Таймурская губа³⁹ простирается от усть реки Таймуры к северу, меж двух мысов главных, то есть Северозападного и Северовосточного.

Ниже усть реки Таймуры на восточном берегу, в узкой губе⁴⁰ есть малое зимовье, которое построил новокрещенной якут Никифор Фомин, которой промышлял по степи песцов для пищи⁴¹. Против того зимовья рыб довольно число. Состоят чиры, муксуны, кунжа, нельма, омоли. А иной рыбы здесь нет. По объявлению ево, река Таймура на устье, хотя и проходит в последних числах июня, а уская губа в большую губу делает протокою в море всегда июля по 8-м числе. И на той протоке всегда лед стоит в виду. А в ысходе июля месяца, а в начале августа взламывает иногда всю губу Таймурскую, но точно лед южным ветром через несколько дней, из виду с высоких мест, не уносит.

Фарватер в уской губе состоит, глубиною не меньше 6 сажен и от берегов отмелей нет. Полная вода в летнее токмо время, по взломании губы бывает не очень высокая. А когда стоит море, в то время здесь полной воды не бывает, как на реке Хатанге, где имели зимование, на которой чрез всю зиму во время самой полной воды, а паче в новолунии и в полнолунии, весьма лед трещит и многие щели делает.

Помянутой якут строил зимовье и заводы из наносного

лесу старого, которой чрез 7 лет житья его там, дровами с великою нуждою довольствовался, и возил из дальних мест самой гнилой. И по его примечанию, в ретком месте где на берегу вновь наносной лес и то старой, бывал, которой та-кож водою снят и в другом месте положен.

Западной берег от усть Таймуры лежит высокой, пологой, земля глина со мхом. Оной берег лежит весь каменной, и от него к северу острова⁴² каменные ж, оброслые мхом черным, которым питаются олени. И на сих островах быва-ют олени, которые тут и зимуют.

От онаго западного берега к северу, и до самого мыса Северозападного в зимнее время видели, что лед в лете не ломает, понеже на нем видны великие ямы, которые в лете от солнца вытаивают, к тому ж находился на оном льду лед наносной полною водою и не вмерзлой в лед.

О Северозападном мысу

Северозападный мыс⁴³ собою узок, вышиною около 5 сажен берег, на котором земля черная с мелким ломаным камнем аспидом, дале от берегу глина со мхом. Восточнее и запад-нее сего берега лежат низкие, пологие. У сего мыса начнут-ся к западу близ берегов тороса частые и свежие, которые, мнится быть в каждом лете ломает, но токмо ж не разносит, понеже везде на коргах, то есть на выбивных песках, с моря льдом лес наносной везде старой и гнилой, с нуждою на дрова годен. Полной воды в зимнее время никакой приметы здесь нет.

На Северозападном мысу из завозного дерева постав-лен маяк с надписанием ширины места, год и число. Запад-нее Северозападного мыса к югу в губах льды гладкие, а к морю разделяются торосами, и так все видно в море то-роса превеликие.

Южнее мыса острова и берега каменные до параллели $75^{\circ}35'$. На острове сей паралели находился лес наносной, в высоте от ватер-линии перпендикулярно не меньше 10 сажен. Ниже помянутой параллели ширины к югу бере-га и острова лежат низкие, пологие, с мелким камнем. Зем-ля беловатая со мхом, где больше находится и здоровея лес наносной и годной на строения.

У сих берегов чаятельно быть великим в море отмелям, понеже тороса изретка и во льду не видно пролубей нер-

печьих, которые на глубоких местах великое множество продувают для отдыха своего. К тому же и щелей во льду нет, которые полная вода делает. И тем мнится, что тот лед к земле примерзлый.

В пораллели $74^{\circ}10'$ ширины острова⁴⁴ собою высокие и пологие, на которых великое множество аспиду черного, но токмо хрупок и тонок, а писать на нем весьма мяжок.

В пораллеле $74^{\circ}00'$ ширины губа⁴⁵ собою узкая, лежит к востоку в берег; как далека пошла неизвестно, но по известию от жителей Усть-Пясинских, их крайнего зимовья⁴⁶ на нее выезжают чрез днище, то есть 30 верст.

От той губы к усть Пясинги берега пошли высокие и пологие, на которых круглой камень. Ниже помянутой параллели, то есть $73^{\circ}53'$ ширины поставлен маяк штурманом Мининым⁴⁷, бывшим на боту Оби Почтолионе. От сего маяка к усть Пясинги начались заводы⁴⁸ песцовые усть пясинских жителей. В губе усть Пясинской между заводью в несколько расстоянии меж собою два зимовья отъезжих и один балаган. Берег сей, восточный усть Пясинги и в реку вверх пошел крутоярой, земля черная.

На устии реки Пясинги жители русские, из города Туруханска, имеют свои коренные зимовья, около которых в зимнее время промышляют песцов, а иногда и белых медведей. Питаются рыбою и дикими гусями.

О устье реки Пясинги

Усть реки Пясинги состоит во многих островах, больших и малых, меж которыми протоки узкие и широкие весьма мелки [кроме одной главной]. И в большую внешнюю воду, по взломании льда, с нуждою лотки проходят. А в малую воду отнюдь не проходят. Главная протока лежит под малым островом⁴⁹, лежащего близ западного берега, на котором зимовьи коренные⁵⁰ промышленников. Глубиною сия протока не меньше 8 сажень фарватером, но токмо разными згибами в море вошла, от подводных песков и наружных островов.

Во всем устье острова лежат низкие, песчаные. На них плавника лесу весьма много, которым жители довольствуются. Во оной главной протоке рыбы ловятся красная и белая, великое множество. С моря приход в сие устье весьма неудобен и с лоцманом, от кривулин протоки. К тому ж

иногда и пересыпает песком, а в другом месте прорывает, чего ради напредь посылать мелкия суда должно. К сему устью в зимнее время вода полная приходит и большим ветром с моря, но окмо едва чувствительно под зимовьями. А в летнюю пору бывает обычайное наводнение, но токмо мало, в полно и новолунии и рѣткие пески закрывает. Приклад здесь 3 часа.

Вверху реки сия выходит ранее. Чего ради в последних июня месяца числах на устье сверх льда покрывает и тем закраины делает. А июля около 8 числа главная протока проходит весьма тихо своим фарватером глубоким. А на прочих протоках лед, примерзлой к земле, под водою исчезает.

Устье реки Пясинги, по нижеписанному состоит на пространном бештеке предложенной зей карты, по правым румбам.

Остров⁵¹, на котором зимовье коренное, лежит О и W2 версты, шириною 1 верста.

От зимовья виден первого острова за протокою западный мыс NNW 1/2 W 6¹/₃ верст; восточный мыс Nt O 1/2 O 11 верст. За ним к северу лежащей остров видит, западный мыс NNW 1/2 W 15 верст; восточной NtO 1/2 O 14 верст; за ним островок NtO 3/4 O 19 верст, продолговат. К морю островок⁵² же, по левую сторону, по течению в фарватере NW 1/2 W 9 верст.

Северного берега яр мысом⁵³, где Верхне Пясинское зимовье, NNW26 верст. Против того зимовья большей остров⁵⁴ в двух верстах от берегу, середина его WtN. От мыса сего острова к NW в море пошли мелкие каменные острова⁵⁵; грядю один подле другога в самой близости, меньше четверти версты друг от друга.

От помянутого коренного зимовья, с которого усмотрено видно ж южного берега усть Пясинги мыс⁵⁶ на О 8 верст, на W 7 верст и на Z 5 верст. Протока главная лежит из ширины реки около усмотренного мыса на О. И мимо островка, на котором зимовье на W. Мало пониже зимовья пошла меж песков на NWtN потом на N, потом на W в морские подводные пески, на которых из подводного льда в начале июля месяца прямо глубины узнать невозможно.

От усть реки Пясинги к западу

Берег лежит от усть реки Пясинги собою средней высоты и пологие горы земляные. Такова состояния до завороту⁵⁷ земли к югу, на котором частые зимовья у малых речек. Живут промышленники песцовые. От берегу в дальном расстоянии отмели лежат в море, понеже впадающие речки з берегов пески наносят. За Нижним Подволошном зимовьем каменной берег приярой; такова состояния ниже Ефремова Камня лежит южнее помянутого заворота земли. В близости от берегу лежат острова⁵⁸ каменные, частые. Из них один большой⁵⁹, а другие малые.

Под Ефремовым Камнем губа⁶⁰ немалая, но токмо не вся состоит глубока. Закрытие имеет от ветров восточных и северозападных.

Оттоль берега пошли земляные, многими местами приярые. У сего берега глубина настоящая, без подводных мелей и камней. В трех верстах безопасно ход иметь можно, кроме тех мест, где речки впадали. А против усть речек не мало отмелей в море пошли. Чего ради где усмотрица с моря буерак, тут чаятельно быть речки или ручью. В таком месте дале в море отмели пошли, где должно обходить.

По всему берегу из речек больше нет выходов из дальних мест Волгина⁶¹; Глубокая и Гольчиха, которые в устьи свои впустить могут суда, до 9 футов которые ходят глубиною.

Около всего берега от усть Таймуры и дале усть Пясинги к западу склонение компаса морского два румба восточнее. А потом к западу ж до усть Енисея реки и рекою вверх до Муксунинской⁶² Корги склонение компаса полтора румба восточное.

О устии реки Енисея

Реки Енисей устие с моря начинается с мысов Северного и Южного⁶³. Собою высокие, земляные, приярые в расстоянии меж их 12 верст. Чего ради с моря можно без нужды видеть, понеже как северной берег и южной от упомянутых мысов пошли собою высокие приярые.

У Северного мыса Усть-Енисейского отмель есть версты на 2 от берегу. Против другога ж мыса зарешного, а за ним

вверх реки пошло глубиною 6, 9, 14, 12 сажен до усть Гольчихи речки.

А против усть Гольчихи и мало пониже ея отмель в реку версты на четыре пошло. Чего ради должно всегда около южнаго берега ход иметь, понеже там настоящей форватер, около 10 сажен глубины и более.

За Усть-Енисейскими мысами вверх река поуже, так что против Гольчинского устья шириною около 9 верст. В устии Енисейском полная вода обычайно бывает, токмо весьма в тихую погоду и южные ветра невысока. Приклад здесь 5 часов 30 минут⁶⁴.

А ежели северные ветры, то весьма велика вода бывает в наводнении, так что по реке вверх восскаживала в некоторые прежние годы до Игоркина зимовья⁶⁵ в параллеле 67°20' ширины. И то, чаятельно, воды быть большей от надмения льдов моря.

Устье Енисейское на пространном бештеке⁶⁶ для того не положено, что оно может быть известно с карты морской, понеже таковой устьем мало где найдется.

Устье Енисейское проходит не ранее последних июня чисел. И в море не видны льды бывают в начале июля месяца. У Волгина зимовья уносит льды в море июля в 20-м числе. На реке Енисей около устья якорное место, грунт ил, но токмо превеликие волны ходят от северозападных ветров, от которых лутчей быть может отстой пониже зимовья и выше Зверева⁶⁷, не в дальности от больших круто-берегих яров.

Описание о состоянии рек и мест, по лант карте состоящихся меж рек Лены и Енисея к северным местам даже до моря Северного, тож и Ледоватого окиана, и в оном описании некоторых рек вершин изгибы состоят по известиям⁶⁸

Река Лена вершиною идет из Иркутского уезду от параллели 55 градусов ширины. Течение имеет меж северо-восточных румбов. И впала в Ледовитый океан в 73-м градусе ширины многими протоками узкими.

С вершины реки Лены и на низ, даже до села Сполошна в 58-м градусе ширины по обеим берегам реки, хотя изретка, в неких местах состоит жило: деревнями и жилами русских жителей, которые всякой хлеб кроме гречи пашут. В хлебородные годы сверх своего довольства в Якуцк на

плотах сплавливают. А что выше по течению реки, то есть ниже параллели ширины, то хлеб лучше родится.

А ниже села Сполошного по течению, не в дальности, хотя и есть малые две деревни, а за ними вниз все пусто до села Витима, от худых и нехлебородных мест.

Село Витим из русских жителей по течению стоит на левой стороне против устья реки Витима, от которой река шире пойдет и острова по Лене начнутся. Жители на Витиме довольствуются, токмо мало, яровым хлебом и огородными овощами, и подовольнее верхних мест рыбюю.

Ниже села Витима не в дальности малая деревня есть. А ниже все пусто до села Олекма⁶⁹. Но токмо в лете проходят к реке якуты и тунгусы для промыслу рыбы. Село Олекмо, из новокрещенных якутов, по течению на левой стороне против устья реки Олекмы состоит. Здесь река паки шире пойдет и островов больше.

Жители на Витиме и на Олекме привозным хлебом больше довольствуются, понеже по нужде и годом токмо ячмень родится, да огородные овощи. Чего ради привычная их пища из лиственничной корки с молоком. А скота рогатого и лошадей довольное число. В лете и рыбы довольно бывает. От Олекмы вниз до Покровского монастыря⁷⁰ все пусто русскими жителями.

Покровской монастырь на левой стороне по течению за 60 верст до Якуцка. В нем довольство, привозной хлеб и олекминская пища. От сего монастыря до Якуцка, русскими пусто; а выше его и ниже якутов скотских в сем месте довольно живущих, у которых скота и лошадей довольное число.

О городе Якуцке

Город Якуцк состоит по течению на левой стороне реки Лены, над протокою. То положение место весною бывает островом. В Якуцком есть памятные люди, что город состоит на другом месте, а по-прежнему известно — на третьем. И те два места первые видны и поныне, на высоком кряжу состоят берега. А где ныне город, в том месте и летом была вода, а ныне и протока под ним пересыхает, а зимою вымерзает. А настоящая река близ версты от города. И потому вероятно, что в прежние годы больше бывали воды.

Ниже города Якуцка и до самого моря по реке Лене нет

настоящих русских жителей. Кроме что в Жиганах и в Сиктаке набродные для промыслов зверей и рыбы, малое число живут в юртах и зимовьях. А якутов довольно число, из которых до усть Алдана реки все скотные против верхних. Под Якуцком и ниже река шириною чрез острова около 5 верст шириною до усть Алдана со многими островами.

От Алдана река Лена пойдет гораздо шире, чрез острова, меж которыми доброму лодману знать можно глубокие протоки. Тож и настоящий фарватер едва можно признать. От Алдана и ниже Вилюя река Лена шириною близ 10 верст, во многих островах.

На усть Алдана и что ниже по реке Лене рыба ловится гораздо лучше верхнего. Алдан река вышла из южных мест теплых.

Вилюй, по известиям от кочующих якутов и тунгусов, вершиною не далек из Подосенского озера⁷¹, из хребтов.

Река Жиганка из хребтов, таже по известиям, как переходят промышленники, вершиною не далеко от Олененка реки. На усть Жиганки сбор ясака от комиссаров. А дале к морю сами ездят.

Ниже реки Алдана по Лене якуты летом живут на островах в берестяных юртах для ловли рыбы и гусей диких, а зимою в коренных юртах, в деревянных, на берегах реки Лены, где зверей промышляют.

О состоянии реки Лены берегов

Над рекою Леною берега, с верху по течению реки, оба высокими горами стоят, местами многими каменные, и утесами. И окончились выше мало реки Витима. А потом пошли низкие берега вниз по течению. Разве где главная протока реки около настоящего края течет, тут сочиняет яр средней высоты. И в таком состоянии берега оба лежат до урочища Тас-Балагана. Откуда вниз, что дале, то река меж берегов меньше островов имеет, и уже. Берега высокие, так что в урочище Кумак-сурке сошлась меж высоких гор каменных шириною меньше версты. Тут глубока река, в 15 сажень.

У сего ж урочища Кумаксурки по обеим берегам окон-

чился с верху реки стоячей всякой лес в паралеле $71^{\circ}24'$ ширины. А ниже сего места пошли места без всякого лесу, а называется по-здешнему тундра, не имеющая, как выше сказано, не токмо лесу, но и травы ниской, неудобной и редкой малое число, и то в мокрединах. Мху белого для оленей довольно. Чего ради здесь скота от самого Алдана и до моря и около моря не имеют, кроме собак и оленей, на которых ездят для всех нужд, с верху Лены до упомянутого урочища Кумаксури. По берегам лесу довольно; кедр, сосна, лиственница, береза, ель и протчеи, который есть по всей Сибири. А от русских мест разнится, не имеется дуба, клену, липы, вязу, орешнику, яблонь, вишен и протчих садовых. В реке Лене рыбы ловится красная двух родов, осетр и стерляди, белая — нельма, муксуны, чирь, окуни, щуки и протчая.

В Кумаксурке больше всех мест ленских рыбы ловится, чего ради здесь много и тунгусов, в лете кочующих, здесь бывают для ловли ж рыбы.

О реке Оленеке

Река Оленек вышла из хребтов параллели 66 градус ширины, из лесных мест; впала в море то ж Ледоватое. От ленских западных протоков устье его к западу близ 27 миль, в $72^{\circ}54'$ ширины. По ней в верху лесу стоячего много. И окончился к морю в $71^{\circ}00'$ ширины. А к морю пошли места против ленского безлесные. В верху реки Оленека и вниз, даже за 100 верст до устья кочуют оленные тунгусы и якуты. А на самом устье живут русские из Якуцка, и новокрещенные якуты. Довольствуются рыбою и дикими оленями. Промышляют песцов на собаках. Река Оленек в высоких берегах лежит, рыбы в ней великое довольство.

О реке Анабаре

Река Анабара вышла из лесных мест семидесятого градуса ширины. Близ устья впала в нея река Олем⁷², с правую сторону по течению. А повыше того из тундренных мест впала река Олема⁷³, и сочиняют Анабару шириной в 5 верстах. Лес стоячей на ней окончился в $71^{\circ}00'$ ширины. Идет меж высоких берегов, собою глубока. Грунт больше мелкой ка-

мень. Сия река граничит Якуцкой уезд с Туруханским, так что на правой стороне живут якуты и русские Якуцкого уезду, а на левой стороне по течению, також якуты новокрещенные и русские в зимовьях Туруханского уезду. Промышляют песцов и оленей, довольствуются рыбою, которой довольно много в реке Анабаре ловится.

От реки Лены и от Анабары в тундре кочуют летом тунгусы Якуцкого уезду. А в зимнее время уходят кочевать же не вершину реки Оленека в леса.

На сей реке Анабаре выше устья Олемы довольно число по берегу имеется деревья большого, которое настоящим камнем сделалось от вод и воздушных морских.

О реке Хатанге

Река Хатанга вышла из лесных мест пустых, из озера большого, зовомаго Исей. На ней лес стоячей окончился в 73-м градусе ширины⁷⁴.

По ней коренными зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершин, от 72 градуса ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, которая против других рек меньше ловится, но больше оленями, которых промышляют наплаву чрез реку осенью, когда идут олени от моря в лесные места. И весною, когда також наплаву, идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Таймурскому в тундренные чистые места⁷⁵. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольно. Собою песцы большие. Изредка промышляют волков белочерных и белых, только не много их⁷⁶.

На Хатанге реке годный лес на строение стоячей и листовиц токмо можно сыскать в вершинах ея, а что ниже, то лес мельче и негоден. На сей реке из Тобольской епархии построена церковь во имя богоявления Господня. И при ней всегда священник живет, да несколько новокрещенных якутов, на урочище Носку⁷⁷.

Река Хатанга идет меж высоких берегов до самого устья нарочитою глубиною, так что в малую воду не меньше 6 сажен глубины. Сеяных и посаженных овощей никогда здесь не родится и не сеют. В реку Хатанга впадала река Хета с левой стороны течения ея. Вышла из лесных же пустых мест двумя вершинами и разными кривулинами. А паче одним згибом к востоку в дальность повдалась и впадала в Ха-

тангу в лесных же местах. На Хете живут русские и новокрещенные якуты, в зимовьях же. Довольствуются рыбою и оленями. Промышляют песцов и лосей, по здешнему зовут сохатой.

В сих реках рыба ловится обеих, белых и красных родов. По реке Хете и в Хатангу с реки Енисея привозят водою муку по малому числу и прочие нужнейшие вещи, и вниз водою. А в Хету плавят же на них Вискою речкою⁷⁸ в вешнюю воду, которая вершиной близ реки Авама, о которой вперед скажется.

Река Хатанга на устии выходит в ысходе июня и в начале июля месяцев. А губа на устии не во всяком лете от льдов очищается. А когда очистится, то не ближе августа в половине месяца. На сей реке находится много морского ладону⁷⁹, цвет и дух имеет как янтарь, но токмо крошек.

О реке Балахне

Балахны речка вышла из тундренных мест. Впала в губу Хатанскую мало ниже усть Хатанги, которая больше пересыпает в Хатанское устье. А ее глубокая протока едва сыщется, чтоб в нее войти с судном. По ней промышленников нет. Но токмо на устии ее зимовье коренное русского енисейского купца Василья Сазоновскаго, от которого ево ж по губе к морю зимовье отъезжные состоят.

О реке Таймуре

Река Таймура вышла из озера Таймурскаго, в паралеле 75°00' ширины, меж высоких крутых гор каменных, шириною в вершине близ 5 верст. И таким состоянием идет около 15 верст. Потом пошла собою узка и меж пологих гор, не шире полверсты. И в паралеле 75°10' ширины сошлась меньше четверти версты шириною, меж крутых каменных утесов больших, которые — одни из камня желтаго и мягкаго, другие из камня аспиду чернаго. И лежат в горе слоями, так что в толщине 4 дюйма камень аспид, а меж его в 2 дюйма толщиною яко алебастр чистой, белой и крепкой.

Такого состояния берега лежат на 20 верст. Потом, и до самого устья пошли берега пологие и низкие. Земля обы-

чайно здешняя: мало травы, больше мху оленного, белаго. Чего ради с мая месяца здесь в лето бывает великое множество диких оленей, которых стада бывают по тысяче. В Таймуре реке рыбы ловится белая, как и на устии ея, довольное число. Водой идет весьма глубока, без отмелей, и быстрины нарочитой. Вся река выходит весною июня в последних числах. На ней лесу наносного нет. В нынешнее время, в проезде было малое число нарочитых бревен, которые по объявлению на устье Таймурском живущаго помянутаго новокрещенного якута им выбраны и сожжены в проезде на дрова. А тому вероятность, и в нынешнее время по берегам находили короткие, толстые обрубки. А с верху, чают, сему лесу быть невозможно, понеже все реки, впадающие в озеро Таймурское, вышли из тундренных, безлесных мест.

О озере Таймурском

Озеро Таймурское собою велико, а к стороне NO далеко ли пошло, неизвестно, понеже за стужей туда и самоеды не ходят. А что видно лежащие берега около вершины реки Таймуры: на северных румбах горы высокие каменные, а на южных румбах берега ровные, крутоярые. Во оное озеро губа простирается к югу от ширины, $73^{\circ}15'80$. Собою узкая, в которую река впадала из тундренных безлесных мест, из озера небольшого, которая нам видна была.

Во оное ж озеро Таймурское река всех больше впадала одна, именованная Мура⁸¹, а в нее Горбита, також из безлесных мест, которых окурятно вершины знают самоеды. А протчие реки малые все впади ис таких же мест тундренных, и о всех знают оные самоеды. На озере Таймурском лед расходится всегда июля с первых чисел. На котором каждом лете бывают самоеды для промыслов в ней и впадающих в нея реках рыб и оленей на плаву, понеже здесь больше всех мест оленей бывает.

О тундре, лежащей около озера Таймурскаго

Тундра, лежащая около озера Таймурскаго, к южным румбам состоит во многом мху оленьем, а травы ретко. Чего

ради в летнюю пору самоеды здесь кочуют, великие орды ясашные, и с охотою помощь чинят Камчацкой экспедиции⁸².

Сии самоеды слынут Тавги⁸³. Кроме оленей своих, скота не имеют. На которых токмо ездят, а для пищи не употребляют. Разве крайний голод, так что и песцовых куренгов⁸⁴ нет, в то время станут своих оленей есть. Самоеды питаются дикими оленями, которых промышляют на плаву на реках. А в тундре загоняют в поставленные из крыльев махалки⁸⁵, меж которыми стреляют из луков. Питаются ж они в летнюю пору на реках рыбою. Платье носят верхнее и нижнее из оленьих кож, зовутся парки, нижние и верхние. А из лап носят обувь, вместо подошв лбы оленьи. Ездят зимою и летом на санках; сделаны высокие от земли, на которых клади больше не подымет пяти пут пара оленей.

По сей тундре, а паче близ моря, лежащие находятся мамонтовые роги, большие и малые. Також и другие от корпуса кости, из которых сыскана в 1740 году в тундре, от моря в расстоянии 4-х верст, вышины от ватер-линии не меньше 30 сажен в сопке, передняя лопатка. В ней поперек 30 дюймов шириною, а в высоту 10 дюймов. Наверху кости в круге диаметру 8 дюймов. При которой при сем прилагается абрис.

О мамонтовых рогах

На сей тундре находятся рога, весом в 10 пудов. А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обоими рогами. На них кожа толщиною в 5 дюймов, а шерсть и тело истлелые. А протчие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые. Голова подобно лошадиной, зубы плоские, толстые, не свыше трех дюймов.

Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море Северном на глубоких местах. Понеже случалось по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не врослые, о которых уповательно, волнами выбивает. А по тундре все роги находятся в земле верхним и острым концом, а тупым концом наверху земли.

Здешней тундры речки, которые известно что из безлесных мест вышли, на них находится лес, плавник гнилой, едва на дрова с нуждою годен. И случилось в 1742-м году, в тундре наехать от речек не меньше 10 верст, в паралеле

73-м градусе ширины, одно дерево гнилое ж. В земле, подобно с корнем, в верх торчит, толщиной в 5 дюймов диаметру, не выше 5 фут над землею.

И по сему вышеописанному, как мамонтовым рогам и плавнику на речках и в тундре, чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что всю тундру закрывало водою.

Здесь жители и самоеды рассуждают о лесе сем, будто бы в Ноев потоп наносило сей лес⁸⁶. А звери мамонты прежде потопу были, а потом так в холодных местах вовсе не истлели. И то невероятно, и от таких людей непонятно.

О реке Пясинге

Река Пясинга вышла из озера Пясинского, которое собой узко. В лучшем месте 25 верст ширины, словет Сметанина губа⁸⁷, на которой вся глубины озера состоит, а что к югу, то не шире 7 верст. И все от берегов отмели велики, но токмо серединою идет глубока вода из речки, впадающей в нее Норыльской⁸⁸. Сие ж озеро окружилось небольшим лесом, лиственницею и тальником. Рыбы в ней довольно.

Из нее река Пясинга пошла меж высоких каменных гор, не шире в вершине 100 сажен. А что дале от вершины, то шире.

На реке Пясинге стоячей лес окончился в параллеле 70°10' ширины. По сей реке с самой вершины живут русские промышленники до 71°10', которые промышляют, как и протчие, песцов. Питаются рыбою, из реки довольно число ловится. А дале сих мест и до устья все пустое место. Но токмо по ней самоеды до усть реки Пыры⁸⁹ в лете, кочуют, где ловят рыбу и оленей на плаву.

По здешней тундре меж рек Енисея и Пясинги состоят самоеды, словут хантайские⁹⁰. Ясак платят больше нежели тавги, по окладам на них.

Река Пясинга кривулину великую имеет. И на карте показывает под восток. А потом к западу до усть реки Пыры, откуда к северу пошла в Северное море. По сей реке на протоках великое множество диких оленей и гусей диких. По ней лесу плавнику почитать по всей реке мало. А паче что к устью ближе, то нет. А на самом ея устии затем много, что с моря наносит. В сию реку впадала близ вершины река

Дудыпта, которая вышла из тундренных мест; собою в летнюю пору глубины не меньше 2 сажень.

А в Дудыпту впала река Авам. Вышла из лесных мест, которая глубины без нужды имеет большим лодкам ходить. Сия река с вершины близ Хеты реки лежит. И хатанские жители нужное по Пясинге и Дудыпте и Авама рекам проводят до волоку сухим путем до Хеты реки в Виску речку. А волоку больше версты не будет.

О реке Енисее

Река Енисей идет из лесных мест, из паралели 50 градусов ширины, по известиям, понеже самая ея вершина не в российском владении. А потом на ней состоят остроги русские; Саянской и Баканской⁹¹, потом города Красноярск, Енисейск и Мангазейск⁹².

По сей реке жительство состоит с вершины русские до паралели 60°59' ширины. Село последнее к морю Дубеченское⁹³, в котором хлеб пашут всякой. А ниже сего села пашни никакой ни жителей до города Мангазейска. Но токмо остяки⁹⁴ новокрещенные по берегам реки в берестяных юртах живут и рыбою питаютца. Для которых на берегу ж реки, в 63°03' ширины состоит Табольской же епархии церковь, при которой живет поп один с дьячком. А пашни хлебной никакой нет.

Ниже той церкви, а выше за 30 верст от Мангазейска, монастырь Троицкой, в котором, кроме огородных, овощей не имеется. При том монастыре их крестьяне живут монастырские. Питаются хлебом, привозным сверху, и рыбою.

Город Мангазейск состоит от реки Енисея на левой стороне по течению в 15 верстах, над протокою, которая зовется Шар, близ устья реки Турухана. В городе Мангазейске одна церковь с 70 домов жителей разных чинов русских. Довольствуютца також привозным хлебом. А родятся огородные овощи капуста и редька, и репа, свекла, а более ничего. В ширине состоит 66°08'.

Ниже сего города по реке состоят и до самого моря зимовья, в которых русские живучи, промышляют песцы и лисы и зайцы. А питаютца рыбою и привозным хлебом, меняя на рыбу. Скота, кроме собак, не имеют, на которых ездят зимою. И для тех жителей построена церковь близ реки Хантайки, Табольской епархии, при которой живет поп и

дьячек. И русских жителей 3 зимовья в ширине $68^{\circ}12'$.

У всех промышленников по реке Енисею русских не весьма довольно богатства их, в чем бы ни было. Понеже коренных, или назвать давне живущих на сих местах очень мало. Но многие набродные из русских городов, с пашпортами просроченными и беспашпортные, которые уже и в переписе города Мангазейска состоят. Обычаи имеют: великие охотники в карты играть, покупая дорогою ценою, також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государева из города Мангазейска. И тем у них у нарочитых токмо с год на год довольство достает. И на ту ж рыбу выменного хлеба, и зверя, что не промыслят, отдав государеву, проигрывают и пропивают тому, у кого бывает вино.

И для того обстоятельно жития их здесь, по тому ж и на других показанных реках, местах их во основании положить нельзя, понеже многие свои заводы проигрывают и пропивают мангазейским служилым и жителям. И между тем некоторые и пусты состоят, а паче около моря, от Усть-Енисея к востоку до Усть-Пясингских мест. К тому ж у них ловы песцовые не на всякий год довольны бывают, но чрез несколько лет приходит песок в зимнее время. А когда не бывает промыслов, должатся, как государевым в доимку, так и протчим, у кого возможно: взять, которые ими промышляют, или на них. Такова ж состояния и самоеды все ясашные, но токмо тем справее, что в тундре ходят в летнею пору. А в зимнее время (а паче когда к ясашному платежу собираются), что полезно и надобно от служилых зброшиков покупают, и должатся. И тем на хантайской самоеды доимки бывает не мало.

По реке Енисею лес всякой, годной есть на строение до города Мангазейска. А ниже Мангарю, то мелкой листвяк, на строение не удобен, козейска местами сыскать можно⁹⁵. А что ниже к моторый окончился к морю в поралеле $69^{\circ}43'$ ширины, при урочище Крестовского мыса. А ниже по течению к морю нет никакова лесу стоячего, но токмо плавнику довольно.

Около моря по всем тундрам, кроме северных мысов Восточного и Западного, то есть до $74^{\circ}00'$ ширины, на мокрых местах растет тальник, не выше двух дюймов вверх, которой толстыми стеблями стелится по земле на аршин и меньше. В летнее время и малой лист издает.

А на иных местах, где влажная земля, растет березник

тонкой кустами не выше фута. По здешнему зовется ярник, которой употребляют самоеды в лете вместо дров или есть варят; лист на них в копейку серебряную, больше не бывает летом. От вышеупомянутой ширины к северу никакого нет лесу, и с нуждою редкая трава выходит.

Река Енисей глубиною идет нарочитою во всех местах, кроме что на порогах, ниже 40 верст села Дубченского, на которых глубина бывает меньше семи фут в летнюю пору. А весною настоящей глубины без нужды, всякое и большое судно до 15 фут пройдет, понеже и быстрину невелику имеет, как на Тунгуске реке бывает.

А шириною сия река под городом Енисейском не уже трех верст. А что ниже по течению, то шире. Но токмо под помянутыми порогами сошлась меж утесных камней, где ширину составляет меньше 2-х верст. А потом паки шире пошла до Крестовского мыса, откуда начнутся много островов по течению. Для чего и река шире, с губами пойдет, и берега меж собою не параллельны лежат. А за Муксунским мысом весьма часты острова к морю, так что и описать всех время столь получить невозможно. Меж которыми проходы так мелки, что в лете на лотке не проходят. А весною с нуждою на той же лотке пройти можно. А меж тех частых островов есть две токмо протоки узкие, на которых не меньше 4 сажень глубины в малую воду, где всякие суда проходят с лоцманом. На оных островах есть русские промышленники живут, у которых много ловится рыбы всякой. И гусей, и лебедей диких великое множество ленных промышляют в июне месяце.

Ниже частых островов слово губа весьма широка, так что берег берега не видеть. А собою она губа мелка, кроме главного фарватера, где река течет до Гостиного мыса восточного берега, против которого и западного берега мыс виден. Тут и на низ начнется настоящая глубина реки.

Русские промышленники, по сей реке живущие на западном берегу ниже города Мангазейска не больше сто верст и до самого моря, прежде Камчацкой экспедиции претерпевали великие обиды от юраков⁹⁶, которые кочуют меж рек Оби и Енисея. Понеже сии юраки, приходя, многих грабили и до смерти убивали не токмо жителей, но и служилых зборщиков ясашных. А оные юраки, некоторые состоят в ясаке, но токмо в вольном. И то, что и сколько хочет, платит зверями.

На конец сего описания

Прилагается о кочующих у северных мест лежащих во Азии сибирских мест, в каком суеверстве содержат себя и о состоянии нечто о них

Тунгусы, слышав от русских, знают, что Бог есть на небеси. А в какой воле человек сотворен на земле, хотя и слышат от русских же, токмо не верют. А Дателя всех благ Содетелю причитают, а Вредителя и Злодателя — диаволу. Чего ради есть у них и болваны, без всякого признания о нем называют Богом. Грамот никаких не имеют. О прошедшем, и в память дальнюю не предают.

Тем болванам более жертв не приносят, как пред ним убив своего жирного оленя. Едят при огне, на которой первой кусок мяса бросают, а болвану салом уста мажут. А кожу повесят до изгнития на том месте.

Имеют у себя шаманов, то есть колдунов, которые сами о себе сказывают, что в действе их шаманства говорит с ними диавол и противник Богу, которой им объявляет, что де крещеных ничем впредить не смеет, а своих сколько возможно вредит, и будущее будто сказывает.

Шаманство их состоит разными манерами. Иные ножами режутся и кричат, иные скачут и в бубен бьют, и поют. Иные замышляются и тихо говорят. Потом придет в такое безумие, что в беспамятстве якобы видит диавола и говорит с ним, чего от него требует.

Оное шаманство от них происходит не инако, как нарядясь во особое к тому платью страшное, на котором множество маленьких звонцов медных и разных штучек железных на тоненьких плетенках, в четверть аршина долгих, нашитых на рукавах и на стану, где главные по швам.

О житии своем никакого протчего закона не имеют. Жен содержат сколько хотят и их возможность. Которых покупают разными ценами, то есть от богатого дороже, а от убогого дешевле, понеже от богатого больше приданого чают взять и дают. Покупка невестам состоит в оленях, называется по их калым. Приданое состоит в тех же оленях и некоторых зверей кожи, и платьях.

Друг друга обидеть бояться, чтоб ему тож зло не пришло. А по незапности учинится обида, то воюют орда на орду, то есть князец на князца. Которой от протчих разнится, больше имеет детей и богаче, и разумнее, такого из своего рода

избрав, называют князец. И вместе при нем качуют везде, который все суды меж ними судит и наказует.

Имеют ружье: лук со стрелами, да полосу, яко нож в аршин долгой одного железа, да копье. На себе носят латы кольчужные и плащенные из железа. Одевание их короткое, из оленьей кожи. Нужнейши инструменты и лехкие кузницы с собою возят, и свои вещи сами куют надобные.

Палатки у них, называютца чюм, из оленьих кож. Зимние с шерстью, летние из ровдугу, то есть замша. Растягивают на шестах, которые с собою возят.

Мужеством и человечеством и смыслом тунгусы всех качующих и в юртах живущих превосходят. По тех тунгусов состоят якуты в мужестве и человечестве.

Якуты трех манеров житие имеют. Первые живут около Якуцка, все скотные, имеют множество коров и лошадей, на которых зверя промышляют, так что на лошади лисицу всякую угоняют и стреляют. На реке Вилюе близ вершины живущие якуты сами железо делают, ис которого котлы и протчие вещи свои зделав, продают не дорогою ценою. Другие якуты, близ моря живущие и во всех тех местах, где скота не водят, имеют оленей, как тунгусы. Третьи якуты, у самого моря и по рекам есть живущие, на собаках промышляют, а оленей не имеют. Суеверство и состояние жития их, такова ж как у тунгусов, безотлично. Сверх тех якут, новокрещенные живут по зимовьям, как и руские, на собаках промышляют.

По тех якутах состоят самоеды в мужестве и человечестве. Состояние жития их и суеверство, как и у тунгусов, без всякой отмены. Но многоверством разнятся, то есть не токмо болванов почитают. Но если какую вещь странную сыщут в тундре, о которой их смысл не постигает, как там она есть взяв, оное причитают богом, которого к какому благополучию назовут, тем и слывет. Самоеды мясо и рыбу, сырое и талое, ядят в одном смаке, как и вареное.

Все живущие около моря народы всякого звания, употребляют зимою сырую, мерзлую рыбу. Строганую ядят, называютца строганина. Из которой чувствительно знать можно, что не допускает до цынги быть больному, а между тем не застарелую выгоняет. Того лутче действо и от мерзлого мяса строганого, оленьева, в той же болезни лечатца.

От флота лейтенант Харитон Лаптев

КОММЕНТАРИИ

¹ «...Выше Усть-Ленского столба» — остров Столб находится на разветвлении главной судоходной протоки Быковской, которая идет к востоку с мелководной протокой Арынской.

² Теперь протока Оленекская, а одно из ее западных ответвлений называется Ангардам-Уэсс.

³ Судя по расположению протоки Крестьяцкой на итоговой карте Х. Лаптева 1743 г. в восточной части она совпала с нынешней протокой Арынской, а в западной — с современной протокой Оленекской. В дельте же Лены протоки Крестьяцкой ныне нет.

⁴ *Крестьяки* — это нынешние острова западной части Лены: Арга Муора Сисе Малыга Сисе и другие мелкие острова. *Туматы* — нынешний остров Большой Туматский.

⁵ Маяк был поставлен отрядом Х. Лаптева в июле 1739 г. из специально привезенного бревна. Он простоял до середины XIX в.

⁶ «...И над ними (над берегами реки Лены. — К. Ц.) горы высокие, каменные». — Теперь горы носят название хребта Чекановского.

⁷ *Заберега* — поморский термин для обозначения узкой полосы чистой воды, которая образуется весной между линией берега и массивом припайных льдов.

⁸ В 30-х гг. нашего века гидрографы на месте острова Салкаев обнаружили лишь песчаную мель — за 200 лет остров разрушился. Тогда же название Салкаев было отнесено к лежащему в 15 км к югу острову (теперь остров Салкай).

⁹ *Бухта Нордвик* названа отрядом Лаптева на норвежский лад (означает «северный залив»).

¹⁰ Подразумевается время действия приливного течения.

¹¹ Здешними жителями Лаптев назвал ближайших к бухте Нордвик жителей Анабарского зимовья, которое было на мысе Хорго, восточном мысе устья реки Анабар.

¹² Возвышенности в центре острова Большой Бегичев.

¹³ *Остров Святого Преображения* назван Х. Лаптевым.

¹⁴ *Остров Святого Николая*, открытый Лаптевым, в 1934 г. был переименован в остров Малый Бегичев.

¹⁵ Зимовье Конечное находилось в устье нынешней реки Осипа, которая впадает в море севернее Сибирского мыса.

¹⁶ На современных картах пишут вместо старинного русского названия Балахна — Балахня.

¹⁷ *Корга* — местное название клинообразной, сложенной из камней косы, выступающей под некоторым углом к берегу. В данном тексте — южный мыс устья реки Хатанги, который теперь называется мыс Большая Корга. Мыс Малая Корга расположен южнее.

¹⁸ По реке Попигай в XVII—XIX вв. проходил зимний тракт на Якутск.

¹⁹ *Прикладной час* — навигационный термин, означающий отрезок между прохождением луны через небесный меридиан данного места и наступлением в нем максимального прилива.

²⁰ *Ватерлиния* — старинный термин для обозначения уровня моря.

²¹ *Мыс Святого Игнатия* теперь именуется мысом Крестовым, а прежнее название из-за ошибки, сделанной экспедицией Б. В. Вилькицкого в 1913 г., теперь носит следующий к западу мыс.

²² На современных картах губы Петровской нет, теперь это залив Вездеходный.

²³ Х. Лаптев не назвал эту губу. В наше время она именуется бухтой Марии Прончищевой — верной спутницы и жены лейтенанта Прончищева.

²⁴ *Островами Святого Петра* Х. Лаптев назвал нынешний остров Петр Южный и два мелких острова у его северной оконечности.

²⁵ Теперь это остров Дождевой.

²⁶ Современный остров Кошка. В дельте рек «кошками» называли песчаные острова без растительности.

²⁷ Теперь — остров Андрея.

²⁸ На современных картах — мыс Крестовский.

²⁹ Северные отроги гор Бырранга простираются к мысу Фаддея.

³⁰ *Правильно — белуха* — млекопитающее из отряда китообразных.

³¹ Маяк Х. Лаптева на мысе Фаддея простоял 180 лет и был обнаружен в 1919 г. членами экспедиции Р. Амундсена, которые в поисках записки его разобрали. В 1972 г. остатки маяка были еще заметны.

³² Восточная часть горного хребта Бырранга.

³³ *Северный мыс*, по Х. Лаптеву, — вся северная часть полуострова между современными мысами Чекина и Челюскин.

³⁴ Нынешний залив Терезы Клавенес.

³⁵ *Мыс Северный* — это мыс Челюскин. Х. Лаптев называл его также Северо-Восточным.

³⁶ С. Челюскин ошибочно принял «горы каменные» за отроги гор Бырранга. На самом деле это гора Аструна (современ. назв.) в 40 км юго-восточнее мыса Челюскин.

³⁷ *Не названный С. Челюскиным остров*. Теперь — остров Гелланд — Гансена.

³⁸ Нынешняя бухта Восточная.

³⁹ *Таймырская губа*, по Х. Лаптеву, — большой залив Карского моря между мысом Челюскин и архипелагом Норденшельда, северную оконечность которого (северный мыс острова Русского) Х. Лаптев называл Северо-Западным мысом. Теперь — Таймырская губа.

⁴⁰ *Узкая губа* — современное название Таймырская губа.

⁴¹ В 1972 г. В. А. Троицкий нашел остатки зимовья Н. Фомина. Зимовье находилось в 3,2 км севернее мыса Шатер.

⁴² Острова архипелага Норденшельда.

⁴³ Имеется в виду нынешний остров Макарова, мимо которого Х. Лаптев проезжал санным путем.

⁴⁴ Острова нынешних шхер Минина.

⁴⁵ Теперь — залив Фьорд Хутуда.

⁴⁶ *Крайнее зимовье* — во времена Х. Лаптева находилось в 5 км от нынешнего зимовья Южного.

⁴⁷ Маяк штурмана Ф. Минина был установлен в 1740 г. на мысе современной бухты Рыбной. В 1934 г. топографы нашли здесь остатки доски с надписью: «1740 год».

⁴⁸ *Заводы* — имеют в виду песцовые ловушки, представляющие собой настороженное бревно, которое придавливает песка, взявшего приманку.

⁴⁹ Теперь — остров Чаек.

⁵⁰ *Коренные зимовья* — это промысловые зимовья на севере Сибири, представляющие собой просторные дома, нередко с крытым двором, где жили постоянно. Были и другие «отъезжие» — небольшие избы с помещением для собак. В них останавливались ненадолго при объезде ловушек в период промысла.

⁵¹ Остров Бегическая Коса.

⁵² Указанные здесь острова в дельте Пясины исчезли или неузнаваемо изменились.

⁵³ Мыс Лидии.

⁵⁴ Остров Фарватерный.

⁵⁵ Ныне острова Птичьи.

⁵⁶ Мыс Входной.

⁵⁷ Мыс Северо-Восточный в районе острова Диксон, от которого материк круто заворачивает к югу.

⁵⁸ Острова Северо-Восточные.

⁵⁹ Остров Диксон.

⁶⁰ Бухта Ефремова.

⁶¹ Ныне река Левая Омудевая. Реки Глубокая и Гольчиха в наше время именуются также.

⁶² Мыс Муксунинский в низовье Енисея.

⁶³ Мыс Северный — мыс Сопочная Корга, мыс Южный — мыс Ошмарино.

⁶⁴ Х. Лаптев сообщил данные о приливах и отливах в устье Енисея, Пясины, в Таймырской и Пясинской губах. Точные сведения о приливах у берегов Таймыра были получены благодаря наблюдениям Русской полярной экспедиции (декабрь 1900 г. — май 1901 г.). На всем протяжении Северного Ледовитого океана, начиная от Земли Франца-Иосифа и Мурмана, вплоть до Чукотского полуострова, приливы полусуточные, т. е. с двумя полными и двумя малыми водами в сутки.

⁶⁵ Ныне г. Игарка.

⁶⁶ *Пространный бештек* — это обзорная карта Х. Лаптева, на которой устье Енисея не поместилось. Подробно оно было изображено на Навигационной карте («зее карте»), не дошедшей до нашего времени.

⁶⁷ Имеется в виду безымянный мыс, от которого начинается урочище Яры Зверевские — «большие крутоберегие яры».

⁶⁸ *Лант карта** — это сухопутная обзорная карта внутренних территорий между реками Енисей и Лена, которую составил Х. Лаптев в 1743 г. в дополнение к морской «зее карте» берегов Таймыра. «По известиям» — т. е. по расспросным сведениям.

⁶⁹ Ныне г. Олекминск в Якутии.

⁷⁰ Покровский мужской монастырь находился на территории современного г. Покровска на реке Лене.

⁷¹ Ныне в истоках реки Вилюй такого озера нет. Вероятно, так называлось современное озеро Сурингдэ.

⁷² По Х. Лаптеву, река Олем — река Уэле (Юэля), которая является правым притоком реки Анабар.

⁷³ *Рекой Олемой* в XVIII в. называли нынешнюю реку Суолама — левый приток реки Анабар.

⁷⁴ Указание Лаптева на произрастание по Хатанге высокоствольных деревьев соответствует действительности того времени. На Хатанге древесная растительность подымается к северу так далеко, как нигде в другом месте на Земле. Вероятно, что во времена Лаптева «стоячий лес» по Хатанге доходил до 73° с. ш.

⁷⁵ Лов оленей на плаву, т. е. во время переправ через реки, практиковался на Пясины, Таймыре и Хатанге еще во второй половине XIX в. Описываемый олень принадлежит к восточно-сибирскому подвиду —

---

* Лант карта — от слова «ландкарта» — описание отдельного региона.

Rangifer tarandus sibiricus ut. В тундровой форме он отличается от лесной небольшим ростом и светлой окраской. Этот олень два раза в год совершает перекочевки: осенью — на юг из тундры в леса, весной — обратно из лесов в тундру.

Вот одно из описаний лова оленей в 1869 г.:

«Во время переправы через реки впереди идут передовые олени, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Когда передовые войдут в воду, за ними кидается весь табун. Олени плывут один за другим в несколько рядов. В это время промышленники врываются на лодках в середину табуна и начинают колоть оленей. Несколько сот обезумевших животных, которые мечутся и плещутся в окровавленной воде, сталкиваясь ногами, дикие крики охотников, старающихся не допустить оленей на берег, люди на берегу, приканчивающие недобитых раненых оленей... Опытный охотник в полчаса набивал свыше 70 штук оленей» (Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга).

⁷⁶ О белых волках упоминали авторы и в XIX в. Белые волки попадались в Туруханском крае, Березовском округе и ценились выше серых за свою величину и белизну. Такие же волки описаны в арктической Америке. Белый волк севера Сибири — вид обыкновенного *Canis lupus*.

⁷⁷ *Урочище Носку* — здесь было построено зимовье Хатангское (ныне порт Хатанга), на высоком мысу правого берега реки Хатанги.

⁷⁸ *Вискоюй речкою* — ныне река Волочанка. «Виской» называли помо-ры-землепроходцы маленькие речки на волоках.

⁷⁹ *Морской ладан*, похожий на янтарь, о котором пишет Х. Лаптев, — действительно древний янтарь. Небольшие кусочки его величиной с горошину попадают на всех берегах Северного Ледовитого океана, в Европе, Азии, на берегах Камчатки и Алеутских островов.

⁸⁰ Имеется в виду залив озера Таймыр — Ямубайкура.

⁸¹ Теперь река Мура называется Верхней Таймойрой, назвав ее так, Х. Лаптев хотел отличить ее от реки Нижней Таймыры, которую он везде называет Таймурой.

⁸² В XVIII в. предки нынешних нганасан и долган — местное население Таймыра — привлекались для перевозок на оленях людей и грузов отряда Х. Лаптева.

⁸³ *Тавги* — дореволюционное название нынешних нганасан.

⁸⁴ *Куренги* — песцовые тушки, которые остаются после снятия шкурки. Промысловики — охотники Сибири — употребляли их в пищу в голодные годы.

⁸⁵ *Махалки* — это частоколы, которыми самоеды (тавгийцы и юраки) промышляют оленей. Весной, когда олень идет из лесов в тундры, махалки устраиваются в виде длинных, в 4—5 км, частоколов, сходящихся под углом. Узкий конец перегораживается сетями из тонких ремней. На кольца вышиной в метр навешиваются тряпки и перья, чтобы напугать оленя и не дать ему проскользнуть между кольями. Загнав в махалку оленей, их у перегороженного конца стреляют из луков или колют рогатиной. Летом махалки делают из земли и дерна и узкий конец их выводят в речку или озеро; когда олени, вырвавшись из махалок, бросаются в воду, охотники с лодок («ветки») начинают их колоть.

⁸⁶ Здесь Лаптев ошибочно принимал деревья за наносной лес, принесенный морем. В тундре, за много километров не доходя до современной лесной границы, встречаются остатки деревьев, которые, несомненно, произрастали в тундре в то более сухое и теплое время, которое предшествовало современной климатической эпохе и приходилось за несколько тысяч лет до нашей эры.

⁸⁷ *Сметанина губа* — прежнее название северо-восточного залива озера Пясина, из которого берет начало река Пясина.

⁸⁸ «...Но токмо серединою идет глубока вода из речки, впадающей в нее (в озеро.— К. Ц.) Норильской».— Эти данные полностью подтвердились исследованиями ученых в XX в. Глубина Пясинского озера летом 2—3 м (при длине около 90 км), а зимой лед во многих местах лежит непосредственно на дне. В средней части озера, от устья реки Норильской (Пясиной), тянется впадина (русло реки Норильской). Зимой Пясинское озеро сокращается до пределов впадины.

⁸⁹ *Река Пыра* — теперь река Пура.

⁹⁰ *Хантайские самоеды* — дореволюционное обобщенное название нынешних энцев и других малых народностей, которые кочевали между низовьями Енисея и Пясины.

⁹¹ *Баканский, или Абаканский, остров* — теперь г. Абакан на юге Красноярского края.

⁹² *Мангазья* — название острога на реке Таз; а город основан в 1601 г. Свое название получил по месту расселения ненецкого племени мангазья, или молканзья. В 1672 г. был перенесен на место Туруханского зимовья (1607 г.) около впадения реки Турухан в Енисей. С середины XVIII в. назывался г. Туруханском. В 1905 г. в связи с обмелением реки Турухан был перенесен на правый берег Енисея. Теперь — с. Туруханск Красноярского края. На месте г. Мангазейска теперь отделение совхоза «Старый Туруханск».

⁹³ С. Дубеченское было основано в 1636 г. неподалеку от реки Дубчес на левом берегу Енисея. Теперь это с. Ворогово Туруханского района.

⁹⁴ «...Но токмо остяки новокрещенные по берегам реки в берестяных юртах живут и рыбою питаютца».— Здесь имеются в виду енисейцы или кеты, которых раньше неправильно называли енисейскими остяками. В культурном отношении кеты близки к селькупам (или остяко-самоедам) Язык кетов не имеет ничего общего с языками соседей.

⁹⁵ Х. Лаптев совершенно точно дает описание растительности низовьев Енисея и Таймырской тундры. Северная граница распространения сибирской лиственницы (*Larix sibirica*) проходит на Енисее несколько севернее 69°40' ш. с., здесь лиственница представлена разрозненными, низкорослыми (2—2½ м) деревьями.

⁹⁶ *Юраки* — это ненецкие племена, которых так называли их соседи обские остяки. Они кочевали на левобережье Енисея и Енисейского залива.

*В. Ф. Зуев. Материалы
по этнографии ненцев
и хантов*.*

*Описание¹ живущих
Сибирской Губернии
в Березовском Уезде
иноверческих народов остяков
и самоедов, сочиненное
студентом Василием Зуевым².*

Обитание народов

Самоедская земля, последняя часть к северу, сколь дикая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, располагась далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже и с российскими народами; чем наперед можно узнать, что они, более обходясь с русскими, более приняли их обыкновенный и поступок и не столь, напротив того, глупы и необходимы, как прочие. Оные хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, потамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайšie к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для звериного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на разные места переезжают, как о том ниже явствовать будет.

---

* Печатается по: Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.; Л., 1947. С. 21—84.

О их языке

Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неявственно; говорят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо явственнее, нежели последние. Но те самоедцы, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют почти совсем будто особливой язык и особое обхождение, которое описывать в особенности, кажется, нет нужды, но можно и без того разуметь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остятскими; с самоедью поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки; однако смешение их везде явствует, так что остяк мало понимает речей его, равным образом и самоедин мало толкует и хотя они жен берут от остяков и самоедцев, но в том нет нимало затруднения, а понеже таковых немного имеется, то и совсем оставить можно. Впрочем, и те, кои далеко друг от дружки отделяются, однако в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разнствуют, между собою.

Границы

Первых, т. е. остяков, уже не неизвестно обитание и место по реке Обе и рекам, в нее впадающим, но самоедцы по всей тундре, подле берег [а] Северного океана лежащей, разъезжают и разделяются на две части Обскою губою: первая называется Закаменная, по левую сторону Обской губы лежащая, граничит с Пустозерским уездом, начав от вершины реки Соби чрез камень до Карского залива, от которого по берегу Северного моря до самого устья Обской губы...

О их происхождении и телосложении

Что же касается до их происхождения, то едва можно верить самоедскому заблуждшему рассуждению. Напротив

того, как и русские производят, будто бы произошли от татар, когда славной разбойник Ермак, разоряя Сибирь, рассеял весь род татарской по незнакомым сим местам, и хотя за верное полагают, аки бы Ермак был и ниже Березова*, однакож через толь немногое время нельзя верить, чтоб произошло новое идолопоклонство и совсем новой язык, в коем нималого остатку и сходства с татарией найти бы нельзя было. И так хотя и совершенно за лучшее б их причесть к роду неведомых прежде бывших в тех местах народов³, однако не без основания истории можно положить и самые их речи, о которых, правда, немногие и толкуют.

Перво, когда еще земля им казалась быть пустая, были в том краю родные два брата, из которых большой назывался Ваги, а малой Хазова⁴, кои оба промышляли первое лето оленей, от чего и были довольны одеждою, на другой же год стали промышлять ежи, тогда были наги, что и принудило из их одному промышлять рыбу, а другому оленей, но когда по прошествии времени один другого звал к себе в товарищи, а обеим свое житье показалось мило, то в том друг дружке и отказывали, отчего рассердясь малой брат назвал большого Ваги, от коего произошли вогуляки и сродственные остяки, а от того произошли самоедцы; однако каждой рассудить может, что сей хорошей вымысел, коему совершенно верить нельзя, а неотменно положить надо, что сии останки суть древних язычников. Впрочем, естли сравнить их с другими народами в рассуждении их отдаленности, то за подлинно можно почесть особливим, не только в языке и поступках несходным, но и самое их телосложение доказывает род отдельной, ибо пусть остяки по смежности с ими сходны, как и другие дикие в севере живущие идолопоклонники, однако и тут, рассматривая сих двух хорошенько, можно легко знать, которой остяк или самоедин. Между остяками немного найти можно с лица пригожих; напротив того, все росту малого, так что и средних редко найти можно, волосом же более светлорусые, а самоедцы по большей части волосом черные и чернорусые. Рот большой, губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные, обще же сходятся между собою, что росту неболь-

---

* Но в сем мнении много они ошибаются, хотя бы то и правда, что был там какой-нибудь рассыльный из ермаковой шайки, которого и вероятно, что они по тогдашнему страху почли за настоящего Ермака. О чем смотри Сибирскую историю Г. Мюллера.

шого, лица смуглого, житъя грубого; однако последние (самоедцы) гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особливо пол женской), мускуловаты, житьем гнусны, в обрядах очень сходственны.

Впрочем, как немногие о своем происхождении толкуют, так мало об их и разуместь можно, ибо я сам от некоторых слышал, будто бы и русской был причтен в число третьего брата, коего и доньне называют Луце (коли не вымышлен перевод, что значит воин, а Луце нинзилие — воин сердитой)⁵, однако можно догадаться, что они тогда русских называли воинами, когда при покорении их угнетали. Напротив того, что самоедцы по своему имени называют себя умнее (Хазова войгутта — мужик умной), а остяков глупее, но в том совершенно они ошибаются, ибо во всех поступках и в речах можно остяков предпочесть самоедцам, а может быть и потому, что сии ближе к русским и больше около их обращаются, нежели те, которые живут в отдаленности в неведомых тундряных местах.

Сей обузданной уже почти народ остяцкой почти всякие обиды сносит терпеливо, нежели те отдаленные, которые из малой вещицы по своему заблуждению рады драться, а в случае голодного времени и без причины на русского руки смело подымает. Впрочем же, хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, в случае для русских щедры, к вину оба сии народа, не исключая баб, девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольнаго его было, то б мало из малых младенцев на свет выросло. Сговорчивы, заведших бунт орудием не склонишь, кроме ласкою. В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особлива пол женской, для честного честны и ласковы, с соседями согласны, легкомысленны, странноприимчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы. Напротив того, об остяках нельзя того сказать, чтоб были столь дики и грубы, как самоедцы, но что просты, не ссорчивы, прилежны и согласны, в том ошибиться нельзя, и что смело с сим народом поступать можно, то докажет их обузданное снисходительство.

О их платье и украшении

Платье, како у тех народов в употреблении, есть простое из разных ими промышляемых зверей, а не от русских

покупаемое, кроме одного холста, да и то редкие, разве богатые из остяков, имеют, а прочие по большей части ходят нагие, как и женщины, в одних только тулупах. Мужское зимнее состоит внизу из малицы, которая делается из внешних⁶ оленьих кож с рукавицами, длиною до колена, и надевается мешком вниз шерстью, верхнее платье, гус называемое, из зимней оленьины или постели шьется таким же образом, но с головою⁷, которой носят на малице. Внизу имеют штаны ровдужные и на ногах из тонкого неплюя⁸ вниз шерстью, наподобие чулков чажи⁹, а на них надевают из оленьих лап сшитые сапоги или пимы, у которых подошвы делают из оленьих щеток или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою и бывает гораздо прочнее, нежели из лбов оленьих. Летом ходят нагие в одних только малицах, которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами. На ногах летом имеют легкие ровдужные, наподобие пимов, негован, красною краскою и ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают.

Еще ж у их бывает легкое платье, которое в случае и зимою и летом носят, называется парка, и шьется тем же подобием из оленьей телячей кожи вверх шерстью, с рукавицами и головою и опушивается как около подолу, так и около головы белою собачиною. Таковая носится по рассуждению холода и одинакая и по малице, но сию последнюю я видел только у одних остяков, а у самоедцов нету.

Напротив того, женщины остяцкие носят по голому телу длинные тулупы¹⁰, которые шьют по своему покрою пространные, но чтоб пола с полою сходились, которые завязывают завязками и притом везде строго наблюдает, чтоб пола не распахнулась, чему все русские дивуются и совершенно за великого щастливца между проезжими россиянами тот признается, которой у присевшей в трудах остячки невзначай увидит стыд, заткнутой отлепом, которой делают из таловых стружек, мелко выструганных и после мягко вымытых. Летом ходят босые¹¹, а зимой в неговаях.

Что же касается до головного их убора, то сему, не знаю, кто бы не мог в их жизни дивоваться. Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что то есть чесать волосы на свете. Мушины ото лба вокруг головы подбревают, а вер-

хушку же оставляют с густыми волосами просто, и хотя они не пекутся о том, чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкой войлошной парик, которой, рукою прокапывая, едва дощупывается тела. В таком состоянии возможно ли подумать, чтоб не было у их вшей множества, за подлинно я сам видал довольно между остяками и самоядцами, что бабы у мужиков ищут вшей не глазами, а ошупью, кои и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что оне де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости. Бабы же, напротив того, головы хотя и не чешут, но долгие свои волосы заплетают в косы, которых две назаде связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку, у коей концы назаде долгие и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее, сверх которого обыкновенно все носят на голове покрывало, по-ихнему вокшем, которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит¹², и во время прихожих людей и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается; из молодых же, коли что-нибудь делает, то и совсем от сторонних лицом в угол отворотится.

Впрочем, и сие у остяток за меньшее почитается украшение — выписывать наружность своего тела, из которых на руках я видел столь хитро выписанные фигуры, что дивиться тому надо, как они чрез то себя не могут испортить, ибо в местах около локтя опасных и на самых жилах видно столь глубоко тыкано иглою, что сажа, которою они после иглы ранку замазывают, внутри разоплывшись, немалое синево причинила, но сие хотя я и спрашивал, но никто, мне кажется, не ответствовал справедливо, ибо иные говорили, будто бы сие у них вместо пускания крови служит. Можно бы тому и поверить, но у их вышивают и молодые, равным образом и те, кои в век свой болезни не ведали; напротив того, я почитаю, что каждому остяку более бы надобно было крови прибавить, нежели еще выпускать оной, притом же они, как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и на руках, то совершенно должно почесть за украшение в своем роде¹³. Мушины же хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, которой у их записывают при ясаке вместо имени. В ушах женщины носят серги долгие на ниточках, на кото-

рых навздеты разноколерные корольки, а мушины, все также почти имеют маленькие нитяные колечки.

Самоядцы, напротив того, хотя народ отменной и далеко отделенной, однако в одеянии мало разнствуют мужины, ибо имеют то же самое платье, как и остяки летом и зимою. Но о голове, хотя и не берегут равным образом, однако из их более щоголей выбрать можно, нежели из других. Головы хотя не чешут и хотя она также свалялась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти его не развиваются¹⁴. А пол женской часто оную чешут, убирают обыкновенно бабы на две косы, а девки на многие. Естли же вдова выйдет за другога, то на виске оставляет для третьей косы растрепанные волосы в знак печали по первом муже. Ходят всегда с непокрытой головою, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам подобные. Серги в ушах короткие корольковые, платье же совсем от остяцкого отменное, а более, думаю, камчадальскому подобное. Хорошее, но одноманерное всегда, платье бывает из разных суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой кожи. Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей, спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем, и на брюхе, вместо завязывания узлом, имеет большое железное кольцо, за которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не пространная, но чтоб полы только сходились, а длинной пониже колена, внизу носят штаны ровдужные, безо всякого затыкания, как у остяков, на ногах пимы либо негован.

Впрочем, зимой и летом носят шубы по голому телу. В шубе спит и в шубе от начала жизни даже до смерти пребывает. А мушины спят всегда нагие, в одних только штанах.

О их житии и экономии

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтоб верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Нельзя тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается или мокрые о негодную

спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому брезгливому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет терпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нисколько к тому рачения, ибо хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и оправлять должны будто бы так надо по ихнему закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остяки, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четверугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особенное строение и строится по большей части четверугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого окладывается как надо, без перекалывания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей¹⁵, сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая остятка со всем своим экипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естьли случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты пребывают, но когда остяку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и касят без всякого после очищения, чего ради во всех оных

юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму не достанет, то кости тут и позымы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочй и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихней прочей поклажи, как оленье кожи, постели и прочие зверевые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибора и от воровства опасения, а кожи оленье около лабазу часто и так весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт расстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из остяков, кои живут около Обдорска, много таких найдется, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают, но по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, но все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостинец. Ихное мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и ядовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя оне не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят до тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первой случай оно марається, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономии. Но сие только богатые имеют или их

князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинакое, однако тем они себя счастливыми считают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или меною с богатыми, или служением¹⁶, или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями¹⁷, однако таковым около своих мало удастся исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но естли такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не бояся нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иноверческие пасутся, и хозяин только один раз в год приезжает пересчитать и перепятнать их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, но уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остяками не судят, а особливо с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почесть за малое, но он, не рассуждая того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают...*

О пище и питии

...Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоедцов, но и у дорожных русских в знатном употреблении**. Состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приуготовляется и разные от того имяна получает, во-первых: позымы делаются из боков рыбьих, не за-

---

* Далее о положении жены в семье.

** Оценка В. Зуевым пищи.

хватывая брюшка и спинки, срезаются кожи стелом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и, наконец, связывают в связки, называемые беремя, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбы, в коих больше жиру имеется по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисло, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покудова закраснеет, и как испряжется, то простудя складывают в берестяные лукошка или оленьи брюшины, и сие называется варка.

Делают также позымы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошитые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем на-двое и высуша толкут с костями так мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом не без употребления остаются, но их также сушат и зажаривают, как и позымы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбьих, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из рыбы все черева, кладут в котел, водою наполненный, которой непокрытой стоит у их в чуму до тех пор, пока кишки протухнув жир из себя выпустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на двне остаются, после снимают на воде плавающей жир кеулем или мелким уполовником и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножом, иначе худой промысел той рыбы по своему суеверию заключает. Головной хрящ не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножом по голове не разрезавают, но на-кошь; иначе несчастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывает наверх, а после горячей в холодной воде зака-

ливают, оной уже совсем за готовой почитается и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятии распяливают и на ветру сушат и которой, в случае надобности, еще варить должно.

Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих...* коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеем.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кипев долгое время, загустеет.

Теперь осталось изъяснить, из каких рыб позымы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на позымы и варку употребляются, но самые лучшие из муксунов бывают. Позымы часто едят одне охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые сухие — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла употребляется, а в случае недостатка в позымах и ютта случается. Порсу едят просто сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем не редко оне употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва позволяет лишние изготавлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью, летом трепещущую, обрезывая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножом из-под низу отрезавают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлую стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыбы сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальца, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отопревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою

---

* Описание приготовления клея.

так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появляются...

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает, ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опализ на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же, и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят¹⁸. Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла наливают в ночовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не исключая падину зверёву и птичью, не только свежую, но в голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков, лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметают, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют.

О их законе

Закон у всякого народа свой есть, но между всеми прочими, разным образом дикими народами, более имеется порядку, нежели заблуждения, какое между сими беспутными остяками и самоедью происходит, ибо, если можно сказать, то у всякого человека почти свой закон в его чуму особливой... Просто сказать, что у их закону нету, а имеют только остатки идолопоклонства, которые напоследок и во все искоренятся. Почитают и хвалят заблудшее о столбовых своих богах разсуждение. Греху и добродетели, не знаю, что б они приписывали. Идолу своему, инно малопомалу человеку подобному, инно и совсем не сообразующему кланяются, почитают и в случае нужды просят его со

умилением. Хорошо, коли так делается, естли же не по вкусу просящего, то чем бедной болван провинился пред хозяином, что стоял в углу, молчал, смотрел и смеялся его дурачеству, чрез что получил себе наказание, что он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи.

Часто такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихних. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными лоскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставя в передний угол, содержит в божеском почтении. Щастлив тот столляр, которой коробкою своею бога сделал. Щастлив и продавец, что продажею угодил шайтану, взяв хорошие за то деньги.

Иначе поклоняются горам, коих или ужасаются или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь, также особое, дерево, равным образом и деревьям также служат. Однако вящее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, коих они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких славных ворожеев или богатых, или какими особливыми делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников.

В каждом чуму имеется рукотворенной бог в образ человека, маленькой, сделанной инде коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной. Всех их богов описывать много да и притом же они имени не имеют, так и нужды в том мало.

Домашний бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки; каждой день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал и отлеп (таловые мягкие стружки), чтоб затыкал ноздри и утирался. Оной табак, какая бы нужда ни приспела, хозяин не смеет взять, ниже напойки, боясь, чтоб не раздражить своего заступника. Русские, приехав к им в чум, часто делают, что у шайтана, высыпав ночью, когда все спят, табак, тихонько оставляют

рог пустой, что служит у их поутру к немалому в суеверии подкреплению и удивлению, как, дескать, шайтан нынешнею ночью так много табаку вынюхал,— конечно, куда-нибудь за промыслом отлучался.

Все в чуму, не выключая баб и девок, каждой имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждодневно по обычаю своему тешат.

Впрочем, хотя они никаких священных чинов и не имеют и праздников не знают, но при всяком жертвоприношении служат только шаманы или ворожен, которые хитростью своею глупой сей народ обманывают; они, по большей части, и уставщики их веры и закона, другие — богатые люди, ибо во всяких случаях, что один начнет делать из ихних почтенных, то и все прочие ему последуют.

Божков своих происшествие полагают от предков и, хотя их обожают, однако власти над светом никакой не приписывают, а изображают одного вышшего над оными таким же болваном, как и прочие.

Почитаемый во всем роде остячком бог и славной из всех идол установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска. Стоит в лесу, куда от русских и дорога скрыта, опасаясь, чтоб не обокрали, тут ему наибольшее почтение и жертвоприношение бывает ото всех, некогда и нарочно приезжающих. Имеются два болвана в образ человека, один мущина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием. Стоят в лесу, в маленьких, нарочно сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные, вокруг их наложено довольно всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и прочее.

Примечено, что мущины мужскому болвану, а женщины женскому кланяются, служат и всеми силами равным образом украшают, и в особенное время жертву без мужского полу приносят, где также и служит ворожейка, а не мущина. Вокруг их развешены на лесинах оленье постели, которые после жертвоприношения ему в подарок на деревьях оставляют; дерево же, к которому болван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями, а наверху обвивают жостью и привязывают маленькой колокольчик, которой во время ветру позванивает, по лесине

же развешены инде небольшие лука со стрелами и прочее.

Сие болваново место остяки несказанно берегут, чтоб проезжие как бы не покрали, ибо прежде у их бывало, и во многих местах такие богатые идолы по лесам расставленные, и многими богатыми вещами одаренные, бывали и деревья стоящие, равным образом обогащенные, и в лесу оставляемые, но узнав, что русские до таких вещей, напрасно тлеющих, лакомы, то ныне делают иначе. Из того дерева сделают большой чурбан, которой наряжат хорошими сукнами и однорядками, снабдят всякого посудой и так привозят на то место и по принесении жертвы опять увозят обратно.

Болваны, после умерших, не незнатных в своем роде стариков, имеют также себе почтение, ибо, где он жил, сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целый год. Напротив того, и жена, естли мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует, и с собою на постелю спать кладет, но сие показано будет ниже.

Напротив того, все места, кои в лесу богам отведены, как дачи, или по протокам, или урочищам и горам, в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради ниже дерева рубят, ниже из реки воды против того места пьют по тех пор, пока пределы его границ проедут с такою осторожностью, чтоб и близко под берег не подъехать и веслом до земли не коснуться. Оное столь крепко наблюдают, что как бы ни захотел пить и что ему ни сули, однако пить не будет. Часто бывает, естли у шайтана пределы проезжать далеко, то запасают с собою воду, и как бы его нужда ни приспичела, однако не выйдет на берег, разве проплыв шайтанские границы.

Все места, где такие славные шаманства производились, долго между потомками еще почитаются, но разве уже совсем знаки того места уничтожаются, нередко у их и места также переменяются при жизни еще славного тадыба, что бывает по некоторым особливым примечаниям, ибо случается, что в некоторых хороших местах увидят много птиц и зверей, такое почитают богам приятным, напротив того, естли увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо

вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут, что за великую себе обиду почитают, если узнают, что отважился разорить гнездо его.

Часто бывает, что весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается, а особливо тогда, когда какой-нибудь полномочной проедет и против их установлений что-нибудь сделает, тогда они долгое время будто бы вне себя ходят, не зная, как умиловить своих шайтанов, ибо все единодушно думают, что русской от их оплошности узнал о их законе и то сделал, то неотменно и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует. Сие натурально рассудить можно, что и просвещенные люди от многой думы довольной вред себе получают, а сии в то время так бесятся, что истинно ни о чем не мыслят, как только опасность себе представляют, а особливо их богомерзкие шаманы в тогдашнее время то и дело им сны свои толкуют. Иногда жертву приносить и шаманить советуют, иногда разные происки изыскивают к их большему утеснению думы, ведая, что ему за каждое жертвоприношение и шаманство каждой должен платить по возможности, и знает, что ему последний из остяков не даст меньше одного оленя.

Таким образом, в таковое время немалая погибель бывает оленям и немалая корысть помянутым обманщикам случается, ибо богатой, будучи со всех сторон такими плутами уверен, уже вдался в печаль большую, чего ради не рад уже становится всему своему имению, не жалеет целого стада оленей поставить пред шайтана на разные мучительные кары, не жалеет поднести наилучших зверей своему шайтану на умиловление, не щадит себя, также и дарит ворожея, желая от его выслушать доброго предвестия, однако по тех пор желаемого не получает, покудова не исполнится шаманская ненасытная утроба.

Об их тадыбах, или шаманах

Теперь приступаю я к их шаманам, или ворожеям, посамоедски — тадыбам, кои у остяков в такой тайности содержатся, что хотя и спросишь у его про шамана, но он не только имени его не скажет, но и от искусства его отпирается. Сии обманщики хитростью своею заслуживают у их некоторое почтение, а каким образом они в шаманы произ-

водятся, того совершенно сказать не умею, слышал только, будто бы от частого толкования снов они признаются от народа, однако сего недовольно, ибо без какой-нибудь науки от прежних ворожеев и без употребления бубна, не может он к такому страшному по их делу приступить на первой случай и предсказаниями своими ответствовать на вопрос при шаманстве стоящего народа, но должно думать, что отец или мать, не хотя открыть своих обманов пред глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их в истинную; однако мы хотя и почитаем их невежество обманом, но они, верно, не от хитрости, но от заблуждения это делают и сами тому ж не неверят. Они ни малой отмены ни в житии, ни в поведении, ни в чем, не имеют и не разнствуют от простого остяка, а только что титул носят шамана, которой все народы издревле почитают. Напротив того, все шаманы одними только мнениями отличны, потому что завсегда на лице своем носят удивительную важность, чрезвычайно много думают обо всем, почему и кажутся они будто холерики; обо всем толкуют с великим уважением и, напротив того, сие знак вящего его достоинства — бешенство и пугливость, которыми они так одарены, что нельзя думать, чтоб сие была правда. Я не знаю, чему его между ими приписать надо: слабости ли их состояния, или легковерию, или вовсе глупости. Правда, за лучшее признаю причислить оное к роду болезни... народ, как видно, от природы пуглив, но сии шаманы уже неудобовоеримо пугаются самой маленькой безделки, а особливо тогда, когда его рассердишь, тогда он несканно бесится, скачет, валяется, ухает, бьет и что б ему в руки не попало, всем готов уязвить предстоящего. Самое начало их пугливости, когда дразнить начинают. Свист лишь только услышит, тотчас из лица выступит, побледнеет и начнет мешаться; потом естли на его дунешь, тоже последует, а после, ежели ему хотя чурку покажешь, то ему неведомо чем покажется, которой он со всяким поспешением убегает, обороняется и всячески страшится. Я знаю одну бабу, которая не бесславная колдовка, и во многом правду угадывает, только у их не шаманит за старостию. Она столь пуглива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель со свистом дующего, боится. Сие, неотменно должно почесть, происходит от отягощенных их разными мнительными идеями голов, которые иначе были бы пусты, естли бы разными страшилищами не были наполнены.

Ворожит она, смотря на огонь, на воздух, на солнце и

прочее, но каким образом, того ниже самым цельным вином и спросить не можно. Другого видел я на р. Енисее самоедина молодого, в Селякине зимовье, которой больше показал страсти своего помешательства, ибо когда ему покажут палец, то он боится, представляя, будто бы его палкой бить хотят. Сие из того разуместь можно было, что он хватается за его обеими руками и после сам укрывался, потом по долговременном чрез толмача уговоре, чтоб ничего не боялся, надел я на его руку черную замшеную перчатку, и сам уговаривал. Он перво смотрел на ее пристально, а потом так взбесился, что естыли б подле лежащей топор попался ему в руки, то б верно не спастись бы нам было: он ревел изо всего горла, бросался во все стороны, искал, чем бы оборониться, трясет всею рукою, чтоб сама перчатка свалилась, а другую рукою и прикоснуться не смеет, представляя себе, что это не моя рука, а медвежья лапа, чего ради с страхом принуждены его схватать и перчатку сдернуть, тогда он мало-помалу образумелся¹⁹.

Таким образом, весь оной род людей по своему малому уму так пуглив, что в сем одном имеет немалую отличность от прочих диких народов, однако простые, еще несколько отважнее, кроме богатых и пугливейших шаманов. Русские, а особливо незнающие в шутках от своей братьи, подбиваются испугать какого остяка или самоедина, нередко такую веселость с большим уроном терпят, так что естыли не успеют разбежаться или его схватать, многие от его ножа горестно погибают. Напротив того, и испугавшемуся, естыли противники не попались, то он, тайно, с злобою взошед в юрту, позабыв своих сродников, отца, мать, жену или кто попался, всех бьет или колет, ежели в скорости не схватают. В таком случае, коли схватают, образумлевают его опять палениною, то есть тотчас отрежут лоскут от оленьей постели с шерстью, зажгут и дадут ему понюхать, тем он здрав становится.

Равным образом их шаманства происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием и со всем кажется мучительным образом.

Оные их шаманства бывают более от видения снов особливых, когда ворожей во сне видит что-нибудь страшное или удивительное, тогда созовет соседей из ближних юрт на предсказание, или и из простых также кто что увидит во сне, то и спрашивает своего шамана. Таковым вопрошающим волхвования отправляют таким образом: ворожей

или волхв связавшись бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия дьявола, которой будто бы на вопросы от его отвечает о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо ответов стоят с непрерывным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его, до тех пор, пока над им синей туман или дым явится и обстоящих разгонит (но он действительно и без того весь в дыму стоит, потому что, где он ломается, тут во все время огонь дымом курится), а шаман, подымаясь, то и дело бросается во все стороны будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывают, а очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы, что только вздумает, то и бредит, рассказывает им все, как он видел дьявола и что с им происходило, и совершенно, что его пустая голова и в спокойствии мало о добром помышляет, а в таких беспокойствах может быть какими мечтаниями и заражается, но сие всякой благоразумной человек рассудить может, что сущей обман и самое заблуждение и что оные плуты шаманы для бездельного приобретения сами себя ломают и мучутся так, что после ослабевает и приходит в беспамятство, но чтобы дьявол мог ему что-нибудь сказать о предбудущем, не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно, так никто не токмо верит, да и за истину поставлять не может; только то подлинно, что оные шаманы, как хитрые и догадливые люди и в обстоятельствах дела о многом догадаться и некоторые следствия предсказать могут одними только догадками, но опасаясь, чтоб оне в вряях не остались, то ответы свои сказывают так, что из их надобно только заключать, естли что не точно сделается, то они свои слова толкуют в иную сторону и бедных людей верить заставляют.

Я в мою езду между простыми остяками и самоедцами никого не находил столь любопытных, столь к вопросам прилежащих, как сих шаманов, которые обо всем выпрашивали меня, что до их, кажется, и не касалось, а сами о своем ничего не рассказывают, а хотя что и скажет, да и то нехотя, а от больших вопросов всячески убегает.

Самоедское тадыбство не имеет узаконенного времени, когда б оному праздновать надлежало, но оне, согласясь,

как вздумают, так и позовут своего шамана. Уже небезизвестно, что помянутым шаманам каждой день снится, по которым снам они и толкуют, как ему захочется. Иногда же и один, кто вздумает, зовет, один за посещение и отдаривает, а естли все звали, то все и дарят по возможности. И так званой такой тадыб, или ворожей, приходит в чум богатого самоедина в обыкновенном самоедском платье, гусе и малице, а между тем с собой приносит бубен и платье, которое он в действии надевает, садится, пришед, посреди чума на одной стороне. Между тем, знающие будущую ворожбу, смотреть кто хочет, сходятся вокруг его по обеим сторонам чума, в то самое время раскладывают в чуму большой огонь и сушат бубен, чтоб был звончае, а он, между прочим, одевается в платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные лоскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи, чтоб был гром, когда он ломаться будет, и так, когда он оденется, то все самоедцы, кои тут есть, закричат сильно в один голос с протяжкою: «Гой!» — а потом долгое время перекликаются между собою порознь: «Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!..» Тогда ворожей, сидя на своем месте, перво озирается диким образом, поглядывая на все стороны, поводит глазами, вверх и вниз смотрит, потом берет бубен в руки и перво колотит тихо, сделанною нарочно к тому палкою, обшитою оленьей лапой или по тамошнему кысом, сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит шибчае, а напоследок изо всей силы и, вскоча с своего места, скачет по чуму и ломается, брося бубен на сторону, долгое время так бесится, при большом огне, в дыму, отчего такая в нем делается перемена, что иной обессиливший падает на землю и так рассказывает, пев то что ему во сне снилось, и что он из того заключает к уверению сидящих.

Другие же есть такие, которые в таких случаях делают невероятные действия, и хотя совсем непонятные человеческому разуму, однако же, уверясь словам и самых самоедов, и русских людей, кои некогда слыхали и видали, осмеливаюсь предложить не к возмущению гисторию, но к слову слышанное, неудобоверимое и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бешенства, некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впусая по самой черен, вытаскивает без всякого кровавого

знаку на ноже. Знаю я сам, что шаманы в то время не толсто одеваются, но каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно. Другие ж*, перевязав шею веревкой, концы дают двум посторонним человекам, чтобы тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая по сказкам самоедцов и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав встает и с головою²⁰. Невозможное дело.

Правда, хотя сие без знания обмана кажется и невозможно, но должно почесть, что неотменно в сем деле есть какое-нибудь из искусство или и сущей глупым зрителям обман. Недаром все оные шаманы таятся русских людей, чтоб не усмотрели их хитрости. Правда, что сие и не все шаманы представляют, но я слышал про многих и ведаю, что у меня в провожатых от Обдорска до Северного окиана такой самоедской шаман был, который всему етому был искусен, но прочими самоедцами так утаен был, что по отпуск его не мог ни от кого наведаться, кроме сторонних, про его искусство, однако хотя б и во время его у меня бытия спознал про его шаманство, но прочие б все о незнании свои головы за его положить поручились.

Но мы возвратимся к прежнему своему делу о продолжении их шаманства. Когда он, очнувшись, поет при великом жаре, в дыму, испущая страшной из себя пот, то другой, подле его сидящий, повторяя его речи, подпевает тут же, и так далее продолжается без всякого особенного окончания. Но когда петь перестанет, то все по своим чумам расходятся, подаря своего тадыба по возможности. Из говоренных речей всяк свое мнение в заключение будущего прилагает.

Сие у их употребляется во всяком особенном случае, но богослужение их, хотя и соответствует разным образом безумно, однако производится иным образом, но нередко и с шаманством.

При жертвоприношении употребляют оне все, что им мило, то своему болвану и посвящают, иногда живые рыбы приносят и, положиа пред мнимым своим богом на землю,

---

* В числе провожатых чрез тундру до Северного окиана я имел такого тадыба, который сему был искусен, и хотя я знал, что они русским таких фокусов не открывают, однако и он, спознав, что я единственно за таким делом послан, поскорей от меня отпросился назад, а я, не зная про его искусство, отпустил обратно. Он назывался Локó.

кланяются (подобным образом, как приходит и к воеводам) и просят о неоставлении, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут ему в подарок какую-нибудь новую завесу, коею его обернут.

Другие приводят оленей и, поставя живого пред болвана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют. Между тем, один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третьей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около того болвана, коему олень в жертву приносится. После того, выжав кровь из оленьего сердца в особливую посуду, покропляют свои шалаши, а остатками мажут губы своему болвану. Кожу одного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских* песен. Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздадут по часточке своим приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван остатным жиром губы свои улучит помазать. По окончании обеда все начнут махать палками и кричать во все горло, что кому на ум взшло, а сие значит провожание того божишка, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать.

При таких провожаниях делают оне разные действия: инде стреляют по три стрелы каждой, инно далее пение свое продолжают, но зачинщики всего — их шаманы и богатые люди, ибо что он только начнет делать, то и все подхватят.

Славное когда бывает у их жертвоприношение при многлюдном отовсюду съехавшихся собрании, тогда удивительное и жалостное бывает скотское падение, ибо при такой их ревности к болвану одини другого превзойти стараются, желая пред всеми доказать свою усердность к проклятому изображению...** В бешевстве своем пред божишком не знает уж он (шаман. — К. Ц.), что делает: колет оленей всех в задоре, сколько ни пригнал с собою, и разве

---

* Песен никаких они не имеют, а кому что на ум пришло, то и лепечет.

** Оценка автором жертвоприношения.

только под себя в санках оставит двух или трех. Желая перещеголять свою братью и доказать ревность к мнимому своему богу, всякие изыскивает кары и мучение: бьет, стреляет из лука отовсюду; колет же не так, как добрые люди, но со всех четырех сторон обвостренными колями пропинают. Сие у их наивящие почитается, потому что олень, и сзади и спереди пропнутый, смиренно преклоняет в изнеможении пред болваном колена, к их пушному заблудшему мнению, дескать, нашему болвану и олени покорны.

Других приводят к такому реки месту, где б был или омут, или бык, или какое б быстротою особливое место. Тут, навязав на шею оленю большой камень, кидают в воду и тем жертву свершают.

При частых таковых многолюдных жертвоприношениях можно сказать, что не столько в ясах рухляди собирается, сколько на приклад и пагубное действие пропадает, ибо, я думаю, каждый бедняк должен хотя раз по своей вере чем-нибудь жертвовать своему болвану, а сие верно знаю, что в ясак он лучше худых два зверя положит, нежели одного доброго, которого своему богу посвящает, а богатым одного или двух зверей убить очень постыдно; того ради по крайней [й] мере должен убить десяток или, при таком множестве народа, не стыдно будет и два или три заколоть. Между тем, каждый кроме того дарит болвана самыми лучшими зверёвыми шкурами, как добрыми лисицами, песцами, росомахами, соболями, бобрами и прочее...*

Ежели убьют они медведя, то бывает опять особливое действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана — мнимого своего бога — на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося извинение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо-де железо, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили, и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило, а просим прощение в том только, что стрелу, натянув, пустили. Понеже бояться, думая, что душа оного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся.

Из сего видно, что оне во всех зверях душам быть почитают, но есть ли подлинно, по их мнению, и в прочих мелких животных о том речи заводить не случилось. Медведя же бояться и отдают ему душу, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко...²¹

* Далее оценка стоимости жертвенных шкур.

В болезнях же равным образом поступают с оленями: смотря на долготу немощи, столько и убивают, но нередко при опасности болезни богатые и по десяти вдруг в жертву приносят. Приведенного оленя поставят перед чумовыми дверьми, сквозь которые протянут веревку, одним концом за ногу оленя привязанную, другим же за руку больного. Между тем больной, лежа в чуму, а прочие вне чума просят своего заступника — болвана, часто указывая на небо, чтоб он вылечил в немощи находящегося. Но как больной, в чуму лежащей, нарочно или невзначай лишь только дернет за веревку, тотчас и давят оленя, а после варят и едят, кожу себе берут, голову, одну кость с рогами, на кол втыкают, а больному болящее место помазывают кровью и жиром и между тем обыкновенно лоб. Но естли больной нечаянно за веревку дернет, то сие наивящще почитают, думая, что в тот час убить оленя самому богу так изволилось.

О присягах самоедских

Теперь при ихном заблуждении не непристойно кажется объявить и самые их клятвы и присягу, каким образом и с какими притом договорами они присягают, но чтоб клятву отличить от присяги, то упомяну здесь, что они, хотя и всем, что только глазами видят, клянутся, однако их, так сказать, божбе не очень верить можно, ибо нередко при крайностях не оставляет он ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха, ничего иного, чем ни побожился, но еще обманет, и сие случается только в долгах или торгу с русскими, а в важных делах, как в воровстве, в верности и в прочем, заведены у их присяги, которые при сем прилагаются и на ихном диалекте и на русской язык переведенные, а хотя они некогда и против присяги бунтовать думают, то оное не должно почитать нарушением, а верно по какой-нибудь причине, либо увидят какую обиду от русских²², коей давно избегнуть не могут, то от нетерпеливости и бунт заводят, который ни самым оружием утолить нельзя, кроме одной ласки, либо от какой-нибудь ложной вести, для их неспособной, которую пронесет между ими какой-нибудь бездельник. Однако напоследок более тому и достается, кто оное между ими выдумал, ибо оне уже тогда не стоят за своего товарища, когда узнают, что он ложь им предсказывал.

Когда они пред воеводою государю должны учинить

присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и при том должны говорить сими словами:

Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, который ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножом мне бы зарезаться.

Другой род присяги почти сему подобен, но разве для некоторого отличия в словах упомянуть здесь не непристойно, ибо сие зависит от толмача, которой им при присяге что велит говорит или делать, то они и слушают, но перед началом второй сей присяги расстилают медвежью кожу, а их около ее поставят всех на колени и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя и между тем, в знак сущей верности, каждой ущипывает шерсти. Речи же говорят следующие:

Теперь в том государыне вы присягаете, во всяком деле будете ей послушны, что повелит или куда пошлет, хотя и на войну, живота своего не щадя, исправляйте, государев ясак каждогодно платите, между собою живите согласно, теперь из говоренных мною речей что преступное учините или не будете послушны, етою шпагою вам головы отсекут, ножом себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест.

Естьли же между ими сделается такая ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих еще решить нельзя, то велят одному из их учинить следующую присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещевают, представляя ему страшные примеры, потом дают нож, коим он болвану нос отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:

Естьли я в сем споре неправо кляняся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы несчастье на меня пришло.

Сию же клятву употребляют и свидетели, чему крепко и верят, и естли кто неправо оным клялся, то, конечно, какое-нибудь наказание вскоре последует. И действительно, сей народ в таких случаях столь справедлив, что при ихной дикости можно их в сем почесть вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что нещастие воспоследует от угрызения неправо совести, и он неправо присягнуть не смеет. Впрочем, в небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше.

Что ж касается до князцов их, то оные никакого ни окладу, ни особенного почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей, да и те один только титул князца на себе имеют, а питаются всяк своими промыслами, по смерти же оных правление жалованных достается по наследству сыновьям тем, кои ясашными усмотрены будут и удостоены к тому способными, а у которого наследников не осталось, то выбирают между собою лучших и умных людей; но богатые по большей части у их в особливом пребывают почтении, почему и можно всех их называть как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопи, за им ходят, а пьяного водят под руки и носят за им, что подарочное или оставленное.

Об обычаях и поступках

Что касается до их обычаев и поступок, то нельзя сказать, что у обоих народов не были одинаковые, ибо как всегда пребывают и остяки и самоедцы между собою в согласии и всегда почти друг друга посещают, а особливо в зимнее время и мену между собою производят, как самоедцы меняют оленей и рухлядь на съестные припасы, то из того заключить можно, что во всем у них сходственность немалая, кроме самых вероломных поведений, да и то не в лишнем отличестве. Обычаем, что они грубы, в поступках примчивы и просты, сие обоим народам сходственное, а что оне для хорошего человека с подобострастием не жалеют лучшего, обоим сродно. Одним словом сказать, что из них ни один не имеет пред другими преимущества и исполняют по своему поведению с большею только искренностью, ибо когда к ему из хороших людей кто придет, то желает его

угостить ревностно и для того велит тот час убить хорошего оленя и сварить только для его язык, мозг и грудинку и несколько кусков сала, что почитается у их за лучшее кушанье и знак достойного гостя. После же обеда дарит его по возможности, желая доказать свою услугу и благодарность за посещение.

Но бабы остяцкие или девки никогда почти не кажутся и никогда почти видеть их не можно, потому что, лишь только появится новой в чуму человек, то тотчас, закрыв лицо вокшемом, отворачивается лицом к стене и что надо делает, а нередко случается, что и из чума совсем в другой чум уходят, и остается одна старуха, но сие у их не значит ревность мужнюю, но самой стыд женского пола, которой у обоих народов ни за что почти в свете не почитается.

Напротив того, о самоедках того сказать нельзя, ибо те никогда голов своих не покрывают и хотя в таком же презрении у мужчин пребывают, однако как мало проезжих у себя видят, так мало и стыдятся. Между собою они равным образом ни малого приятства, ни учтивства не знают, да и не сродны к тому, не знают оне, как шапки скидываются. Приехав к другому в чум, никак не здороваются, а садятся прямо, где нашел место пусто. Хозяин же, зная своего друга, уже знает, что его потчивать надо, но потчивание их уже известно. Зимой поставят варку с поземами или мерзлой рыбы, летом свежей сырой, или что сварит в котле, тем и потчует. Недавно еще, как они приняли от русских снимать шапки пред хорошими людьми и говорить по-остяцки — визия (здорово и прощай, все одно), по-самоедски — дорово, которое слово, видно, совершенно русское, и они его при свидании и провожании гостя также употребляют, но понеже своего собственного не имеют, то между собою и не здороваются, а только с русскими так поступают.

О увеселениях

Увеселений имеют между собой очень мало, а особливо самоедцы, и я почти совсем не слыхивал, может быть потому, что они, как народ кочевой, редко во множестве бывают, но, будучи на Енисее, слышал, что самоедские увеселения точно как и некоторые камчадалские, но в сем не могу ручаться; имеет ли по правую сторону Тазовской губы к реке Енисею живущая Самоядь некоторую отличность от об-

ских самоедцов или нет, верно не знаю, того ради и увеселения здесь упоминаются не обских, а енисейских самоедцов, которые, стоя когда-нибудь во множестве при одном урочище, производят разные веселости, или просто сказать, кто что вздумает, тем и веселятся; иногда зачастую имеют увеселение в скачке, разбежавшись от меты по три раза, кто скакнет далее, также и борются, но сие и у обских остяков в моде.

Пляшут хотя и особливим образом от остяков, но с ураками и тавгами²³ очень сходственно. Пляска их состоит не во многих разностях телодвижения, но каково одна пара делает, таким образом пляшут и последние, хотя б какое множество их ни было. Самоедин, взяв бабу левою рукою за правую, ноги свои одна за другой наперед высовывает. Сам выговаривая полным ртом громко: «гой!», потом с ужимкою сквозь зубы в нос: «ги»... протяженно, потом опять громко: «гой!», а напоследок, забирая в себя дух, всхрапывает, и так далее. Сие не значит у их вместо песни, но будто бы для показания такты; баба же, напротив того, подле его стоящая, стоя на одном месте, с приседанием выворачивает ноги и сама только всхрапывает при окончании каждого колена. И так за одну парю собирается и множество; тогда бегает кругом, держась руками друг за дружку иногда чрез целый день, желая одна пара переплестись другую*.

Напротив того, березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сими своими веселостями желают только представить самое дело, а не вымышленное, или пересмеять кого стараются, как видно из ихних песен, о коих ниже упомянуто будет.

Пляска ихняя не до иного чего касается, как или до самых ихних промыслов, как они на оных поступают, или что увидят странное и смешное, то в пляске изобразить стараются с некоторыми лишними удивительными телодвижениями, коих словами и изобразить нельзя. Перво представляют пляскою, как промышляют лося. Пляшут по инструменту, домброю называемому, она же называется и шангальтоп и нарысьюг²⁴; игрок старается изобразить самое качество и действие зверя, т. е. как он бежит, рысью или скаком, как

---

* Как сама натура научает любовным хитростям, то и сии дикие народы знают как к любви приступать должно. Говорят, что во время пляски, когда пожмет у ее руку, то и увидит свое шастие.

стоит и прочее, а плясók тщится представить своим телодвижением, киванием головою, ломается стоя на одном месте, руками и ногами, и головою стараться должен изобразить живо. И так мне самому случилось видеть то изображение на домбре и пляске, когда промышленник намеряется гонить лося. Перво игрок играет по всем пяти струнам, изображая, как он бежит рысью, а плясók по такте топают для ясного изображения, потом, по игре, плясók изображает, как лось, остановясь, оглядывается на все стороны и смотрит, далеко ли от его человек, за ним гонящийся находится, и так, несколько представляя бегов и оглядов назад, играет игрок с представлением плясока, как его из лука убить хочет и как убьет, то промышленник возвращается назад с радостью и веселою песнею, пляскою, но когда же зверь у его уйдет, то ясно изображает возвращение свое с великою печалию гневом.

Еще видел я игру на домбре и пляску, представляющую промышленника, идущего на соболиные промыслы, тащущего за собою нарточку, и так, идучи он через лес, представляет вышеписанными движениями, как у его нарточка за пень задела, как, отворотя, опять идет и напоследок, нашед следы соболиные, как щупает пальцем, узнавая следы оного, свежие ли они или старые, и, увидя, что свежие, как доходит до самого соболя и каким образом добывает, из дупла выгоняет, стреляет и прочее получа же за труды соболя — с радостью, а не получа — с горестию, представляя, возвращается.

Сие говорено было о зверях, до их веселых промыслов касающихся, но которые промыслы у их со страхом и отчаянием бывают, тех они не представляют. Я сколько их плясок ни видывал, однако нигде не случилось видеть, ниже слышать, кто б выиграл или б представил промысел медведей.

Есть у их равным образом и птичьи пляски, которые таким же подобием представлять стараются, чтоб трафить в самую живность, так например, журавля изображают, согнувшись и надев на себя долгое платье или полог, взяв в руки костыль, сделанной наподобие головы журавлиной с носом и долгою шею, делает, повертывая ее на все стороны, т. е. как он оглядывается, как спит, как сидит сгорбясь, чешется, клюет, ходит, поет и прочее. Так, другую пляску представляет в образе мышелова или ястреба, ищущего мыши, и перво представляет руками и головою, как он ле-

тает по полям плавно, потом как вверх и вниз подымается и опускается, когда же найдет мышь, как трепещет над ею, с немалым писком протянув ноги, бодростию своею сложения оказывая охоту схватить оную, но когда мышь укроется, как он около того места летает и опять следит, а напоследок плясók вдруг падает на землю, распусая руки, представляя, как мышелов пымал мышь, распусая крылья, и она под им пищит, потом изображает полет мышелова с мышью и как станет оную трескать.

Хотя уже довольно примеров показано их пляски, однако нельзя не упомянуть и на смешные и такие увеселения, которые или касаются до своей братьи — остяков другого рода, или до русских, но я здесь приложу только одну, касающуюся до русских баб, коих они пересмежают, как оне на реке рубашки полощут, ибо оне в своем житии и не знают, что такое есть на свете мытье рубахи, потому им сие и кажется не за малое удивление; и так, лишь только игра началась, плясók, тотчас взяв палку и навеся на ее всяких тряпок или что попало, кладет себе на плечо, будто бы коромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, колотит другой палкой наместо валька, выжимает, потом вдруг останавливается и слушает, где-то, дескать, на гудке играют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ослушалась. Опять мыть начинает, потом вдругоредь услышавши, любитесь и тотчас тут же будто запляшет и так поскорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтоб поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом и бежит туда скоро и на дороге, будто по нестерпеливости, остановится и попляшет и так далее; тем оканчивают.

И так все их роды плясок за смешные почесть можно. Хотя оне и не выдуманные, а, можно сказать, натуральные, однако, не без трудности производятся. Ломание членов [в] таковых представлениях, можно сказать, мучительное, однако они не только болезнию сею не скучают, но еще кроме сносных ломовых позитур и лишне отваживаются ломать свой стан так, что от лишнего истечения поту напоследок в слабость все члены приходят.

Ломается, кажется, для того, чтоб его удалство и искусство смеючись похвалили; и действительно, в то одно и стараются, чтоб, изобразив, как можно живее, не отставая от такты, привести зрителей в смех и некоторое удивление.

Бабух плясок я не видывал, но слышал, что оне таким же образом веселятся.

Что ж касается до песен, то правда, что они, видно, к выкладкам оных или не склонны, или не умеют, а часто слышал у пьяных остяков и самоедцов, которые все поют то, что ему на ум узбрет, или что ему случилось, или что говорить хочет. Много я видал пьяных, которые, сошедшись, друг с другом песнями переговаривали все, что им надобно, а когда один в степи едет, то поет про степь, или про воздух, или про погоду или что ему вздумается, без всякого склада, только голосом, куда хочет, поваживает, но и насмешества также в песнях у их или над своим братом, или и над соседями не бывает.

В весенние свободные часы имеют они также и сказки, про которых я слышал только мало...*

Между прочим, в проезде самоеды меня уверяли и сказывали за самую истину, будто бы праотцам их около Чукоцкого носу попадались особливые люди, которых они (пыегоурта) носоедами называют, и говорят, будто бы они ловили живых людей и, разбив нос, кровь сосали и прочее, однако сему верить неможно.

О сватанье и свадьбах

Сколь в презрении женской пол у остяков и самоедцов пребывает, того довольно изобразить неможно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобной скот, без коего он обойтись не может. Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыха, ни праздника, всячески ему угождает, все его состояние лежит на ей одной, а он с ей и говорить никогда не хочет. Грубость их поступок с женами довольно меня уверила, когда я находился около двух месяцев между самоедцами (смешное примечание: не знают оне никогда с женами целоваться, не знает никаких лобзаний и ничего не ведают, как лучше в свете с прелестным полом обходятся). В дороге иль на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служить должна, не как жена, но как купленная служанка. Пускай сего оспорить нельзя по их дикости, но в таких обстоятель-

---

* Далее о содержании сказок.

ствах хотя бы он ей говорил поласковее, а то нет у их любезнее слова по-остяцки или по-самоедски — нейру (баба). Приятнее бы было женке служить из сего имени, когда бы от его хотя б это часче слыхала, а то, не сказав ничего, сам смотрит на небо иль на землю, а сам говорит о своей надобности, и она должна догадываться, что ей говорит о том-то. Правда, хотя вообще у сих народов женский пол по век имян себе не имеет, но, однако, за щастие себе почитает, естли б он ее называл хотя полчеловеком, а человеком они только себя называют, как по-остяцки, Таhe, по-самоедски Chawa, что значит мужик, или человек, и они хотя все имена имеют, однако поимянно друг дружку не кличут, а все оным именем. Так, напротив того, и бабы не называют мужиков именем, а по большей части выше-описанным названием²⁵.

В общем их житии мало стыда найдется и почти совсем нету. Мужчины обыкновенно сидят у огня нагие. Бабы остяцкие равным образом, часто при чужих людях, садятся в присядку у огня и, подняв подол за колено, без зазору греется, которое бесстыдное житие только выше Березова водится, но и у татарок не в моде. Тем сей народ похвален, что любви мало разумеют, не избирают они жен себе красавиц, не смотрят на женские нежности, которых нету, а берут всяк по рассуждению своего состояния. Правда, хотя оне не охотники, да и не ревнивы, одну жену иметь ему стыдно, и не почитает себя довольным, того ради берут многих, естли только его состояние дозволит; но я мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели; на каждой должен он свататься, за каждую платить калым, не выключая ближней родни своей, ибо остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху, сноху и прочее. В Войкарских юртах остяк, который двух сестер в супружестве имеет, и я не знаю, кто бы в остяцком роде был его на промыслах щастливее. Так свататься не только между ими, кажется, сходно, но и не бесприбыльно; только немногие так имеют, может быть, потому, что немногие столько приданого отдать могут, сколько за двух дочерей отдать надобно, хотя у их и то обыкновение, что естли за первую отдал калым столько-то, за другую сестру уже половину платить должен²⁶.

И так, рассматривая обоих сих народов, мало можно найти разности, а особливо в том, что я верно знаю, кажется, немного между собою различествуют, разве есть

некоторая отмена в прочих порядках, кои мне неведомы. Здесь намерен я описать ихние сватовства и свадьбы и хотя бы можно мне было по ихному между собою сходству написать в одном месте, однако я предложу и ту и другую порознь, через что могу уверить читателя, сколько они в обыкновениях своих между собою разнствуют.

У остяков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается, которая по мущинам у их счисляется, а не по женщинам, а естли женщина вышла в другой род, родила дочь, а в первом роде родился парень, то уже законные супружники, и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другога роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещения, того ради собрав к себе равных молодцов в поезд из ближней родни и выбрав сватчего, приезжает в те чумы, где живет отец избранной его невесты, входит прямо в юрту со всеми поезжанами; между тем, хозяин, видя такое собрание и зная у себя дочь, уже должен догадаться, за чем приехали, чего ради, не спрашивая причины их приезда, что случилось — тем потчует; когда же приехавшие наелись, выходят в другую избу и оттуда посылают сватчего, о требовании согласия и о договоре о калыме, тут довольные труды сватчему бывают, ибо, подобно торгу, тесть требует много, зять дает мало, и так сватчей то и дело из чума в чум переходит. Наконец, когда договорятся, жених, по прошествии несколько времени, отдает часть своего калыма (редкие есть такие, кои бы вдруг весь отдали, потому что между богатыми много и на ту и на другую сторону добра переходит, и редкая богатая девка уходит за калым кроме прочей рухлядя во ста оленях) и наказывает ему, чтоб на следующую ночь и место, где спать, и невеста б была готова. Когда согласятся, то в ту ночь и приходит зять к тестю и ложится тут, где ему укажут; после же приходит к ему и невеста, с коею перво для стыда лежат под разными шубами, а когда все уснут, то под одну переходят и так спят во всю ночь; а по утру смотрит мать, какова пришла дочка ее, естли благополучная, то сейчас просит с зятя однорядку и оленя, он отказать не должен; естли же не благополучна, то зять с матери требует то же.

Для славы благополучной невесты мать постелю, на которой молодые спали, изрезывает в мелкие части и разбра-

сывает во все стороны. После сего, покудова жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой; однако, по милости отцовой бывает, что увозит ее со всем приданым и не заплативши всего, то отец, пождав несколько годов, приехавшую случаем в гости дочь свою удерживает у себя, чрез что принуждает зятя, чтоб он весь отдал.

Вышедшая такая невеста в век свой стыдится тестя, а жених тещи чего ради в первые годы после свадьбы ходит при теще в шапке до тех пор, покудова не сделает ребенка, и естли она попадетсЯ на дороге, то, отворотясь, нахлобучивает шапку, чтоб он ее и она его не видела.

Взятую за колым невесту остяк не смеет ни за какую большую вину бить без соизволения своего тестя, ибо злобная жена тотчас уйдет к отцу своему и там нажалуется, говоря, что более с им жить не желаю, того ради раздраженной отец, естли есть что, то тотчас бросает зятю своему взятый калым, а дочь берет к себе и отдает за другого.

Самоедин, напротив того, задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им ровняться могут, и так приискивает свата, коему уже известная за труды награда — дать оленя. Собрав несколько человек из ближней своей родни, наряжается ехать в те чумы, где живет избранная его невеста. Приехав, останавливаются у чумов, не входя в избу; поставя все санки рядом, сидят каждой на своих санях, а жених посылает сватчего к будущему своему тестю о требовании совета в отдаче своей дочери за приехавшего самоедина, на что вскорости либо отказ, либо благоволение получает. Естли отказ, то с неудовольствием уезжают, что бывает немалою причиною их недружества, но сие редко случается. Естли же невестин отец согласится, то тотчас имеет сват с им уговариваться и о калыме, что очень долго продолжается к немалой на дворе сидящим скуке, ибо отец невестин требует много, а жениху столько жаль отдать, и так сватчей перехаживает то и дело от одного к другому, перенося вести или договоры. Договоры у их обыкновенно бывают в том, чего у тестя мало или и совсем нету, того от зятя и требует, как обыкновенно разные цветные однорядки, котлы медные и железные, сети, зипуны и олени. Уговорясь же, определяют время, когда все оное тестю получить, а невесту отдать должно. В сем случае сколь скучно бывает зятю

отдавать будущему своему тестю то, что он требовал, столь, равным образом, будет весело обирать тестя во время приданого с двойною себе прибылью, потому что тестю взятое от зятя одному завладеть невозможно, но он, отложив себе большую часть, прочее по всей родне разделить должен.

Пришло уже то время, чтоб калым заплатить зятю, которой, отдавши, приезжает в гости, где и потчует его тесть оленным мясом и между тем перепеваются друг с другом. Тесть припевает зятю, чтоб любил дочь его, а зять припевает тестю, чтоб содержал его в милости и было б между ими согласие. Между тем говорят и о приданом; как скоро тесть исправится, ибо обыкновенно тесть должен и жениху и невесте сшить по паре, и когда исправится, то жених приезжает с какою-нибудь чужою бабою по невесту; получает в то время отдарки от тех, кон в его калыме участие имели, что получа, берет свою невесту, сажает на санки, кои привязывает к санкам приезжей бабы, а прочие с приданым, сколько б их ни было, привязывает к саням невесты, из коих первые трои или четверы с разною кладью должен тесть покрыть сукном хорошим, а прочие хорошими и чистыми постелями. Сам жених едет назаде, а по приезде домой невеста должна послать постелю для мужа и для себя, и хотя муж с женою ложатся на одну постелю, однако не совокупляются иногда по месяцу и по два, а когда сойдутся, то уже девство наблюдать жениху осталось, а естли придет чувственная, то должен дать тестю оленя или два, а в противном случае столько же требует с тестя.

По прошествии несколько времени невеста приезжает к отцу своему в гости и живет у его сколько времени пожелает, а муж также к ей каждую ночь ездит и спит вместе, легши при свете под разные шубы и на разные постели, а когда все уснут, то и под одну сбиваются. Поживши у отца довольное время, уезжает домой и между тем получает от его новые подарки, и так сколько бы раз в году она у отца ни побывала, отец всегда дарить ей должен, чего ради мало от мужа и занимает, разве как только живет с ним, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее.

В противном случае, когда развод бывает, тогда оне считаются, что с которой стороны истрачено, так и расплачиваются друг с другом, или ежели жена умрет вскорости после свадьбы, то так же поступают между собою, а естли

муж жену любил крепко, то и по скорой ее смерти калым с тестя взыскивать не вникается.

Впрочем, все сие говорено про богатых, а бедной с бедным о бедности в калыме и рассуждают, чего ради один с другого лишнего и требовать боится.

В житии своем самоедка живет замужем, как невольница, не видит себе от мужа большой ласки, ниже какой приятности, кроме любовной той ночи, пред которой он жене своей днем всячески угождать старается. Ночью же обыкновенно на боку лежа Венере жертву приносят. Из таковых жрецов многие есть молодцы такие, что почтѹ, скорее кобеля гоняют, как и между остяками слыхал, и не про немногих. По возвращении из венерина храма жертвенные сосуды не очищают, но во время обыкновенных женских нужд окуриваются дымом, перешагивая чрез огонь несколько раз или, положи на горящее уголье струи бровь или шерсти, тем очищается, отчего хорошенькие самоедки все почти издрябли.

О рождении

Родов сих народов, хотя и не видывал, однако слыхал довольно, что оне, дивиться надо, как легко родить могут. Самоедки обыкновенно в штаны выпускают, место закапывают в землю в глухом месте, где ни зверю, ни человеку ходить нельзя было. Остятки, напротив того, место с отлепом, которым обтираются, кладут в коробок и притом прикладывают тут звено какой-нибудь рыбы или мяса, и так подвешивают на дерево. Удивления достойное, но неудобоверимое почти дело я слышал про одного енисейского остяка, скитающегося везде за пищу по тундрам с женою. Бедной остяк, но варвар, не имеет у себя оленей, шатается по тундре, которой день что промыслит, тот день и сыт бывает. Имеет при себе нарточку с разною мелочью; жена оную тянет, он сзади мало-мало пособляет; жена брюхатая, пришло время родить, надо остяку остановиться на одном месте, дожидаться того времени, как женская болезнь окончится, следовательно, терпеть голод, потому что запаса никакого нету, как выше сказано; хотя, может быть, у его имелось столько жалости не как для жены, как для новорожденного дитяти остановиться, но голод его гонит следовать неотменно далее промыслять себе пищи. Бедная

остятка, лишь только родила в нарте запряженная, взяла дитя свое, окутав шубою, положила на нарту; остяк же, видя изнеможение жены своей, сварил клею и немалой величины дал ей выпить с тем намерением, чтоб удержать известное после родов течение крови, и так, тот же почти час, опять поехали далее.

Нельзя же, напротив того, почесть сей случай у их вовсе нечувствительным и им бесстрашным, как видно из ихнего исповедывания грехов, которые родильница должна при всех рассказывать пред родами. Баба, которая в тогдaшнем времени при самоедке ходит, хотя всячески страшит, чтоб пристрастнее во всем призналась, одного нельзя думать, чтоб, кроме угрозных ее речей, не было и таких примеров, коих бы она совершенно боялась, чего ради самоедка во всем, при всех, предстоящих на родах, кается и притом, естли с кем блядовала, должна сказать имянно, естли же из ближайшей родни, то имя умалчивает, чрез что дает знать, что тот был ближней свойственник. Лишь только младенец родился, какая баба не приблизилась, взяла тотчас нож, нарочно к тому случаю получше изготовленной, отрезала пупок, отдавши оной с местом другой бабе спрятать в укромное место, а младенца, перевязав пупок жилой, отдает его мужу, которой, потрепавши да полюбовавшись, отдает другому сродичу и так далее все таким новорожденным любуются, не зная во всем самоедском роде уроков.

После сего делают ему люльку наподобие коробки, у которой по бокам есть петли, к голове сделано повыше вместо сголовья, а в ногах ровно, как в ящике. В люльку насыпают гнилого толченого дерева для мягкости, на которое кладут младенца, а после, закутав его маленькую шубою, увязывают ремнем сквозь помянутые боковые петли и так его носят или под пазухой или за плечами.

Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают уже ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно кои переведены на российской язык:

Сани листовянищные; Кочка земляная; Неровная земля или кочковатая; Шпажной обух...*

Такие имена дают родители пятнадцатилетним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, естли без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит²⁷.

Впрочем, женской пол, уже прежде сказано, что имен по век свой не имеет, того ради более об их и распространяться не для чего.

Младенческих похорон не видывал, но русские и самоедцы многажды меня уверяли, что похороняются так же, как и большие, выключая только лишние обряды, которые над большим покойником со излишеством производятся.

О погребении

Мертвые тела тамошних народов есть первой и надежной корм тамошних зверей, потому что по всей тундре похороняются, и самоедцы не имеют определенного нарочного к тому кладбища; и в дороге, естли умер, при пространным болоте, то вывозят его на сухое место, а естли на способном умер месте, то далее не отвозят, а тут же и оставляют.

Остяки, напротив того, как уже народ, опоселившейся на одних границах, имеют нарочные кладбища, кои халасями называют, и хоть также мало пекутся о телах умерших, чтоб схоронить их от зверей, гробы вырывающих, однако кладут бережливее самоедцов. Могу ли сказать, что оне головами кладут на северную сторону, верно не знаю, но которые гробы я видал, те все мне так казались.

Остяки и самоедцы мертвых тел долго не держат, и так, естли остяк умер поутру, то в полдни его и похоронят, сделают тотчас могилу неглубокую, меньше аршина, может быть, потому что мерзлая земля далее рыть не дозволяет. Мертвого одевают в лучшее его платье, как летом в однорядки, парку, малицу и неговаи, а зимою в известное также зимнее платье; подле его кладут все то, что ему на сем

---

* Далее перечисление имен.

свете в жизни было надобно в дорогу отправляющемуся, как постелю, нож, топор, рог с табаком и прочее, все, кроме кремня и огнивы, кои делают деревянные. Покудова все оное исправляют, мертвой лежит в чуму своем, куда сходятся мушчины и женщины, оплакивая его с великим воплем и терзанием. Женщины с женщинами сидят в своем месте, закрыв лицо обыкновенно вокшемом, а мушчины ходят около его и плачут между тем делают ему гроб из лодки; обрубив нос и корму, кладут его и несут на руках все, сколько бы их не случилось. Принесши на обыкновенное свое кладбище, которое бывает на пригорке, кладут его с большим воплем, быв притом одне только мушчины, а естли умерла женщина, то одне женщины и бывают, кроме одного или двух мушчин, которые выкапывают могилу. За упоконом ведут самых лучших и любимейших его оленей с санями и во всем убранстве, коих, приведши на могилу, лишь только закопают мертвого, тотчас привяжут у каждого оленя на заднюю ногу по веревке, за которую один или двое тянут, а четверо, обвостря большие колья, оленей со всех четырех сторон насквозь протыкают, что служит вместо поминок и жертвы по покойном. По богатом бьют еще более оленей; надев петли на шею и на ноги, растягивают и, приведши его в слабость, ударяют стягом вдоль спины по хребту и тем умерщвляют. Всех убитых оленей над могилой оставляют, убор с их и с санков кладут в теремок, сделанной над мертвым из прутьев, а санки сверху опрокидают. Между тем, для поминовения, в стороне от могилы варят есть и, наевшись, остатки, принесши домой, разносят по чумам, чтоб поминали, не употребляя притом имени умершего.

После сего всегда почти бывают поминки, когда кто из рódников его помянуть захочет, кои отправляются таким же образом, как и выше сего сказано.

Самоедцы, напротив того, умершего своего, как и остяки, не обмыв, одевают во все платье, сколько на его надеть можно, а что не полезет, то вокруг его оклаживают просто. Кладут его, протянув руки, надевши на голову котел, обвертывают постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками. После сего, опасаясь дверьми вынести мертвого (думая, что естли дверьми вынесешь, то он вскорости уведет других за собой), вытаскивают из-под чума, подняв крышку, за голову и, положи на санки, отвозят или в то место, где похороняют, или где лучше сами изберут, или

где сам при жизни наказывал. Привезши на такое место, естли летом, то копают неглубокую могилу, так, чтоб мертвец с землею мог сравняться, которую, после заложив дощечками или прутьем, засыпают землею; естли же зимою, то делают на том месте небольшой обрубец в длину человека, в которой, положа мертвого, закладывают прутнягом. Тут же кладут и все, что он имел в жизни, рассуждая, что на том свете оное ему будет надобно; того ради кладут лук, стрелы, нож, топор, табак, трубку, котел, чашки, ложки и прочее. Оленей же тех, на коих привезли мертвого, задавливают над могилой и во всем их снаряде оставляют. Между тем, у богатых приводят и тех, на которых мертвой в жизни своей промышлял диких зверей, коих всех, задавленных, зимою в снег закапывают, а летом мохом и прутьем окладывают, будучи в том мнении, что ему на том свете было б на чем промышлять и ездить.

Между тем, старают, где б поскорей сыскать поближе ворожея для отпеву, и естли в близости нету, то ездят и далеко нарочно, которой, приехав, начинает перво колотить в бубен и между тем припевает, чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее; потом поет, уговаривая его, чтоб оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою б не уводил вскорости.

После чего делают ему обыкновенные поминки, но оставшийся муж или жена не должна есть с другими поминующими из одной посуды, покудова не окурится бобровою струею или шерстью и не обмоется водою.

Сродникам его, естли случится обозом ехать хоть чрез десять лет мимо того места, где положен его родни покойник, то естли вспомнит, должен, убив оленя, помянуть его, т. е. сварить и съесть со всею своею артелью, а голову с рогами, воткнув на кол, поставить на то место.

Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени помянуть не должен, а говорить об нем околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам из другого колена.

Сродник умершего человека, желая оказать печаль свою не только по смерти, но и при его болезни, не подвязывает ног и не подпоясывается, чем пред всеми жалость свою доказывает по больном своем сроднике. Сие и у остяков также в обыковении.

О рыболовстве

Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — включает в себе большую часть их жития и экономики, потому что он, сызмала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах, шатающиеся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знаю щету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особливового рода, потому что в их обитает особливой род скупости. И так экономию их можно раздели[ть] так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают.

Начало онного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскрыется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит во всякие речки, уже в Оби впадающие и совершенно, что и полуую воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промыслять никакими образами, кроме малых речек, проток и озер, но где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особливое средство, т. е. под осень выбрав такое место, где на прок рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменистое, но лишь бы высокое, то накосом между лежащими на понятых берегах камнями вколачивают гладкие небольшие колья, чтоб тащущаяся по дну сеть за каменья не задевала, а по кольям катилась; таким образом вытаскивают сеть в целости с рыбою.

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казенне, Сыгве, Полуую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войкарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями...*

Рыба всходит вверх очень далеко, кроме омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Бе-

---

* Далее приведена сравнительная таблица названий рыб.

резов в июне, а в сентябре назад сверху возвращаются в те ж морские губы и заливы, покуда некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто не понимает; только известно, что замирают по большей части такие, кои не каменистые, как и самая река Обь, которая с около лежащими реками замирает с половины генваря месяца, а Полуй, Надым, Таз и Пур в ноябре. Прочие же — Сось, Щучья и Хайя не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в омутах, думаю, сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей не можно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками вода мертва бывает по тех пор, покуда весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьев малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ничем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Чтож касается до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной камень имеющих. Икра же неизвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной пяти, муксун от двух до трех...*

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пищу изготавляя; русские как самую рыбу, так и икру солением, а везигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные народы, остяки и самоедцы, по неимению соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземы, из спиннок и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок из-

---

* Далее перечисление размеров рыб.

толкши, в случае голода сами, а не то вареные со шербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на низу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготавливают, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распоров брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают сверху жирную перепонку, а после варят в котле до тех пор, покуда наверх сплывет, что значит спелой, и закаливают в холодной воде, а потом сушат карлуками и лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почестъ за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и оленьих кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неимением свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молоко, налимею максы, из муксуновых, щокуровых, сырковых, нелемчих, язевых, омылевых, и чировых кишок, но самой лучшей бывает налимию и всем прочим предпочитается...*

Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышляют, из коих первой обыкновенной и всем известной невод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит непрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети пришито, и для тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дну; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едучи в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж

---

* Далее о цене на рыбу

пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно и так, когда рыба, взошед в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощью маленькой веревочки, почувствует, что в сеть вошла рыба, тотчас опускает из рук оную, а к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опущенная тоненькая веревочка не препядствует сети тяжестью воды опуститься кольцом на толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пускает вон выйти. И так сими двумя средствами промышляют осетров, нелем, налимов, муксунов и шокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубь привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая морда, и так, естли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стене сходит на глубь реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры или протоки для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах ставит или морду или важен для осетров, сети так называемые, сделанные мешком таким же образом как кылыдан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заранее изготавляет над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важна также на палке, к коей к середине привязан для тяжести камень, к той же палке к середине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб важен не снесло водою, а верхняя половина важна к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взошедшую рыбу узнать бы было можно, привязана к пупику важна; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помощью шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т. е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец ставят также пуши, такие же, как морды, у

коих жерло очень широко, а там что дале, то уже, и длиною бывает иногда сажен около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оными по большей части в полуку воду промышляют.

Вары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или помянутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяин также насколько хочет, настолько разделяет прясел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота, и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оное бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делаются с самого начала весны таким же образом и стоят с полою водою, которою забирают в поле и выпускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют одних только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и налимы и большие нельмы попадаются. Сие не дивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множеством попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за тое ж уду хватает. Простая сия снасть перемет остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк обогатиться, естли б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается, уже от русских березовских жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листов табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим кусом гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревешко, к коему навязаны друг подле дружки на долгиных веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбок маленькими кусочками, за которые осетр, схватя, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по

пяти осматривает, и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возвращается. Язевые и стерляжки бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Березова, Сосве, Казенне, Сыгве и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездит по одному и по два человека в небольших и легких лодках и зажигают бересту на долгих шестах, которые держат перед носом той лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между каменщиком становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, шокуров и пыжьянов.

Сосва река такая, в коей красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышляют и легкими, как например, маленькими запорами, в коих также становятся морды; но поелику тут по большей части бывает белая рыба, то летом более сетями и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих прибавляется, как выше показано, то делают досчатые запоры два ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освеживаться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреплении льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опускают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких веревочках с камешками и, как к оным манщикам подойдет рыба, то колют острогами шук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с камнем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в реках Тазу и Пуру также и в околележащих при море озерах и других малых речках промышляют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотаго талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются ячеицы, длиною сажень по 40, и становятся

их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих: в полую воду и по подледью ловят пыжьянов и кунжей, так, как ниже Мангазеи пушальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедцам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды, или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не стараются.

О звероловстве

Зверей около Березова и далее к Северному океану по тундрам годом имеется очень довольно; но прежде, нежели приступлю к самым промыслам звериным, должен упомянуть остяцкое суеверное примечание, которого они иногда желают, иногда всеми силами избыть стараются. Ввечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естли же утром, против его чаяния, ему чихать захочется то он не знает, как бы ему оного избежать, крепится всячески, суется во все стороны, но когда не удержится, горестно взохаёт, сказав: «Ах, зверь у меня пропал». Чихотку также свою разделяет на разные роды: естли чихнет тихонько, то мало о том тужит; естли шибко, то, почитая, что зверь у ево был хорошей, так досадует, что тот день из юрты вон не выходит.

Звери, какие там бывают, суть: медведи черные, которые, однако все согласно говорят, что не тамошние природные, а заблудшие, почему их мало там и бывает; волки серые в великом множестве зимой и летом шатаются по тундрам и много губят оленей; лоси, росомахи, бобры по рекам только около Березова, выдры, соболи, белки и изредка бурундуки, лисицы, песцы, везде по тундрам около моря и на самом океане, горностаи и изредка ласки и множество оленей.

Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копьями; также на тропах ставят настоженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задевает медведь передними ногами получает себе стрелу в самую

грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то над падежом строят лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а также, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало выдают.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей, становя луки на тропах со стрелами, потом ловят кляпцами, кои более становят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоняя по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к ему подходит и стреляет из лука. Весною же и осенью зарубают засеки и становят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над падежом.

Россомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково. Бобры бывают карие и рыжие, от их же кошлоки называемые, молодые, т. е. однолетки, живут в воде при небольших речках и озерах, в норах, из речек проведенных в материк до самого гнезда, над которым вверх прорывает маленькую норку для прохождения свежего воздуха. Промышленники ходят зимою искать оных с собаками, которые, нашел по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтись было невозможно. При том устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пускает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, естли собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуха принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полуую воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, нашед его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю копейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с им уходит в воду, а деревцо плавает на веревочке; и так промышленник,

приплыв к плавающей на верху стрелке от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры большие и малые, шерстью карие и рыжие, ходят по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленности становятся настороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятся седые, чернобурые, красные и бело-душки, коих промышляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав в разные стороны рыбьих костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впредь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом на боку от того бугорка выкопает ямку и становится самострельной лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть вырастет. Сверх того ловят также кляпцами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравую.

Песцы бывают двойкие: одне голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундреных и поморских местах, около ручьев на небольших бугриках, в норах, множество отнорков имеющих, кои нашед, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норою, сие песец услышавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной услыша становится тут черкан, в которой песец при выходе из норы попадает. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисиц.

Белок осенью по тонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дереве, то стреляют тупыми стрелами или тамарами и из винтовок пулями; также промышляют плашками с наживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают

длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами: 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундряных местах увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых становятся своих езжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинают ставить к шестам нарочно привязанные на долгиных веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки называемые, кои на ветреной стороне расстанавливают друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливает, покуда увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону становится такие же лапки от саней, уступая сажени на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветер нанесет человеческий дух на оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от санков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливим именем — варданы. Между тем, несколько человек заезжают в даль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расстановленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к неезжалым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пугают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданами, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обстанавливают кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расстанавливают лапки и несколько человек сзади заганивают оленей в оной проход на гору и, когда вбегут оне, то оной проход задерживают еще санями, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вокруг холма той сопки, а стрельцы между тем в их стреляют, так что редко

случается, чтоб хотя один из их выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телята двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пускает наперед на долгой веревке сажень в 20, а конец привязывает за пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели мало разрознившись, не так пойдут, то не допусая до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промышленник идет, наклонясь между ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысел диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара или некладенного оленя и, наехав табун, оставляет санки, а хару, навязав петлю на рога, укрепя подле самого рогов корня и расправя по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один другога не осилит; однако дикой олень во время борьбы срывает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар точас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах, по тамошним тундрам, диких оленей бывает от десяти до двух сот, но прежде сего незадолго видали такой табун, в коем более трехсот положить надо.

Олень — зверь столь пугливый, что в тундре иль в лесу от треску малого под его же ногою изломавшегося деревца и от веющего лесу. пугается, чего ради в таком случае бежит от лесу прочь сильною рысью...* И так испугавшись,

---

* Далее описание бега оленя.

бежит далеко и долго по тундре бегают, но столь опять любопытен, что не преминет после, чтоб ему не прибежать к тому ж месту и не посмотреть, чего он испужался. Иногда таким образом раза по два и по три прочь убегает и опять на то же место прибегает для свидетельства, а между тем, покуда он по тундре от страху бежит, промышленник перебирается на то место, куда оленю прибежать должно, где он его прибежавшего застреливает из лука или из винтовки.

Самоедцы, когда промысляют дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с его кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впредь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе, ежли баба перейдет, то у их за грех и великое несчастье в промыслах почитается.

Средства, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы, делаются следующим образом: с двух сторон делают огородец улочкою ширины меньше полуаршина, а поперек уловки вершка на три вышиною от земли делается поперечинка, которая ниже в колье с обеих сторон устанавливается; сверху накладывают плоское бревно, задним концом на коле утвержденное, передним же настораживается, будучи поднято кверху, лежит на спине, в развилину первого кола ущемленной, которая одним концом поддерживает бревно под поперечину, в бревно утвержденную; к другому же концу спины привязана насторожка, верхним кончиком в кол упертая, а нижним за первую меж кольев невысоко от земли на лже установленную поперечинку, чтоб бревно прежде времени не спустилось, за которой кладется прутье и другая примана, а как зверь или птица взошел заденет за поперечинку и из места ее вышибет, то насторожка соскакивает, а бревно, опустившись, придавливает добычу. Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Курносес* делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не занесло снегом. На столбиках стелют доски длиною в сажень ручную, а шириною в пол-аршина, по бокам также огораживают дощечками шириною в четверть. Сверху делается такой же гнет бревенной, у коего исподняя сторона обтесана в пласт; задней конец оного утвержден на стол-

---

* Хантыйский термин. Буквально — «слопцы с ножками».

бике. На половине пола кладется нажива из сухих рыбьих костей или мяса, а на наживу кладутся две круглые палочки или скалки длиною вершка по два, а толщиною в палец. На оные палочки кладут небольшую дощечку, с нижней стороны опуистую, на которую становятся сторожек не толстой, длиною в пол-аршина и менее; на оном сторожке устанавливается гнет, а как зверь войдет в куронсес и, нашед наживу, станет доставать, тогда палочки из-под опуистой дощечки покатытся, сторожек выпадет, а гнетом придавит. Попадаетеся в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, росомахи и песцы...

Засека делается, как городьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает вверху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо в петлю попадет, либо, задев за спинку, натянутой лук спускает и стрелу прямо себе в грудь получает. В таковые засеки заходят олени, лоси и медведи.

Морские звери, кои самоедцам только известны, суть белые медведи, коих жительство оне неправильно в воде полагают, но он только себе там пищу добывает и по воде плавает и ныряет, а часто его и по берегам промышляют. Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее, такое их множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смирны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит. Причину тому мне сказывали, будто бы им есть запрещение от святых мощей Василия Мангазейского, чтоб скот не губили. Самоедцы их промышляют, нарочно разъезжая по берегам Северного окиана но когда и невзначай близко наехать случится, то кидается он на человека, естли же далеко, то убегает; напротив того, когда увидит в лодке плывущего, то и издалека за человеком гонится, желая как бы лодку опрокинуть. На сухом пути по его неповоротливости легко промышляют иногда скрадом из ружей и из луков стрелами.

Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако по сказкам промышленников изо всех морских зверей суть величайшее. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых он выпалзывает на берег или на лед, где спящего его или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины. Ног он не имеет, а только одне лапы; на берег же выпалзывает, закинув

назад шею и, утвердя в лед или в берег большие свои зубы, так вытаскивается. Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, конх другой конец привязывает к пню или колу, в землю утвержденному; и когда носок в моржа воткнут, то он, испугавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы или тюлени разных родов находятся, из которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглуемых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимой же, когда реки льдом покроются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне [г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножом колют.

Белуга зверь или рыба, у самоедцов в немалом сомнении, однако оне более за зверя считают, нежели за рыбу...* Оную, когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копьями.

Киты в промысле у самоедцов никогда не бывают, но только сильною погодою на берегах выкинутых из моря, мертвых находят.

О пти [ц] еловстве

Пти [ц] еловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаиванию снега сыпят также и золу; и лишь только вода на таких озерах окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озера делают нарочно снежной шанец или станок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрельцы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица ни прилетела.

---

* Далее описание белуги.

К большому приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои становятся на воды и к коим птица больше скопляется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только сядут подле таких маншиков, то тотчас начинают с ними драться. И если ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадает, а к сим маншикам никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше распоятся, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера вырубают лес пространно перспективу, коею бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом, налету в сумерках разстонавливают сеть, которую распяленную на высоких шестах за тетивы хозяин держит на слабке, и лишь только птица, одна или много, в сеть торнется, то сеть опускается, и она запутывается. Таковые сети называются перевесы, и вместо того, чтоб говорить — промышлять перевесами, говорят: сидеть перевесом.

Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оною и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутая, и когда птица полетит, то он, со стороны видя, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан; и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадает. Между тем, лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку становятся чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусиному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь только пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услышавши гусиной голос, опускаются ниже к маншикам, как и к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

Около Самаровского яму наиболее промышленяют понжами, сетью так называемыми, которые длиною бывают сажень в 20, а шириною в две. Оную расстилают на песку, где гуси более садятся, а человек скрывается в стороне в нарочно сделанном к тому огороде, держа в руках веревки, на которые сеть с обеих сторон надета, а после не в отдаленности укреплен в кол, и как гуси на сеть сядут или найдут, то промышленник дернет за веревку, и сеть вся в мешок собирается, а гуси в ней запутываются.

Впрочем, можно сказать, что птицы во все лето бывает здесь такое множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц гусей и лебедей не столь много засолить случится, потому, что в одно только начало весны и промышленяют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

Разных родов хотя и немного, однако стада бывают великие, как доказывает удивительное множество прилетающих и отлетающих гусей и лебедей и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц. Из всех родов бывают, выключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турпаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свиши, савки, чирки двух родов, селезни, крохали, лутки и прочие, в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки, журавли, а гагары разве невзначай попадутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не прилагает.

КОММЕНТАРИИ

¹ Настоящий труд академика В. Ф. Зуева — результат его поездки к устью Оби и берегам Ледовитого океана в 1771—1772 гг. В выдающемся для своего времени труде В. Ф. Зуеву удалось дать тонкое, подробное описание картин быта и культуры двух северных народов: ненцев (самоедов) и ханты (остяков). Работа В. Ф. Зуева была первым обстоятельным этнографическим сочинением о ненцах и вторым о ханты (если считать сочинение Г. Новицкого «Краткое описание о народе остяцком»).

² Василий Федорович Зуев родился 1 января 1754 г. Известно, что он был сыном солдата Семеновского полка, из разночинцев. В 12 лет Зуев поступил в академическую гимназию, где учился за казенный счет. В гимназии Зуев проучился четыре года, в 1767 г. за «хорошие успехи и прилежание» он получил похвалу и был награжден книгами. В 1767 г.

Зуева зачислили в Академию наук в качестве студента и прикомандировали к экспедиции академика П. С. Палласа. В 1768 г. Зуев отправился с Палласом в Сибирь. Свое самостоятельное путешествие 18-летний Зуев предпринял по указанию Палласа в 1771 г. Уже первые сведения, полученные Палласом от Зуева, показали замечательные способности юного исследователя. В марте 1772 г. последовала вторая экспедиция Зуева в Мангазею (Туруханск) и далее к низовью Енисея. По возвращении из второй поездки Зуев приступил к обработке своих путевых наблюдений, сделанных в 1771—1772 гг., и в результате представил Палласу сочинение, посвященное этнографии ханты и манси. В июле 1774 г. Зуев был послан за границу, где изучал естественные науки. Приехав в Россию в 1779 г., он представил диссертацию по зоологии и получил звание адъюнкта Академии. В 1781—1782 гг. он совершил большое путешествие на юг России, в Бессарабию, Турцию, Крым и т. д. В 1787 г. Зуев получил звание академика и профессора естественной истории. Умер В. Ф. Зуев еще сравнительно молодым человеком — 8 января 1794 г.

³ Здесь Зуев первый упомянул о «неведомых, прежде бывших в тех местах народах». Все прежние гипотезы о связях ненцев с Южной Сибирью — Саянами, созданные в основном в конце XVIII в., упускали из виду то, что приполярная зона была населена еще до прихода туда ненцев.

⁴ *Хазова*, правильное *хасива*, по-ненецки «мужичка», «ненец».

Хасива — самоназвание у некоторых групп ненцев.

⁵ *Луца* — по-ненецки «русский»; ср.: лога, лоца — по-нивхски.

⁶ Под словом «вешние», очевидно, Зуев подразумевал телят, родившихся весной данного года. Малица обычно шьется из осенних оленьих шкур.

⁷ В XVIII в. покрой одежды у ненцев сохранил черты южного происхождения: малица, будучи уже глухой полярной одеждой, еще не имела капюшона. В настоящее время в районе, посещенном Зуевым, малицы шьются только с капюшоном.

⁸ *Неплой* — от ненецк. *няблой* — оленья шкура, снятая осенью.

⁹ *Чажи* — меховые чулки, соврем. сев.-русс. чижы, тяжи.

¹⁰ *Долгие тулупы* — двойная женская шуба из оленьего меха с прямым разрезом спереди.

¹¹ По другим источникам известно, что хантыйские женщины круглый год ходили обутыми, т. е. считалось большим стыдом показывать обнаженные ноги не только посторонним, но и членам своей семьи.

¹² У ханты существовал обычай закрывания лица замужней женщины в присутствии мужчин — старших родственников мужа. Этот обычай может быть поставлен в связь с появлением брачного запрета внутри определенной группы лиц.

¹³ Кроме указанных Зуевым значений, татуировка еще имела и религиозный характер.

¹⁴ У ханты и у некоторых групп ненцев мужчины расчесывали волосы на прямой пробор и пучки волос над ушами туго обматывали цветными шерстяными шнурками.

¹⁵ Вдоль стен юрты располагались земляные нары, которые делились перегородками на отдельные помещения для каждой семьи.

¹⁶ В XVIII в. разложение первобытно-общинного строя у ненцев было достаточно ощутимо. Зуев отмечает имущественную дифференциацию и эксплуатацию чужого труда — «служение».

¹⁷ Различие в размерах стад указывает на значительную имущественную дифференциацию.

¹⁸ Запрет варить оленью голову имел широкое распространение и сохранился до недавнего времени.

¹⁹ Случай эмиряченья — форма истерии, встречавшаяся в Сибири.

²⁰ «Отрезание» головы широко практиковалось на специальных сеансах ненецкими шаманами высшей категории.

²¹ Культ медведя и медвежий праздник у ханты были связаны с почитанием медведя как тотемного животного.

²² «Обид от русских», вернее от торговцев, сборщиков ясака и чиновников, ненцы терпели немало и не раз поднимались с оружием против своих притеснителей.

²³ Ураки (юраки) и тавги — соответственно ненцы и иганасаны.

²⁴ Описываемые пляски-пантомимы обычно исполнялись мужчинами во время медвежьего праздника.

²⁵ Существовал запрет произносить вслух имя человека в его присутствии. Младшие не называли по имени старших, жены — мужей, мужья — жен. Поэтому жена обычно называла мужа — «муж», а муж обращался к жене в безличной форме, или — «женщина», или по имени ребенка.

²⁶ Зуев описывает пережиток прав рода на своего члена. Дочь данного человека принадлежит не только ему, но и его роду, поэтому часть калыма распределяется среди других членов рода.

²⁷ Имя умершего давали вновь родившемуся лишь через 1—2 поколения. Женщины имели имена, но пользование ими было ограничено рядом запретов.

М. В. Ломоносов

Труды по географии

Краткое описание

*Михаилом Ломоносовым разных
путешествий по северным морям
и показание возможного проходу
Сибирским океаном в Восточную Индию*

Михаил Васильевич
Ломоносов

Михаил Васильевич Ломоносов (8.XI. 1711 г.— 4.IV. 1765 г.) — замечательный русский ученый, поэт и просветитель оказал большое влияние на развитие русской географической науки. С 1757 г. он возглавлял Географический департамент Академии наук, который играл в те годы руководящую роль в картографическом изучении России.

М. В. Ломоносов считал, что решающим фактором подъема российской, и особенно сибирской, экономики является установление прочных экономических связей между Россией и Сибирью, а через нее с Китаем, другими восточными странами и Америкой. По мысли Ломоносова эта задача могла быть решена освоением Северного морского пути от европейских берегов до Тихого океана, от Архангельска до Камчатки. Восточный край, обретенный «неутомимыми трудами нашего народа», должен влить новые силы в страну и «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

В числе замечательных сочинений М. В. Ломоносова — «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию».

В первой главе этого обстоятельного сочинения дан обзор экспедиций, предпринятых, главным образом, англичанами для открытия северо-западного прохода вдоль северных берегов Америки (Дэвис, Гудзон, Баффин и др.). Делается вывод о том, что северо-западный проход «хотя и есть, да тесен, труден, бесполезен и весьма опасен», что

впоследствии подтвердилось. Во второй главе рассказывает «о поисках морского проходу... в северо-восточной стороне Сибирским океаном». Ломоносов говорит о голландских экспедициях XVI в., о путешествиях русских людей в XVII—XVIII вв. (Дежнев, Лаптев, Челюскин), об экспедиции Беринга. Вывод состоит в том, что проход Сибирским океаном возможен и Америка должна находиться недалеко от Чукотского мыса к востоку от Камчатки и что во всех этих местах есть «жители». В третьей главе говорится «о возможности мореплавания Сибирским океаном», доказывается «натуральными обстоятельствами». Вывод Ломоносова был тот, что в летние месяцы Сибирский океан в 500—700 верстах от берега должен быть свободен от таких льдов, которые бы «препятствовали корабельному ходу», и что самый лучший проход «упователен мимо восточно-северного конца Новой Земли к Чукотскому носу», по дуге большого земного круга. Но возможен проход и между Гренландией и Шпицбергенем, где должно быть меньше льдов, чем около сибирского берега. Четвертая глава дает обстоятельную инструкцию о снаряжении судна, подборе людей, запасов и инструментов. Пятая — посвящена самому предприятию северного мореплавания.

«Краткое описание» было составлено Ломоносовым в сентябре 1763 г., а в марте 1764 г., получив дополнительные сведения от шпицбергенских и новоземельских промышленников, он составил прибавление, рекомендуя начать поиск северо-восточного пути не с Новой Земли, а с западного берега Шпицбергена, обратно же удобнее плыть мимо Новой Земли.

Грандиозные планы великого помора не осуществились. Посланная уже после смерти Ломоносова экспедиция для прохода Северным океаном на Камчатку под командованием В. Я. Чичагова в навигацию 1765/66 г. не смогла преодолеть встретившиеся льды и была вынуждена возвратиться в Архангельск. М. В. Ломоносов был велик во всех проявлениях своей творческой мысли. Значителен его вклад и в дело русской географической науки. Однако уровень развития тогдашней науки и техники не мог дать другого результата.

Последующий 100-летний период «затишья» не прошел бесследно в области накопления и развития географических представлений о Севере. Опыт предыдущих мореплавателей с успехом использовали такие русские исследователи

арктических морей, как А. П. Лазарев (1819 г.), Ф. П. Литке (1820—1824 гг.) и многие другие. В 1878—1879 гг. Норденшельд доказал возможность плавания северными берегами Сибири из Европы в Тихий океан. А правильная навигация по этому пути была осуществлена после знаменитого плавания «Сибирякова» в 1932 г. Необходимость такого пути предвидел М. В. Ломоносов.

О самом предприятии северного мореплавания и о утверждении и умножении российского могущества на востоке*

Важного сего мореплавания предприятие учинено быть может двояким образом: для изыскания всего пути вдруг или по частям в разные походы. Первое славнее, второе безопаснее, однако и в первом может вдруг споспешествовать счастье и во втором для разных обстоятельств разделенного времени подвергнуть противностям. Итак, уповаю, что лучше в первый поход простираться в пути к концу по самой возможности, со всею осторожностью.

Для сего дать главному командиру обстоятельную инструкцию, которая чтобы была сочинена основательно, надлежит для того прежде учредить комиссию из членов, знающих мореплавание по теории и практике, а особливо из них, которые в описании северных берегов сами употреблены были.

В оной инструкции, по моему мнению, предписать должно: 1) способы к открытию пути, 2) предосторожности, 3) посторонние пользы, 4) ободрение и содержание людей в повиновении.

Способы, в искании полезные, нахожу следующие: 1) приливы и отливы или течение моря показывают в тех румбах ход, по которым оно движется; 2) когда воды, то есть приливы и отливы течение вод переменяют, показывают в той стороне берег, от которой отвращаются; 3) чем воды несходнее с течением луны, тем земля и острова ближе;

---

* Печатается по: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 483—514.

напротив того, чем больше с нею сходятся, тем больше пространство моря показывается; 4) разная солоность воды показывает прибавляясь отдаление от берегов и льдов, убывая — к ним приближение; внезапно чувствительная воды пресность значит в близости великой реки устья; 5) приращение стужи — близкие льды, приращение теплоты — близкие береги, постоянная вода пространство моря покажет. Но все сие должно рассуждать осторожно по ветру, с которой стороны веет; на восточный и западный в сем случае больше положиться можно. Откуда валы идут велики и пологи, там великое и глубокое и от льдов чистое море; здесь должно рассудить и о старых великих валах, кои новым противным или поперечным долго не уступают. Когда ж с которой стороны сильный ветер сутки тянет, а не подымет большого валу, в той должно быть близкому берегу или льду стоящему; 6) чем море глубже, тем берег далее, исключая банки и корги песчаные; 7) разные животные и птицы могут служить вестниками или в пути показательными; например, когда покажется рыба или птица, при камчатских берегах или около Чукотского носу обыкновенная, а в Северном океане редкая или неизвестная, знаком служить будет близости к Чукотскому носу; для сего полезно будет профессора Крашенникова Описание Камчатки.

Для союзного вышепомянутых судов собрания должно назначить места, к чему служить может: 1) западный мыс Новая Земля, где на карте показан Черный остров; 2) восточный конец Новая Земля, названный мыс Надежды, на котором в пристойном месте завести магазин со всякими припасами, с которыми за вышеписанными судами отправить одно или два судна ластовых.

В продолжение плавания вдаль главному судну итти среднюю дороною по предписанным румбам или как натура и обстоятельства покажут; прочие два судна должны ходить по сторонам для осмотру льдов и берегов, только ж больше четырех миль от него не отлучаться.

...Когда прямо перед собою или в сторонах льды или землю усмотрят, то, учинив совет, ходить подле оных, разделясь на уреченное время, для усмотрения проходу, причем на льды высылать торосовщиков в мелких судах для осмотра ширины льдов и не приткнулись ли они где к берегу.

Когда найдется остров, матерая земля или хотя стоячий лед, то, вышед с астрономическими инструментами, чинить на твердом месте астрономические наблюдения для изыскания точной широты и долготы места, дабы поправить весь путь своего бывшего плавания.

Предосторожности следующие за нужные почитаю: 1) когда легкие суда на обеих сторонах ходячий лед приметят, то небезопасно будет, чтобы оные не сошлись вместе и всех судов в себе не заключали; для того должно уступить назад или по крайней мере на время остаться главному судну; прочие легкие могут осмотреть их концы, одно задние, а другое передние, которые ежели недалеко простерлись или отстоят один от другого тем далее, чем восточнее, то в плавании простираться далее и тем смелее, когда с одной стороны земля близко, а особливо среди лета.

На берегах и на стоячих льдах ставить маяки с подписью времени, долготы и широты и куда от них кто пошел и которым румбом.

На местах, где море неглубоко, в нужных случаях ставить на якорях буи с вехами и с такими ж надписями, написанными смолою или на доске вырезанными.

На неизвестные береги, на которых жителей чаять можно, выходить немалолюдно, всем вооруженным, с крайнею осторожностью, ибо весьма жалостные примеры не токмо в чужих путешествиях в незнаемые земли, но и в собственных имеем.

Ежели которому судну приключится крайнее несчастье от штурма или от другой какой причины (от чего, боже сохрани), тогда, видя неизбежную гибель, бросать в море журналы, закупорив в бочках, дабы хотя, может быть, некогда по случаю оные сыскать кому приключилось. Бочки на то иметь готовые с железными обручами, законопаченные и засмоленные.

Посторонние пользы суть следующие: 1) ежели бог велит благополучно пройти нос Чукотский и войти в Камчатское море, тогда отпускать в левую руку на восток до

100 и 200 верст легкие суда для осмотра берегов или островов северо-западной Америки; 2) везде примечать разных промыслов рыбных и звериных и мест, где б ставить можно магазины и зимовья для пользы будущего мореплавания; 3) чинить физические опыты, мною впредь показаны быть имеющие, которые не токмо для истолкования натуры ученому свету надобны и нам чрез искание их славны будут, но и в самом сем мореплавании служить впредь могут. Плиний пишет: Бесчисленное множество по всем открытым морям и к страннoлюбивым берегам плавает, но токмо для прибытков, не ради науки, и мысль ослепленная и только лакомству внимающая не рассуждает, что само мореплавание чрез оную безопаснее быть может.

Для ободрения и содержания людей в повиновении следующее в инструкции изобразить за нужное признаваю: 1) главному командиру дать над подчиненными, а особливо над нижними чинами власть живота и смерти по Морскому уставу, без всякого изъятия и умедления, учиня кригсрехт, и во всем наблюдать Морской устав точно; 2) в опасные места посылать преступников, которые заслужили наказание, вместо смерти; 3) напротив того, когда сие путешествие благополучно и по желанию окончится, обещать всем обер- и унтер-офицерам произхождение через два ранга, главному командиру флагманство и, по рассмотрению его ревности, кавалерию или деревни; 4) матрозам и другим всем нижним чинам тройное жалованье как в сем пути, так и по желаеом совершении оногo, до смерти; 5) кто покажет чрезвычайную услугу, того наградить сверх того особливо; 6) кто в сем путешествии от тяжких трудов, от несчастия или от болезни, в морском пути бывающей, умрет, того жене и детям давать умершего прежнее рядовое жалованье, ей до замужья или до смерти, а им до возраста; 7) понеже в таковых предприятиях берет и счастье свою долю, того ради и для оногo что-нибудь определить должно, и хотя оно не всем случиться может, однако все его чаят. Итак, по примеру искателей Америки обещать тому особливое награждение, или какие другие доходы, кто первый увидит Чукотский нос или берег близ проходу в Камчатское море.

Когда по щедрому божескому промыслу и по счастью все милостивейшия самодержицы нашаея желаемый путь по

Северному океану на восток откроется, тогда свободно будет укрепить и распространить российское могущество на востоке, совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири на берега Тихого океана.

Кроме Камчатки, по восточному берегу Охотского залива можно будет изыскать удобные места к заведению нового поселения, где, кроме многих небольших рек, может способствовать река Уда, которая, будучи не меньше реки Рейна (как то по карте явствует) и имея устья около 58 градуса ширины, удовлетворяет переведенцев хлебом, скотом и рыбою, корабельным строением, лесом, пенькою и смолою и, чаятельно, железом, ибо оногo руд редкие места не имеют.

Для населения тамошних мест (которые по обстоятельствам кажутся быть плодоносны и здоровы) и для строения города на устьях реки Уды бесспорно пойдут многие охотники, ежели им обещаны будут отменные привилегии и вольности, а особливо в купечестве между собою и с соседними народами. Кроме сих, по примеру Франции, ежегодно отправлять туда людей обоего пола, которые здесь в России напрасно шатаются или за преступления сосланы быть должны. Новое место и новые обстоятельства обычай их переменят, и нужда хлеба искать научит беспорочными трудами. Пример тому — большая часть сибирских жителей.

Но о всем сем добрые успехи предложенного предприятия пространнее рассуждать и пристойным образом располагать научат. Ныне краткое мое и по возможности сил сочиненное мнение и больше усердием к отечеству, нежели знанием наполненное, ожидает снисходительного принятия.

При сем еще присовокупить должно, что когда поход рассуждено будет предпринять рано в вешних месяцах, то должно оным судам зимовать в Килдине или в Катерингаване, затем что там выход много ранее свободен бывает, нежели от города Архангельского, и путь ближе и прямее, который должно держать к востоку.

На льды высылать торосовщиков в мелких судах с малыми компасами искать полых мест, где пройти можно.

В туман пускать ракеты со шлагами и с черным дымом как для отпущенных торосовщиков, так и для легких отдаленных судов. Выход на берег оказывать зажжением огня.

Примеченные земли описывать сколько возможно в краткое время, а особливо срисовывать их проспекты издали, а где случится быть близко, примечать удобных мест для постройки зимовий, подобных как на Новой Земле.

Прежде отъезду в предпрятый путь при новоземельском зимовье, на высоком месте поставить каменный маяк и в нем на долгом шесте или маштовом дереве поставить великий флаг темного цвету, чтобы далече, смотря в подзорную трубку, усмотреть можно было.

Для ободрения и утешения северных мореплавателей можно по крайней вероятности объявить, что ежели дойдут до северных американских берегов, против Лены и Ковымы за океаном лежащих, к Чукотскому носу склоняющихся, то найдут там довольно жителей. Пример сему обитаемые места под теми же повышениями полюса: в Сибири самоеды, чукчи, юкагары; в Америке гренландцы, баффинцы и народы, живущие против Чукотского носа.

Заключение

Еще остается мне отвратить мнения, противные сему славному и полезному предприятию: 1) нерадостные примеры неудачных прежде бывших походов, 2) великие убытки, 3) трата людям, 4) тщетная работа, коею впредь могут больше пользоваться другие народы, хотя бы и удача последовала.

На первое отвечаю, что неудачные предприятия произошли: 1) от неясного понятия предприемлемого дела, что не имели не токмо наши, но и англичане и голландцы довольного знания натуры, ниже ясного воображения лежащей дороги; 2) что приуготовления были беспорядочны, следовательно, и сами предприятия неудачны и бедственны; 3) особливо же представим о наших прежних предприятиях, что промышленники ходили порознь, одинакие, не думали про многолюдные компании, без которых всякие предприятия слабы. Суда употреблялись шитые рем-

нями, снасти ременные, парусы кожаные. Каковы сии орудия против мокроты и стужи? Сверх сего был ли кто хотя человек грамотный, не токмо знающий мореплавание?

Отправленные потом флота офицеры тем, во-первых, совершенного не принесли удовольствия, что Чукотского носу не достигли; да и статья тому трудно, что не тою отправлены были дорогою... Сверх же того, повидимому, не все как надлежит усердствовали, затем что жен своих в столь трудный поход брали. Между тем принесли много пользы, изведав и описав почти все берега сибирские, чего бы нам без их походов знать было невозможно, и сверх того подали пример, что впред с лучшим основанием и порядком может воспоследовать желаемого исполнение.

Но положим, что того никогда не учинится, однако несомненно найдутся чрез то места, к разным рыбным и звериным промыслам удобные, каковы найдены западными мореплавателями в Гудсонском и Дависовом заливе. Скажет кто, что ход для промыслов далек будет, — ответствую примером агличан, что их рыбные и звериные промыслы в Гудсонском заливе не ближе от Лондона, как Чукотский нос от Архангельского города, и путь их лежит ледистыми и опасными морями.

Что ж надлежит до убытков, то они не токмо казне, но и купцам достаточным сносны будут, особливо когда соединятся компаниею к сему прибыточному поиску. По моему мнению, за двадцать тысяч рублей можно отправить достаточный поход на первый случай.

Жаление о людях много чувствительнее, нежели о иждивении, однако поставим в сравнение пользу и славу отечества. Для приобретения малого лоскута земли или для одного только честолюбия посылают на смерть многие тысячи народа, целые армен, то здесь ли должно жалеть около ста человек, где приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества, для государственной и государской славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду. Если же толикая слава сердец наших не движет, то подвигнуть должно нареkanie от всей Европы, что, имея Сибирского океана оба концы и целый берег в своей власти, не боясь никакого препятствия в поисках от неприятеля и положив на то уже знатные иждивения с добрыми успехами, оставляем все втуне, не пользуемся божеским благословением,

которое лежит в глазах и в руках наших тщетно; и содержа флоты на великом иждивении, всему государству чувствительном, не употребляем в пользу, ниже во время мира оставляем корабли и снаряд в жертву тлению и людей, к трудам определенных, предаем унынию, ослаблению и забвению их искусства и должности.

Последнее из противных мнений, чтобы сие открытие не досталось в чужие руки, обращается в ничто следующими: 1) помянутое мореплавание к нам ближе, нежели к прочим европейским державам, 2) россиянам тамошний климат сноснее, 3) что на нужных и тесных местах построятся зимовья с предосторожностями для наших людей, коими чужестранные пользоваться не могут, 4) на Камчатке, или около устьев реки Уды, или на островах Курильских, где климат как во Франции, можно завести поселения, хороший флот с немалым количеством военных людей, россиян и сибирских подданных языческих народов, против коей силы не могут прочие европейские державы поставить войска ни севером, ни югом, но хотя б и учинили, однако придут утомленные на крепких, с привозными гнилыми припасами на снабденных жителей свежими домашними, безнадёжные ближнего от своих споможения на места, где вспоможение нам неистоимо. Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке.

Прибавление о северном мореплавании на восток по Сибирскому океану

По новым известиям от грумантских и новоземельских промышленников явствует, что поиск морского пути по северу на восток удобнее начать можно от западного грумантского берегу, нежели с Новой Земли, для того что: 1-е. Тамошний климат оказывается теплее, оттепели зимой бывают чаще, нежели как на Новой Земли, и западное Грумантское море теплее, гавани от льдов свободяются много ранее, иноземцы приходят туда на промыслы к Николину дни, а российские промышленники хотя и много позже приходят, однако остаются иногда до Воздвиженьева

дни. 2-е. Море много свободнее от льдов, ибо западный берег почти всегда чист, и китоловные корабли ходят во все лето. И ежели когда льды наносит, то не от запада, куда сперва путь предпринять должно, но больше от полудни, иногда ж от севера заворачивает, и оный лед по всем обстоятельствам видно, что от сибирских берегов, затем что он весь пресный и, в солнечные дни растаяв, составляет на себе пресные лужи, коими промышленники довольствуются. Также и по заплескам на Груманте лежит много листвяга изнылого и льдом обломанного и обтертого, которого лесу весьма много в Сибири, и, конечно, со льдами от сибирских берегов его наносит. А посему явствует великая вероятность моей теории, что противолежащий сибирскому северный берег Северной Америки к мореплаванию удобнее сибирского берегу. 3-е. Сие плавание будет по воде и по ветру, затем что течение моря при западном берегу грумантском простирается от NW и течение океана по большей части с ветрами соглашается; сверх того, около Новой Земли и к нормандскому берегу господствуют ветры от ост и норд-оста. Новоземельские промышленники много долее идут к Новой Земли против льдов и ветров, нежели домой обратно; а посему у противного берега американского, на другой стороне полюса должно быть в другую сторону окружному обращению вод и воздуха для сохранения равновесия в атмосфере и в океане. 4-е. Туманов чаятельно меньше, потому что они часто бывают льдам спутники, и, по объявлению Корнилова, по восхождении солнца впервые весною небо бывает долго чисто. 5-е. На Груманте гавани надежнее и лучше, какова есть на западном берегу, называемая Клокбай...

Рассуждая вышепоказанное, заключить должно, что мимо Новой Земли, в знатном отдалении от берегов удобнее будет держать обратный путь от востока по воде и по ветру. Сие окажется самыми опытами и практикою со временем, которое есть всех дел человеческих учитель; оно, спешествуя нашему терпеливому рачению и похвальной упряжке, может открыть еще больше, нежели чаем и желаем. Итак, когда мои добронамеренные представления за благо признаны и доказательства в уважение приняты будут, то принимаю смелость еще представить мое мнение о поисках помянутого проходу, следуя прежним и нынешним известиям и рассуждениям.

Всякие предприятия и изыскания нередко лучше, когда они соединены с очевидною пользою. Итак, следовало б, чтобы поиски северного на восток мореплавания соединить с китоловными и с другими тамошними промыслами, однако кажется, что сие соединение будет больше препятственно, нежели прибыточно. Склонные к скорому прибытку сердца человеческие будут больше внимать промыслам, нежели производству и совершению самого главного дела, не видя ясно, что по окончании оного несравненно большая государственная и партикулярная выгода воспоследует. Таковые промыслы кажется чтоб для того начать надлежало, дабы оное предприятие без траты казны исполнилось и произвелось доходами от промыслов, но когда рассудим малость иждивения на то против других, не важнее сего расходов или еще представим, что люди, суда и снаряды и без того на знатном коште содержатся, что их и без того время с собою возьмет и погрузит (без славных и обществу полезных дел) в вечности, то не найдем никакой причины жалеть того употребить на доброе дело, что скоро исчезает бесполезно. Итак, по моему мнению, хотя и можно присовокупить к помянутому предприятию тамошние промыслы, но как побочное дело, и больше для прикрытия от иностранных сего походу, якобы оный происходил для тамошней китовой ловли, самое же предприятие не отлагая начать, по моему мнению, следующим порядком приближающегося лета.

Заготовления для житья и содержания занимают первое в сем деле место. Для того в Клокбайской пристани построить зимовье и магазин, а чтобы оного строением не потерять много времени, то купить в Коле готовый дом, который бы был недавно построен, к житью и к перевозу способен, и, разобрав его, скласть на судно, перевезть на Грумант, в помянутую пристань и там построить в приличном месте, от берегу несколько подалее, чтобы высокие зимние воды до оного не досягали. Такой дом пристойнее других, затем что в Коле по холодному климату построен и обит досками, сверх того уже просох и жить от угару безопасно и, наконец, уже готов. Мох также с собою взять должно. 2-е. Того же лета от города Архангельского на двух или на трех судах отпустить провиант и всякие снасти и инструменты по рассмотрению, каковы означены в моей книге. Провианту отпустить на три года на 60 или на 100

человек. Суда отправить с сими припасами, каковы показаны в моем сочинении, или как лучше рассудится, только чтобы способны были к желаемым поискам. Также и людей нарядить, как наилучше признано будет.

Первый путь предпринять из Клокбайской гавани в запад несколько к северу, и следовать, пока достигнут северного американского берегу, на который должно, буде есть возможность, выехать небезоружным на ботах с астрономическими и геодезическими инструментами для географического определения по наблюдениям места, для поправления склонения компаса, что на сухом пути исправнее произвести можно. Когда ж в близости оной земли торосы или льды окажутся, то высылать торосовщиков на лодках, чтобы изведать состояние оных льдов и берега. А наблюдения учинить на свободной ближней большой льдине или и на судне. Все сие производить, когда погода позволяет.

Потом следовать в правую руку в виду одного берега, с мыса на мыс перенимаясь и от льдов предписанным в книге образом предостерегаясь. Между тем, когда берег из глаз потеряется, смотреть с мачты в хорошую подзорную трубку, что и во всех случаях весьма полезно. Меньшие суда могут отдаляться вправо для осмотра льдов и островов; мелкие и торосовые отпускать на береговую руку для осмотра заливов и устьев рек. Ежели где земля станет заворачиваться вправо, приближаясь к полюсу, тогда больше всех должно смотреть перемен в компасе и льдов остерегаться. В туманы стоять на дрефе или на якоря, наблюдая между тем течение и быстрину моря.

Когда же противным образом берег станет заворачиваться влево, удаляясь от полюса, то хотя и безопаснее кажется быть от льдов и от стужи, однако себя далече к полудни не отваживать, чтобы не зайти далече в какой-нибудь глухой залив, в полдень с надлежащего пути за Баффинский залив, и для того отправить легкое судно прямо по главному пути, для осмотра другого берега одного залива, которого когда в знатном отдалении, около ста верст или больше не найдут, следовать берегу, ибо он наконец не куда не доведет, как к восточно-северному сибирскому мысу или в Тихое море, ежели западно-северный мыс Северная Америки, лежащий против наших чукчей, раздроблен на острова и ими кончится. По морепла-

ванию Чирикова и Берингову явствует, что американские береги, ими найденные, от Чукотского носу лежат не далее осьмисот верст и могут быть острова, а не матерая земля.

Когда ж приметят, что вышепомянутый кряж Северной Америки близко к полюсу простирается, например, около 85 или 86 градусов, и притом льды умножатся, то далее не осмеливаться, а особливо когда уже июль кончится, но повернуться назад и идти с мыса на мыс, записывая все, что надобно к будущему мореплаванию, которое следующего лета предпринять должно, чем ранее, тем лучше, и зимовать на Груманте, ежели в Колу достигнуть не успеют. Но напротив того, когда божеское изволение и благословение воспоследует и экспедиция до желаемых камчатских берегов достигнет, то должно послать немедленно курьера для уведомления в Санкт-Петербург, после чего могут быть приняты надлежащие меры для безопасного расположения зимовьев, острогов и ходу и для утверждения могущества российского на востоке.

Марта дня

1784 года

Михайло Ломоносов

Прибавление второе, сочиненное
по новым известиям промышленников
из островов американских
и по выспросу компанейщиков,
тобольского купца Ильи Снигирева
и вологодского купца Ивана Буренина

В начале сего должно наперед объявить: 1) что по мореплаванию передовщика Степана Глотова с товарищи и по другим всем обстоятельствам остров Умнак, где они имели пристанище и привели жителей в подданство ея императорского величества, лежит около 65 градусов северной широты, долготы от острова Ферро 240 градусов, а от Камчатского устья 3000 верст, в восточно-северной стороне к востоку; 2) что лесной остров, называемый Алахшак, находится у северных берегов Северной Америки, около поло-

вины расстояния от Камчатского устья до Шпицбергена, и прочее расстояние для проходу морем свободно; 3) что сие немало соответствует известиям испанских мореплавателей; 4) что предприятие далее к великой славе и к пользе Российския империи служить будет и от других держав безопасно.

Все сие доказываю следующими.

По объявлению помянутых мореходцев, достигли они до острова Умнака от Командорского острова в 31 день благополучным ветром. Итак, считая ходу их по малой мере по 100 верст на сутки, перешли 3100 верст. На карте, сочиненной в Tobольске, положено сие расстояние только около 700 верст, что весьма неисправно, ибо ход бы их был только едва по 23 версты на сутки. В ходу своем держались они норд-оста, однако означенное на Беринговой карте тамошнее склонение компаса на $1\frac{3}{4}$ и на $2\frac{1}{2}$ румба к востоку, коего помянутые мореходцы не знали, показывает, что ход их простирался в ост-норд-ост. Для того недивно, что климат тамошний теплее, нежели бы ему быть должно, когда бы они шли подлинно к норд-осту. Сие также утверждается, что компанейщики не слышали от промышленников о летнем незахождении солнца, чему бы надлежало быть под таким повышением полюса. По сим основаниям проведенная локсодромическая линия показывает положение острова Умнака в А; прочие острова расположены по оригинальной карте, которая сделана отчасти собственным промышленников объездом, а отчасти по сказкам тамошних жителей, что они простым, однако весьма понятным образом представляли, начертив на ровном песку острова или назначив их камнями по расстоянию и положению: большие острова крупными, малые мелкими, круглые круглыми, неровные угловатыми. Для сей причины надежнее при внесении сего обретения в полярную карту держался я оригинального чертежа, нежели сделанной в Tobольске карты, особливо что расстояние положено неисправно, как выше явствует, и многие учинены отмены без очевидных причин. Сверх сего примечания достойно: 1) что найдены там красные незнаемые деревья, как аглинские, с кореньями и сучьями, кои, по самой вероятности, донесли ветры туда с Тихого моря, от полудни; 2) что от севера иногда мелкие льды, называемые мятик, наносит, без сомнения, от берегов сибирских. А из сего следует, что показанные острова с

обеих сих сторон имеют открытое море, и потому недивно, что от сильных зимних холодов свободны, пользуясь сверх солнечной подземною теплотою, кою окололежащие моря воздуху сообщают.

По таковому положению новообретенных островов очевидно явствует: 1) что лесной остров (или, может быть, мыс) по берегу Северной Америки лежит по географической мере на половине дороги, предприемлемой от Шпицбергена на Камчатку; 2) что противлежащий берег сибирскому за полюсом отдалился от него в полдень больше, нежели как прежде чаять можно было, что климат тамошний весьма сносен, к отдохновению мореплавателей удобен. Умнак отстоит от Шпицбергена около трех тысяч верст. 3) Когда оба края северных берегов Северная Америки от поморских и от камчатских промышленников довольно теплы к пребыванию и обращению человеческому показаны, с обеих сторон огнедышащие горы подземный жар засвидетельствуют и о противном уверяют, нежели как сибирские берега, до толь знатной глубины промерзлые; и, наконец, на северо-восточных баффинских берегах жители близ 80 градусов и свободное от льдов море довольно уверяют, что и прочая, средняя, неизведанная часть вышепомянутого берега известным соответствует и море тамошнее мореплавателям удобопроходимо.

Новые известия камчатских мореходцев немало соответствуют описанию испанских мореплавателей в рассуждении теплоты и пространства сего моря, как в сочинении о возможности северного морского пути на восток показано, 1) ибо объявляют, что моря там пространны: Иоанн де Фука, в 1603 году ходя по оным, чаял, что уже он прошел в Атлантическое море; 2) что по де Фонтову описанию довольно там красной рыбы и трески; 3) изобильно всякой дичью; 4) что на одном из больших островов, который плодороден и весьма многолюден, растет хороший лес к строению; сосны там весьма высоки и толсты (сей остров сходствует с обстоятельствами нового острова лесного Алахшака); 5) зеркала и железные орудия показывают в небольшом отдалении селения людей, у коих сии ремесла знаемы. Калифорния и селения испанские в Мексике суть в немалом отдалении: то думать должно, что оное получают из аглинских селений в Гудсонском заливе, где Новый Йорк построен. Все сие рассудив и сличив на карте путе-

шествия Беринговы и Чириковы, нынешние обретения островов Алеутских и новых, не иначе можно заключить, как что сия западно-северная часть Америки, простирающаяся к Камчатке, по большей части состоит из островов и, следовательно, посредством моря много пользуется подземною теплотою, не дая усилиться зимней стуже.

Сии новые известия, согласуясь с прежними рассуждениями о возможном мореплавании Сибирским океаном на восток и соответствуя объявлениям архангело городских мореходцев на Шпицберген (что изъяснено в Первом прибавлении), не оставляют сомнения о добрых успехах полезного оного предприятия, которое коль выгодно России будет, довольно видеть можно в моей книге о сем мореплавании, где представляется и о безопасности от соседей. Однако в рассуждении оных еще нечто упомянуть надобно. С нашей стороны осторожности приуготовлять должно купно с самым предприятием, сколько же сами соседи с их стороны опасны, из следующего рассудить можно: 1) ближайшие наши соседы, датчане, в изыскании северного морского ходу сначала мало старания прилагали и ныне на соседнем с Гренландиею острове Шпицбергене промыслов не имеют, а ходят туда гамбургцы и брабантцы, кои нам не опасны; а датчане все свои силы истощают на гренландские и исландские промыслы и с Россиею для новых поисков в недружие вступить не посмеют, бывши из древних лет в дружестве; 2) то же рассудить должно и о голландцах, кои на содержание южных великих своих селений и владений принуждены дорогою ценою наймовать иноземцев; 3) англичане и французы, будучи часто в беспокойстве между собою о владениях в Северной Америке, к сохранению оных друг от друга великие силы употреблять принуждены бывают, что всегда помешательством служить будет в предприятиях на земли и на пути, открытые Россиею, которая может пользоваться таковыми их обстоятельствами; 4) испанские и португальские селения состояются больше из переведенных народов, почти все из жарких африканских краев, кои люди к северным мореплаваниям неспособны, и силы их, по разным частям света разделенные, не довольны вступить в новые трудные обстоятельства; 5) наконец, бывшие помянутых народов предприятия к поискам Сибирским океаном происходили тогда, когда еще Россия нигде не токмо флота, но ниже доброго морского

судна не имела и почиталась морским державам в таковых походах совсем безопасною. Когда же божеским благоволением, чрез труды бессмертных памяти государя императора Петра Великого руку свою Россия на морях положила и ныне прозорливостию всемилостивейшия самодержицы нашея, новых щедрот и любления к морскому делу жизненное дыхание вливающаяся, далее оную простирает, то весьма невероятно, чтобы в отверзающуюся счастьем ея императорского величества далее на восток дверь зависть предускорять и высочайшим ея повелениям препятствовать дерзнула.

Ежели всемилостивейше благоизволено будет предпринять действительное произвождение сего поиска, то небесных светил нынешнее состояние ускорение сего дела советует, чтобы пользоваться их присутствием на северном полукружии света. Юпитер обращается ныне в самых дальних северных знаках эклиптики и потому за полярным циркулом зимою и летом не заходит, что ко всегдашнему наблюдению долготы весьма служит, когда только небо чисто. Трубки, к таковым наблюдениям способные, здесь сделать удобно можно. В конце июня месяца сего года обратится Юпитер к южной половине и в 1767 году уклонится за экватор, а потому за Полярным кругом невидим будет. Весьма бы не худо было приказать здешним астрономам обще делать на предбудущие годы таблицы закрытия и открытия Юпитеровых спутников по Санкт-Петербургскому меридиану и отстояний луны от солнца на всякий санкт-петербургский полдень.

Апреля 24 дня
1764 года

Михайло Ломоносов

О приуготовлении к мореплаванию Сибирским океаном

Приуготовляясь к сему важному предприятію, должно рассуждать четыре главные вещи особливо: 1) суда, 2) людей, 3) запас, 4) инструменты.

В судах требуется, чтобы они были невелики, легки, крепки, поворотливы, притом не совсем новы, для того

чтобы оных в ходу удобность и свойства несколько искусством изведаны были, что в одно лето освидетельствовано быть может; и для того можно к сему выбрать и купить из готовых купецких и промышленных судов у Архангельского порта. Такие суда кажутся потому быть довольны, что артиллерийский снаряд в сем предприятии не нужен, кроме сигнальных небольших пушек.

Главных судов число больше трех не нужно: одно больше двух прочих для главной команды, да два легче и меньше для рассылки с главного пути в стороны для наблюдения земель, льдов и других обстоятельств. Суда обшить должно досками против льдов, как обороняются в Индии от червей.

Кроме ботов и шлюпок, на каждом судне должно быть по два или по три торосовых карбасков, какие на Белом море при ловле тюленей промышленники употребляют и на них далече от берегов по льду и по воде ходят, затем что для легкости волочить их весьма удобно. Для запаса и для укромности можно заготовленные к тому доски положить в интрюме и в случае нужды, ежели другие потеряются, новые вскоре сшить и употреблять способно будет.

Правление сего мореплавания поручить офицеру от флота искусному, бывалому, особливо в Северном море, у которого есть осторожная смелость и благородное честолубие. Ему подчинить по пропорции всей команды офицеров и унтер-офицеров, а особливо штурманов, также и гардемарин, из которых было бы на всяком судне по два или по три человека, знающих брать астрономические наблюдения для длины и ширины, в чем их свидетельствовать в Морском кадетском корпусе и в Академии Наук.

Сверх надлежащего числа матрозов и солдат, взять на каждое судно около десяти человек лучших торосовщиков из города Архангельского, с Мезени и из других мест поморских, которые для ловли тюленей на торос ходят, употребляя помянутые торосовые карбаски или лодки по воде греблю, а по льду тягою, а особливо которые бывали в зимовьях и в заносах и привыкли терпеть стужу и нужду. Притом и таких иметь, которые мастера ходить на лыжах, бывали на Новой Земле и лавливали зимою белых медведей. Нако-

нец, взять два или три человека знающих языки тех народов, которые живут по восточно-северным берегам сибирским, а особливо умеющих язык чукотский. Присем всем смотреть сколько можно, чтобы выбирать людей, которые бы мало причины имели назад оглядываться и попечение иметь об оставшихся домашних.

Хотя всего путешествия успехов ожидать должно от людей бывалых, знающих мореплавание, мужественных, терпеливых и в своем предприятии непоколебимых, однако и бессловесные животные в том помочь дать могут, что примерами доказать можно. Между прочими следующий примечания достоин. Некто морской разбойник, родом норвежанин, именем Флокко, желая сыскать Исландию, пустился от Аркадских островов в море. При отъезде взял три ворона, и когда он в знатном расстоянии отшел от берегу, то пустил одного на волю, который тотчас полетел к Аркадским островам обратно и тем показал, что они еще от оных не так далече, как казалось. Продолжив несколько времени свое плавание пустил на волю другого, который, полетав кругом немало времени, к судну возвратился, затем что кроме одного не нашел к успокоению места; по несколько времени выпуском третьего ворона был счастливее, затем что он увидел Исландию, полетел прямо к оной и дал повод себе последовать и открыть землю, для которой Флокко в море пустился.

По сему примеру не почитаю излишним делом, чтобы взять на всякое главное судно по несколько птиц хищных, которые к плаванью на воде неспособны, а к подобному опыту служить могут и близость льдов показывать.

Что до запаса надлежит, о том пространно не представляю, затем что морские люди довольно ведают, что им на такой путь надобно; три только вещи упоминаю: 1) чтобы иметь с собою сети, уды, ярусы, рогатины для ловления рыб и зверей, которые сами в пищу, а жир в нужном случае место свеч и дров служить могут; 2) чтобы запастись противоцынготными лекарствами: сосновою водкою, сосновыми шишками, шагрою, морошкою и прочими сверх того из аптеки; 3) чтобы запаса было по малой мере на три года и чем больше, тем лучше.

Инструменты требуются: 1. для наблюдений астрономических, к познанию долготы и широты служащих, 2. для

исследования долготы и широты в море без помощи астрономических наблюдений, 3. для других действий в плавании по неизвестным морям нужных.

Для определения долготы и широты на море в ясную и в мрачную погоду показаны способы в изданном мною Рассуждении о точнейшем пути на море; однако еще лучше имею, после того изобретенные, особливо для северного мореплавания, которые могу объявить, когда оное действительно предпринять за благо рассуждено будет.

Для показания времени всего способнее и вернее иметь на каждом судне по несколько часов карманных с секундами, чрез довольное время в исправности испытанных, которые содержать должно в равном градусе теплоты, сколько можно; удобнее всех место им в интрюме, о середине корабля, где от морской воды градус теплоты постоянное и движение корабля всех меньше. Для удобного содержания и вынимания к наблюдениям должно сделать особый, пристойный к тому ящик.

Для общего показания пути должно дать на каждое судно по карте, вновь сочиненной по самым лучшим известиям, которая должна иметь в центре полюс.

Вода морская тем солонее, чем далее от берегов, чем ближе, тем свежее, а особливо где втекают в море немалые реки. Для исследования разной солоности воды морской надлежит иметь ареометр, каковые употребляются при соловарнях для проб рассольных.

Плавающим по Ледовитому морю приключается, что забирают их окружившие льды: как сперва малая льдина ход затворит и пока оную отводить стараются, между тем другие больше и больше поспевают и выход совсем пресекают. Для скорейшего и сильнейшего разбивания льда, уповаю я, что весьма служить будет порох таким образом, как рассекаются в рудокopных ямах каменные горы. Того ради должно на всяком судне иметь буравы, подобные горным, чем бы лед просверливать. Сия работа весьма будет происходить скоро, ежели буравы употребятся к тому горячие или и раскаленные (для всегдашней готовности должны они всегда лежать на очаге острыми концами к огню), а в проверченные на льду дыры всунуты будут го-

товые к тому патроны с фитилями, охраненные от мокроты смолою.

Выше сего первый возможный ход представлен около северо-восточного мысу Новая Земля; для того должно употребить следующую предосторожность ради безопасности и прибежища северных мореплавателей. Около одного мысу, близ восточного повороту, в удобной пристани, где пресною водою нескучно, построить должно зимовье из несколько изб с надлежащими хлебными печами, окончинами и ставнями, с сеньми и с двором и оные обшить досками; при том амбар для содержания провианта и других потребностей, также и баню, коя для наших людей весьма здорова, которое отвезти туда сзаранья на передовых судах. Также удовольствовать всяким провиантом на два года, кроме того, который пошлется на судах в предпринимлемую дорогу. Таковое предуготовление несравненно лучше будет, нежели бедное зимованье голландцев... И как они могли вытерпеть всякие неудобности и недостатки, то наши северные люди в лучших несравненно обстоятельствах легко зимовать могут.

Этнографические описания народов Якутии

Описания 1768—1769 гг. и 1785 г. заключены в деле, начатом Якутской воеводской канцелярией 4 января 1785 г., под заголовком «Дело по указу наместнического правления о избрании способного человека для собрания известий о вере и протчем разных племен иноверцов, населяющих уезды Якутской области».

К этому делу 1785 г. приложена копия с более раннего документа — описания якутского быта, составленного в 1768—1769 гг. Копия подписана архивариусом-канцеляристом Собакиным и подшита к названному делу.

Описания быта и нравов народов Якутии, сочиненные в г. Якутске в 1768—69 и 1785 гг.*

I

Описание, учиненное в штате состоящими дворяны и детми боярскими и нерегулярного войска якуцких казаков старшинами о нравах, качестве и обхождении находящихся в окрестности и ведомстве города Якуцка ясашных разных родов иноверцах, кто именно какия нежности, увеселении,

---

* Печатается по: Окладников А. П. К истории этнографического изучения Якутии//Сб. материалов по этнографии якутов. 1948. С. 17—48.

притом же в каких местах жительство имеют, также и суевериях и какою довольствуют себя пищею и чем скотоводствуют, какие же звери и рыбы в промыслу бывают и родство между собой производят, о том значит ниже сего генваря... дня 1769 году¹.

1-е. О якутах мужеска и женска, обоего полу, какого возраста, важного или нежного виду и чем веселятся, то есть борбою или кулашным боем, конным рысканием, стрельбою — ис какого оружия производят и о вере их идолаторской.

Означенныя якуты мужеска и женска полу возраста болшого, среднего и малого. Лицем смуглы, волосы черны, у мужеска полу остригают, а у женска не стригут. Увеселения имеют борбою, раздевшись донага, толко оставя на себе одне штаны, и з разбегу соединясь друг з другом и ударя одним другога по бокам, а потом ухватясь за свои штаны и ногами сплетясь поборяются, бросают о землю. А кулашного бою не знают. А конное рыскание бывает, поровнясь друг з другом по два в ряд, и бегут по весь опор.

А стрельбу употребляют из якуцких луков стрелами, поставя на достойном месте метку. А огненного оружия не имеют, а хотя и есть толко у немногих винтовки, ис которых стреляют разных родов птицу, так же на лесу белку и зверей.

Веру содержат: кланяютца идолам деревянным и берестяным, а паче солнцу, месяцу и огню, бросают на огонь жирные мяса, выливают масло и во время собрания на питье квашеного кобылья по их ысэху молока, а без того не начинают и тем по соображенному их существу боготворят, а закону, который бы могли хранить, никакого издревле не имеют.

2-е. По их суеверию шаманства или другия обоянства и каким действием происходят.

Шаманства имеют таким порядком: бьют в бубны, зделав огиб деревянной и оболоча в коровью кожу. При том же зделанной из дерева для битья себе в руки в бубен на подобие валкю и оболоча в кожу, а сверх насядя синими королками. Что же касается до платья, то бывают из лосинных выделанных кож короткое до пояса человеческого, а обвеса вокруг того зделанной же на подобие человеческого перста трубкой и шеркунцов железныя, так же выкроенной из лосины вокруг того платья обвеса на сходствие

тесемок, что спускается от одного платья вниз часто даже до земли и с тем же спускается против самой спины сделанные из железа по их названию ойбон, пример солнца и пролубей, медведей. И начнут то шаманство выводить по захождении солнца через всю ночь даже до утренней зори до восхождения солнца. А жертву приносят дьяволу: бьет конной и рогатой скот и сняв толку со скотины одну шкуру и весят на лесину, а мяса скотския под той же лесиною собравшись многолюдство употребляют тебе в пищу. А по большей части то ими чинится для испрошения у дьявола болным здоровья и облехчения, почему иногда по суеверству их збывается. И тако шеманство производит оюн, то есть их шаман, з битьем в бубен, а скакая елико может на ногах и необычайной выпуская крик, причем вертя головою и призывая к себе верующих и кланяющихся итти дьяволов и омрача людей, колят палмою и ножом. Еще же велит себя постороннему якуту в бок на вылет вколотить деревянную жердину и велит же посадить обыкновенной по обеим сторонам дву малолетних ребят и после того паки учнет сказать и необычно головою и всем корпусом единственно, как и выше значит, кричит, со всяко трелюдой вертеца, что и болше выводит куриозностей, тем паче якутами с похвалою веруются.

3-е. От чего пьяны бывают и какою пищею довольствуются, при каких местах и о каком строении жительствоуют, как в зимнее, так и в летные времена.

Пьяны бывают зделав и сквася ис кобыльего молока, то есть по их званию, кымыс, с которого напиваются, якоже с вина, допьяна и в том своем пьянстве весьма бывают беспокойны и злонравны, а коль паче злопамятственны, добродетелей же не чувствуют, а зло никогда забыть не могут и продолжается у них веселость и гульба в одно время каждый год маня с 10-го июня по 20-е числа.

И окончавшие исэхи запасают себе в зиму сосновую кору и оную сушат в пищу и напоследок страдают ко удовольствию собственного скота кошением сена. Пищею довольствуются от конного и рогатого скота молоком и соснового дерева корою, по их наречию бес, и битым конного и рогатого скота говядиною и промышляют из озер истоков, також и рек, всяких родов рыбу неводами волосяными, плетут ис талинки и всякого дерева, а называют по их языку ту, сиречь вержи малыя и болшия, и протчим зверям, то есть лосями, оленми и медведем, зайцами и кротоми.

А жительство состоят по еланем около озер и по край Лены реки вверх и вниз, а строение имеют для зимовки деревянные юрты и обмазывают вокруг к пособию теплоты коровьим калом, а летнее время наставя тычинами жердин тонких и покрывают вокруг тисками, то есть берестом сшивным, которое оне мочат разваривая в воде и оно у них до трех и более годов.

4-е. Какого именно разных родов зверей промышляют и куда оной во первых за ясак положенной на них или в продажу и одежду свою употребляют.

Зверей промышляют: соболи, лисицы бурения, сивочереvy и красная, белку, горностаи, зайцы, песцы, волков, медведи, лосей, оленей, ис которых зверей соболи, лисицу, белку, белая песцы каждогодно приносят в казну за положенной на них окладной ясак. Кожы лосиные, олени, волчьи, зайчинные, медведины, диких баранов употребляют себе на одежду, а излишние продают разного чина и звания людям за деньги и меняют на всякой товар купцам.

5-е. Какой скот у себя имеют и прочее тому подобное свойства и качества.

Скот у себя имеют конной и рогатой, а кроме того никакого не имеют. Свойство и родство производят ниже-следующим порядком: а именно отдают своих дочерей в замужество и берут за них в подарок конным и рогатым скотом, по их речению калым, а потом ис того скота отдают за дочерми своими, яко то в приданы, тем же скотом и зять тестю своему привозят по их шерсти самое жирное битое конного и рогатого скота мясо вареное и сырое и дарятся тогда платья мужскому полу рысьими и волчьими шитыми, по их званию санаяками, и готовыми из рысьих лап чебаками, рукавицами и протчим, что по обыкновению их подлежит до ношества, а жентшине из лосинных кож шитыми да шубами подобными братцким тулупов длиною и обкладывают вокруг того на полах и подолу бобровыми лоскутами и морских котов шкурами и кобыльих также и вороных жеребят кожами, а повыше той опушки нанизывают вокруг, например, в ширину на два вершка, разного цвету, одекуем и корольками.

6-е. Коряки и чукчи: какое имеют качество при том же веру идолаторскую, также и обхождение, как зимою, так и летом, кочующия или сидячия жительствоуют.

Оные народы чукчи и коряки возраста большого и малого и среднего, лицом смуглы, волосами черныя — у мужска

пола стригут, а у женска не стрижены. Платья носят одинарное по их названию куклянки, парки шитые из оленьих кож с опушкой из собачьих шкурок. Жилища их на тундреных местах, блись моря и в хребтах. Скотоводствуют оленьми и на оных ездят зимою на санках, а в летняя времена верхом на седелках об одной подпруге без стремян. А пешия, кои у себя не имеют оленей, живут по край моря и рек в земляных юртах, подобно яко в погребах, вход и выход зделан вместо дверей сверху по леснице. Вместо скота пешия кормят собак и на оных в зимнее время ездят в санках и ходят пешия на лыжах и в лаптях деревянных и те очибы переплетают ремнями. А оленные называются кочевные, поставляют тычинами жирдин и покрывают шитыми из оленьих кож выделанных ровдуг чумами, а в летнее время потому ж из ровдуг шитыми чумами. Юрты ставят, у которых бывает промысел, в пищу себе из моря и из рек неводами и седми ис трав кропивными, а именно рыбу и нерпу китов, белук, моржей носками железными на жердях деревянных. А в хребтах промышляют диких лесных баранов, оленей, тако ж на платеж в казну ясака соболей, лисиц, медведей, волков и оные употребляют себе на одежду.

Свойства производят и в замужество дочерей своих отдают без калымов, толко с тем договором, што-б тому зятю их быть у них в работе по то время, естли тот зять усилством своим у оной засватанной своей невесты, хватя её, неболшим ножом штаны разрезав и за нижней ее тайной уд захватит рукою, тогда уже ее действительно получит к себе в жены и во время того его рукою действия, собравшись многолюдство женского полу и бьет жениха, елико возможно, палками и дерут рушными коктями и колют неболшими палмами и женскими ножницами для оного увеселения по обычаю их. И живучи в работе у тестев своих несколько лет, увидя несносное тиранство и нестерпя таковых мучительств, оставя засватанную свою невесту, отходят некоторые прочь.

Гулбу и увеселения имеют набрав грибов, по их названию мухомору, и высуша оное едят положи в рот, нерозжовавши глатают, от чего бывают весьма пьяны и дики, а потом вымочась в ковш костяной из оленьего рогу и подают другому, которой приняв должен выпить и от того уже зделается больше пьяным, нежели тот, который наелся оного мухомору. А протчия мужеска полу чрез волшебство

обращаются во образ женской и между собою мужеложествуют и походят друг на друга замуж. И те народы люди злонравныя и между собою поссорясь друг друга убивают до смерти, а добродетели человеческой не чувствуют, а зла никогда забыть не могут. Шаманствы у них происходят битьем в бубны, зделав очиб деревянной и обшивают в оленью кожу и диаволским претыканием омрача, тот шаман колет себя ножом и палмой. А жертву приносят диаволу битыми оленьими и сабак, которых оставляют в пустых местах на земле.

Ружья у них костяныя ис китового уса и костей, також и деревянные луки со стрелами, палмы, и во время неприятелей носят при себе на темляках копыя и на себе куяки железныя, костяныя, тож и панцыри. А для промыслу, как в море так и в реках, плавают в лотках с деревянныя огибни и обшиты вокруг того кожей моржевой, по их речению байдары, и выделанныя из дерев баты подобны российскаго народа лоткам.

Вера их: кланяются солнцу и луне и обшивают мертвого кости в оленью кожу и обнизывая одекуем, а мертвыя человеческия тела, как протчия ясашныя иноверцы, на лабазы и в землю не кладут, толко зажгут на огне.

В измену и бунты часто вступают и коряки с чюкчами производят незабытную всегдашнюю ссору, а в приход во время неприятелей жен и детей своих колят копыи, с тем дабы в неприятельских руках те их жены и дети не достались.

А у чукоч нрав и качества, равно как коряки, и язык имеют сродственной и не различной, а для легости и разминажу пинают мячи и копейному сражению обучаются, також и друг друга из луков стреляют до ран. Ядят рыбу и зверинныя мяса, не всегда вареную на огне и большей частию и сырую. Закон у них также и вера одна: идолоствуют.

Тонгусы единственно такого же возраста мужска и женска пола якоже якуты: болшая средня и малыя. Лицом смыглы, толка волосы отращивают длинныя. Платье носят из оленьих кож короткое, а увеселение их бывает борбою, равное как у якутов, а стреляют друг друга из луков стрелами до ран. Скотоводствуют оленми и содержат не побольшей части конной и рогатой скот. Ездят на показанных оленях верхом и, будучи в ясашных между якутами волостях, на конях. Родство происходит: дочерей своих в

замужество выдают за плату калымами оленей. Довольствуются пищей будучи в хребтах в горах и по тундренным местам промысля всякого зверя, а именно лосей, оленей диких, полевых баранов, медведей, волков, зайцев и кротов, а соболей, лисиц, горнастаев и белок, что приносят в казну за ясак. Дома имеют кочевные, подобны чюкоцким и коряцким, чюмовые юрты. Вера идолопоклонническая, шаманство бесовское и прочее все походит на якуцкое обыкновенное. А язык у них свой и разговоры других родов с верноподанными несогласны.

Еще ж платежные юкагири и ламутки народ, как мужеска, так и женска полу подобен тонгусам и возрасту також, лицом смуглы, а качества при том же и свойства и что касается до промыслов и домов и пропитания единственно скотоводствуют оленями, собаками, против означенного изъяснения как и о тунгусах.

Посад же всех предреченных якуты содержат обыкновенные два брата родных на дву сестрах, только не в своем роде, а в другом женятся и берут по смерти отцов сыновья себе в жены мачих и в том греха не находят, а невески посягают в замужество деверей своих. У богатых якутов невески свекру до трех годов не кажутся, а когда случится из юрты выходить или входить, тогда завешиваются ис кутя до дверей по запече камелька, чтоб отнюдь их свекор не видел, одиялами и шубами и мимо в камелке бываемого огня переходу за половину юрты не имеют, а по прошествии тех лет, хотя и выдаются, но токмо без той шубы которую называют талагой, она совершенно ходить не должна и весьма оное хранят, а без того поставляют за вящей грех.

Не буди же неимоверно и за подленно без всякой лжи уверяем, не хитростию волшебства, обаче во время сильных жаров возсуждают погоду камешками, которые ими находятся, ректо (редко?) в головах, а именно волчьих, у лосей, так же и лошадей в мозговых каморках, то их называют сата, от чего как вывесят на дерево к сучку то зделается весной и летом пржеестокой ветер, дошь и град и продолжается от трех, сами и до девяти дней и с чего они холодным дохновением пользуются в летняя жары в проездах куда либо на лошадях, а весной в марте апреле и мае месяцах, как в лесных так и в гористых местах, для окончания промыслу зверей по насту на лыжах пешия лосей и оленей.

А кленутся и ротятца якуцкия народы в правде наливая

на огонь масло и стоя на коленях посыпают на головы свои пеплом горячим и целуют убитого медведя головную кость и почитают то за большую важность иногда — те клятвы не преступают и боятся нарушать.

Точию к воровству между собой, а коль паче у русских людей, конного и рогатого скота самых жирных и что нелутчих, так склонны чего и описать не можно, да и к закрытию тех своих вымышленных дел наполнены несказанной хитрости, а есть ли по свидетельству других и осмотру в воровстве там иногда изобличаются, а более одной за каждую скотину в платеж с них брать не повелено и в том же освобождаются без наказания и оное воровство якуцкия народы внимают с похвалою себе в добычь.

На подлинном подписали дворянин Иван Аргунов, сын боярской Яков Уваровский сын боярской Матвей Сивцев, сын боярской Егор Борисов, сын боярской Николай Шестаков, сын боярской Александр Шадрин, сотник Иван Тугин, пятидесятник Петр Климонтов, вместо пятидесятника Ивана Черепанова по ево прощению и за себя пятидесятник Яков Луковцев подписал, сотник Семен Жирков, пятидесятник Максим Захаров, пятидесятник Яков Ударин, сотник Александр Прудецкий, пятидесятник Михаил Колпашников, сотник Федот Данилов, сотник Андрей Корякин, сотник Федор Колесов, пятидесятник Иван Широких, сотник Иван Сребыкин, титулярный советник Иван Татионов.

II

Описание обитающих в Якутской области якутах о начале их происхождения и о достопамятностях, происшествии, равномерно вере, законе их, обрядах и о прочем 15-го числа 1785 года учинено².

1-е. О начале якутов. Ис какого народа они происходят. В описании господином Миллером, историографом и профессором университета академии наук, Сибирского царства и в тех произшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его российской державе в первой главе 34-м пункте съсылаясь на древнюю повесть якутов и о казаках, что оне и татаре один народ были и что предки их с мунгалами и бурятами в соседстве жили, но прогнаны от них войною, после чего они в верху реки Лены со своим скотом на плоты сели и около Олекмы и Якутска сплывши поселились, а к подтверждению сего описания в 35-м и

37-м той же главы пунктах весьма кстати показаны и примеры, как то имя последние (коим образом якуты называют себя соха) что де меж татарами из Красноярского уезда еще и поныне имеетца небольшое поколение, которое тем же называются именем, так же в 39-м пункте живущим при реке Лене тонгусов преданию от них предков осталася повесть, что как якуты и оные места пришли, то они сим чужим гостям усиленно противились, чтоб не дать им проходу, однако от них побеждены были и сказывают, что главной их бой происходил недалеко от устья реки Патомы при урочище так называемых Гусельных гор.

Нонешние же якуты, у которых прилучалось мне о достопамятном их происхождении осведомлятца, ничего обстоятельно о вышереченном сказать не умеют, однако некоторые ис них сообщали то же, что их предки ис красноярских татар и, якобы ходя за звериным промыслом и дошед до реки Лены, оплыли оную от Верхнеленска до сего места, где ныне город Якутск, которого там еще, да и никаких людей не было, как их повесть не столь кажется быть вероятною по причине, что естли бы оне толко за одним звериным промыслом сюда сплыли, то для чего же им [в] столь отдаленной стороне остатца было нужно и отколе столь изобилно конного и рогатого достали они скота, ибо живущия их соседы тунгусы никакого скота (кроме оленей для езды) не имеют.

Равномерным образом от вышеупомянутых достопамятных сего народа произшестввиях ничего вновь к подтверждению их истории изобразить не нахожу, поелику нет у них книг ни писем, да и вовсе никакого на своем языке не имеют диалекту.

2-е. О вере их. Веруют они что есть де бог, существо милосердное и все сие создавшее и делают ему поклонение и один раз в год жертвоприношение (за умножение в скотоводстве и подачу), а боятца дьявола, по их языку абасы, которого они почитают страшным, того для во отвращение и прекращение всякого зла имеют шаманов и ис подобострастия дьяволу, равную как самому творцу, да и во всякое время, приносят жертву.

3-е. О почтении православной церкви и крещению. Многие охотно приемлют святое крещение, да и некрещенные, буде из них которому прилучитца итти мимо святой церкви, кланяютца пред оною и, опуская руки к земле, говорят на своем языке тагара, что значит великий бог, не упоминая других различных имян, которыя в числе богов поставляют,

а имянно юрунар, хомпорун, хотой хан, чесегей, сюге тоен, иахсыт, разумеется ангел наставник.

4-е. О шамане. Шаман у них в немалом почтении по причине, что будто бы он с дьяволами имеет дружбу, по разным с ними надобностям советуетца, и тако, есть ли кто из якутов пожелает узнать будущее о их счастьях в скотоводстве, зверином промысле, а наипаче спастись от болезни и о прочем, то просит шамана и угощают жирным кобыльим мясом (ибо оное по их вкусу самое лутчее), поят простым вином или кумысом. А он, надев на себя нарочитое ради шаманства разными железными побрякушками из выделанных кож коротко зделанное платье и разтрепав волоса, бегают по юрте, шатая головою, кричит громко выговаривая невнятные самим якутам речи, а сие значит, якобы, он призывает в совет по имени всякого из числа ему знакомых дьяволов, бьет в бубен — наподобие решета обтянутого кожею, кривлясь, бросаетца во все стороны и кверху скачет со всей мочи, а протчия якуты поддерживают ево глубоким молчанием и наконец приходит в беспамятство и упадает, якобы без чувств, лицом к земле, а через полчаса или больше, пробудившись и несколько отдохнув сказывают, что видел и что дьяволы по ево прозбе объявили, чему все верят и утверждаютца.

Да еще суть некоторыя, шаманы что в присутствии всех (сколко бы не прилучилось зрителей) пронзаит себя насквозь ножом или палмою; палма — нож противу обыкновенного гораздо больше, ибо слишком аршин в ней длины и имеет его при себе ради зверинаго промысла и дорожнаго случая, да сверх того позволит которому из зрителей пробить себя в бок жердию насквозь и по обоим концам той жерди велит посадить по одному маленькому ребенку и паки станет кверху скакать и шаманить. Яко выше и чем больше которой представит сему подобных жестокости примеров, тем вяше почитает его народ. Конечно, не осмелился бы я о сем в том невероятном упомянуть здесь действию, естли бы от одних толко якутов, не многия русския люди подтверждают тоесть с тем, что все сами упомянуто многократно своими видели глазами.

5-е. О свадебных обрядах. Обыкновенно, приехав свекровь з женихом и с своими гостями и тестя угощают обедом и кумысом и договорясь отводят на несколько времени жениха с невестою в особую юрту, потом, побыв у тестя дни два или три, бывают в гостях у молодова, дарят друг друга жирным мясом, платьем, мехами и тому подобным.

А по коих пор муж колыму то есть выкупу за невесту скотом и денгами сполна по договору не заплатит по то время молодая жена живет у своего отца, куда муж к ней ездит и имеют с собой детей, а когда выкупит, тогда уже возмет ее в свое жилище, да сверх того, как свекор, так и невеста свекра, через три года видеть друг друга не должны.

6-е. О числе жен. Бедная или посредственная имеют по одной и по две жены, а достаточная по четыре или сколько пожелают и состояние их позволяет, а живут у мужа порознь, каждая со своим скотом, сколько которая себе от мужа в колым или в приданое получила, а муж живет с которою сколько захочет, однако-ж о благоденствии всех старается и хотя они гораздо ретка с собою и с мужем бывают вместе, но никакова меж ними несогласия и ревности не имеется и всякая о всем довольна щитают.

7-е. Приданое невесты. Приданое, сверх неболшева числа невестина платья, дается за нею почти весь тот скот, которой за нею от зятя в колым получен, кроме употребляемого при свадьбе в пищу.

8-е. О преимуществе жены с приданым. Есть ли кто жену получит с ея приданым, она почитается у них вольною женою и потому муж уже ее продать другому не может.

9-е. О разводах. Разводятся тогда, ежели муж и который зол сделавшись учнет ее часто безвинно бить, тогда имеет она право отойти со своим скотом к ея отцу и выйти замуж за другога а есть ли жена своевольно куда уйдет, то уже должна лишится своего колыму, взятых же за колым жен имеет муж власть продать жену другому, ибо таковыя почитаются у них купленными, а по смерти мужа должны быть в замужестве за замужним братом или за другим ево наследником.

10-е. О именах детей. Родившимся детям дают имена названием по их языку того, кто в те родины ис первых глазам их предстанет, то есть человек или собака, зверь или птица и прочее.

11-е. О воспитании и содержании детей от дня их рождения. Буде в зимнее время, как скоро родится младенец так тот

час валяют его в снег, а потом, обертев какой либо лоскут, кладут малинкой берестяной или деревянной к голове вышennyй ящик со зделанными в нем для спражнения скважинами, в коем он и лежит обвязаной тонким ремнем без вынятия по судкам и более. В пищу ж дают ему сосать кусок жиру и тем питают его, доколе он что станет есть, а грудью вовсе не кормят. Ныне же, однако, некоторые дают в рожках сосать молоко.

12-е. О нраве и дружелюбие к русским. Те, кои сопржены судьбою невежества и бедности меж собою согласны и к руским таковыми кажутся, но достаточнейшия ныне важнейшее свое время поросвещения и зависть всяк смотрит на шастие от нижняго и в тяжбу или протест входить столь охотны, что самамалейшая претензия к вечному их несогласию достаточною послужить может причиною. И вообще сказать, что сей народ есть весьма понятен, щедр и на отмену любопытен, но напротив того злопамятен, лехковерен, робок, завистлив, ленив и лукавый.

13-е. О физиогномии и о сложении тела. Обоого пола есть некоторые весьма болшаго и малова росту, но вообще большая их часть посредственной меры люди, притом плотного и крепкого суть сложения, лицом же смуглы, волоса у всех черны, однаког болше мужественным нежели гнусным тем им видится лице, да и смугловатым есть посредственное, что не воспрепятствовало ж и женскому их полу быть довольно красивыми, есть ли бы оне не были плоско широковатыя и на калмытских отчасти похожи и темнолицы.

14-е. О промысле и продукте. Обыкновенной их промысел в зверинной и рыбной ловле и в скотоводстве, отчего пропитание свое имеют и кажется, что у них иноверцев посредством их промысла довольно имеется денег в золотой и серебряной монеты. В зиму ж запасаются рыбою и сосною, лежащею на дереве под верхнюю, корою с соком; такую кору, которою высуша, истолча в муку, варят в яству себе с кислым молоком житкую кашу, подсыпав немношко ржаной муки, которая иметь могут.

15-е. Употребление табаку. Табак, словом, все старыя и малыя обоого пола курить охотники, употребляя малыя, на-

подобие китайских, деревянные или костяные трупки, а по их званию ганза. Нюхают же в старости.

16-е. О наряде и опрятности. Мущины на голове волосы совсем остригают, шапки носят ушатые лутчаго зверя и все их наружное платье несколько щеголевато. Шубы коротки и разрезной фалт назади ради способности к верховой езде, верх суконной или китайчетой, вокруг обшит шириною на подобие ласканов, росوماкой, соболем или бобром, а ежедневныя китайкою по большей части розоватого цвету. Кушаки коженые, как пертупей, с пряжкой, украшенные серебряными бросками и такая ж при них огнива. И женщины одинаково ж употребляют покройное платье и узнать только можно женщину потому, что все у шеи носят длинныя серебряныя или медныя серьги и втрое сплетенныя назади головы косы, да сапошки на ногах, по их этербась, унизаны вокруг на голенище широкою в ладонь разного цвету одекуем и корольками, а иныя и шубы вокруг ими окладывают, но как женщины, так и мущины рубашек не имеют, кутыванием себя излишне не занимаются.

17-е. О склонности к теплomu или холодному климату. Некоторые утверждают, якобы они более к стуже, нежели к теплоте обычны, что теплыя и жаркия дни не всегда им нравятся по той причине, что хотя многия из их обоого пола на наряды себе убываются и хорошою по их обычаю и вкусом любят носить одежду, однако летняго платья не имеют и желающия нарядно показаться в жарчайшия дни в тех же щеголяют шубах в коих достаточно от лютых согреваются морозов. А ис сего видно, что оне довольно, как противу жару, так и морозов, крепки ибо, как выше сказано, летом могут ходить в хороших шубах, а зимою естыли в дороге или за промыслом зверей случится которому в худом платье в жестокой мороз ехать верхом на лошади, то начнет мохать руками ногами и всем корпусом двигатца и тотчас спочнет снимает с себя шапку и рукавицы. Ночью же у самого малого огня на разосланных по снегу с дерев снятых ветвей спят полунагие без просыпу, не чувствуя отнюдь тово, что внешняя от огня тела их часть снежным инеем покрыта.

18-е. О селении. Имеют по чetyре и больше в разных местах в разсуждении множества скота стойбища или жилья,

ис коих зимняя деревянная с чувалом и лдяными окошками, а летняя и осенняя круглая, в коих сами по временам живут.

19-е. О скотоводстве, каким именно изобильны. Скота конного и рогатого весьма много имеют и так по оному страстны что без крайней нужды посторонним продавать не рады, а упалой скот не наносит им убытка, ибо оного равномерно употребляют себе в пищу и тем только наипаче тщеславятся, что скота и скотников или пастухов имеют много и что в летнее время могут вместо вина пить квашеной на кобыльем молоке кумыс, а коровьева вместо квасу с водою разведенной и называемой умдан.

20-е. О ремесле женскому полу приличном. Сверх домашних и за скотом забот всякая женщина и девка шьют на себя и на мужчин из разных скотинных и из звериных кож, також и ис сукна, делаными им скотских и из звериных жил нитками платье, обувь, шапки, рукавицы и протчая.

21-е. О пении песен. Петь больше мужчины, нежели женщины, охотники. Однако, в песнях их слогу нет и поют то, что мыслят или глазам их встретится, то есть буде увидят лес — о лесе, воду — о воде, и птицу — о птице, человека — о человеке и тому подобное.

22-е. Во время случающихся своих проездов коль скоро на какую вземлетца в гору, то за благополучный свой выезд, вырвав из лошадиной гривы по несколько волосов, вешает на дерево в жертву диаволу, моля при том, что и впредь благополучно продолжать тот свой путь.

23-е. О болезни. Болезнями по натуре почти никаким не подвержены, разве по случаю от удара и тому подобных припадков. Впрочем весьма здоровы, лехки и проворны и из них очень мало в молодых летах умирают, кроме оспенной болезни, которую они называют поветрием, ибо прежде населения меж ими русских сия болезнь им не была знакома, от которой оне иногда весьма страдают. Кроме того, как мужской, так и женской пол, живут до глубокой старости и до конца оной к верховой езде способны.

24-е. О боязни больных и мертвых. Больных весьма боятся, ибо как скоро кто из них, даже не исключая жон и

детей, заболит оспою, то здоровые оставя их в юртах с нужною для них пищею уходят в дальняя по лесам места и живут недопуская к себе никою оттоле, где есть оспа. Кто ж умрут в юрте, то уже не живут в ней после, а остается пустою, либо сожгут оную.

25-е. О погребении вообще, а паче шаманов. Умерших их якутов и их княсцов хоронят просто в землю на пригористых местах более русскими за наем людьми, а шамана сами кладут поверх земли на лабазе, то есть в зделанном на столбах по росту анбарчике, лехковерно мысля будто он, не быв в земле, прямо пойдет к своему дияволу, которому в жертву vessают на дерево с убитой на сем месте жирной скотины кожу с головою и ногами, а лошадь с уздою — для его шамана на том свете езды, мясо ж, по ненадобности уже ему, сами едят на том месте, где погребают, а если богатой князец или голова равной тому пожелает чести, то оному зделана будет многих на его погребение, спрося жителей довольное тому число, ради угощения откажет убить скотины.

26-е. О невоздержном употреблении пищи. Обыкновенная их пища значит противу 14-го и 19-го пунктов, а когда случитца у кого какой-либо в добыче зверь или пропащая либо убитая скотина, то едят без устатку днем и ночью покуда оную не окончат, а есть ли же иногда случитца иметь пищу, то без крайней нужды живут дни по три по четыре и больше, не ея ничего, разве оставшие из прежде держенного мяса кости, избивши, переваривают, а хлеба вовсе не пекут.

27-е. Оружие, которым промышляют зверей и птиц. Оружие их природное лук и стрела, да длинной в аршин копье с черенями, нож, называемые у них пальма и (с) сим оружием и стрелами, которыми удачно стреляют, выходят они на звериный промысел. От русских же некоторые достали винтовки, которыми промышляют диких птиц и белку.

28-е. О торжественных веселиях и что тут происходит. Всякой год в одно время, то есть майя от 10-го июня по 20-е число, как уже обыкновенно исправитца их скот, наделав довольно кумыса, голова или князец, или кому из числа достаточных заблагорассудитца, пригласит к себе, во первых, шамана и весь свой обоего пола род, соберутца на избранное

место и этот то, один в году, как уже сказано в 2-м пункте, за даровоной милосердым могуществом в их скотоводстве плод, в знак благодарности и жертвы, на зделанной нарочито посреди юрты огонь, вокруг которого все первейшие в роде сидят мужья, взяв помянутой шаман большую стопу, по их званию аях, наполненную кумысом и оборотясь на восток льет трижды с коленопреклонением в чесь милосердаго творца; потом, оборотясь на полдень, затем и север, подобным же образом и с коленопреклонением льет трижды кумыса на тот же огонь ис той самые посуды, с которой и прежде в чесь всем дьяволам, которыя по их мнению во всех сторонах, кроме восточной, многочисленны находятца и которым тут же просит, дабы как полученными плодами, равно и всеми пожитками дозволили оне спокойно воспользоватца. По сей церемонии угощаютца все кобыльим мясом и мушины напиваются допьяна (как от простого мужики вина) кумысом, и наконец, мушины забавляютца конским рысканием и борьбою, донага раздевшись, а женщины нарядны в ето время в лутчее свое платье, взяв одна другую за руки поют и по своим песням вкруг пляшут, и сие торжесто называют оне исех.

На подлинном подписал коллежский ассессор Осип Матушевский

КОММЕНТАРИИ

¹ Поводом к составлению первого по времени документа послужил сенатский указ от 29.XI.1767 г. в Иркутск генерал-майору Фоме Фрауендорфу, который и потребовал на основании этого указа от якутской воеводской канцелярии присылки описания о народах, живущих в ее ведомстве.

Перед составителями описания стояли задания практического характера: для того, чтобы управлять народами, надо было представлять их образ жизни, т. к. народы эти должны были платить установленные с них доходы в государственную казну.

Как видно из текста, авторы описания до тонкости знали быт описываемых народностей, т. к. по должности значительную часть жизни проводили среди них.

² Описание 1785 г. начато было вследствие указа из Иркутского и Колыванского наместничеств от губернатора генерал-поручика Ивана Варфоломеевича Бриля, которому согласно высочайшему повелению было поручено собрать сведения о происхождении живущих в губернии племен, о их законах и обрядах. Особо оговаривалось одно важное обстоятельство — «описать... о каждом народе порознь». Такое разъяснение должно

было содействовать повышению качества намечаемой этнографической работы. Все собранные материалы Бриль должен был представить «на высочайшее благоусмотрение».

Однако требуемые описания от местных исправников не принесли ожидаемых результатов, т. к. в большинстве своем для людей, которым поручалось проделать эту работу, по их способностям и культурному уровню задача оказалась не по плечу. Среди прочих особо выделяется публикуемое описание Матушевского, который пользовался сведениями, собранными среди якутов от них самих, а также имел возможность пользоваться архивными документами.

Тексты к «Чертежам» исследователя Курильских островов Игнатия Козыревского

Иван Петрович
Козыревский

Иван Петрович Козыревский родился в 1680 г. в Якутске в семье казака. Его дед Федор был сослан в Сибирь в числе поляков, взятых в плен во время войны с Польшей. В 1700 г. сын Федора, Петр, с другими казаками был послан якутским воеводой Траурнихом на Камчатку. Он взял с собой сыновей Ивана, Петра и Михаила. В 1703 г. Петр Козыревский был убит при столкновении с коряками. В память о нем назвали левый приток реки Камчатки.

В 1711 г. Иван Козыревский, будучи рядовым казаком, вместе с Даниилом Анциферовым принял активное участие в казачьем мятеже, направленном против злоупотреблений местной администрации. В результате были убиты приказчики, в числе которых был известный землепроходец Владимир Атласов. Анциферов и Козыревский, по заявлению сына Атласова, Ивана, непосредственного участия в убийстве не принимали. Очевидно, этим объясняется то, что они избежали наказания (участников убийства казнили), и в 1711 г. их послали в трудную экспедицию на усмирение большерецких камчадалов и далее на обследование Курильских островов. Известны некоторые имена участников этой экспедиции: Данило Яковлевич Анциферов, Иван Петрович Козыревский, Алексей Посников, Матвей Дюков, Дмитрий Томской, Андрей Кутын, Алексей Меледин, Гаврило Келтяка, Василий Барашков, Лука Савинский, Алексей Михалев, Григорий Переломов и др., имена которых пока неизвестны. Первую экспедицию на Курильские острова возглавил Д. Я. Анциферов, который был в это время атаманом,

а Козыревский — его помощником, есаулом. Казаки собрали обстоятельные сведения о первом курильском острове Шумшу и объяснили его жителей.

Из сообщения Крашенинникова известно, что в феврале 1712 г. Данило Анциферов вместе с 25 служилыми людьми был заживо сожжен в балагане авачинскими камчадалами. Среди убитых были и другие участники первой экспедиции на Курильские острова: Матвей Дюков, Дмитрий Томской, Лука Савинский и Василий Барашков.

В 1712 г. Козыревский совершил второй поход для «проведывания» Курильских островов. По пути он объяснял камчадалов на реках Воровской и Кыкчике. Дойдя до южной оконечности Лопатки, экспедиция повернула назад. Одним из результатов экспедиции 1712 г. был составленный в том же году «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря».

В апреле 1713 г. Козыревский с 66 служилыми, промышленными людьми и камчадалами совершил третий поход для разведывания Курильских островов и «Апонского царства». На этот раз дальше второго курильского острова Козыревский отправиться не рискнул, т. к. уже надвигались осень и сильные ветры. Главная заслуга Козыревского на этот раз состояла в том, что он собрал ценные географические и этнографические сведения о Курильских островах. Подробные сведения по каждому острову в отдельности были описаны Козыревским на «Чертеже Морским островам», составленном уже в Якутске в 1726 г.

Из дальнейшей биографии И. П. Козыревского известно, что с 1714 г. в течение двух лет он был временным управляющим на Камчатке и много сделал для упрочения русской власти на этом отдаленном полуострове. Кстати, в 1715 г. был уже собран ясак с первых двух курильских островов. Тогда же он построил на реке Камчатке Успенскую пустынь. «Ради прибежища ко спасению беспомощным и престарелым и раненым служилым людям, которые не имеют нигде главы подклонить». В 1716 г. камчатский приказчик Петриловский «вымучил» у Козыревского пожитки и принудил его постричься в монахи.

Однако на Камчатке Иван, теперь уже Игнатий, Козыревский оставался недолго. В 1720 г. он был арестован и отослан в Якутск. Причиной ареста послужила ссора с братом Петром, который напомнил Ивану о его участии в убийстве приказчиков в 1711 г. В ответ на это Иван якобы

заявил: «Которые де люди царевубийцы, и те живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке приказчиков убивать». Трудно сказать, на какое царевубийство намекал Козыревский, возможно, на смерть царевича Алексея. В Якутске Козыревскому удалось оправдаться, и в 1721 г. он был уже в должности настоятеля Покровского, а в 1722 г. — Спасского монастыря. Находясь в Якутске в 1723 г., Козыревский открыл на реке Ботоме железную руду. Однако вскоре за присвоение монастырских денег и за посылку на Камчатку ведать духовными делами светского лица Козыревский был закован в цепи и содержался в Спасском монастыре. В 1724 г. он бежал из монастыря в Якутск, явился в воеводскую канцелярию и просил отпустить его в Москву, где он собирался рассказать о Курильских островах и о пути в Японию. В Москву его не пустили, а в Тобольск обо всем было сообщено. Самого же Козыревского держали «под караулом».

Летом 1725 г. проездом в свою первую экспедицию через Тобольск ехал Беринг. Их встреча состоялась 6 июня 1726 г., Беринг имел беседу с Козыревским, но с собой его не взял, т. к. маршрут экспедиции лежал не на юг, а на север Камчатки, да и Козыревский в это время был болен. Козыревский подал Берингу обстоятельное доношение с краткой историей завоевания Камчатки и Курильских островов, к этому был приложен «Чертеж как Камчатского носу, також и Морским островам, коликое число островов от Камчадальского носу до Матмайского и Нифона остров...». Ценность «Чертежа», кроме географических данных, состояла еще и в том, что на него были нанесены тексты исключительной исторической значимости. Кроме того, Беринг узнал, что пролив, который он ехал открывать, уже открыт русскими мореходами за 80 лет до него.

В 1727 г. по его просьбе Козыревский был включен в экспедицию Шестакова. Он построил на свои средства судно «Эверс» и отправился к устью Лены — в Ледовитый океан для разведывания земель, лежащих против устья этой реки. Известно, что отважный мореплаватель дошел до Сиктаха на Лене, побывал в море, но наступающая зима воспрепятствовала дальнейшему плаванию. В 1730 г. Козыревский едет в Москву и в челобитной, поданной Анне Иоанновне, развивает план христианизации народов Камчатки, дело, которое предлагает возглавить сам. После этого Игнатий Козыревский был повышен в сане (он стал

иеромонахом) и был назначен настоятелем Успенского монастыря на Камчатке. Однако в Москве вспомнили дело об участии Козыревского в убийстве камчатских приказчиков в 1711 г. Дело Козыревского было передано по инстанциям, его лишили сана, заключили в тюрьму. По настоянию Козыревского запросили подлинные материалы о нем из Нижне-Камчатска, Якутска и Тобольска. Через три года материалы подтвердили показания Козыревского о его косвенном участии в деле, но его уже не было в живых. Так, в 1734 г. в царской тюрьме умер выдающийся русский мореход, географ-исследователь Иван (Игнатий) Петрович Козыревский.

Тексты «Чертежа
Камчадальского носу»
монаха Игнатия Козыревского*

I. Тексты, нанесенные
вдоль западного берега п-ова Камчатки
(с севера на юг)

Против рек «Ича, Аглукомина, Крутогорова, Конпакова»: «На сих реках в прошлом 714 году в ясачной платеж призвал и ясак збирал, а в 715 году лучших иноземцев: Конпака, с Ычи Кыншу, с Аглукоминой уял Карымчю в аманаты взял. И оных иноземцов изменников и убойцов в прошлом 710 году умирить не могли воинскими походами. И о том ведает сын боярской Филат Чириков. А в 712 году хорюзовскому зборщику пятидесятнику Михайлу Шехурдину с товарищи ясаку не платили и жили самовластно с прошлаго 707 году, и многих служилых людей побивали».

Против рек «Воровская, Кол, Демтик, Кыкчик»: «С Воровской и с Кыкчика рек в прошлом 712 году разговором в ясашной платеж призвал и аманатов взял, и в Большерецком остроге посадил».

---

* Печатается по: Огрызко И. И. Открытие Курильских островов // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР: Уч. зап. ЛГУ. 1953. С. 167—207

Рядом, ближе к краю листа: «У подлинного чертежа подписано тако: К сему чертежу Камчадальской».

Против рек «Большая река, Опала, Голыгина, Амшилова она ж Шолоды, Явина она ж Шохожахойты, Озерная Пидпу»: «А с прошлого 711 году и в 712 и в 713 годах ходил в Камчадальской нос со служилыми людьми и с верными ясашными камчадалы землею и морем и ясак в казну вновь збирал, где прежде русские люди не бывали, и на ближних островах был».

Против реки «Большая река», ближе к краю листа: «И на показанной Большой реке острог и ясачное зимовье из за бою со служилыми людьми поставил и с бою аманатов взял и в вечной ясачной платеж привел. И с прошлаго 719 году состоялась быть морского пути с Ламы чрез море на Большой реке судовая пристань».

Против рек «Амшилова она ж Шолоды, Явина она ж Шохожахойты», ближе к краю листа: «Да с розбойной же бусы иноземцов трех человек Ширюкея, Тиски, Сана по разным рекам брал в показанных годах (имеются в виду 1711, 1712, 1713 годы.— К. Ц.), в том же числе и выкуп дал за одного».

На южной оконечности Лопатки: «Сего верст на десять тысяжных будет, а ширина у самой Лопатки сажень ста четыре». Южнее Лопатки: «Полдень».

Рядом с Лопаткой: «Первой перелев. В легких судах своею силою, на скоре можно до обеда из утра в перед и назад сходить. А иноземцы сказывали: против сего перелеву например шириною и в перед таковы ж есть, но токмо до Итурпы острова три перелева широки, которые подписью объявил на чертеже при сем же».

II. Тексты, нанесенные вдоль восточного берега п-ова Камчатки (с севера на юг)

Против рек Камчатка, Чамжа, Кроноцкая, Озерная: «В прошлом 717 году по обещанию я монах на пустом месте вновь трудами и коштом своим со своими дворовыми и погромными людьми ради прибежища ко спасению беспомощным и старым и дряхлым и раненым служилым людям, которые не имеют нигде главы подклонить и желал оной

пустыне в Камчадальской землице быть монастырем и божий церкви во имя пресвятые богородицы, что в Киево-печерском монастыре. И ради оного к строению шел я с прошением ко архиерею божью ради благословения в Тобольск, також ради объявления и челобитья. И будучи в Якуцку в прошлом 720 году, в сентябре месяце, Якутского спасскаго монастыря всечестный отец архимандрит Феофан удержал и по многократном моем прошении не отпустил. И о том пространно показано в Якуцкой воеводской канцелярии в бытность градоначальника стольника и воеводы Ивана Ивановича Полуектова в доношении моем, в котором и прежние доношения и отписка упомянуты, також и о подписках моих и о прошении в Тобольск, а наипаче в Святейший правительствующий духовный синод о неотпущении показано о том. Також против доношения рентмейстера Ивана Шангина в допросе моем объявлено в Якуцкой же воеводской канцелярии, и о приискной вновь доброй железной руде из которой родится железо и укладе и о прочем показано ж».

Против рек «Шемячик, Березовые»: «Меж сими реками, оставя бусу, в шлюпке нифонцы выехали на землю, и в то время неприятельские иноземцы в полон взяли и одного убили».

Южнее губы «Калигерская губа», против мыса «Камень»: «На сем носу в прошлом 710 году в апреле месяце бусу розбило пустую, понеже что было у них, то все в море сами они иноземцы сбросали. И носило четыре месяца. А бусу на море видели еще в марте месяце как носило». Ближе к краю листа: «Восток».

Против «Авачинской губы» и южнее ее: «В прошлом 715 году по сему берегу и к носу вновь ясак брал и воинскими походами иноземцов на Аваче и на Муре реке умирил и лучшего князца Аванчинского Ликушку с товарищи в аманаты служилыми и промышленными людьми взял. И о том зборе свидетельствуют ясачные за моею рукою книги, которые писаны на бересте и обретаются в Якутской воеводской канцелярии».

Против рек «Малкова, Ашача она ж Муры» и расположенного между устьями этих рек мыса «Камень»: «На сем носу в прошлых годах бусу ж розбило. И с оной бусы вывез в Якуцк одного иноземца камчадальской прикащик сын боярской Тимофей Кобелев. А с чем была про то не явно, токмо лес видел бусеной в строении у иноземцов».

Против рек «Ашача она ж Муры, Апалючь»: «Да в вышеписанном же году в 715 посылал Федора Балдакова со служилыми в Камчадальской нос и на ближние острова с Авачи морем в байдарах ради ясачного збору, с которых я в прошлом 713 году вновь одиннадцать пластин красных лисиц да две выдры в пластинах же в казну блаженной и вечнодостойной памяти его императорскому величеству собрал».

III. Тексты, нанесенные на самый полуостров (с севера на юг)

По нижнему течению реки Камчатки. Ниже устья Еловки, по правому берегу реки Камчатки: «Нижней Камчадальской острог».

Ниже по течению, по той же стороне: «церковь». Еще ниже: «часовня и кельи, мое строение с началу». Недалеко от этих текстов: «Горит горелая сопка камень».

По среднему течению реки Камчатки. По правому ее берегу (вверх по течению): «Колбачик, Федотовщина, зимовья два были, Шапина, Кытылгина».

По левому берегу реки Камчатки, против устья реки Федотовщины, рядом со словами «зимовья два были»: «В прошлых годах из Якуцка города морем на кочах были на Камчатке люди. А которые у них в аманатах сидели те камчадалы и сказывали. А в наши годы с оных стариков ясак брали. Два коча сказывали. И зимовья знать и до ныне».

Рядом у реки Козыревской: «Река прозвищем Козыревская. С началу иноземцов в ясак призвал отец мой Петр Козыревской».

По верхнему течению реки Камчатки. По левому ее берегу: «Верхней острог. Авачинские и Пенжинского моря аманаты в сем же остроге».

Далее растянутой строкой показана дорога: «На Аглукомину».

Нанесена, но не названа речка, впадающая в Камчатку слева, выше Верхнего острога. Своим верховьем речка подходит к реке Конпаковой, и здесь же текст: «По сей реке на Воровскую и на Конпакову путь летом и зимой».

Еще выше текст протянутой строчкой до Большой реки: «Путь из Верхняго на Большую реку зимою и летом».

В промежутке между верховьем Камчатки и восточным берегом полуострова: «Шипун. В сих урочищах двух человек нифонцов Киста, Китара служилые люди взяли, а я в то время морем шел и якори четыре из моря вынял и на земле в удобное место положил. А ныне где оные: или иноземцы нашли и взяли — и о том не ведаю».

У реки «Вавача», впадающей в «Вавачинскую губу»: «На Авачине и в губе в прошлом 707 году на Аваче и в других местах ясашных зборщиков Афанасья Поповцова с товарищи побили. А в 708 на вылазках и на приступах многих служилых людей под острогами своими побили ж. А в 712 году походных в феврале месяце Данила Анцифорова с товарищи всех побили».

Ближе к Лопатке: «Озеро, вокруг каменье высокое и речки».

Этим заканчиваются тексты, нанесенные Козыревским на полуостров.

Тексты «Чертежа морским островам» монаха Игнатия Козыревского

«Остров первой Шумчю».

«На сем острове живут иноземцы званием Курила, и на дальние острова которые ходят и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяются на коленках, тако ж из дальних островов приходят ради покупки бобров, и лисиц, и орлов, и орлового перья».

«Сей перелев например версты две или меньше тысяшных».

«Уяхкупа остров великая и высокая сопка. С Большой реки, с устья в тихое время видеть. А люди не живут, только с первого и другого острова приезжают ради промыслу. И носовые иноземцы бывают и земной плод — сарану и коренья копают, и птицу промышляют, и зимуют, також и морских зверей».

«Остров второй Пурумущир».

«Живут иноземцы, что и на первом острове. Язык имеют один и веру, и кропивные товары делают, и отчасти кам-

чатое и дабинное покупают. На дальные острова ходят, и з дальных островов приходят иноземцы с товарами шелковыми и бумажными, також привозят котлы и сабли, а у сабель круги медные, обогнуты края кованым серебром, и всякую посуду левкашенную. И к воинскому делу курила зело искусны: поступают о трех боях, имеют луки со стрелами, копыя и сабли, и в куюках. И на сем острову у пристани, откуда походят на Мушу остров, дали иноземцы бой крепкой и на разговор не дались, и ушло двенадцать байдар, а другие со служилыми бились крепко до меня и отбили пять байдар, а иные прежде нашего приходу за год ушли. И с сего острова в сентябре м-це в прошлом 713 году назад возвратился на Большую реку».

«Сей легкими байдарами наскоре до полудни, а с грузом с женами и с детьми день ходу в тихое время».

«Малой остров Сиринки. Люди не живут, токмо ради промыслов приезжают (что и на большую сопку) морских зверей и бобров, и земнаго плоду и птицы».

«Остров третей Муша, он же Онникутан».

«Живут иноземцы, что и на другом острову,— те ж Курила. И остров столь же велик. И кропивные товары делают, бобры и лисицы промышляют. А соболей на сих трех островах нет. И на побочные острова ради промыслу с сих островов ходят. Також и на дальные острова и на Камчатскую землю ради покупки бобров и лисиц и прочаго. И многие Большой реки язык знают, понеже с носовыми иноземцами торгуют и женятся».

«Сей уже, и с грузом к полудни переходят».

«Малой же остров Кумива. Люди не живут, и ради промыслу приезжают, что и на большую сопку. На сем острову служилые были, которых я посылал, были в погоне, которые дали бой и ушли с другога острова на Мушу остров, а иные врознь по островам, и другие в камень и на горы в лес».

«Остров Араумакутан, горит и люди не живут».

«И сей таков же».

«Остров Сиякутан».

«На сем острову малые люди живут, понеже с дальних островов встречают и своих людей провожают, и перелев широк, на-легке вешним временем едва могут в судах к половину дни перегрести, а с грузом, с женами и с детьми целой день на Шококи остров переходят».

«Малой остров Игайту. Люди не живут».

«Остров Шококи. Остров Мотого. Остров Шашово. Остров Ушиширь».

«Меж сими островами перелевы нешироки. Скорым путем в легких байдарах ходят иноземцы скорее полдня, а с грузом в полдень и позже, а инной и ранее. Но токмо трудно мелкими судами — быстрина в пролевах великая на упалой и прибылой воде и сулои великие бывают. А по скаскам же иноземским многие в сулоях и тонут. И когда бывает ветер, то относит в море и погибают. Того ради проходят взад и вперед весною рано в тихое время, а летом поздно некоторыми делы мелкими их иноземскими байдарами нельзя. И люди не живут, разве кого невремя захватит осеннее и ветры».

«Да сказывали ж полонные островные ж иноземцы, большими де судами ходят парусами и на большую землю в город возят камень и копают в земле нифонцы, а какое камень и того толмачи камчадалским языком перевести не знают, понеже никаких руд не видали, а откуда и в какой город оное камень возят, и о том недоумением не спрашивал, понеже и я никаких руд не видал, и не знаю, кроме железной. И тое железную ныне ж по выходу с Камчатки узнал и приискал вновь на посторонней реке Ботоме, выше Покровского монастыря в Якуцку. И в прошлом 723 году во сто пуд в подряд тритцать шесть рублей денег из казны блаженной и вечнодостойной памяти его императорского величества взял и о том явно в Якуцкой воеводской канцелярии».

«Остров Машаучю. Приезжают с Сияскута острова и с третьяго ради промыслов и земного плода. А у промыслу захватят ветры и осеннее время и зимуют на сем острову».

«Остров Китуй».

«На сем острову камыш растет. Вода убудет, то сухо бывает. И камышевые у иноземцов стрелы я брал».

«Остров Шимушир».

«На сем острову живут Курила те ж что и на другом и третьем острову. А величеством малым больше оных островов, но токмо людей больше, и язык и вера одна, и конечной остров курильского роду. И с сего острова на Итурпу остров перелев малым пошире вышепоказанного. И с грузом и с женами днем перегребают, а налегке и скорее».

«Остров Чиркуй. Великая сопка, против проливы стоит.

А приезжают ради промыслу с Шимушира, Итурпы островов. Зверей морских и птицу промышляют же. И сказывали на сем острову бусу розбило, а людей в Матмай на выкуп отдали».

«Остров Итурпу».

«Живут иноземцы, свой род званием гых курила, а матмайским и нифонским языком Езо, называл тако полонянин урожением города Кинокуни званием Сан, которой был со мной на островах, а сего острова уроженца званием Шитаная полонил я с другими иноземцами на другом острову. И сказывал он: на сем острову людей многое число, и язык и вера своя, и всякие звери и лесные медведи и другие, и всякой лес большой и реки, и на устьях у рек отстой морским судам можно быть. А на показанных островам лесов больших и рек и добрых отстоев большим судам нет до сего острова. А к воинскому делу жестоки: поступают о трех же боях, что и на первых островах, но токмо жесточае и искуснее. А на разговор больше даются».

«На сих трех островах (Итурпу, Уруп, Кунашир – К. Ц.) многое число Камчадальской земли уроженцов обретается у них в холопстве, також и в Матмае городе есть де мужеска полу и женскаго. И называл показанной Шиманай своим языком Матмайского города владетеля Матома Уйтон, а на Нифоне острове большого владетеля Камуй. И оной де Камуй матмайскому владетелю велит с нами поволно торговать а ясаку де по вашему с нас не берут. Понеже я на первом и на другом острову и в Камчадальском носу с самовластных показанных курил в том походе ласкою и приветом, а иных воинским порядком, вновь в ясачной платеж привел и в казну блаженной и вечнодостойной памяти его императорскому величеству одинадцать пластин красных лисиц да две выдры в пластинах же собрал. И о том зборе ведомо в Якуцкой воеводской канцелярии».

«Сей перелев не широк. Такой же и другой».

«Остров Уруп».

«Живут те ж гых курила, что и на Итурпе острове; и головы бреют, и кланяются на коленках, и вера обычай один и язык; и кропивные товары ткут, а шелковые и бумажные покупают на Кунашире острове; и носят платье по своей вере с нашивками разных цветов; и к камчатской стороне с покупными товарами ходят: на первой и другой остров бывают многие большими байдарами, и купят бобры и лисицы и прочее, и орлы, и перья покупают же».

«Остров Кунашир».

«Живут иноземцы те ж, что и на Итурпе и Урупe; и вера одна, а язык один или свой имеют и о том не уведомился; и на Матмайской остров ходят на котором стоит город Матмай, и с Матмайского к ним приходят с городовыми товарами и торгуют. И сей остров больше Итурпы и Урупа и многонароден. А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет и о том в достаток не уведомился. А итурупинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют повольно. А с Кунашира на Матмайской остров о перелевной ширине не уведомился за забвением».

«Матмайской остров».

«На сем концу стоит Матмай город по край проливы, а по скаскам полоненных иноземцов Кистя, Ширюкея, Сана и других построен вновь не из давних лет, а которые люди явятца в каких винностях и тех с Нифона острова ссылают в Матмай город в ссылку. И Матмайского города жители всякое ружье при себе имеют ради оберегательства, а в городе пушки, и ружье и всякой снаряд. И меж Матмайским и Нифоном островами в проливе с обоих земель прилегли носы, и когда бывает ветер боковой, а вода прибывающая или упавшая, и тогда в пути бусам их великая нужда, а иногда и разбивает, понеже против де носов нешироко и место каменное де. О означенном сим письмом таковым образом объявлял вышеписанной Кисть, Матмайской остров на полуострове к Камчатской стороне и сказывал, что де иноземцы их званием Езо с Матмайского и с других островов приходят в Матмай город с рыбою и с китовым жиром и кожами звериными и знаются Матмайского города с жителями и по своему языку с ними говорят и к ним из Матмая ходят. И мы де нифонцы далее Матмая в Сиверную сторону на иные острова не ходим».

«Город великой званием Шендай, владение ж особое, а владетель — родственник нифонскому царю. И от того города есть на море к государству остров, на которой люди их съезжаются ради мольбища и привозят дары: золото и серебро и другие вещи. И множество де онаго имения обретается, и ежели кто от того украдет и тому скорое обращение бывает: жилы станет корчить и тело сохнуть. А ежели кто и забвением учинит или на ногах принесет и тем обличение бывает. Того ради имеют особое на себе одеяние ради моления, а как возвратятся к судам, и оную

одежду снимают с себя и прилипший прах отрясают и облачаются в иную одежду.

Стоит город близ моря званием Нанбу, особое ж владение подданное, и которые морские бусы ходят в Матмай и в другие города из государства их званием Фуней и сего города не минуют, понеже в проливе стоит.

Народ острова сего Нифона на пищу себе коров не бьют и мяс их не едят, и ружья при себе держать им не повелено, кроме сабель, и то у знатных людей, також и торговым людям не велено ж, которые ходят и морем. А в службу де выбирают великовозрастных людей и обучают по своей обыкности в особливом городе и тогда приводят в государство.

А к воинскому делу зело неискусны и боязливы. Которые у меня в полону были, когда увидят человека кровава и тогда падут на землю или глаза руками закроют, и про других своих людей також сказывали.

Да близ де великой губы к государству есть остров караульной, которого не могут миновать морскими судами, и караул стоит крепкой, и приходящих в государство и назад из государства осматривают накрепко: вначале людей и ружья и выписи на товары дают, а ежели найдут ружье и другое что, то без остатку обируют, а торговым указ чинят. А вышеописанное мольбище на сем острову или на ином, о том в достаток не уведомился, или близ моря стоит. Також и по земле по дорогам многие караулы стоят: близ государства торговых и всяких людей накрепко осматривают».

«На сей стороне за перелевом от Матмайского острова стоит город званием Цынаду — особое владение, подданное Нифонскому государству их языком. И приходят с большой земли с Западной стороны из китайских городов и из других владений и городов с торгами, и путь морем в государство, а другой землею: ездят в полмесяца.

А войны из давних лет у них на Нифоне острове меж большими и другими владельцами и нифонским и узакинским не сказывали, но токмо мир меж собою имеют и торги водят. В полуденной — в подданстве узакинскому, а во востоке и сивере — нифонскому. А все ли владельцы в подданстве или не все ко оным большим государствам, о том в достаток не уведомился, понеже полоненные мною и служилыми людьми нифонцы русскому языку в достаток не навыкли, також и я большим разговором и поступка не

заобыкновенен и прежде того иностранных государств людей не видел и обыкности не знал и ныне не ведаю таких порядков, как с начальными людьми государственными поступать надлежит.

А именно оные полоненные нифонцы сказывали: всех де особливых владельцев у них на Нифоне острове близ седи-мидесять, у которые города каменные и малые пригородки под ними. Да у них же на Нифоне острове обретается великий властитель, например, по нашему папа или ин кто, званием Фанно Сома, и оному поклоняются большие их цари и владельцы и весь народ, и честь воздают по нашему, что богу. Или оной Фанно Сома бог их о том в достаток не уведомился, и порядков и вопросам не знал, а и полоненные иноземцы были не начальные люди, токмо в работе из най-му ходили чья буса была».

«Государство стоит в великой губе морской над рекою званием их Эдо общим называют Нифонское, а люди называются нифонцы. А от моря по реке не в дальном разстоянии стоит, и морские суды не подходят и стоят на усть-реки, а возят товары мелкими, на то устроенными особливыми судами, а приходят и отходят безпрестанно, понеже зимы нет, в полдень в Узаку, а в сивер к камчатской стороне, к Матмаю и в другие города. А каменных городов в государстве два, на которых по стенам и по башням пушки и караул крепкой и всякое ружье огненное. И царя своего не видают, а когда бывает ему ход и в то время падут на землю и смотреть не смеют же. А звание оному царю Кубо Сома Танка. И другие владельцы в государстве при нем живут, а в свои места и города посылают от себя ради управления наместников. А вокруг де Нифона острова на их бусах морем скорым путем едва можно де годишным временем обойти. О означенном на сем чертеже о всем в начале сказывал один иноземец Кисть и выдавал всей своей земле чертеж с подписанием их грамоты. И о том другие товарищи ево спознали и учинилась меж ими великая вражда. И больше сего, что я монах на сем чертеже своеручно объявляю, и после того оной иноземец больше не сказывал и письменно не объявлял. А вначале о звании царей оной Кисть тайным обычаем сказал, а по объявлении онаго и другие его товарищи сказывали ж».

«Из Кинокуни города ходили в государство оные иноземцы Кисть, Китара, Ширюкей, Тиски, Сан — всех четырнадцать человек с торгом, а имянно с лесом, и продав лес

купили вино, табаку, гороху и возвратясь, своего города недошед дни за три, и отнесло ветром в море, а хозяин из государства горою в свой город уехал. А как их отнесло от земли, и стало на море бить волнами, и они дерево срубили и со снастями опустили, и якорь с шеймою потеряли. А оные люди были работные из найму.

В особливой в губе ж морской близ моря стоит город великой званием Иши, особливое ж владение, а владетель званием Уал Соме подобен нифонскому Кубо Соме.

Особливо ж владение — город Кинокуни.

Да меж сими городами стоит город званием Иманву.

Из Нифонского в Узакинское государство горою ходу сказывали полтора месяца, а морем в два и три и в один месяц бывают, понеже морской путь не равно.

А узакинскому царю звание Кубо Ноками Тенка. И во оное государство приходят из других государств и из Китайского государства, понеже из полоненных показанной Кисть в Узакинском государстве бывал и видал других государств торговых людей и морские их суды, и сказывал в Узаке де многое число всяких вещей обретается серебро и медь и шелк родится и всякие дорогие добрые товары делают.

Да на их же земле на высокой горе например по нашему будто монастырь великой, в котором обретается по их вере множество церквей и домов и безчисленно богомольщиков чернцов, которым и жалованье присылается от их царя, и всякие люди за моление им дают.

А хлеб у них родится по трижды в год; а овощ и всякой земли плод безпрестанно; а табак сеют и множество родится и делают; а шелковые и бумажные товары делают, ткнут мужики и бабы и оттого одежду имеют и торгуют».

С. П. Крашенинников

Описание земли Камчатки

Степан Петрович
Крашенинников

Степан Петрович Крашенинников родился в 1711 (1713) г. в Москве, в семье солдата Преображенского полка.

С 1724 по 1732 г. С. Крашенинников учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве, где в своих знаниях естественных наук, географии, истории значительно превосходил своих товарищей. Академия в то время была первым высшим учебным заведением. Ее окончили Ломоносов, зодчий Баженов, многие замечательные русские просветители.

В 1732 г. С. Крашенинникова определили в Академию наук для совершенствования знаний, и уже в 1733 г. он был отправлен в числе лучших учеников в экспедицию В. Беринга на Камчатку.

С 1733 по 1737 г. Крашенинников работал в Сибири, под руководством ученых Миллера и Гмелина, а с 1737 по 1741 г. занимался исследованием Камчатки.

В 1743 г. Крашенинников возвратился в Петербург, а 22 июня 1745 г. он был единогласно избран конференцией Академии наук в адъюнкты натуральной истории (примерное современное соответствие: члену-корреспонденту). На том же заседании был избран профессором (т. е. академиком) М. В. Ломоносов. Позднее, в 1755 г., Крашенинников при поддержке М. В. Ломоносова был назначен профессором натуральной истории и ботаники Академии.

Классический труд С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» был напечатан уже после его смерти. Во Вторую Камчатскую, или Великую Северную, экспедицию

был включен, тогда еще студент, С. Крашенинников в ту ее часть, задачей которой было исследовать и описать малоизученные территории Сибири и Камчатки.

Участники экспедиции получили от Академии наук инструкции для работы. В отношении студентов были точно определены их взаимоотношения с профессорами, которые обязаны были их обучать и следить за работой, чтобы сделать из этого молодого поколения будущих ученых. Работа Крашенинникова в экспедиции имела три основных этапа. Первый — с 1733 г. до июля 1737 г., когда он работал под руководством академиков Миллера и Гмелина и написал первые научные работы по заданию Гмелина.

Второй — с июля 1737 г. до середины 1741 г. — самостоятельная работа на Камчатке.

Третий — с 1741 г. работа в Охотске — Верхотурье, куда он приехал в 1742 г.

Первая самостоятельная работа Крашенинникова — описание пути от Кузнецка вниз по Томи до Томска в 1734 г. Эта работа была одной из составных частей коллективного описания отдельных мест Западной и Восточной Сибири. В этой работе он выступил как серьезный исследователь-географ и этнограф.

«Дорожный журнал» Крашенинникова был напечатан в 1734 г. и велся до марта 1736 г., впоследствии был назван «Дневник путешествия 1734—1736 года». И хотя «Дневник» не был связан официальным отчетом, но содержал материалы о быте, обрядах, занятиях, устройстве юрт народностей Сибири, а также о быте русского населения в Томске, Красноярске, о русско-китайской торговле в Кяхте и другие интересные сведения.

Все эти материалы используются современными исследователями. «Дорожный журнал» — это рассказ о путешествии экспедиции в Кузнецк, Томск, Енисейск, Красноярск, Канск, Удинск, Иркутск, Селегенск, Нерчинск, Аргунск, Читу, Баргузин, Верхоянск.

20 июля 1735 г. Крашенинникова отправляют в первую самостоятельную экспедицию для обследования целебных источников на реку Онон. По пути он разведает о соляных озерах на реке Борзе, дал описание минералов, флоры и фауны, описание «теплых вод» и лечение ими местного населения. Путь в 997½ версты он проделал за 16 дней на лошадях и плотах.

В 1736 г. Крашенинников получил большое самостоя-

тельное задание: обследовать в Забайкалье целебные источники, изучить архив Баргузинского острога. Экспедиция длилась 4 месяца, путь составил 1104 версты от Иркутска через Голоусное зимовье, Посольский монастырь, Кабанский, Ильинский, Итанцинский остроги на реки Турки, Горячая, в Лиственничное зимовье и Баргузинский острог. Путь шел по южному и восточному побережью Байкала.

«Рапорт» Крашенинникова давал подробный отчет о проделанной работе, а «теплые воды» были написаны на латинском языке. По дороге он изучал жизнь, язык и нравы бурят, составил «реестр» на деревья, зверей, птиц и рыб.

Из Верхоленска он поплыл по Лене, где наблюдал ее течение, и, приехав в Тутурскую слободу, написал «Реестр присудным деревьям» — последнюю работу в этой экспедиции. В августе 1736 г. его отправляют вверх по течению Витима, и на речке Колотовке он обследовал месторождения слюды, а на реке Кептендей исследовал «соляные ключи». На Витиме и Алекеме он собрал материалы к статье «Соболиные промыслы», здесь автор рассказал о жизни и повадках соболя, организации и технике промысла, о суевериях, связанных с этим зверем.

В июле 1737 г. Крашенинников отправился из Якутска в Охотск и на Камчатку, итогом было «Описание дороги от Якутска до Охотского острога» — единственное исчерпывающее описание важнейшего тракта. Путь был равен 578 верстам, проделан за 47 дней. Изучение бурят в Восточной Сибири было началом Крашенинникова-ученого. В октябре 1737 г. Крашенинников отплыл на Камчатку из Охотска на судне «Фортуна». Путешествие длилось 4 года, молодой исследователь 8 раз пересек полуостров, путь по Сибири и Камчатке, по его собственным неполным подсчетам, составил 25 773 версты. 1337 дней пребывания на Камчатке были настоящим подвигом. Во время переезда из Охотска на Камчатку старое судно «Фортуна» дало течь. Спасаясь от гибели, экипаж и пассажиры выбросили за борт значительную часть груза, в том числе ящики с продовольствием и чемодан с личными вещами Крашенинникова. Оставшегося хлеба хватило ненадолго, поэтому пришлось питаться тем же, что и местное население, — рыбой, часто без соли, а на хлеб не было денег. Первое же жалованье Крашенинников получил спустя два года, в 1740 г., но и на него прожить было трудно. Но молодой

исследователь продолжал успешно работать, соединяя в себе одним целую комплексную экспедицию.

В конце 1742 г. он возвратился в Петербург. В 1748 г. он занялся обработкой материалов для уникальной книги «Описание земли Камчатки», которая принесла ему мировую славу. Позднее Крашенинников написал работу «Речь о пользе наук и художеств», труд, вытекающий из наблюдений жизни народов Севера и Камчатки. В нем подчеркивалась мысль о первоисточниках человеческой культуры — культуры наших пращуров. Рассуждения о бытии человека приближают его к материалистическому пониманию истории. Так же, как и М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников был выходцем из народа и к званию академика прошел тяжелый путь. Он был патриотом своей Родины, и все помыслы его были направлены на развитие русской науки и культуры. Материально он был настолько беден, что после смерти его семья, семья крупного ученого XVIII в., оказалась необеспеченной. Степан Петрович Крашенинников умер 42 лет в 1755 г.

Описание Камчатки*

О Камчатке и о странах,
которые в соседстве
с нею находятся

О Камчатской земле издавна были известия, однако по большей части такие, по которым одно то знать можно было, что сия земля есть в свете; а какое ее положение, какое состояние, какие жители и прочая, о том ничего подлинного нигде не находилось. Сперва мнение было, что и земля Ессо соединение имеет с Камчаткою, и почиталось небезосновательным чрез долгое время, потом явилось, что между помянутою землею и Камчаткою не токмо морской пролив есть, но и островов много. Однако в определении ее положения и от того не воспоследовало никакой исправности, так что даже до наших времен по однем токмо догадкам представлялась она на картах с превеликою ошибкою, о чем свидетельствуют самые карты не токмо

---

* Печатается по: Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

прежних веков, но и недавно сочиненные. В самой России начали знать о Камчатке с тех пор, как она приведена в подданство. Но как всякого дела начало несовершенно, так и первые об ней известия недостаточны и неисправны были, что однакож некоторым образом награждено от двух бывших в те места экспедиций, а наипаче от последней: ибо при том случае морскою командою не токмо описаны берега вокруг Камчатки с восточную сторону до Чукоцкого носу, а с западную до Пенжинской губы и от Охоцкого до реки Амура, но исследовано и положение островов между Япониею и Камчаткою, и между Камчаткою ж и Америкою. А академическою командою определено точное положение Камчатки чрез астрономические обсервации, описаны тамошние места по всем обстоятельствам как до натуральной, так и до политической истории принадлежащим, из которых сообщаются здесь токмо те известия, которые касаются до географии и до политической истории, а прочие их наблюдения со временем изданы будут в особливых книгах.

О положении Камчатки, о пределах ее и о состоянии вообще

Камчатскою землею и Камчаткою просто называется ныне оной великой мыс, которой составляет последней предел Азии с восточную сторону, и от матерой земли в море около семи градусов с половиною с севера на юг простирается.

Начало сего мыса полагаю я у Пустой реки и Анапкоя, текущих в ширине $59^{\circ}1/2$, из которых первая в Пенжинское, а другая в Восточное море устьем впадает. 1. Для того, что в тех местах земля так узка, что, по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно, а дале к северу земля становится шире: чего ради узкое сие место, по моему мнению, можно почесть за начало перешейки, соединяющего Камчатку с матерею землею, 2. что присуд камчатских острогов токмо до объявленных мест простирается, 3. что северные места за тем пределом Камчаткой не называются, но более принадлежат к заносью*,

* Заносьем называются места от Анадырска к Камчатке лежащие, в том числе и самой Анадырск; для того, что оные, следуя из Якуцка, по ту сторону Чукоцкого носа находятся.

под которым именем Анадырской присуд заключается. Впрочем не совсем опровергаю и то, что подлинное начало сего великого мыса между Пенжиною рекою и Анадыром почитать должно.

Южной конец Камчатского мыса называется Лопаткою по некоторому сходству с человеческою лопаткою и лежит в ширине $51^{\circ}3'$. Что же касается до разности длины между Санктпетербургом и Камчаткою, то по астрономическим наблюдениям усмотрено, что Охотск от Санктпетербурга отстоит на $112^{\circ}53'$ к востоку, а Большерецк от Охотска на $14^{\circ}6'$, к востоку ж.

Фигура Камчатского мыса заключаемого в объявленных мною пределах несколько подобна эллиптической, ибо оной мыс на середине шире, а по концам гораздо уже. Самая большая ширина его между устьем Тигеля реки и Камчатки, которые вершинами вместе сошлись посредством реки Еловки, и текут в одной ширине, на 415 верст почитается.

Море, окружающее Камчатку с восточную сторону, называется Восточным океаном и отделяет Камчатку от Америки, а с западную Пенжинским морем, которое от южного конца Камчатского носу и от Курильских островов имеет свое начало и между западным берегом Камчатки и берегом Охотским более тысячи верст к северу простирается. Северной его конец или култук свойственно называется Пенжинскою губою по впадающей во оную реке Пенжине. И так сия земля в соседстве имеет с одну сторону Америку, с другую Курильские острова, которые к южно-западной стороне грядю лежат до самой Японии, а с третью сторону Китайское царство.

Камчатской мыс по большей части горист. Горы от южного конца к северу непрерывным хребтом простираются, и почти на две равные части разделяют землю; а от них другие горы к обоим морям лежат хребтами ж, между которыми реки имеют течение. Низменные места находятся токмо около моря, где горы от оногo в отдалении, и по широким долинам, где между хребтами знатное расстояние.

Хребты, простирающиеся к востоку и западу, во многих местах выдались в море на немалое расстояние, чего ради и называются носами: но больше таких носов на восточном берегу, нежели на западном. Включенным между носами морским заливам, которые просто морями называются, всем имена особливые, как например: Олюторское море, Камчат-

ское, Бобровое и прочая, о чем ниже сего при описании берегов обстоятельнее будет объявлено.

Почему сей мыс Камчатским прослыл, тому причина показана будет при описании камчатского народа, а здесь объявлю я токмо то, что ни на каком тамошнем языке никакого нет ему общего названия, но где какой народ живет, или где какое знатнейшее урочище, по тому та часть земли и называется. Самые камчатские казаки под именем Камчатки разумеют токмо реку Камчатку с окрестными местами. Впрочем, поступая по примеру тамошних народов, южную часть* Камчатского мыса называют Курильской землею по живущему там курильскому народу. Западной берег от Большой реки до Тигиля просто Берегом. Восточной берег состоящей под ведением Большерецкого острога Авачею по реке Аваче. Тот же берег присуду Верхнего Камчатского острога Бобровым морем по морским бобрам, которых там больше других мест промышляют, а прочие места от устья Камчатки и Тигиля к северу Коряками по живущим там корякам; или восточный берег Укою по реке Уке, а западной Тигилем по реке Тигилю. Чего ради, когда говорят на Камчатке ехать в берег на Тигиль и прочая, то все места, которые под теми именами содержатся, разуметь должно.

Что касается до рек, то Камчатская земля ими весьма изобильна, однако таких нет, по которым бы можно было ходить хотя мелкими судами, каковы например большие лодки или заисанки**, которые в верх-иртышских крепостях употребляются. Одна Камчатка река судовою почесться может: ибо она от устья в верх на двести верст или более столь глубока, что морское судно называемое коч, на котором по объявлению тамошних жителей занесены были в те места погодою российские люди еще прежде камчатского покорения, проведено было для зимованья до устья реки Никула, которая ныне по имени бывшего на объявленном коче начальника Федота, Федотовщиною называется. Впрочем знатнейшими из всех тамошних рек, кроме Камчатки, почитаются Большая река, Авача и Тигиль,

---

* В некоторых отписках и грамотах Камчатская земля от Камчатки реки к югу до Курильской лопатки пишется Камчатским носом.

** Заисанками называются от озера Заисана, чрез которое течет Иртыш река.

на которых по способности заведено и российское поселение.

Изобильна же Камчатка и озерами, особливо по реке Камчатке, где такое их множество, что в летнее время нет там проходу сухим путем; в том числе есть и великие, из которых знатнейшие: Нерпичье озеро, что близ устья реки Камчатки, Кроноцкое, из которого течет река Кродакыг; Курильское, из которого течет река Озерная и Апальское. Что касается до огнедышащих гор и ключей, то едва может сыскаться место, где бы на толь малом расстоянии, каково в Камчатке, такое их было довольство; но о сем в своих местах объявлено будет пространнее.

О выгоде и о недостатках Камчатки

О состоянии Камчатки трудно вообще сказать, недостатки ли ее больше, или важнее преимущества. Что она безхлебное место и не скотное, что великим опасностям от частых земли трясений и наводнений подвержено, что большая часть времени проходит там в беспокойных погодах, и что напоследок одно почти там увеселение смотреть на превысокие и нетающим снегом покрытые горы, или живучи при море слушать шуму морского волнения, и глядя на разных морских животных примечать нравы их и взаимную вражду и дружбу, то кажется, что она страна больше к обитанию зверей, нежели людей способна. Но ежели напротив того взять в рассуждение, что там здоровой воздух и воды, что нет беспокойства от летнего жару и зимнего холоду, нет никаких опасных болезней, как например моровой язвы, горячки, лихорадки, воспы и им подобных; нет страху от грома и молнии, и нет опасности от ядовитых животных, то должно признаться, что она к житию человеческого не меньше удобна, как и страны всем изобильные, что которые по большей части объявленным болезням или опасностям подвержены, особливо же, что некоторые недостатки ее со временем награждены быть могут: а имянно оскудение в хлебе заведением пашни, чему по премудрому ее императорского величества все милостивейшия государыни нашей благоизволению давно уже начало положено, и отправлено туда несколько семей крестьян с довольным числом лошадей, рогатого скота и всяких принадлежа-

щих к пашне потребностей. О скором размножении скота по удобности и довольному корму тамошних мест нет никакого сомнения: ибо еще в бытность мою на Камчатке несколько рогатого скота в Большерецком остроге было, которой от завезенной туда в 1733 году покойным господином маеором Павлуцким одной пары размножился. Ежели же возобновится там хотя малая коммерция с езовскими жителями или с приморскими странами китайского владения, к чему оная страна по своему положению весьма способна, то и во всем, что принадлежит к довольному человеческому содержанию, не будет иметь оскудения. Лесу на строение судов как на Камчатке, так и в Охоцке довольно; мяхкой рухляди, тюленьих кож, гарна то есть оленьих кож деланных и неделанных, рыбы сушеной, китового и нерпичья жиру, похожих у тамошних народов товаров, достанет к отправлению купечества. Пристаней, где стоять судам немало, в том числе Петропавловская, такого состояния, что в рассуждении пространства ее, глубины, натурального укрепления и прикрытия от всех ветров трудно сыскать подобную ей в свете. Что же касается до опасности от трясений земли или наводнения, то сей недостаток и в других многих землях примечается, которые однакож для того не почитаются неспособными к обитанию. Впрочем сами читатели о том рассудят, когда прочтут обстоятельное той страны описание касающееся до недостатков ее и изобилия, которое в сей части сообщается.

О свойстве камчатской землицы в рассуждении недостатков ее и изобилия

Что Камчатский мыс с трех сторон окружен морем, и что там более гористых и мокрых мест, нежели сухих и ровных, о том уже в первой части объявлено; а здесь сообщим мы известие о качестве земли, в которых она местах способна или неспособна к плодородию, где какой недостаток или изобилие, где какая погода наиболее бывает, и в которое время: ибо оная страна по разности положения места в рассуждении высоты полуса, и близости или отдаления от моря, имеет во всем и свойство различное.

Камчатка река как величиною своей превосходит все

прочие реки, так и в изобилии и плодородии около лежащих мест имеет преимущество. Там великое изобилие в кореньях и ягодах, которыми недостаток в хлебе награждается, и растет довольно лесу не токмо на хоромное строение, но и на корабельное годного. Около вершин объявленной реки, особливо же около Верхнего Камчатского острога и вверх по реке Козыревской, по мнению Стеллера, могут родиться яровые хлеба и озимь столь же хорошо, как и в других местах под такою шириною лежащих, для того что земля там весьма широка, снега падают хотя глубокие, однако сходят заблаговременно; сверх того внешняя погода в тех местах гораздо суше против приморских, и не бывает там исхождения паров великих. Что касается до яровых хлебов, оное как в Верхнем, так и в старом Нижнем Камчатском остроге многими опытами изведено, что ячмень и овес родятся там столь изрядные, что лучших желать не можно. Служки Якутского Спасского монастыря, которые живут на Камчатке из давних лет, сеют пуд по 7 и по 8 ячменю, и столько от того имеют пользы, что не токмо крупою и мукою сами довольствуются, но и других снабдевают в случае нужды; а землю людьми поднимают. Но с таким ли успехом озимь родиться будет, то время покажет.

Что касается до огородных овощей, то родятся оные с таким различием: все сочные злаки, как например капуста, горох и салат, идут токмо в лист и ствол. Капуста и салат никогда не вьется в кочни, а горох растет и цветет до самой осени, а не приносит ни лопаточки; напротив того, все злаки, которые многой влажности требуют весьма бывают родны, как например репа, редька и свекла. Что принадлежит до сочных злаков, что они почти не родятся, оное не о всей Камчатке разуместь должно, но токмо о Большой реке и Аваче...* Овощи требующие великой влажности хотя и везде родятся, однакож на Камчатке лучше: ибо я на Большой реке не видывал репы больше трех дюймов в диаметре, а на Камчатке бывает вчетверо больше того или впятеро.

Травы по всей Камчатке без изъятия столь высоки и сочны, что подобных им трудно сыскать во всей Российской империи. При реках, озерах и в перелесках бывают оные гораздо выше человека, и так скоро растут, что на одном месте можно сено ставить по последней мере три раза в

---

* Далее излагается мнение Стеллера.

лето. Чего ради способнейших мест к содержанию скота желать не можно...* Сверх того скот во всю зиму имеет на полях довольно корму: ибо травяные места никогда столь плотно не заносит снегом...**

В других местах около Восточного моря, как к северу от Камчатки, так и к югу, нет удобной земли к заведению пашни; для того, что приморские места или песчаны, или каменисты, или болотны; а пади, по которым реки текут, не столь пространны, чтоб по берегам можно было хлеб сеять, хотя бы и иных препятствий тому не было.

Мало же в том надежды и около Пенжинского моря, особливо, что касается до озими, потому что земля там по большей части мокрая и кочковатая. А хотя в некотором расстоянии от моря находятся местами высокие и лесистые холмики, которые к пашне не неспособными кажутся, однако глубокой и ветрами крепко убитой снег, которой с начала осени падает по большей части на талую землю, и лежит иногда до половины мая месяца, и в севе ярового хлеба препятствие и вред озими причинить может, ибо озимь во время таяния снега вымывается и вымерзает. Сверх того никаких почти семян нельзя там сеять до половины июня месяца, а с того времени до августа...*** семена весьма скоро и высоко растут, но за краткостию летнего времени и за недостатком надлежащей теплоты не созревают. Яровой хлеб, как например ячмень и овес, хотя по мнению Стеллера родиться там и может, ежели о приуготовлении земли приложено будет надлежащее старание, однако оное оставляется в сумнении до будущего времени...****

Большая река имеет берега приярые и нарочито высокие, где сие особливо примечено. Кроме различных слоев глины, песку, илу и хламу, видел я в сажени глубины от поверхности земли много торчащих из берегу таких деревьев, каких в той стране не находится. Почему не без причины заключить можно, что все тундряные и мокрые места...***** были прежде сего покрыты морем, которое может быть и здесь, также как в северных странах, убыло.

К изъяснению неплодородия земли в приморских местах и отдаленных от гор каменных не мало способствовать

---

* Далее объяснение причин высоких урожаев.

** Далее сравнение с болотной местностью.

*** Далее примечание о дождливой погоде.

**** Далее пример плохого урожая ячменя.

***** Далее описание местности.

может и Стеллерово примечание, которым объявляется, что у Пенжинского моря земля мерзнет не глубже фута, потом она тала и мягка на полторы сажени, далее лежит голой лед, которой прокопать трудно, под ним ил как кисель, а под илом камень, которой без сумнения от гор к морю продолжается. Сим доказывает он недостаток лесов и причину мшистой, кочковатой и бесплодной земли, уподобляя оную грецкой губке напоенной водою...*

Но хотя Камчатская земля и не везде удобна к плодородию, однако и одних мест по реке Камчатке, также около вершин Быстрой, со излишеством будет к удовольствию хлебом не токмо тамошних жителей, но и охотских. Токмо при том надобно будет беречись, чтоб выжиганием лесов не отогнать соболей прочь, которые дыму и курения терпеть не могут, как то случилось около Лены...**

Что касается до лесов, то в Курильской земле или в южном конце Камчатского мыса великое во оном оскудении. Далее к северу, где берега ровные и места болотные, тот же недостаток примечается. По самым рекам верст на дватцать и на тритцать от моря не растет никакого лесу, кроме ивняку и ольховнику, от чего...*** происходят великие затруднения... ибо летом как российские жители, так и камчадалы, со всем домом приезжают к морю для варения соли, жиру и рыбной ловли, а за дровами принуждены посылать верст за 20 или за тридцать...**** а приплавливают их весьма мало. Плотами гонять их нельзя за ужасною быстриною рек и за отмелью, чего ради столько их с собою привозят, сколько можно привязать с обе стороны бата или рыбацкeй лодки без отнятия в правeже силы: ибо в противном случае наносит их на шиверы, на хлам и на поторчины, где не токмо лодки и дрова, но и люди погибают бедственно. Временем недостаток в дровах награждается лесом, выбрасывающимся из моря, которой жители по берегам збирают, но мокрые оные дрова, как бы высушены ни были, не горят, но токмо тают и дымом своим причиняют глазам превеликой вред.

Далее 30 или 40 верст от моря по высоким местам растет только ольховник и березник, а тополник, из кото-

---

* Далее рассуждение о земле.

** Далее о результатах выжигания лесов.

*** Далее замечания об условиях местности.

**** Далее о трудностях заготовки дров.

рого везде, кроме самой Камчатки, и хоромы строятся и делаются лодки, растет около вершин рек, откуда с несказанным трудом таким же образом плавят его как и дрова, привязав к лодке. Сие есть причиною, что самой бедной дом становится там во сто рублей и больше, а рыбацья лодка, какова б она мала ни была, ниже пяти рублей не продается. Впрочем, где горы к морю подошли ближе, там с меньшею трудностью лес получается, ежели реки к сплавлению способны.

По Быстрой реке, которая впала в Большую реку под Большерецким острогом, в рассуждении тамошних мест самой лучшей лес, особливо же березник столь толст, что господин капитан Шпанберг построил из оного немалое морское судно, называемое «Березовкою» или «Большерецким», которое неоднократно было с ним в дальнем морском походе. Здесь не непристойно объявить те обстоятельства, которые при спускании его на воду и при нагружении примечены. Спущенная на воду «Березовка» так глубоко в воде стояла, как бы совсем нагруженная; причиною тому может быть была мокрота, от которой она по свойству березового леса больше смольных деревьев воды пожирающего наботело; чего ради все думали, что оное судно совсем негодно будет, и потонет от малого груза, однако последовало тому противное: ибо «Березовка» по положению настоящего груза почти ничего не осела, а в ходу была она легче всех судов, кроме брегантина «Михайла», которой почитался за лучшее судно. Подбираться под ветер едва мог и брегантин столь круто как «Березовка», а другие не имели в том и сравнения, что самим нам неоднократно случалось видеть.

Восточной берег Камчатки лесом изобильнее. Там растет и близ самого моря по горам и по ровным местам ольховник и березник изрядной. За Жупановую рекою около вершин рек начинается листвяк, и продолжается до камчатских покаты, и оттуда вниз по Камчатке реке до усть-Еловки, и вверх по Еловке почти до вершин ее. Растут же в тех местах и ели, только не столь велики и толсты, чтоб могли употреблены быть на какое строение. Около узкого перешейка, которым Камчатской мыс соединяется с матерой землею, весь лес паки пропадает, кроме сланца и ерьника ольхового, березового и талового. Чего ради тамошние места наиболее способны оленним корякам для содержания оленей.

Перемена воздуха и погоды бывают почти обыкновенно следующим образом: зима и осень составляют там большую половину года, так что настоящей весны и лета не более четырех месяцев положить можно: ибо деревья начинают там распускаться в исходе июня, а иней падать в начале августа месяца, как уже выше показано.

Зима бывает умеренная и постоянная, так что ни сильных морозов, каковы якутские, ни больших оттепелей не случается. Генварь всегда бывает холоднее других месяцев...* однако камчадалы сказывают, что прежде не бывало такой стужи как в мою бытность, и думают, что я как студент помянутой стужи причиною: ибо они студента называют своим языком — шакаиначь, то есть студеной, и по смешному своему разуму так рассуждают, что при студеных не можно быть теплой погоде; но чтоб зимы прежде теплее были, тому трудно поверить: потому что в четыре года моей бытности по вся зимы вышепоказанная стужа была постоянна. Одним только беспокойно зимнее время, что часто бывают ужасные вьюги, которыми дворы, а наипаче в Нижнем остроге, совсем заносит.

Вешнее время приятнее летнего: ибо хотя и случается иногда мокрая погода однако и ясные дни бывают часто. Снег лежит по май месяц, которой по состоянию наших мест последним вешним месяцем почитается.

Лето...** мокро и холодно, а причиною тому великое исхождение паров, и около лежащие нetaющим снегом покрытые горы. Часто случается, что по неделе, по две и по три солнца не бывает видно: напротив того, не случалось того во всю мою бытность, чтоб неделю сряду простояло ведро. Нет такого ясного по тамошнему месту дни, в которой бы с утра не видно было туману... мелкой дождь до тех пор продолжается, пока солнце близко к полудню приближается, а от того ненастья также и от помянутых гор бывает в приморских местах такая стужа, что без теплого платья пробыть отнюдь невозможно.

Сильных дождей и сильного грома и молнии там не примечено, но дожди падают мелкие, гром как бы под землею бывает слышен, а молния пребезмерно слабо блистает...***

Объявленное летнее беспокойство не только бывает

---

* Замечания о температуре.

** Оценки лета и туманов.

*** Далее оценка температур в Большерецком остроге.

причиною неплодородия земли, но и в приуготовлении рыбы на зиму такое делает помешательство, что от несказанного изобилия рыбы не можно ею запастись с удовольствием, так что редкой год проходит, в которой бы весною не случилось голоду: ибо жители тысяч из десяти рыб для сущенья повешенных иногда ни одной не снимают, для того, что от всегдашней влаги нападает на оную червь и поедает. Таким образом рыба, которую летом собаки и медведи сами промышляют, продается весною весьма дорого.

В местах, отдаленных от моря, а особливо около Верхнего Камчатского острога, летняя погода бывает совсем особливая: ибо с апреля до половины июля продолжается ясная погода, после долгоденствия продолжают дожди до исходу августа. Зимой выпадают преглубокие снега. Жестоких ветров мало случается, и утихают скоро. И хотя там не больше снегу идет, как и на Большой реке, однакож оной бывает глубже, для того что гораздо рыхлее.

В осень бывает обыкновенно приятная и ведреная погода, выключая последнюю половину сентября месяца, в которое время нередко и ненастье случается. Реки становятся по большей части в начале ноября месяца...* Весною ветры на Пенжинском море бывают наиболее с южной стороны, с южно-восточной и с южно-западной; летом с западу, осенью с северо-востока и с севера, а зимою до равноденствия непостоянны; и для того погода часто переменяется. После равноденствия до исходу месяца марта дышут по большей части северо-восточные и восточные ветры. И по сему ветров состоянию весной и летом до долгоденствия бывает мокрая погода, густой и пасмурной воздух, а ведра мало. В сентябре и октябре, так же в феврале и марте месяцах, погода бывает приятнее: и купечеству для дальних поездок способнее. В ноябре, декабре, генваре мало тихих, ясных и хороших дней, но великой снег с сильными и жестокими ветрами, которые по сибирски пургами называются. Восточные и южно-восточные ветры всех жесточее и продолжительнее; ибо иногда сутки по двою и по трои сряду дуют столь сильно, что на ногах устоять нельзя. Сими ветрами, которых в помянутых трех месяцах особое стремление, около Лопатки и Авачинской губы приносит к берегам льду великое множество с морскими бобрами, и тогда бывает самой богатой их промысел. Северные ветры

---

* Объяснение незамерзания рек от малых морозов.

как летом, так и зимою производят приятнейшие дни и ясную погоду...* Чем ближе к Лопатке подходить будешь, тем пасмурнее и влажнее заметишь воздух в летнее время, а зимою сильнее и продолжительнее ветры. Иногда около Большерецка несколько дней стоит тихая и приятная погода, а на Лопатке между тем нельзя из юрты выйти: понеже она весьма узка и кроме губы всем ветрам открыта. Напротив того места по Пенжинскому морю чем далее лежат к северу, тем меньше летом дождей, а зимою ветров бывает. Около устья реки Камчатки и около Верхнего острога ветры и погода весьма переменны. Бури с восточной и южно-восточной стороны таковы ж там усилены и продолжительны, как и около Пенжинского моря...** однако в рассуждении Пенжинского моря бывает там чаще ясная, нежели дождливая погода, и разность между восточною и западною сторонаю Камчатки ясно видима...*** К Пенжинскому морю воздух всегда густым кажется и пасмурным, а облака густые и синие, одним словом тамошние места темнее, а на Камчатке будто на другом свете: потому что и земля там выше и воздух светлее и чище.

Снег на Лопатке всегда бывает глубже, нежели в северных странах Камчатки, так что ежели на Лопатке выпадет его сажени на две, то около Авачи и Большой реки третью долею мельче примечается, а притом и гораздо рыхлее, для того что не столь сильными ветрами убивается. Около Тигиля и Караги не больше полутора фута обыкновенная глубина снегу. Из чего причина ясно видима, для чего камчадалы по примеру коряк оленьми прежде сего не заводились, и не искали себе от того пропитания, но довольствовались рыбою, которая однакож как по восточному берегу от Камчатки к северу, так и по западному ста на четыре верст от Большой реки столь знатно умалется, что и не было бы ее довольно к их содержанию, ежели бы солошие оные животные не ели всего того, что только может принять желудок: ибо хотя оленья корму и везде по Камчатке великое изобилие, однако глубокой снег в содержании стад им препятствует; чего ради не пасут там и казенных оленей для экспедиции: ибо им за глубиною снегу трудно дорываться до корму. Что дикие олени и в сих местах водятся, оное в пример не служит: для того что они

* Далее описание погоды во время южных и юго-западных ветров.

** Примечание о ветрах.

*** Объяснение, когда именно видна разница.

бегая везде по своей воле могут кормиться, а притом и натура их в рассуждении домашних крепче.

Солнце в Камчатской земле весною производит такое сильное действие на снег, что люди в то время так загорают как индейцы, а многие и глаза портят или и совсем теряют. В самые же здоровые глаза такой жар вступает, что свету снести не могут; чего ради жители носят наглазники из бересты, прорезав на ней узенькие скважины, или сетки из черных лошадиных волосов плетеные для уменьшения солнечных лучей и их разделения. Подлинная тому причина, что снег сильными ветрами так крепко убивается, что поверхность его как лед тверда и лоснится, и для того солнечные лучи в скважины его проникать не могут, но с великим преломлением в глаза отворачиваются, и с белизною снега тем несноснее, что светлые лучи неправильно в глазу преломляются, а от того очные перепонки растягиваются и кровь приступает к жилам их. И понеже она в тугих сосудах застаивается, то и причиною бывает препятствия в надлежащем течении.

Стеллер пишет, что нужда научила его сыскивать от того действительное лекарство, которым в шесть часов вся глазная болезнь и рдение их исцеляется. Он бира́л яичный белок и смешав с канфарою и сахаром тер на оловянной тарелке, пока вспенится, а потом привязывал ко лбу над самыми глазами; и по его мнению сие лекарство с пользою употребляться может и во всякой глазной инфламации, которой ссевшаяся кровь бывает причиною.

Град случается часто как летом так и осенью от весьма студеного воздуха, однако никогда не бывает больше сочевицы или горошины. Молния редко примечается и то около долгоденствия. Камчадалы рассуждают, что тогда на небе дышут сильные ветры, и что гамулы или духи изтопя свои юрты выбрасывают из юрты оставшие головни по камчатскому обыкновению.

Гром редко же случается, и бывает слышан, как бы в дальности, как уже выше показано. Не бывало еще того никогда, чтоб кто убит был громом. Что ж камчадалы сказывают, будто до приходу россиан громы сильнее были и людей ими бивало, тому не можно верить. Когда гром гремит, то камчадалы между собою говорят: Кутху батты тускерет, то есть Кутка или Билучей лодки с реки на реку перетаскивает: ибо, по их мнению, стук оной от того происходит. Притом они рассуждают, что когда и они свои лодки

вытаскивают на берег, то такой же гром и Билючею слышится, и он не меньше земных жителей грому их опасается, и детей своих в то время содержит в юрте. Но когда они услышат пустой и крепкой громовой удар, то думают, что Билучей весьма сердится, и бубен свой часто бросая оземь производит стук и звон.

Дождь почитают они за мочу Билучеву и гамулов духов его; а радугу за новую его рассамачью куклянку с подзором и с красками, которую он вымочась надевает обыкновенно. В подражание натуре и изрядству сих цветов украшают они свои куклянки такими же разноцветными красками, которой образец от камчатской физики и от радуги имеет свое начало.

Когда их спросишь, отчего ветер рождается? отвечают за истинну от Балакитга, которого Кутха в человечьем образе на облаках создал, и придал ему жену Завинакугагт именем. Сей Балакитг, по их мнению, имеет кудрявые предолгие волосы, которыми он производит ветры по произволению. Когда он пожелает беспокоить ветром какое место, то качает над ним головою столь долго и столь сильно, сколь великой ветер ему понравится, а когда он устанет, то утихнет и ветер, и хорошая погода последует. Жена сего камчатского Еоля в отсутствие мужа своего завсегда румянится, чтоб при возвращении показаться ему краснейшею. Когда муж ее домой приежжает, тогда она находится в радости; а когда ему заночевать случится, то она печалится и плачет о том, что напрасно румянилась: и оттого бывают пасмурные дни до самого Балакитгова возвращения. Сим образом изъясняют они утреннюю зорю и вечернюю и погоду, которая с тем соединяется, филозофствуя по смешному своему разуму и любопытству, и ничего без изъяснения не оставляя.

Что касается до туманов в Камчатке, то не можно думать, чтоб где в свете больше их было и столь продолжительны; также сумнительно, падает ли где глубже снег, как на Камчатке между 52 и 55 градусами. Чего ради и вся земля в вешнее время бывает потоплена водою и реки так прибывают, что вон из берегов выходят...*

Наибольшее беспокойство причиняют жестокие и по силе

---

* Замечание относительно погоды на Аваче, около Большерецка и в Нижнекамчатском остроге.

своей неописанные ветры и бури, причем следующие обстоятельства достопамятны: пред великою бурей, которая обыкновенно на востоке подымается, всегда бывает густой и пасмурной воздух, но морская вода теплее ли тогда как я думаю, того за неимением термометра не изведено. А понеже восточная буря от Лопатки до Камчатки доходит, где находятся огнедышущие горы и горячих ключей множество, то вероятно, что ни столько положение тех мест у моря, или узкость земли причиною помянутой жестокости ветров, сколько подземные огни и паров исхождение.

Что касается до прочих достатков или недостатков той страны, то можно вообще сказать, что главное ее богатство состоит в мягкой рухляди, а изобилие в рыбе; напротив того, вящей недостаток в железе и самосадке соли, из которых первой привозом железа из дальних мест награждается, а другой варением соли из морской воды, но по трудности перевозу железа и варения соли обе сии вещи продаются несносною ценою: ибо топора не можно купить ниже двух рублей, а соли пуд за четыре рубли уступается токмо от приятелей...*

О огнедышущих горах и о происходящих от них опасностях

Огнедышущих гор на Камчатке три: Авачинская, Толбачинская и Камчатская. Тамошние казаки называют их горелыми сопками, большеерецкие камчадалы агитескик, а прочие апагачучь.

Авачинская гора стоит на северной стороне Авачинской губы, в немалом от нее расстоянии, но подножье ее до самой почти губы простирается: ибо все высокие горы с подошвы до половины вышины своей или более состоят из гор рядами расположенных, из которых ряд ряда выше, а верх их шатром бывает. Горы, расположенные рядами, лесисты: а самой шатер голый и по большей части снегом покрытой камень.

Помянутая гора из давних лет курится бесперестанно, но огнем горит временно. Самое страшное ее возгорение было в 1737 году, по объявлению камчадалов в летнее

---

* Далее о содержании последующих глав.

время, а в котором месяце и числе, того они сказать не умели; однако ж оное продолжалось не более суток, а окончалось извержением великой тучи пеплу, которым около лежащие места на вершок покрыты были.

После того как около Авачи так на Курильской лопатке и на островах было страшное земли трясение с чрезвычайным наводнением, которое следующим образом происходило: октября 6 числа помянутого 1737 году пополудни в третьем часу началось трясение, и с четверть часа продолжалось волнами так сильно, что многие камчатские юрты обвалились, и балаганы попадали. Между тем учинился на море ужасный шум и волнение, и вдруг взлилось на берега воды в вышину сажени на три, которая ни мало не стояв збежала в море и удалилась от берегов на знатное расстояние. Потом вторично земля исколебалась, воды прибыло против прежнего, но при отлиии столь далеко она збежала, что моря видеть невозможно было. В то время усмотрены в проливе на дне морском между первым и вторым Курильским островом каменные горы, которые до того никогда не виданы, хотя трясение и наводнение случалось и прежде. С четверть часа после того спустя последовали валы ужасного и несравненного трясения, а при том взлилось воды на берег в вышину сажени на 30, которая по прежнему ни мало не стояв збежала в море, и вскоре стала в берегах своих колыбаясь чрез долгое время, иногда берега поднимая, иногда убегая в море. Пред каждым трясением слышен был под землею страшной шум и стенание.

От сего наводнения тамошние жители совсем раззорились, а многие бедственно скончали живот свой. В некоторых местах луга холмами и поля морскими заливами зделались. По берегу Пенжинского моря было оно не столь чувствительно как по Восточному, так что большерецкие обыватели ничего чрезвычайного из того не заключали; а было ли при устье Большой реки наводнение, про то не ведомо, потому что у моря никому тогда быть не случилось. По крайней мере весьма малому там быть надлежало, для того что не снесло ни одного балагана из стоящих на кошке.

В то время мы плыли из Охотска к большерецкому устью, а вышед на берег октября 14 дня довольно могли чувствовать трясение, которое случалось временем столь велико, что на ногах стоять было не без трудности, а продолжалось оно до самой весны 1738 году, однако боль-

ше на островах, на Курильской лопатке и по берегу Восточного моря, нежели в местах отдаленных от моря.

Большереецкие казаки, которые были в то время на Курильских островах, сказывали мне, что они по бывшем первом разе трясения на горы бежать устремились вместе с курилами, оставя все свои вещи, которые купно с курильскими жилищами погибли.

Толбачинская гора стоит в стрелке между Камчаткою рекою и Толбачиком, курится из давних же лет и сперва, как сказывают камчадалы, дым шел из верху ее, но лет за 40 перемежился, а вместо того загорелась она на гребне, которым с другою горою соединяется. В начале 1739 году в первой раз выкинуло из того места будто шарик огненной, которым однако весь лес по около лежащим горам выжгло. За шариком выбросило оттуда ж как бы облачко, которое, час от часу распространяясь, больше на низ опускалось, и покрыло пеплом снег верст на 50 во все стороны. В то самое время ехал я из Верхнего Камчатского острогу в Нижней, и за оною сажею, которая поверх снегу почти на полдьюма лежала, принужден был у Машуры в остроге дожидаться нового снегу.

При объявленном возгорении ничего особенного не примечено, выключая легкое земли трясение, которое было и прежде того и после. Большее трясение земли чувствовали мы в половине декабря месяца 1738 едучи в Верхней Камчатской острог из Большереецка. Мы были тогда недалеко от хребта Оглукоминского, и стояли на стану в полдни. Страшной шум лесу, которой сперва слышали, почитали мы за восставшую бурю, но как котлы наши с огня полетели, и мы сидя на санках зашатались, то узнали подлинную тому причину. Сего трясения было токмо три вала, а вал за валом следовал почти поминутно.

Камчатская гора не токмо вышеписанных, но и всех, сколько там ни есть, гор выше. Она до двух частей вышины своей состоит из гор, таким же образом расположенных, как выше сего об Авачинской сопке объявлено. Шатер или верхняя часть составляет целую треть вышины ее, а окружность ее на подножье больше трех сот верст. Шатер ее весьма крут и со всех сторон расщелялся вдоль до самого тощего нутри ее. Самой верх ее от часу становится плоче, без сумнения для того, что во время пожара жерло по краям осыпается. О чрезмерной высоте ее по тому одному рассудить можно, что в ясную погоду видна она бывает из

Верхнего Камчатского острога, которой оттуда верст более трех сот расстоянием, а других гор, которые к помянутому острогу гораздо ближе, как например Толбачинская, не можно видеть.

Перед ненастьем часто примечаются вокруг шатра ее облака в три ряда, но верх ее последнего пояса столь выше, что оное расстояние можно почесть за четверть вышины его.

Дым из верху ее весьма густой идет безпрестанно, но огнем горит она в семь, в восемь и в десять лет; а когда гореть начала, того не запомнят. Пепел выметывается из ней по объявлению жителей на каждой год по два и по три раза, и иногда в таком множестве, что верст на 300 во все стороны земли им на вершок покрывается.

Огнем горит она от большей части по неделе и меньше, но иногда и года по три сряду, как то между 1727 и 1731 годами происходило: ибо тогда, как сказывают, исходящее из нее пламя было видимо. Однако во все то время не имели жители такого страху и опасности, как от последнего ее возгорания, которое в 1737 году случилось.

Сей ужасной пожар начался сентября 25 числа, и продолжался с неделю, с такой свирепостию, что жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри ее сквозь расщелины было видимо, устремлялось иногда вниз, как огненные реки, с ужасным шумом. В горе слышан был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближние места дрожали. Особливой страх был жителям в ночное время: ибо в темноте все слышнее и виднее было. Конец пожара был обыкновенной, то есть извержение множества пеплу, из которого однакож немного на землю пало; для того что всю тучу унесло в море. Выметывает же из нее и ноздреватое каменье и слитки разных материй в стекло претворившихся, которые великими кусками по текущему из под ней ручью Биокосю находятся.

После того в 23 числе октября, пополудни в седьмом часу, было в Нижнем Камчатском остроге такое сильное земли трясение, что многие камчатские жилища попадали, печи в казачьих избах рассыпались, у церкви колокола звонили, и самую тамошнюю новую церковь, которая построена из толстого лиственничного лесу, так расшатало, что бревна из дверных колод и из пазов совсем вон вышли,

а продолжалось оно с перемежкой до самой весны 1738 году, однако гораздо легче прежнего. Наводнения около тамошних мест не примечено. Господин Стеллер пишет, что сказано ему, будто трясения земли около горящих гор бывают сильнее, нежели около других, которые или выгорели или еще не загорелись.

Кроме вышеписанных гор, слышал я ещё о двух сопках, из которых дым идет, а имянно о Жупановской и Шевеличе; но есть много огнедышащих гор и далее Камчатки реки к северу, из которых иные токмо курятся, а иные огнем горят; да две на островах Курильских, одна на Паромусире, а другая на Алаиде. Причем сообщает господин Стеллер следующие примечания: 1) что горят только одинакие горы а не хребты гор. 2) что все оные горы имеют снаружи одинакой вид, следовательно и внутри одинакое состояние, и кажется ему будто внешней их вид придает некоторую силу к внутреннему существу и произведению горящих материй и к действию возжигания. 3) что на самых верхах всех гор, которые курились или горели прежде, а после загасли, выходят моря или озера; почему рассуждать можно, что как горы выгорели до самой подошвы, то водяные проходы отворились и заняли полое место: и сие служить может к истолкованию возгорания гор и горячности теплых вод.

Камчадалы почитают объявленную гору за жилище умерших, и сказывают, что тогда она горит, когда покойные юрты свои топят, которые питаются по их мнению китовым жиром, а китов ловят в море под землею к ним проходящем. Тот же жир употребляют они и на свет, а костями вместо дров юрты свои топят. В утверждение мнения своего объявляют они, будто некоторые из их народа сами в горе бывали, и видали житие своих сродников. А господин Стеллер пишет, что камчадалы признавают гору за жилище духов гамулов с следующими обстоятельствами: «Когда, говорит он, их спросишь, что гамулы там делают?» то отвечают: «китов варят; а где их ловят? на море, выходя из горы ночью столь много их промышляют, что иные по пяти и по десяти домой приносят, надев на каждой палец по одной рыбе; почему они то знают? Старики их, объявляют они, завсегда в том их уверяли». А в вящее доказательство приводят китовы кости, которых на всех огнедышащих горах много находится. О происхождении огня то ж ему сказано, что выше объявлено. Что касается до разности в объявлении камчадалов, тому удивляться не должно: ибо

редкие из них люди согласно говорят об одной вещи.

На других высоких горах с которых снег никогда не сходит, живут особливые духи, а главной из них Билучей или Пиллячучь называется. Чего ради камчадалы как близ огнедышащих гор, так и подле других высоких ходить опасаются. Пиллячучь по скаскам их ездит на куропатках или на черных лисицах. Ежели кто следы его увидит, тот счастлив будет на промыслах во всю жизнь свою; но они часто почитают за оные разные фигуры на снегу, которые от ветру делаются на поверхности.

Возгорение огнедышащих гор не токмо камчадалы, но и казаки почитают за предзнаменование кровопролития; и то свое сусверное мнение доказывают многими примерами, что ни одного случая, когда гора ни метала пламя, без того не проходило: а притом утверждают, что чем доле и сильнее она горит, тем и больше крови проливается.

Горы, которые гореть перестали, две объявляются: 1) Апальская, из под которой течет река Апала; 2) Вилучинская, из под которой течет река Вилучик. У подножья сей горы есть озеро, где в марте, апреле и мае месяцах много сельдей промышляют особливым образом, о чем объявлено будет на своем месте.

Большереецкие камчадалы огнедышащую гору называют анггитескик, как уже выше объявлено, а курящуюся пигташ. На нижношантальском языке огнедышащая гора апахончичь или апагачучь, а курящаяся суеличь.

О камчатских народах

О камчатских народах вообще

Камчатка сколь дикое место по своему состоянию, столь и дикими народами обитаемо. Иные из них живут как лопари, переходя с места на место с оленьими табунами своими; другие по рекам, в Восточное и Пенжинское море текущим, не переменяя жилищ своих и имея от ловли рыбной или морских зверей пропитание, а иные по островам, лежащим около Курильской лопатки, питаются морскими ж зверьми, рыбою и всякими извергаемыми из моря и растущими около берегов вещами, как например репою морскою, капустою, раками и прочая. Первые живут в юртах из оленьих кож, а прочие в землянках. Все вообще житием гнусны, нравами

грубы, язычники, не знающие бога...

Природных тамошних жителей считается три народа: камчадалы, коряки и курилы. Камчадалы живут в южной части Камчатского мыса, от устья реки Уки до Курильской лопатки, и на первом Курильском острове называемом Шоумшчу. Коряки в северных местах и вокруг Пенжинского моря до реки Нукчана, а вокруг Восточного океана почти до Анадыря; а курилы на втором Курильском острове и на других до японского владения. Итак камчадалы с южной стороны имеют в соседстве курилов, а с северной коряков. Коряки смежны с чукчами, юкагирами и ламутками, а курилы с камчадалами и японцами.

Камчадалов по разности языка можно разделить на два народа: на северной и южной. Северной народ, которой имеет свои жилища по реке Камчатке с вершины до устья, и по берегу Восточного океана от устья Уки реки на юг до устья Налачевой, за столповой по справедливости почестся может: ибо оной и поступками в рассуждении других лучше, и нравами не столь суров, и в языке нигде почти никакой не имеет отмены. Напротив того, у прочих в каждом остроге особое наречие примечается. Южной народ по Восточному морю от Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому от Лопатки на север до реки Харнузовой имеет свои жилища.

Коряки разделяются просто на два же народа на оленных и сидячих. Оленные с табунами своими с места на место кочуют, а сидячие живут при реках, как камчадалы. В языке имеют такую разность, что оленные сидячих едва разуместь могут, а особливо тех, кои смежны с камчадалами, и многие слова их в своем языке употребляют.

Таким же образом разделяют некоторые и курильцов на дальних и ближних. Под именем дальних разумеются курильцы, на дальних и на втором Курильском острове живущие, потому что они выежжие с других островов; а под именем ближних жители первого Курильского острова и Курильской лопатки. Но сие разделение несправедливо. Ибо хотя объявленные первого острова и Курильской лопатки жители в языке своем, в обрядах и в телесном виде несколько от камчадалов и разнствуют, однако заподлинно известно, что они происходят от камчадалов, которых я называю южными: а помянутая разность происходит от соседства, обхождения и взаимного супружества с прямыми курилами.

Камчадалы как северные, так и южные называют себя **ительмень**, **житель**, а в женском роде **ительма**, которое название происходит от глагола **ителлахса живу**, как пишет господин Стеллер. **Кима ителлахса** значит я живу, а **мен человека**; **ма ителлахсан**, где он живет? Корни сих слов по его ж объявлению, остались в языке камчадалов, которые живут между реками Немтиком и Морошечной. Всемилютейшую государыню называют они **коачь аерем**, то есть государь сияющий как солнце, без различия полу: ибо солнце на их языке **коачь**, а государь **аерем**. Россиян вообще именуют **брыхтатын** огненные люди, по причине огненного оружия, которого они, не видая прежде и не имея о стрельбе из него понятия, думали, что огонь не из ружья выходит, но что россияне огненное имеют дыхание...*

...Камчадалы между прочим имеют такое смешное обыкновение, что всякую вещь своим языком назвать стараются, смотря на сходство ее имени, на действия и на другие обстоятельства; буде же понятие какой вещи им трудно, и сходства имени скоро не сыщут, то и чужестранное имя принимают, но так его испортя, что почти не будет иметь с сущим именем и подобия. Таким образом священник у них называется **богбог**, без сумнения для того, что часто бога упоминает; доктор **дуктонас**, студент **сокейнахчь**, студеной, хлеб **брыхтатын аугчь**, российская сарана; дьячок **ки аангычь**, морской вострохвост, утка, которая по их мнению также, как дьячок, поет...**

Оленные коряки сами себя называют **тумугуту**, россиян **мельгытангы**, как уже выше объявлено, камчадалов **хончала**, а о курильцах не знают. Сидячие себя называют **чаучу**, россиян так же как оленные **мелагытангы**, камчадалов **нымылага**, а курильцов **куинала**.

Курильцы себя называют **уйвут-ееке**, курильцов **неясашных**, кои на дальних островах живут, **яункур**, россиян **сиисиань**, камчадалов **арутарункур**, а про коряк не ведают.

Что значат названия, о которых знаменовании не упомянуто, того по причине грубости народов и неискусства толмачей не можно было проведать. Впрочем довольно видеть можно всякому, что мы ни одного народа собственным его именем не называем, но по большей части таким, каким они назывались от соседей, которые прежде от Рос-

* Замечание относительно названий коряков и курильцев.

** Далее продолжение перечисления слов.

сии завоеваны были, придав имени их свое окончание и несколько испортя. Таким образом камчадалов называем мы по коряцки, ибо камчадал от коряцкого хончала происходит; курильцов по камчатски, ибо курилец от куши имеет свое начало.

О происхождении коряцкого имени хотя неизвестно заподлинно, однако Стеллерово о том примечание, что слово коряка происходит от хора, оленя, весьма вероятно: ибо казаки по приходе к сему народу, может быть, часто слыша слово хора, или видя, что благополучие помянутых иноверцов состоит в оленных табунах, прозвали их коряками, то есть оленным народом. Чукочи живущей в Чукоцком носу немирной народ, называется также испорченным именем чаучу, которое общее есть всем сидячим корякам. Одно неизвестно происхождение имени юкагирь, с которым народом оленные коряки пограничны в севере. Коряцкое имя едель, то есть волк, которым они называют юкагирей по причине пропитания их звериною ловлею, которую уподобляют волчьему хищению, за начало юкагирского наименования почесть сумнительно, хотя между обоими именами и есть некоторое сходство; особливо же что не знаем мы, как юкагири сами себя называют, и как соседи их, которые живут к Якуцку ближе.

Что касается до языка камчатских народов, то их по числу народов три считается: камчатской, коряцкой и курильской; впрочем каждой язык по разности наречия на особливые языки разделяется. В камчатском языке три главные наречия, одно потребляется у северных, а другое у южных камчадалов. Сии два наречия так между собою различны, что можно бы их почесть и за два разные языка; однако камчадалы друг друга без толмача понимают, хотя слова их наречий не имеют почти никакого сходства, чему господин Стеллер не без причины удивляется. Третьим наречием можно почесть язык, которым говорят жители Пенжинского моря от Воровской реки до Тигиля и которой состоит из обоих вышеписанных наречий и из некоторого числа коряцких слов. В коряцком языке* два же наречия, одно оленных коряк, а другое сидячих. О коряцком языке хотя и неизвестно заподлинно, сколько в нем наречий: ибо подданные российские говорят одним языком, а о других и сами не знают, однако сомневаться почти не можно, чтоб

---

* Стеллер третьим наречием почитает чукоцкой

у них по разным островам не было в языке по крайней мере такой же отмены, какова у камчадалов южных и у сидячих коряк по разным острожкам примечается.

Камчатской язык выговаривается половиною в горле, и половиною во рте. Произношение их языка тихо, трудно с протяжением и удивительным телодвижением, а сие показывает людей боязливых, раболепных, коварных и хитрых, каковы они и в самом деле.

Коряки говорят из всего горла с великим криком и замешательством; слова в языке их долги, но слоги коротки: начинаются по большей части с двух гласных и на гласные же кончатся, как например *уемкай*, *важенка* или *неежжалой* олень. Нравы сего народа согласны с языком их, как в описании его объявлено будет.

Курилы говорят тихо, плавно, свободно и приятно. Слова в языке их посредственны, гласных и согласных в них умеренно; но и самый народ всех диких народов доброднее, осторожнее, правдивее, постоянное, обходительнее и честолубивее.

О происхождении звания камчадал и камчатского народа по одним токмо догадкам

Хотя и выше сего объявлено, что звание камчадал происходит от коряцкого имени *хончалю*, однако причины не показано, с чего коряки камчадалов так называют, и для того должно сообщить здесь изъяснение.

Некоторые пишут, аки бы помянутой народ камчадалами от россиан прозван по реке Камчатке, которая до их еще приходу называлась Камчаткою, по имени славного воина *Кончата*, и аки бы россиане от тамошних язычников чрез знаки приметя, что великая оная река *Коншатка* по их именуется, всех тамошних жителей прозвали камчадалами. Но сие есть искусной вымысел и предрассуждение: 1) для того, что россианам с камчадалами чрез знаки говорить не было нужды: ибо при них довольно было толмачей из сидячих коряк, которые камчатской язык совершенно знают, 2) что имя *Хончат* камчадалам неведомо, 3) а хотя бы того имени и был у них человек, то река не могла прозваться его именем: ибо камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов

именем людей не называют; но дают им имена по неким свойственным им качествам, или по сходству с другими вещами, 4) что Камчатка река не Коншаткою, но Уйкуал, то есть большею рекою называется, как уже выше объявлено. А с чего коряки камчадалов зовут **хончало**, о том хотя заподлинно объявить и нельзя, для того что коряки и сами причины тому не ведают, однако не без основания думать можно, что **хончало**, есть испорченное слово из **коочь-ай**, что значит жителя по реке Еловке, которая течет в Камчатку и Коочь называется, как в первой части сего описания показано.

Камчадалы кроме общего имени ительмень, различают себя от большей части званием рек или других урочищ, где они жилища свои имеют: так например, кыкша-ай, житель при Большой реке, суачу-ай, житель при Аваче, коочь-ай, еловской житель и прочая: ибо ай приложенное к званию реки или другого какого урочища значит жителя того места, к которому прилагается, так как ительмень вообще камчатского жителя.

Которые Кончата славным воином тамошних мест называют, те в одном том ошиблись, что храбрость оную одному человеку приписали, которую надлежало приписать всем еловским жителям, из которых каждой **коочь-ай** или по их кончат называется. Ибо сие самая правда, что еловские жители издревле почитались храбрыми и славны были перед прочими; чего ради и корякам, как по соседству, так и по той знати под именем своим **коочь-ай**, которым они и от других камчадалов называются были ведомы.

О перемене **коочь-ай** на **хончала**, и **хончала** на **камчадала**, в рассуждении нарочитого сходства имен, немногие, чаю сомневаться имеют, особливо которым известно, коим образом и в самых европейских языках чужестранные слова портятся, а по тамошним местам тысячи оному примеров показать можно, как не токмо язычники, но и самые россияне чужие звания портят. Так, например, из **Ус-кыг**, то есть **Ус** речка, зделаны у них ушки, из **Кру-кыг** крюки, из **Ууту** утка, из **Кали-кыг** халилики, из **Кужи** курил или курилец и прочая.

Что ж касается до происхождения камчатского народа, до прежнего места жилищ их, до преселения в сии места и до времени преселения, того хотя с такою исправностию, какова требуется по исторической достоверности, показать и невозможно, ибо дикой оной народ, у которого все дока-

зательства древности состоят в словесных преданиях, и сам ничего о том не ведает, но наипаче утверждает, что они на сем месте сотворены, и ни в какие другие места никогда не преселялись, а творцом своим и прародителем почитают Кутху, которой прежде живал на небе... пространнее, однако по склонности, по внешнему виду, по обычаям, по имени, по языку, платью, и по другим обстоятельствам... камчадалы в древние годы преселились туда из Мунгалии, которой древности Стеллер приводит следующее в доказательство:

1) что камчадалы не знают, откуда они происходят, потеряв о том все предания; чего ради верить начали, что Кутху на том месте их создал, как выше показано.

2) что они до приходу российских людей ни о каких других народах нимало не знали, выключая соседей своих коряк и чукошь, а о японцах и курильцах уведали они не весьма давно, или по причине бывшего торгу с ними, или потому что иногда выкидывало на берега их японские бусы.

3) что сии народы весьма умножились не взирая на то, что ежегодно много их погибало от катящегося с гор снегу, от бурь, от зверей, от потопления, от самоубийства и от войны между собою.

4) что они великое имеют знание в тамошних натуральных вещах, какую они имеют силу, и к чему угодны, чего в краткое время опытами изведать не можно, тем наипаче, что для такого исследования больше четырех месяцев в году не остается: ибо зима там долгая, а лето короткое, но и то время надлежит им употреблять на рыбную ловлю, как на главное пропитание.

5) что инструменты и всякая домовая посуда разнятся от посуды всех других народов, и что по обстоятельству их жития и нужды так хитро зделаны, что не видав образца и разумному трудно выдумать: такого состояния их санная езда на собаках.

6) что нравы их грубы, и склонность не разнствует от бессловесных животных, ибо они пекутся о удовольствии токмо плоти, которое почитают за вящее благополучие, а о душе не имеют и понятия.

Что ж они произошли из Мунгалии, а не от других народов, то есть ни от татар по сю сторону Амура живущих, ни от курильцов, ни от японцов, о том думать побуждают нижеписанные обстоятельства. От поколения татар не можно, кажется, им быть для того, что в противном

случае при своем преселении конечно заняли бы они места по Лене, которыми ныне владеют якуты с тунгусами: ибо они и по довольству к содержанию удобнее камчатских, и никем не были обитаемы. Буде же думать, что они в тех местах живали, но после выгнаны якутами по приходе их в те места, как тунгусы, которые ныне живут в середине между братскими и якутами, то бы якуты и об них, так как о тунгусах имели хотя малое известие, чего однакож не примечено. Что они не от роду курильского, оное доказывається нравами и совершенным несходством в телесном виде; а что не от японцов, то вероятною древностью их преселения в те места, которое, кажется, случилось, прежде нежели японцы от китайцов отпали и поселились на нынешнем месте. Причина тому, что камчадалы о употреблении железа и о железной руде, также и о других металах не ведают, хотя мунгалы назад тому более двух тысяч лет и ружейной снаряд и домовые инструменты из железа делать начали, так как татары из меди ножи и кинжалы. Почему вероятно, что камчатские народы в начале самодержавного владения князей в восточных странах Азии удалились к морю так как лопари, остяки и самоедь убегая от нашествия других народов в Европе, и по берегу Пенжинского моря дошли до Камчатки. Ежели же бы камчадалы не старе тунгусов были преселение, то бы тунгусы при случае своего бегства не преминули дойти до Камчатки, как до места безопаснейшего по отдалению. Что же те места заняты были толь многочисленным народом, то тунгусы не взирая на храбрость свою не могли против их отважиться, что непосредственно следует, что они задолго до приходу тунгусов поселились и умножились.

Что касается до прежних жилищ камчатского народа, то они, кажется, жили за Амуром в Мунгалии, и прежде с мунгалами были один народ, а оное доказывается следующими доводами: 1) что* в камчатском языке много слов, которые имеют мунгальское или китайское свойство по окончаниям на онг, инг, оанг, чин, ча, чинг, кси, ксунг; однако много бы того было, естли бы кто многих и целых слов и согласных речений потребовал; ибо камчатской язык в одном народе и в одной земле диалектами разнится; но

---

* Камчатской и коряцкой народ должно разуметь за один народ, как из следующего явствует, а объявленные окончания токмо в коряцком языке примечаются.

довольно для свойства языка и того, почему европеец, не учась языкам, знает из одного произношения, кто говорит по немецки, кто по французски, по италиански, и прочая; наипаче разность слов сама доказательством, что преселение камчатского народа в самые древние времени было, и что поныне осталась одна тень сходства между языками, а не самое сходство, так как в еврейском и татарском. В утверждении сего может служить, что камчатской язык с мунгальским не токмо в словах имеет сходство, но в склонении и происхождении: ибо в мунгальском языке сие особенное, что много первообразных; 2) что камчадалы так как мунгалы ростом низки, телом смуглы, не мохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты, с поклопными носами, косолапы. Глаза у них впали, брови малы и редки, брюха отвислы, ноги и руки малы и тонки, походка тихая. Сверх того робость, хвастовство, раболепность к строгим, упрямство и презрение к ласковым обоих народам свойственны.

О прежнем состоянии камчатского народа

До покорения российскому владению дикой оной народ жил в совершенной вольности; не имел никаких над собою начальников, не подвержен был никаким законам, и дани никому не плачивал. Старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, которое однакож только в том состояло, что их советы предпочитались; впрочем было между ими равенство, никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать.

По внешнему виду сей народ и сходен с другими сибирскими народами, и некоторую имеет отмену, почему оной легко распознать можно, как уже выше показано. Сходство состоит особливо в том, что они телом смуглы и черноволосы, что глаза у них малы и лица плоски; а несходство, что лица у камчадалов не столь продолговаты и скуласты, как у других народов, что щеки у них одутловаты, губы толсты и рост превеликой, возрасту все по большей части среднего, плечисты и присадисты, особливо, кои живут при море, и морскими зверями питаются. Великанов по всей Камчатке не примечено.

В житье гнусны, никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезают, едят из одной посуды с собаками, и никогда ее не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары, волосов на голове не чешут, но расплетают на две косы как мушины, так и женщины. У которых баб долгие косы, те для красы расплетают их на многие мелкие косы, а потом в две большие соединяют, и закинув на спину связывают на конце веревочкой. Когда волосы из кос выбиваются то пришивают их нитками, что были гладки, и потому оне столь вшивы, что рукою, как гребнем, подняв косы их чешут, и сметая в кучу пожирают, как выше показано. А у которых волосы малы, те парики объявленным образом зделанные носят, которые весом бывают до десяти фунтов, и голову сенною копною представляют; впрочем женской пол красивее, и кажется умнее, чего ради из баб и из коекчучей их больше шаманов, нежели из мужеска полу.

Платье носят из звериных кож; питаются кореньем, рыбою и морскими зверями. Живут зимою в земляных юртах, а летом в балаганах; в зимнее время ездят на собаках, а летом, где судовой ход, батами, а где нет, пешие ходят. Тяжести мушины на плечах, а женщины лбом носят.

О бже, пороках и добродетелях имеют развращенное понятие. За вящее благополучие почитают объядение, праздность и плотское совокупление; похоть возбуждают пением, пляскою и рассказыванием любовных басен по своему обыкновению. Главной у них грех скука и беспокойство, которого убегают всеми мерами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по их мнению лучше умереть, нежели не жить, как им угодно. Чего ради прежде сего самоубийство было у них последней способ удовольствия, которое до самого их покорения продолжалось, а по покорении так было умножилось, что из Москвы нарочные были указы, чтоб россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти.

Впрочем живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставя. Богатства, славы и чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия, любочестия и гордости, но токмо роскошь и похоть с своими плодами, а притом ярость, ненависть и мщение, чего ради и войны как между собою, так и с соседними народами имели они не для распространения земли, ни для приобретения власти, но по причине какой-

нибудь обиды, или для похищения съестных припасов, а наиболее для девок, которых они могли в жены брать с меньшим трудом, нежели как добровольно, ибо им жены весьма доставались дорого, как о том в своем месте объявлено будет.

По той же причине и торги у них не для богатства были, но для получения нужного к содержанию. Корякам давали они соболи, лисицы, рослые белые собачьи кожи, сушеной мухомор и другие мелочи, а от них получали шитое оленьи платье и кожи. Между собою менялись тем, в чем один против другого имел изобилие и недостаток, в том числе почитались собаки, лодки, чаши, корыта, сети, кропива мятая и съестные припасы; а мена она отправлялась под видом сведения дружбы, ибо когда кому что у друга нравилось, или в чем случалась нужда, то должен он был к другому приехать в гости, и сказать о том без зазору, что он в гости к нему приехал, хотя бы прежде и не имел с ним обхождения. Тогда хозяину надлежало потчевать его по обычаю, обратъ все, что понравится и отпустить домой почти нагова, а потом самому к нему приехать, и быть приняту равным образом, при которых случаях оба получали то, в чем имели нужду, но о сем в особой главе писано будет пространнее.

Поступки их безмерно грубы. Учтивства в словах и поздравления нет в обычае. Шапок не скидают, и не кланяются друг другу... Любопытны, и всякой вещи начало и происхождение объявить стараются, которое однакож не превосходит меры их понятия.

Все почти места в свете, небо, воздух, воды, землю, горы и леса населили они различными духами, которых опасаются и больше бога почитают. Жертвы дают при всяком случае, а иных и болваны при себе носят, или имеют в своих жилищах. А бога напротив того не токмо не боятся, но и злословят при трудных или несчастливых случаях.

Лет от рождения себе не знают. Счет, хотя у них и до ста есть, однако так им труден, что без пальцев трех пересчитать не могут. Всего смешнее, когда им надобно считать больше десяти, тогда они пересчитав пальцы у рук, и сжавши обе руки вместе, что значит десять, остальное дочитают ножными перстами. Буде же число превзойдет дватцать, то пересчитав пальцы у рук и у ног в некоторое приходят изумление, и говорят «Мача», то есть, где взять.

В году считают десять месяцев, из которых иные доле, а

иные короче; для того, что они не по лунному течению их разделяют, но по тому, что когда делают...*

...Сии имена месяцам не у всех камчадалов употребительны, да токмо у тех, кои живут по реке Камчатке; а у находящихся от Камчатки в севере некоторым месяцам имена особливые...**

Год разделяется на четыре части и лето называют они адамаль, зиму коелелю, осень кытхеиль, весну угаль, а когда которое время начинается или кончится, о том сказано мне, что они того не ведают...*** Вообще солнечной год разделяют надвое, считая по шести месяцев в каждой половине. Таким образом зима составляет у них год, а лето другой.

Величина каждого года определяется течением луны, и время от одного новомесечия до другога за число дней в месяце принимается. Летней год начинается у них с мая месяца, а зимней с ноября...****

Дней они не различают особливым званием, не разделяют их на недели или другие периоды, и числа дней в году и месяце не знают.

Время определяют по знатым некоторым приключениям, как например по приходу россиян, по великому камчатскому бунту, по первой Камчатской экспедиции. Письма никакого не знают, ни гиероглифических фигур для памяти не употребляют, но одних повестей и преданий держатся, которые час от часу в такой недостаток приходят, что от сущих действий, как бы одна тень остается.

Причины солнечных и лунных затмений не знают. Однако в случае их выносят на юрту огонь, и приказывают светилам, чтоб они светили попрежнему. Затмения солнца и луны называются по их кулечьгужичь.

Из звезд знают имена токмо трем созвездиям: Большему медведю, Плеядам и трем звездам в Орионе. Медведя называют Кранхль, Плеяды Дежичь или Ижичь а Ориона Укальтежид.

Гром и молнию иные врагам, а иные людям живущим в горелой сопке приписывают, как о том ниже объявлено будет.

---

* Далее перечисление 10 месяцев с пояснением.

** То же.

*** Замечания Стеллера о разделении времени.

**** Далее о названиях месяцев по Стеллеру.

Ветрам имена у них есть только знатнейшим, однако не одинакие...*

Суд и расправа у них общая. Удовольствие обидимому равное воздаяние. Кто кого убил, сам от сродников убиенного был убиваем. Ворам, кои часто приличались, обжигали руки обвив их берестою; но тех, кои в первой раз бывали пойманы, покраденые били без всякого от вора сопротивления, после чего принуждены были такие люди жить наедине без всякой помощи и без всякого с другими обхождения, как сущие плуты и политическойю смертью казненные.

Неведомых воров наказывали они жжением станowych жил каменного барана при собрании и при шаманстве, ибо по их мнению, сводит после того злодея вместо, как жилы от огня сживаются.

О имении и юртах никогда они не ссорятся, ибо для всякого земли, воды и произрастающих с животными довольно; о границах и пределах не бывает споров, ибо всяк со излишеством имеет пропитание от той реки и лугов, где его рождение.

Жен имеют по одной, по две и по три, сверх того некоторые содержат и так называемых по их коекчуче, которые в женском платье ходят, всю женскую работу отправляют, и с мужчинами не имеют никакого обхождения, будто бы гнушались делами их, или зазирались вступать не в свое дело.

Меры верстам не знают. Расстояние считают по ночам, сколько будучи в дороге ночевать должны...

Великое искусство имеют пересмехать всякого и точно представлять, кого похотят, по походке, по голосу, по речи и по всем приемам: таким же образом представляют они и зверей и птиц, и сие у них в числе не последних забав почитается.

Токмо ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые, почти все восприняли христианскую веру, и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию. Во всяком остроге определен начальник, которой тойон называется, и которому по высочайшему ее императорского величества указу поручены суд и расправа над подчиненными кроме криминальных дел. Во многих местах

---

* Названия ветров у жителей по реке Камчатке.

не токмо у тойонов, но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкновению, а инде и часовни для молитвы. Заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих. Таким образом, в краткое время много варварства без сомнения искоренится.

О камчатских острожках

Под именем острожка разумеется на Камчатке всяко камчатское жилище, состоящее из одной или несколько земляных юрт и из балаганов. По камчатски такие жилища называются **атынум**, а казаки прозвали их острожками без сумнения от того, что по приходе их на Камчатку укреплены были оные земляным валом или палисадником, как у сидячих коряк в севере и поныне укрепляются.

Юрты делают они следующим образом: выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и в ширину, смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят четыре столба толстые, один от другого по сажени и дале. На столбы кладут толстые перекладки, а на них потолок накатывают, оставя почти на середине четвероугольное отверстие, которое и вместе окна, и вместо дверей и вместо трубы служит. К помянутым перекладкам прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли утверждаются и обрешетя их жердями покрывают травой, и осыпают землею, так что юрта снаружи имеет вид небольшого круглого холмика, но внутри они четвероугольные, однако почти всегда две стены бывают доле, а две короче. У одной продолговатой стены между стоячими столбами бывает обыкновенно очаг, а от него вывод, которого внешнее отверстие гораздо ниже помянутого. Делается ж сей вывод для того, чтоб входящим во оной воздухом выгоняло дым вон из юрты чрез верхнее отверстие.

Внутри юрты подле стен делают они полки, на которых спят семья подле семьи рядом. Токмо не бывает полков против очага: ибо там обыкновенно стоит домовая посуда их, чаши и корыта деревянные, в которых и себе и собакам есть варят. А в которых юртах полков нет, там вокруг мест, где спят, положены бревна, а самые места уславы рогожами.

Украшения в юртах никакого нет, кроме того, что у не-

которых стены обвешены бывают плетеными из травы рогожами, а по их званию чирелами.

У северных камчадалов бывает в юртах по два идола, из которых один называется хантай, а другой ажушак. Хантай делается наподобие сирены, то есть с головы по груди человеком, а оттуда рыбою, и ставится обыкновенно подле огнища; а для чего и во образ кого, другой причины не мог вывести, кроме того, что есть дух сего имени. Идол сего хантая ежегодно делается новой во время грехов очищения, и ставится со старым вместе, по числу которых можно узнать, сколько которой юрте лет от построения. Ажушак есть столбик с обделанною верхушкою наподобие головы человеческой, ставится над домашнею посудой, и почитается за караульщика, отгоняющего от юрты лесные духи, за что и кормят его камчадалы по всякой день, мажут ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные камчадалы имеют и называют ажулуначь, но вместо хантаев есть у них по грядкам колые с обтесанными головками, именуемое урилыдачь.

Входят в юрты по лестницам стремянкам, под которыми обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно входить и выходить из юрты: ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя; и проходя сквозь дым должно переводить дух, чтоб не задохнуться. Но камчадалам то не препятствует, ибо они по своим лестницам, на которых ступенях токмо носками становиться можно, так как белки наверх взбегают; и бабы с малыми ребятами за плечьями сквозь дым ходить не опасаются несмотря на то, что они и коекчучи имеют позволение входить и выходить чрез другое отверстие, которое просто жупаном называется. Впрочем естли мушина пойдет жупаном, тотчас причину подаст над собою смеяться: ибо сие у них столь странное дело, что казаков, которые при первом случае не обыкнув ходить сквозь дым, выходили жупаном, почитали они всех коекчучами.

Головни из юрт выметывают в верхнее отверстие ущемя в две нарочно для того зделанные палки, которые называют андронами, и тот за великого щеголя и удалца почитается, которой большие головни из глубокой юрты выбрасывает метко.

В сих юртах живут камчадалы с осени до весны, а потом выходят в балаганы. Южные камчадалы юрту называют тгомкегсчичь, а северные кузучь или тимусчичь, верхнее

отверстие **оночь**, нижнее **линем**, закрывку его **шолоначь**, отчего весь выход казаки называют **жупаном**; стоячие столбы в юрте **кокод**, а толстые бревна, которые с земли прислоняются к перекладинам, **кошпед**.

При каждой юрте бывают по малой мере столько балаганов, сколько семей в острожке: ибо оные и вместо кладовых анбаров, и вместо летних покоев служат, а делаются следующим образом. Сперва ставят девять столбов вышиною сажени по две и больше, в три ряда в равном расстоянии. Столбы связывают перекладинами, на перекладинах мостят пол кольем, и устилают травой: поверх полу делают из колья ж высокой востроверхой шатер, которой обрешетя прутьями или тонкими кольями ж, покрывают травой. Траву прижимают кольем, а для крепости, чтоб не сносило ветром, концы верхнего колья с концами нижнего связывают ремнями и веревками. Двери у них делаются с двух сторон, одни против других прямо. Ходят на балаганы по таким же лестницам, как в зимние юрты.

Такие балаганы бывают у них не токмо при зимних юртах, но и на летовьях, где корм промышляют, и сие строение по обстоятельству тамошних мест весьма способно и нужно: ибо в разсуждении тамошних мокрых погод во время рыбной ловли принуждены они бывают досушивать рыбу под балаганами. Но есть и другая тамошним жителям выгода от балаганов...^{*} ежели бы оное строение не столь высоко было, то бы звери ничего им не оставили, ибо есть примеры, что медведи взлазят иногда и в балаганы, несмотря на все трудности, особливо же в осеннее время, когда в реках рыба и по полям ягоды перемежаются.

На летних промыслах при балаганах делают травяные шалаши, которые по камчатски **бажабаж**, а по русски **барабарами** называются. В них они по большей части есть варят и рыбу чистят в ненастливую погоду, а казаки соль варят из морской воды.

Многолюдные острожки обставлены бывают вокруг балаганами и издали показывают преизрядной вид. Всякой такой острожек кажется городом по причине балаганов, которые и сами мы не видав почитали башнями.

Камчадалы строят свои острожки обыкновенно по островам в густых тальниках, или на таких местах, которые от натуры крепки, и безопасное имеют положение, расстояни-

---

^{*} Далее объяснение выгоды от балаганов.

ем от моря не меньше 20 верст, а иногда и гораздо дале; а на устьях рек бывают у них летовья. Однако сие касается до одних южных камчадалов, кои живут по Пенжинскому морю, а по Восточному морю есть острожки и подле самого моря.

Всякой острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не преселяется. Естли по какой нибудь причине одна или несколько семей пожелают жить особливыми юртами, то делают оные выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в реку их. Чего ради думать можно, что на всякой реке живут сродники, которые происходят от одного прародителя. Сами камчадалы, по объявлению Стеллера, говорят, что Кут, которого иногда богом, а иногда прародителем называют, на каждой из камчатских рек жил по два года, и детей родив оставлял их на природном их месте, от которых каждая река имеет ныне своих жителей. Таким образом Кут их дошел до Озерной реки, которая течет из Курильского озера и аки бы совершив течение и труды свои приставил к горе баты свои и отбыл с Камчатки.

На промыслы звериные ходят камчадалы по своим же рекам, что, может быть, преж сего наблюдалось строго, но ныне желающие промыслять морских зверей, ходят верст по двести от своих жилищ на Авачу и на Курильскую лопатку.

О домово́й посуде и о других нужных в житии потребностях

Вся камчатская посуда и все экономические их принадлежности, состоят в чашах, корытах, берестеных кужнях, а по тамошнему чуманах, да в санках и лодках; в чашах и корытах варили они есть и себе и собакам, кужни употребляли вместо стаканов, санки к езде зимою, а лодки летом. Чего ради и писать бы о том более нечего, естли бы сей народ так как другие имел тогда или знал употреблять металлы. Но как они без железных инструментов могли все делать, стрбить, рубить, долбить, резать, шить, огонь доставать, как могли в деревянной посуде есть, варить, и что им служило вместо металлов, о том, как о деле не

всякому знаком, упомянуть здесь не непристойно, тем наипаче, что сии средства не разумной или ученой народ вымыслил, но дикой, грубой и трех перечесть неумеющий. Столь сильна нужда умудрять к изобретению потребного в жизни!

Прежние камчатские металлы до прибытия почти россиян были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы, наподобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорикам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большие лодки, большие чаши или корыта, которые по тамошнему хомягами называются, в такой чести и удивлении бывали, как нечто зделанное из дорогого металла, преевысокою работою, и всякой острожек мог тем хвалиться пред другими, как бы некоторою редкостью, особливо когда кто наваря в одной посуде пищи не одного гостя мог удовольствовать, ибо в таких случаях один камчадал против дватцати человек съедает, как о том ниже объявлено будет. А варили они в такой посуде рыбу и мясо каленым камнем.

Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя наподобие ланцов востроконечные и насаживали их на черенье деревянное. Из того ж хрусталя бывали у них стрелы, копья и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Огнива их были дощечки деревянные из сухого дерева, на которых по краям навёрчены дирочки, да кругленькие из сухого ж дерева палочки, которые вертя в ямочках огонь доставали. Вместо труда употребляли они мятую траву тоншичь, в которой раздували загоревшуюся от вертения сажу. Все сии принадлежности обертя берестою каждой камчадал носил с собою, и ныне носят, предпочитая их нашим огнивам для того, что они не могут из них так скоро огня вырубать, как достают своими огнивами. Но другие железные инструменты, топоры, ножи, иглы и прочее, и от них так высоко почитаются, что с начала их покорения и тот себя почитал за богатого и щастливого, у кого был

какой-нибудь железный обломок. Не пропадет у них и ныне даром ни иверешок из перегорелых котлов железных; могут они делать из них клепики, стрелы, или что-нибудь полезное; причем то удивительно, что они не калят железа, но холодное положа на камень куют камнем же вместо молота. Таким образом поступают с железом не токмо камчадалы, но и коряки и другие дикие народы, особливо же чукчи, которые, покупая у наших железные котлы дорогою ценою, перекавывают в копья и стрелы; ибо им, как немирному народу, никаких железных инструментов продавать не велено, но о посуде никто прежде не думал, чтоб они покупали на сей конец. То ж делают они и с оружием огненным, которое отбивать им у наших случается, ибо они стрелять из него не умеют...*

Железную и медную посуду еще во время моей бытности токмо те употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались российскому житию последовать...**

Сказывают, будто железные инструменты знали камчадалы еще до покорения российской державе, а получали их от японцов, которые приежжали к Курильским островам, а однажды и на Большую реку морем; и будто камчадалы японцов шишаман называют для того, что чрез них узнали железные иглы, ибо игла по камчатски шишь называется. Что касается до Курильских островов, то сомнения нет, что прежде сего приезжали туда японцы на бусах, и торговали: ибо я и сам достал с Курильских островов японскую саблю, лаковой поднос и серебряные серги, которые ниоткуда получены, как только из Японии; а бывала ли когда японская буса на Большой реке, о том заподлинно утверждать нельзя для того, что кажется трудно поверить, чтоб такие мореходы, каковы японцы, отважились итти для купечества в неизвестные страны и проведывать пристанища с трудом и опасностью; разве, может быть, приносило когда такое их судно погодою, как то нередко случается.

Из всей работы сих диких народов, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто делают, ничто мне так не было удивительно, как цепь из моржовой кости, которая привезена на боту «Гаврииле» из Чукоцкого носу. Она состояла из колец, гладкостию подобных точеным и из одного зуба была зделана; верхние кольца были у ней больше, нижние меньше, а длиною была она немного меньше по-

* Далее примечание об обращении с железными предметами.

** Замечание о том, кто такой посудой пользуется.

луаршина. Я могу смело сказать, что по чистоте работы и по искусству никто б не почел оную за труды дикого чукчи и за деланную каменным инструментом...* А к чему сия цепь была употребляема, о том неизвестно, ибо казаки нашли оную в пустой чукоцкой юрте.

Коряцкие куяки, которые они из мелких продолговатых косточек сшивают ремнями, и их так называемые костяные троерогие чекуши, которые насаживают они на долгие ратовища, и в военное время употребляют, также не недостойны примечания: ибо кость так гладко обделана, что лоснится...**

Камчатские лодки, или по тамошнему баты, делаются двояким образом, и по разности образцов разными именами называются, одни кояхтахтым, а другие тахту. Кояхтахтым от наших рыбачьих лодок никакой не имеют отмены, ибо и нос у них выше кормы, и бока разложисты: а у лодок тахту нос и корма с боками равны или ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради к езде весьма неспособны, а особливо в погоду, ибо вода в них тотчас заливается. Кояхтахтым употребляются по одной реке Камчатке от вершины до самого устья, а в других местах как по Восточному, так и по Пенжинскому морю тахту.

Когда к лодкам тахту пришиваются набои, что обыкновенно делается у жителей Бобрового моря, тогда они байдарами называются, и жители в них гоняются по морю за морскими зверями. Дны у таких байдар колют они нарочно, и зашив китовыми усами конопатят мохом или мягкой кропивою, ибо примечено ими, что нерасколотые байдары на морских валах колются, и бывают промышленникам причиною гибели. Островные курильцы и на Лопатке живущие, байдары строят с килем, доски пришивают усами ж, а конопатят мохом. По всей Камчатской земле, не делают лодок ни из какого дерева кроме тополи, исключая курильцов, которые того не наблюдают: ибо они строят байдары свои из леса, выбрасывающегося из моря, которой приносит из Японии, Америки и с берегов китайских, а у них не растет лесу к строению удобного. Северные камчатские народы, сидячие коряки и чукчи делают свои байдары из кож лахташных, как уже выше объявлено, а причина тому может быть недостаток же в удобном лесу, или что не имевшим железа кожные делать способнее было.

---

* Далее оценка работы неизвестного мастера.

** Далее об изготовлении санок в последующей главе.

В батах и рыбу ловят, и кладь возят по два человека, из которых один на носу, а другой на корме сидит. Вверх по рекам взводят баты на шестах с превеликою трудностью, ибо на быстрых местах стоят иногда с полчетверти все вытянувшись на шесты, которыми опираются, пока лодка на поларшина подастся. Однако несмотря на все трудности удалые камчадалы взводят таким образом баты и с грузом верст по двадцати вверх, а налегке переходят верст по тридцати и до сорока. Чрез реки перегребают обыкновенно стоя, как волховские рыбаки в челноках своих.

Клади на больших батах можно возить пуд по тридцати и по сороку. Когда кладь легка, но озойна, какова например сухая рыба, то перевозят оную на паромах, сплотив два бата вместе, и наместя мост, однако вверх по быстрым рекам паромы проводить и трудно и продолжительно, чего ради употребляются они токмо по реке Камчатке, которая по глубине своей и умеренной быстрине к тому способна; а по другим рекам только вниз по рекам на паромах ездят, а вверх редко, и то по нужде, когда по окончании рыбных промыслов у моря надобно переезжать в острог со всем домашним прибором и с малолетними или когда кладь такова, что в бат уместить нельзя, как например бочки и кадки с рыбою, которые насаливают рыбы у моря.

О мужской и женской работе

В камчатском житье, как в крестьянстве, в разные времена и работа бывает различная. Летнее время мушины трудятся в ловле рыбы, в сушении ее, в перевозке от моря на свои жилища, в припасе собакам корму, костей и кислой рыбы; а женщины между тем чистят изловленную рыбу, пластают, а иногда и в ловле мужьям способствуют. Излишнее время употребляют они на собиранье разных трав, коренья и ягод не токмо на пищу, но и в лекарства: делают сладкую траву, которую прежде токмо на пищу, а ныне, и для сидения вина употребляют, готовят кипрей и траву, из которой плетут ковры свои, епанчи, мешечки и другие домашние мелочи, и все как съестные, так и другие припасы имеют на руках своих.

Когда осень настанет, тогда мушины упражняются в ловле осенней рыбы, в промысле различных птиц, гусей, лебедей, уток и прочая; водятся с своими собаками, вывязы-

вая и выдерживая их, как якуты лошадей своих; заготавливают лес к деланию саней и другой работе потребной; а женщины водятся с кропивою, рвут, мочат, мнут, обдирают и кладут под балаганы, ходят по тундрам и вынимают из мышьих нор лилейные коренья, или по тамошнему сарану, разного роду.

Зимою мушчины ходят за соболями и лисицами, вяжут сети для ловли рыбы, делают санки, ездят за дровами, перевозят запас свой из разных мест, где летом приготовили, а не успели перевезти осенью; а женщины наиболее трудятся в сучении ниток на сети...*

Весною, когда реки проходят, и рыба, которая в них зимовала, к морю подымается, мушчины упражняются в ловле ее, или ездят к морю, и промышляют вахню, которой по морским губам бывает тогда великое довольство; а некоторые и в дальние места на Восточное море и на Курильскую лопатку для ловли морских бобров и других морских зверей отлучаются; а женщины ходят по тундрам, собирают черемшу и другие молодые травы не токмо для награждения обыкновенного тогдашнего недостатку в пище, но и для забавы. Ибо они зелень так любят, что во все внешнее время почти из роту не выпускают...**

Сверх того до мужеской работы принадлежит юрты и балаганы строить, юрты топить, стряпать, собак кормить, при случае гостей подчивать, собак обдирать и других зверей, когда понадобятся на платье, и в приуготовлении домового и военного снаряду; а женская работа состоит в выделывании кож на платье и обувь, в шитье платья и обуви, ибо они у камчадалов и портные и сапожники, а мушине за то приняться такое бесчестие, что тотчас почтется за коекчуча...***

Всякие кожи, которые на шубы употребляют, например оленьи, тюленьи, собачьи, бобровые, делают они одинаким образом. Сперва мочат мездру водою, и камнем утвержденным в средину палки сбивают болонь и жилы, которые остаются при снятии; потом намазывают жеваную икрою квашеною или свежею, и свернув кожу топчут ногами по тех пор, пока мездра провянет; после опять скоблят и на-

---

* Далее о продолжительности работы.

** Далее оценка дневной работы в тундре.

*** Далее о круге работ коекчучей.

тирают, продолжая работу до тех пор, пока мездра мягка и чиста будет.

А которые кожи ровдугами или замшею сделать намерены, с тех сперва сбивают жилы и болонь объявленным же образом, потом коптят их в дыму с неделю, после мочат и парят, чтоб шерсть отопрела, а наконец намазывают икрою, мнут, топчут и скоблят камнем, как выше показано.

Оленьи и собачьи кожи на платье красят ольхою чрез многократное натирание мелко изрубленную корою; а тюленьи, которые на платье, обувь или на ремни, которыми санки обвиваются, особливим образом: оправив с кожи шерсть, сшивают оную мешком вверх шерстью, и сваря крепко ольховой рубленой коры вливают в помянутой мешок и зашивают. Спустя несколько времени вешают мешок оной на дерево, и бьют палкою, потом опять дают лежать некоторое время, а после опять вешают, и бьют палкою, и сие продолжают по тех пор, пока краска в кожу довольно въестся, тогда расшивают мешок, растягивают кожу и сушат на воздухе, а наконец мнут до мягка руками, и употребляют в дело. Такие кожи на сафьян много походят, однако ломутки, как пишет Стеллер, лучше их умеют выделять, а называют их мандарами, и каждую кожу продают до осьми гривен.

Тюленью шерсть, которую просто называют красною, и окладывают ею платье и обувь, красят они бруснишным соком сваря его с ольховою корою, с квасцами и с каменным маслом, и сия окраска бывает жаркова цвету.

Платье и обувь шивали они костяными иглами, а вместо ниток употребляли оленьи становые жилы, которые разделя сучат как нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей делают они из рыбьих сухих кож, а особливо из китовой. Оные кожи обвертывают в бересто, загребают в горячей пепел, и немного спустя вынимают, и употребляют на что надобно. Им можно клеить столь же крепко, как лучшим карлушчетым клеем.

О камчатском платье

Материя, из которой камчадалы прежде сего носили платье и ныне по большей части носят, оленьи, собачьи, нерпичьи и других как морских, так и земных зверей, и птичьи кожи, которые они без разбору в одну шубу сшива-

ли, что еще и мне в курильских парках случилось видеть, но однако в верхнем платье имеют отмену, хотя она и не весьма велика.

Верхнее платье по казачьи называется куклянка, от северных камчадалов коавис, а от южных кахпитачь; а делаются куклянки двумя разными покроями: у одних подол бывает ровной, а у других назади с нарочитою выемкою и с хвостом долгим; первые под именем куклянок круглых, а другие под именем куклянок с хвостами известны. Впрочем шьются из кож оленьих длиною несколько ниже коленей с широкими рукавами и с кулем, которой на голову в случае вьюги поверх шапки надевается. Ворот у них как только голове пройти, к вороту пришиваются собачьи лапы, которыми в погоду лице закрывают. Вкруг подолу, рукавов и вкруг куля опушиваются куклянки рослою белою собачиною, что выше всякого пуху почитается. На спине пришиваются к ним ряски из ремешков распестренных краскою, а иногда и по две великие шишки, расшитых шелками или различных цветов ремешками и распестренных краскою ж. Надеваются обыкновенно парами, нижняя шерстью, а верхняя мездрой вниз. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираются кожи таких шерстей, каковы в чести у них, а именно черная, белая и пегая, которая выше всех почитается. Однако сего платья за сущее камчатское почестъ не можно: ибо они от коряк его получали, а сами шивали наиболее из собачьих кож, из соболей, лисиц, еврашек и из каменных баранов, впрочем тем же покроем, как выше показано.

Есть еще платье, называемое камлеи, которое парами же носится, а разность его от куклянок состоит в одной длине, что оно делается почти по пяты, сверх того никакими красками не красится. Но и сие от коряк же получается.

Лучшее платье, которым и казаки и камчадалы щеголяют, по казачьи называется парка, от северных камчадалов тингек, а от южных тангак, длиною бывает с куклянку, в подоле шире, а подмышками уже, с рубашечным воротом и с рукавами узкими. Вкруг подолу, вороту и вкруг рукавов обшивается подзорами и окладывается бобровым пухом.

Подзоры у северных камчадалов чисту, а у южных еганем называемые шьются следующим образом. Замшеной ремень шириною пальца на полтора разчерчивается клетками в три ряда, клетки длиною бывают около полувершка, и каждая разным шелком разшивается, включая верхний

ряд, которой через клетку вышивается белыми волосами из бороды оленьей. К такому ремню сверху и снизу пришивают по красному или черному мандарному ремню, которой узорами ж из собачья горла выделанного на подобие лайки распестрен. К ремням пришивают собачье ж горло вырезанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покорении, а до того распестряли их оленьими волосами, крашеною шерстью и собачьим горлом.

Вышепомянутое платье и мушины и женщины без разбору носят, а разность между мужским и женским состоит в нижнем платье и в обуви. Женское нижнее платье, в котором они дома обыкновенно ходят, содержит и штаны и душагрейку вместе сшитые. Штаны длиною и шириною подобны голанским брюкам, и также подвязываются ниже колена; а душагрейка с воротом, которой на веревочке и стягивается и распускается. Сие платье называется хоньбами и с ног надевается. Оно бывает летнее и зимнее; летнее шьется из ровдуг, или из кож морских зверей, выделанных на подобие ровдуг, а зимнее из оленьих и из кож каменных баранов, которое они носят иногда вверх, а иногда вниз шерстью. Мужское покоевое или домашнее платье есть ременной пояс по их махва, у которого наперед пришит мешечик для прикрытия тайного уда, а назади ременные мохры для прикрытия заду, впрочем бывает оной раскрашен и перпичьею крашеною шерстью. В сем платье хаживали прежде сего камчадалы не токмо дома, но и на промыслах в летнее время, но ныне употребляется оно токмо у отдаленных от российских острогов, а ближние носят рубахи, которые покупают у русских.

Летние штаны как у мужеского, так и у женского полу одинакие; шьются из разных кож наподобие портков, каковы носят мужики деревенские, токмо поуже. Зимние мужские штаны хотя тем же покроем бывают, как летние, однако с тою отменою, что шире и что огузье у них вниз шерстью, а сопли, на которые обыкновенно олени или волчи камасы употребляются, вверх шерстью. Поконец соплей бывает ровдушной, или суконной опушень, в которой ремень продевается для завязывания обуви, на которую надеваются, чтоб снег за оную не засыпался.

Мужская обувь от женской вообще разнствует тем, что у мужской голенищи коротки, а у женской по колено долги, впрочем шьется из различных кож. Которую носят летом в

мокрую погоду, та делается из сырой тюленьей кожи вверх шерстью наподобие поршней, каковы носят сибирские казаки и татары, когда бечевою ходят, ибо и поршни шьются из сырой же лошадиной или коровьей кожи вверх шерстью. Зимнюю обувь, в которой ходят на промыслы, шьют из сушеной рыбьей кожи, а особливо чавычьей, кайковой и няркиной, но она хороша токмо в морозы, а в мокрую погоду тотчас распалзывается. Наиболее употребляют на зимнюю обувь оленьи камасы, которые носят вверх шерстью, подошва у них бывает из лахташной кожи, а для большего тепла собирают их и из лоскутья оленьих камасов, у которых шерсть долга, и из медвежьих камасов, в которых подошвах сверх тепла и сия есть выгода, что можно ходить и по скользким местам без опасности.

Лучшая обувь, которую также как парками казаки и камчадалы шеголяют, шитые торбасы, которые походят несколько на упуки и также подвязываются ремнями. Подошва у них бывает из тюленьей белой кожи, головы из красной мандары, взъемы из белой лайки, или по их собачья горла, а голенища из замши или из тюленьей крашеной кожи, к которым наверху широкие подзоры пришиваются, каковы к паркам. Сия обувь такой важности, что естели на холостом ее увидят, тотчас будет подозрение, что у него есть любовница. Такие торбасы по камчатски называют эгоейнут и дзилет.

Чулки носят они из собачьих кож, а называют их чажами, но наибольше обвивают ноги тоншичем, отчего по скаскам их не меньше чажей тепла, а притом сия выгода, что не потеют ноги.

Шапки носят такие ж как якутские, но господин Стеллер объявляет, будто преж сего бывали у них шапки из птичьих перьев и из звериных кож безверхие, наподобие старинных наших треухов бабьих, токмо с тою отменою, что уши у камчатских шапок не сшивались вместе. Летом носят они берестенные умбракулы, которые завязываются на затылке, а у курильцов летние шапки плетеные из травы наподобие венчика.

Женской лучшей головной убор парик, о котором выше упомянуто. Сии парики так любы им бывали и милы, что по объявлению Стеллера, препятствовали многим к восприятию православной веры для того, что при крещении снимали с них такое странное украшение; а у которых натуральные волосы по паричному расшиты были, тех остригали к чув-

ствительной их печали и горести. Девки расплетали волосы свои на мелкие косы, которые для лоску мазали тюленьим жиром. Но ныне все отменилось, ибо как женщины так и девки по российски убираются...*

Женщины всякую работу делают в перчатках, которые шьются без пальцев, и никогда их не скидают.

Лица прежде сего умывать не знали, но ныне белятся и румянятся. Вместо белил употребляют гнилое дерево, которым мелко истертым натираются, а румянятся некоторою травой морскою, которая видом как елочка. Сию траву мочат они в тюленьем жиру и намазывают щеки столь же красною, как румянами.

Большее щегольство и наряды бывают у них зимою, когда много проезду. Естли появился сторонней, то все за наряд принимаются, моются, белятся, и одеваются в лучшее платье...**

О пище и питии камчатского народа и о приуготовлении оных

Уже выше сего объявлено, что камчадалы питаются кореньем, рыбою и морскими животными...***

Главная их пища, которую должно почестъ за ржаной хлеб, есть юкола, которую делают они из всех рыб лососья роду. Каждую рыбу разнимают они на шесть частей, бока с хвостом особливо вешают и сушат на воздухе; и сия сушеная рыба свойственно юколою называется; спинки и тиоши, или по их пупки, особливо готовят, а больше паровят. Голову квасят в ямах, пока весь хрящ покраснеет, и едят их вместо соленых почитая за приятное кушанье, хотя вони от них терпеть почти не можно. Тело, которое по снятии боков остается на костях, особливо снимают и сушат вязками, которое в толчение употребляют, а кости на особых же вязках сушат для содержания собак своих. Таким образом готовится юкола и у других народов из всяких рыб, и везде

---

* Далее описание одежды.

** Далее о стоимости одежды.

*** Далее о содержании главы

известна под именем юколы, а едят оную наиболее сухую. Камчадалы своим языком называют ее заал.

Второе камчатское любимое кушанье икра рыба по их именуемая инетоль, которая трояким образом приуготовляется: 1) сушится на воздухе вязками, 2) вынимается из перепонки, в которой как в мешечке содержится, и наливается в стебли или дудки различных трав, а особливо сладкой травы, и у огня сушится, 3) делается прутьями, и в листе травяном сушится. Никто не ходит на промысел или в дорогу без сухой икры как без надежного содержания. Буде у камчадала фунт икры, то он долго жить может без другой пищи, всякая береза и ива запас его, и он корку с сих дерев с икрою столь же приятно есть может, как другие кушанья, но икрою и коркою порознь питаться долго не может. Ибо икра безмерно клейка, и так в зубах вязнет, что трудно и вычистить, а кора суха, так что и тому надивиться довольно нельзя, когда они для забавы и без икры иногда едят ее вместо конфектов; ибо другой, сколько бы ни жевал ее, подлинно не свободно проглотит, но когда оба сии кушанья вместе употребляют, то одного недостаток, как они говорят, другим награждается.

Есть еще четвертый образец приуготовления икры, но оной не у одних камчадалов, но и у коряк примечается. Свежую икру кладут они в ямы, усанные травой, и, закрыв травой ж и землею, квасят, и сия кислая икра почитается у них за такое ж приятное кушанье, как у нас зернистая икра свежая. Но коряки квасят оную в мешках кожаных, а не в ямах.

Третье кушанье камчатское называется чуприки, которые готовят из разных рыб следующим образом. В юртах, в балаганах и в барабарах над очагом делают они помост из колья, и кладут на оной рыбы в вышину до трех аршин, после того натапливают юрту или балаган, как баню, и skutывают жарко; естли рыбы на помостах не много наложено будет, то она поспевает скоро, и бывает тогда готова, как юрта простывает; в противном же случае натапливают их по несколько раз перемешивая рыбу. Такая рыба бывает полужареная и копченая и вкусом весьма приятная, так что чей вымысел приуготовления рыбы может почестся за самой лучшей на Камчатке: ибо весь сок и жир весьма тихо, и как бы в вольной печи выжаривается. Тело рыбе в коже, как в мешке лежит, которую снять можно без трудности. Потрох и кишки вынимаются из рыбы, когда она поспеет.

Тело растирается мелко, сушится на рогожах досуха и кладется в мешки из травы плетеные. И сие есть настоящая камчатская порса, которую и тунгусы около Охотска также готовят. Вяжут же такую жареную рыбу и плетенками не растирая тела, и едят сухую, как юколу.

Самое деликатное камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасят в ямах таким же образом, как о кислой икре показано, а называют оную хуйгул...* Тунгусы и казаки в Охотске таким же образом как и якуты готовят рыбу, токмо с сею отменой, что вместо дровяного пеплу употребляют пепел из пережженной морской травы. Свежую рыбу варят в корытах, выбирают на лотки и простудя едят с прихлебкою, которая делается из сладкой травы в воде моченой.

Что касается до мяс морских и земных зверей, то варят их в корытах с разными кореньями, а особливо с сараню: похлебку пьют ковшами или чашами, а мясо с лотка едят руками, и похлебки все вообще, в том числе и собачью, называют опанга. Китовой и нерпичей жир едят вареной с кореньями ж и паровленной в ямах. Вареной жир, а наипаче нерпичей, кроят ремнями, и сколько в рот захватят, столько ножом отрезают у самых губ, и целиком глотают, как крохали или чайки рыбу.

Главное и богатое кушанье, которое готовится на пирах или в праздники, называется селлага, а по казачьи толкуша. Делается из различных кореньев и всяких ягод толченых с икрою, с нерпичьим и китовым жиром, а иногда и с вареною рыбою. Толкуши из кислых ягод и сараны весьма приятны, потому что и кислы, и сладки и сытны; но нестерпима скверность в приуготовлении...**

Что касается до питья, то камчадалы не знали кроме воды до самого своего покорения; для веселья пивали они мухомор в воде настоянной, о чем ниже будет объявлено, а ныне пьют и вино, как и тамошние российские жители, и совсем на нем пропиваются. Воды пьют много после обеда. Ввечеру никто не ложится спать не поставя у постели ведра воды, притом кладут в нее много льду и снегу...***

---

* Далее о приготовлении кислой рыбы.

** Далее о приготовлении толкуши.

*** Далее о забавах со снегом и трудностях добывания его летом.

О езде на собаках и разных к оной принадлежащих приборах

Что камчадалы и тамошние казаки зимою собак вместо лошадей к езде употребляют, о том уже выше упомянуто. А здесь объявить должно, каковы их собаки, что к езде на них требуется и как на них ездят.

Камчатские собаки от наших дворовых простых собак ничем не разнствуют...^{*} однакож можно вообще сказать, что там белых, черных и серых больше, нежели других шерстей.

К езде употребляются кладеные, а запрягают их обыкновенно по четыре в санки, по две в корени и по две наперед, и четверня собак называется там нартою, так как здесь шесть лошадей цугом.

Приборы надлежащие к езде на них: санки, алаки, побежник, узда, ошейники, вязки и оштал.

Санки, по их шежхед, делаются о двух копылах. Копылье гнутся из кривова березового дерева, наподобие раздвинутого циркуля, вышиною в три четверти, а расстояние между ножек внизу на поларшина. На каждом копыле в изгиби проверчены по две дирочки. Ножки у них близ нижнего конца зарублены, а на самом конце вырезаны. Сквозь помянутые дирочки продеваются в оба копыла тоненькие батожки, которыми оные связываются, расстоянием на аршин между собою. К каждому батожку приплетается ремнями другой батожок равной длины и толщины. Передние концы оных батожков с задними так крепко стягиваются ремнем, что с обоих концов становятся дугою. Вдоль по батожкам привязываются лучки зверх рожками один от другого на четверть и меньше. Рожки у помянутых лучков зарублены, за которые зарубки прикрепляются оные к ремням, коими концы батожков стянуты. По концам батожков кладутся поперечные палочки, и увиваются ремнями ж. Таким образом оснуется решетка, которая бывает наподобие долгого глубокого и узкого лотка, длиною аршина полутора и доле, а шириною в поларшина и уже. Полозье, на которое ставится объявленная решетка, длиною бывает четвертей в 11, шириною вершка в полтора, а толщиною едва в полдюйма. В тех местах, где стоят копылье, оставляются

---

^{*} Далее о размерах собак.

горбки, кверху острые, а в середине прорезанные, на которые поставленное копылье привязывается продеваемыми сквозь прорезанные горбки и к зарубкам на ножках копылья находящимся прикрепляемыми ремнями. Головки у полозья бывают не круты, но отлоги, и по концам вместо вязка поперечную палкою перевязаны.

Алаки или лямки делаются из широких мягких и вдвое изогнутых ремней, которые на собак через переднюю лопатку накладываются, правой собаке через левую, а левой через правую. К концам алаков привязывается долгой и тонкой ремень с кляпом на конце, потягом называемой, которой объявленным кляпом в кольцо находящееся на поперечине у головашек вкладывается.

Побежник называется долгой ремень, у которого на одном конце привязывается кляп, который вкладывается в кольцо на середине поперечины головашек укрепляемое, а на другом цепочка, у которой как по концам, так и на середине кольца. Оной побежник служит вместо дышла, а цепочка на нем вместо коромысла, ибо им коренные собаки связываются, чтоб врознь не разбегались.

Уздою называется такой же ремень с кляпом и цепочкою, которою передние собаки связываются, токмо гораздо доле: ибо конец его с кляпом к кольцу ж на головашках прикрепляется.

Ошейники делаются из широких же ремней, а на них по кляпу висячему на коротких ремнях, которые в кольца цепочки на узде или побежнике продеваются. Делаются ж ошейники и из медвежьей кожи вверх шерстью, и для красоты на собак надеваются.

Вязки, на которые собак вяжут, делаются костяные или деревянные, у которых на одном конце дирочка, а на другом зарубка. В дирочку вкладывается кляп от ошейника, а за зарубку привязывается долгой ремень, чтоб собаке около столба ходить было можно. Оные вязки для того употребляются, что собаки от ремней или от веревок отъедаются, а железных цепей у них не бывает.

Ошталом называется кривая палка, длиною аршина в полтора, которым собак погоняют, останавливают и правят. Для понуждения собак делаются на головке оной палки побрякушки или колокольчики, останавливают уткнув оштал перед копылом передним и бороздя дорогу. А правят, буде надобно влево, то бьют ошталом по снегу и кричат «уга», буде же вправо, то бьют в передней копыл и кричал «хна»,

«хна», «хна»; между тем ногами бороздят и собак одерживают. Как оштал, так и санки для прикрасы увиваются разноцветными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается...*

Сидят на санках опустья ноги на правую сторону, а оседлав санки сидеть почитается за великой порок, ибо таким образом сидят на них камчадалские женщины; таково ж бесчестно и то, ежели б кто взял к своим санкам проводника, для того, что бабы с проводниками ездят...**

...Ездуку необходимо должно быть осторожну и стараться хранить равнovesи; в противном же случае узкие и высокие санки и на самых малых раскатах или ухабах опрокидываются, причем ездок подвержен бывает немалому страху, особливо на пустом месте, ибо собаки убегают, и не станут, пока в жилье придут, или за что нибудь на дороге зацепятся, а он принужден бывает пеш итти, чего ради в таких случаях всякой старается, как можно, за санки схвататься, и тащен бывает иногда с версту, пока собаки выбившись из силы остоятся...*** На... спусках собак выпрягают, и в поводу водят оставя токмо одну, которая бы санки правила, чтоб дорогой катились, а под полозье подвязывают ременные кольца, чтоб не катки были.

На крутые горы поднимаясь должно итти пешком, ибо собаки и простые санки взвозят с нуждою. Глухой клади возят на нарте по пяти пуд не считая корму, которой подводчики для себя и для собак берут на дорогу. С кладью по торной дороге переезжают верст по 30 на день и больше, а налегке, особливо же весною по насту, на костяных полозьях верст по полтора.

Когда выпадает глубокой снег, то не проложат дороги на собаках ехать не можно, прокладывают дорогу подводчики, а по-тамошнему каюры на лапках, которые бродовщиками называются.

Лапки делаются из двух не весьма толстых брусков, на середине двумя поперечинами распертых, а по концам вместо стянутых и наперед кверху загнутых, и ремнями часто переплетенных. На впорках привязывается путло, которое на ногу надевается. Бродовщик должен иметь на обеих ногах по объявленной лапке, и оставя собак на

---

* Далее названия предметов для езды на санках.

** Далее о стоимости нарты собак.

*** Далее о неудобствах санок из «одного строения»

месте итти вперед на некоторое расстояние, а потом воротиться тою же дорогою к собакам, и весть их по проложенной дороге. А потом оставя их паки итти вперед, и так мучиться до самого жилья...* Вящшее беспокойство в езде бывает, когда на пустых местах застанет вьюга. Тогда с возможным поспешением надлежит с дороги в лес сворачивать, и лежать вместе с собаками, пока утихнет погода, которая иногда по неделе продолжается. Собаки лежат весьма тихо, но в случае голоду объедают все ремни, узды, побежники и прочие санные приборы. Буде погода захватит несколько человек вместе едущих, тогда проежжие имеют сию выгоду, что они могут шалаш себе зделать, и окопаться снегом, но камчадалы шалашей мало делают, а отлеживаются наиболее в ямах усанных с дерев ветвями, обернувшись в свою куклянку и рукава спустя; причем так их заносит снегом, что ни рук, ни ног, ни головы не видно. Под снегом, оборачиваются они как шар, однако весьма осторожно, чтоб снегу, которым занесены, не рассыпать, ибо они под снегом лежат как в юрте имея скважину для дыхания, которая над ртом протаевает. Естли платье на них узко и подвязано поясом, то сказывают они, что стужи не можно тогда вытерпеть для того что платье от паров намокнет и греть не будет.

Когда погода застанет на чистой тундре, в таком случае ищут какого нибудь бугорка, и под него ложатся, а чтоб не занесло и не задушило снегом, то каждую четверть часа вставши отрясаются. Но понеже в восточные и южно-восточные ветры бывает обыкновенно мокрой снег, то проежжие обмокнув часто замерзают, ибо такие погоды наиболее кончатся северным ветром и стужею.

Кроме сильных ветров зимняя езда и потому опасна, что многие реки или не везде становятся, или с полыньями превеликими, которые и в самые жестокие морозы не замерзают...**

Лучшая и спокойная езда в месяцах марте и апреле по насту, однако притом сие беспокойство, что по две и по три ночи принуждено иногда ночевать на пустом месте, а камчадалов трудно принудить, чтоб они расклали огонь для варения или для обогрения, ибо они с своими собаками едят сухую рыбу, сидя на цыпочках, спустя штаны и куклянку.

---

* Далее об использовании лыж и лапок.

** Далее о трудностях зимней езды.

Причем довольно надивиться нельзя: 1) что они могут и сладко спать в сем бедном положении, 2) теплоте их природной, что они стужи мало чувствуют, ибо они вставши поутру столь теплы и красны бывают, как бы в теплом покое спали. Но сия теплота почти всем тамошним диким народам свойственна. Я видал некоторых иноверцов, коим образом они на пустых местах с вечера ложились к огню голою спиною, а как уснул, и огонь потух, то хотя спина и заиндевели, однако они спали без просыпу, будто бы их огнем пригревало.

О военном камчатском ополчении

Хотя камчадалы до покорения Российскому государству не были властолюбивы, и о распространении границ ни малого не имели попечения, как уже выше показано, однако столь часто между собою воевали, что году не проходило, в котором бы сколько нибудь острожков раззорено не было. Главное намерение браней их состояло в том, чтоб получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особливо женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество, а о причине была ли она или нет, законна ли или незаконна, не много они рассуждали. Иногда соседственные остроги и за то друг против друга вооружались, что дети между собою поссорились, а естли кто кого позвав в гости не столько, как надлежало, подчивал, то сие вменялось за такую обиду, которую мстить надлежало не иначе, как погублением всего острога, в котором случалось столь неприятельское действие.

Но в войне действовали они больше обманом нежели храбростью, ибо они так робки, что явно напасть не отважатся, кроме необходимой нужды; а сие тем удивительнее, чем сей народ меньше жалеет о своей жизни, ибо они и добровольно умирать не сомневаются. В неприятельские острожки врывались они ночным временем, что могли делать без препятствия для того что караулов у них не бывает. Таким образом и малолюдством губили они знатное число неприятелей без всякой себе опасности и сопротивления. Вся трудность к одержанию победы состояла в том, чтоб ускорить взбежать на юрту не выпустя из нее ни человека,

и стать над окном с палкою или с чекушею, ибо осажденным по состоянию строения юрт должно выходить тем окном по человеку, которых осаждающие и бить и вязать могли в небольшом числе.

С пленниками мужеска полу особливо знатнейшими удальством своим поступали они с обыкновенным всем тамошним народам бесчеловечием. Жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги, и всякие делали наругательства торжествуя при том о победе над неприятелями. Такое мучение случилось терпеть и некоторым казакам во время большого бунта, когда вся Камчатка находилась в движении.

Тогдашние их междуусобия немало способствовали казакам к покорению всего народа...*

Против казаков употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою и больше их губили, нежели оружием. когда казаки требовали ясаку с какогонибудь непокоренного острожка, то весьма редко имели сопротивление, но почти всегда приниманы были с честью и любовью как приятели; дарены щедро, подчиваны довольно, и ни в чем не имели отказу. Таким образом приведши их в оплошность побивали в ночное время, или выбравшись все вон из юрты зажигали оную с казаками. Такою хитростью в двух местах погибло человек до семидесять, которое число в рассуждении тамошнего малолюдства можно почесть за великое. Случалось же иногда, что камчадалы не улуча способу побить казаков при первом покорении, по два и по три года сряду ясак платили, а после побивали зборщиков, которые обыкновенно в малолюдстве посылаются.

Но хитрости их, которые казакам прежде бедственны были, ныне служат к предосторожности*. ...А когда прослышат на себя поход, то не к сопротивлению готовятся, но к долговременной осаде. Выбирают места высокие и утёсы, строят там свои острожки, и укрепясь ожидают своих неприятелей. Приступающим храбро противятся, стреляя из луков, и употребляя всякие способы к защищению. А когда увидят, что неприятель преогаает, то всякой камчадал заколов жену и детей своих или стремглав низвергается, или с

---

* Далее о военных причинах поражения камчадалов.

** Далее о неблагоприятных признаках приема со стороны камчадалов.

оружием устремляется на неприятеля, чтоб не умереть без отмщения...*

С начала покорения Камчатки были токмо два явные на Камчатке нападения: первое в Большерецком остроге 1710 году, а другое в 1713 году, когда отправление было для покорения камчадалов авачинских; однако оба случаи были им весьма неудачны, ибо при осаде Большерецка, хотя они и надеялись на великое свое множество так, что казаков, которых сидело в осаде 70 человек, шапками замечать не сумневались, однако как 35 человек выслано было на вылазку, то не могли они и первого стремления выдержать, но все обратились в бегство, кому куда способно было. А понеже они приплыли к острогу на батах, то бросаясь в оные, иные перетонули, а иные побиты; и сия их погибель столь была велика, что реки запрудились трупами. Авачинские иноземцы не меньше имели надежды победить походчиков, ибо каждой имел при себе ремень, на котором бы вести пленников, однако вместо того сами побиты или в плен взяты. В авачинской поход отправлено было казаков сто двадцать, да сто пятьдесят человек камчадалов; из чего можно рассуждать о множестве неприятелей, когда они такое множество по рукам разобрать надеялись.

Военное оружие и збуя их состоит в сайдаках, стрелах, чекушах, копьях и куяках. Сайдаки у них делаются из дерева лиственишного, и оклеиваются берестой, а тетивы из китовых жил. Стрелы обыкновенно бывают в аршин и в три четверти с костяными или каменными копейцами, а называются они разными именами по разности копейцов...** Стрелы их хотя и весьма плохи, однако опасны в сражении, ибо они ядом бывают намазаны, от которого раненой человек тотчас опухает, и в сутки умирает почти обыкновенно. И сей беды иным образом не можно избавиться, как высасыванием из раны яду. У копей их копейца бывали каменные ж и костяные, как уже и выше объявлено. Чекушки по их *уакарель* называются, у них костяные рагульки о четырех рожках, которые насаживаются на долгие ратовья.

Куяки или латы делали они из рогож своих или чирелов, также из нерпичьих и моржовых кож на ремни искроенных, которые ремни один под другой подвязывали так, что они могли складываться как фижмы. Надевали их с левого бо-

---

* Далее примеры массового самоубийства и военных столкновений.

** Далее о названиях стрел разного образца.

ку, и как душагрейку завязывали на правом. Сзади пришивали высокую доску, для защиты головы, а спереди такую же к груди, токмо короче.

В дальние походы ежжали они на собаках, а в ближние пешком ходили. В летнее время, где способно было, там наиболее употребляли паромы, на которых могли сидеть во многолюдстве.

В пешей их ходьбе сие достойно примечания, что они ни по двое в ряд никогда не ходят, но всегда по одиночке, а притом всегда по одним тропам, которые везде глубоко пробиты. Необыкновенному по их тропам ходить крайнее мучение, для того, что оные так узки, что одна только нога и то прямо устанавливается, ибо сей народ ступень в ступень ходит...*

К неприятельским действиям побуждали их женщины, властолюбие и всякие домовые вещи и уборы. Но чтоб каждой мог неприятелю противиться, то поддавались они старшим, храбрейшим и умнейшим людям, и по одержании некоторых побед начальникам своим оказывали такую любовь, какая потребна была к намерению их, чтоб мщением, получением добычи и равномерным ее разделением укрепиться во всей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имели в мысли своей нечто высочайшее, то есть чтоб быть владетелями, отчего наконец последовало одного народа разделение на разные, и учинились многие равносильные стороны.

Сперва начали коряки и от Тигиля вошед в Камчатку следовали западным берегом до Большой реки. После того восстали шантальцы под предводительством умного и храброго мужа Шандала. А как сей власть свою распространить вознамерился, желая получить ласкою то, что зависело от силы и оружия, то есть чтоб наложить дань на всех камчадалов мужеска полу и женска, то зделались паки две стороны, одна у вершин реки Камчатки, которая продолжалась до приходу россиан, а другая в Кроноках, которая простиралась жилищами до самой Лопатки. Наконец живущие от Голыгиной реки до Компаковой отпали от жителей Курильской лопатки. И хотя сии люди малочисленнее были, однако всех других превосходили силою...**

Около реки Апалы есть несколько гор, которые имена

---

* Далее о причинах междоусобиц в объяснении Стеллера.

** Далее о матери тайона первого курильского острова.

получили от происходивших там сражений. А сии лопатские жители, или просто курилы, потому были непобедимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарках своих по морю, и отходя с получением корысты без опасности погони, ибо камчадалы морских судов не имеют.

Что касается до властолюбия, которое в сих известиях господина автора упоминается, аки бы оно главною причиною было разделения тамошнего народа, то хотя сие и вероятно, ибо кто может подумать, чтоб и в самых диких народах не было властолюбия, или по крайней мере тщания о преимуществе, когда оное и в бессловесных животных примечается, однако предпринимать учреждение самодержавного владения и налагать дани, кажется потребно большее рассуждение, нежели каково камчадалы имеют. Что они ходили войною друг на друга, что в плен брали, и похищали съестные припасы и имение, из того заключить нельзя такого важного предприятия, каково о учреждении самодержавства, тем наипаче, что такому человеку, каким описывается Шандал, надлежало прежде власть свою утвердить над своим родом, и иметь в совершенном послушании, которого однакож и с самого начала покорения Камчатки нигде ни следу не примечено, но напротив того везде совершенное равенство. А разделение народов и разсеяние по разным местам Камчатки могло зделаться и по другой причине, как например по тесноте места, по недостатку довольного к пропитанию для множества, и прочая. Самое имя Шандал весьма мне сумнительно, был ли когда камчадал так называемой, для того что ежели бы такое имя у камчадалов было, то бы оно не вышло и поныне из употребления, однако нет его между мужескими и женскими именами нигде в Камчатке. Мне кажется, что под сим именем должно разуметь всех шантальских жителей, которые живут около урочища Шанталы, как под именем Кончата всех еловских жителей. Ибо сие правда, что оные шанталыцы были прежде всего и славны и многолюдны, так что один острог их более двух верст в длину простирался, и балаганы толь тесно построены были, что по балаганам хаживали они чрез все помянутое расстояние, да и ныне оной острожек почти всех камчатских острожков многочисленнее народом.

О храбрости тамошних народов можно вообще сказать, что те, кои далее живут к северу, наглее и отважнее. Из камчадалов за военных людей почитаются еловцы и шан-

тальцы, по ним курильцы и авачинцы, с которыми казаки много труда имели при завоевании.

О боге, о сотворении земли и о догматах камчатской веры

Богом камчадалы почитают некоего Кутху, от которого произошел народ их. Кто сотворил небо и светила небесные, не ведают, токмо сказывают, что оные прежде земли были, о сотворении которой объявляют двояко: иные говорят, что Кутху сотворил землю из своего сына называемого Сымскалин, которого родила жена его Илькхум, гуляя с ним по морю; а другие, что Кутху с сестрою Хутлыжичь землю снесли с неба, и утвердили на море, а море сотворил Утлейгын, которой и поныне в нем пребывает. Однако в том все вообще согласны, что Кутху до сотворения земли жил на небе. Которые поставляют морского бога, тех мнение несколько сходно с якутским суевением, которые владение неба и земли особливим богам приписывают, сверх того признавают и адского бога, и почитают их за родных братьев, так же как древние греки и римляне.

Кутху по сотворении земли оставил небо, и поселился на Камчатке, где родил другого сына именем Тыжил-Кутху да дочь Сидуку, которые пришедши в совершенный возраст сочетались браком. Между тем как сам Кутху, так и жена его и дети носили платье из листья шитое, и питались березовою и таловою коркою, ибо звери, по их объявлению, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умели их боги.

Кутху, оставя сына своего и дочь, с Камчатки отбыл, а куда девался, не ведают, токмо то объявляют, что он пошел с Камчатки на лыжах, и что горы и доли зделались от его путешествия, ибо земля под нимгнулась, как тонкий лед, и таким образом лишена своей равности и плоскости.

У Тыжил-Кутхи после отца родился сын Амлея да дочь Сидукамшичь, которые на возрасте вступили в супружество, а более родословия они не знают. То утверждают за истинну, что народ их размножился от объявленных праотцев.

Тыжил-Кутху при умножении своего рода начал размышлять о лучшем содержании, вымыслил вязать из кропивы сети и ловить рыбу, а как лодки делать, оное ему еще от отца показано. Сотворил же он и зверей земных,

и определя пастухом над оными некоего Пилячучя, под которого ведением состоят они и донныне, начал шить из кож их куклянки и парки.

О Пилячуче рассказывают, что он ростом весьма мал, носит платье россамачье, которое у камчадалов весьма высоко почитается, ездит на птицах, особливо же на куропатках, и будто некоторым поныне случается видать и следы его.

Стеллер описывает тамошние народы многобожными, что они почитают многих богов, и рассказывают об них, будто прежде сего многие их видали, чего ради нет у них в языке слова дух, ибо они не имеют о том и понятия, так как и о величестве божии и непостижимой его премудрости.

Впрочем никого глупее не представляют, как своего Кутху, чего ради и не воздают ему никакого почтения, ничего у него не просят, и ничем так как именем его не забавляются, рассказывая про него такие непристойности, о которых и писать гнусно. Между прочим и то в порок ему ставят, что он столько гор и стремнин сделал, и столько мелких и быстрых рек, что столько дождей и бурь производит и беспокоит их. И для того всходя зимою на высокие горы, или спускаясь ругают его всякою бранью. То ж делают и при трудных обстоятельствах.

Бога вообще называют они дустехтичь, которое имя некоторым образом и почитают так, как афиняне неведомого бога. Ставят столб на пространных ровных и тундристых полях, обвязывают его тоншичем, и не проходят мимо не брося куска рыбы или чего другого; не собирают ягод, которые растут в близости, и не бьют около того места ни зверя ни птицы, и думают они, что сею жертвою жизнь их продолжается, которая бы без того умалилась. Однако не бросают они на жертву годного, но или шаглу или хвост рыбей, что и без того надлежало бросить. В чем согласны с ними и все азиатские народы, которые также приносят в жертву негодное; а что есть множно, тем пользуются сами. Таких столбов два видел господин Стеллер токмо около Нижнего острога, а инде нигде не примечено; впрочем далее к северу, много таких мест и я видал, где мимоходящие бросают жертву, якобы врагам там пребывающим, но столбов и идолов не ставят.

Сверх того все места по их мнению опасные, как например огнедышащие и другие высокие и крутые горы, кипящие воды, леса и прочее населены от них некоторыми бесами,

которых они более, нежели богов своих опасаются и почитают*.

Горных богов называют они камули, или малые души, ибо душа по-камчатски камулечь. Сии боги, или по-тамошнему враги, живут на высоких, особливо же дымящихся и огнедышащих горах, чего ради камчадалы не токмо всходить на них, но и близко приступить к ним не смеют. Питаются они, по мнению их, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море в ночное время, приносят на каждом пальце по рыбе, варят и пекут их по обычаю камчадалов, вместо дров употребляя китовое сало и кости. Такие места проходя камчадалы бросают чтонибудь съестное врагам оным в подарок.

Лесных богов называют они ушахчу, и сказывают, яко бы они походят на человека. Жены их носят младенцев к спине приросших, которые непрестанно плачут. Они по-камчатскому суеверию людей с пути сводят, и делают глупыми.

Морского бога называют они митг, и приписывают ему рыбей вид. Он по их мнению владеет морем и рыбами, которых посылает в реки, однако не для того, чтоб люди имели от того пропитание, но будто за лесом на баты себе; ибо они отнюдь не верят, чтоб им от бога могло быть какое благодеяние.

О Пилячуче, или как Стеллер пишет, Билюкае, о котором выше объявлено, баснословят они, будто живет он на облаках со многими камулами, и будто гром, молнию и дождь ниспускает; а радугу почитают за подзор на его платье. Сей Билюкай, по их суеверию, опускается иногда с облаками на горы, ездит в санях на куропатках и бывает причиною великого щастия тому, кто след его увидит; но мнимой оной след Билюкаев ничто иное есть, как струйки на поверхности снега, которые делаются от вихрей. Напротив того имеют от него и опасение, ибо сказывают, будто он в вихри детей их чрез слуг своих уносит, употребляет вместо подставок, на которых плошки с жиром вместо свеч поставляются. Жена у него Тиранус.

Они, по объявлению Стеллера, признавают и беса, которого представляют весьма хитрым и обманчивым, и для того называют Канною. Около Нижнего Камчатского острога показывают весьма старую и высокую ольху, которая за жилище его почитается; и камчадалы ежегодно в нее стреляют, отчего она вся стрелами изнатыкана.

* Из Стеллерова описания.

Гаечь по их есть начальник подземного света, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жил на здешнем свете.

Некоторому из первых детей Кутовых приписывают власть над ветрами, а жене его Савине творение вечерней зари и утренней.

Туила трясению земли причиною ставят, будто оно происходит от того, когда Туилова собака Козей, на которой он ездит под землею, отрясает снег с себя.

Но все мнения их о богах и диаволах беспорядочны, глупы и столь смешны, что не зная камчатских фантазий не можно сперва и поверить, чтоб они за истинну утверждали такую нескладницу. Однако они по своему разуму всему дают причину, о всем рассуждают, и стараются изведывать самые мысли птиц и рыб. Но притом имеют они сей порок, что ни о каком мнении никогда не думают, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли тому стать или не можно, но все принимают за истинну.

Главное основание веры их утверждается на древних преданиях, которые наблюдаются они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение. Стеллер пишет, что он больше ста человек спрашивал, не приходило ли им когда на мысль смотря на небо, на звезды, луну и солнце и на другие вещи, что есть тому творец, которой все толь премудро устроил, и которого должно как почитать, так и любить за власть его и благодеяние, но они наотрез ему ответствовали, что никогда о том не помышляли, и как любви, так и страху не чувствовали, и не чувствуют.

О бoге рассуждают они, что он ни щастию, ни нещастию их не бывает причиною, но все зависит от человека. Свет почитают вечным, души бессмертными, которые с телом соединившись восстанут, и вечно жить будут в таких же трудах, как и на здешнем свете, токмо с тою выгодою, что будет там во всем вящее изобилие, и никогда не имеют терпеть голоду.

Все твари до малейшей мухи после смерти восстанут, и под землею жить будут. Свет поставляют плосковидным. Под землею полагают подобное нашему небо, а под небом другую землю. Нашу землю почитают за изнанку подземного неба; когда у нас бывает лето, тогда у них зима; а когда у них лето, то у нас зимнее время.

О воздаянии будущем сие токмо говорят, что бедные здешнего света будут там богатыми, а богатые убогими.

А чтоб бог за грехи наказывал, того по их мнению не надобно: ибо, говорят они, кто худо делает, тот терпит и отпущение.

А почему они такие предания и от кого приняли, о том рассказывают следующую баснь: будто в подземном свете, куда люди по смерти переселяются, есть великой и сильной камчадал Гаечь именем, которой родился от Кутхи, и прежде всех на Камчатке умер; жил в подземном свете один по тех пор, пока две дочери его умерли, и к нему преселились; и будто он, желая научить свое потомство, приходил на наш свет, и, взошед к ним на юрту, о всем том, чему ныне камчадалы верят, рассказывал. Но понеже многие от того страху, что мертвой к ним приходил, скоро умерли, то камчадалы начали потом юрты свои оставлять, в которых человек умрет, и новые строить, чтоб мертвой, пришедши к ним по подобию Гаеча, не нашел нового их жилища.

Сей Гаечь, по их объявлению, есть главной в подземном свете. Принимает всех камчадалов умерших; и кто прибудет в новой и богатой собачьей куклянке, и на хороших собаках, тому дает худое платье и худых собак, а кто в худом платье и на худых собаках, тому дарует хорошее платье, хороших собак и хорошее отводит место к поселению. Тогда умершие начинают строить себе юрты и балаганы, упражняются в звериной, птичьей и рыбной ловле, пить, есть и веселиться по-здешнему, токмо с тем различием, что они на оном свете такого, как здесь, беспокойства не чувствуют; для того что там меньше бурь, дождей и снегу, и во всем такое изобилие, каково было на Камчатке во времена Кутховы: ибо они думают, что свет от времени до времени становится хуже, и все против прежнего умалается, потому что животные купно с промышленниками своими спешают переселяться на тот свет.

Что касается до пороков их и добродетелей, то они такое ж имеют развращенное о том понятие, как и о божестве. Все то почитают за дело дозволенное, чем они могут удовлетворить желанию и страстям своим, а в грех ставят токмо то, от чего опасаются или истинной или мнимой гибели по своему суеверию. Таким образом не ставят они в грех ни убийства, не самоубийства, ни блуда, ни прелюбодеяния, ни содомства, ни обид, одним словом ничего того, что по закону божью запрещается. Напротив того, за смертной грех почитают утопающего избавить от гибели, для того, что по их суеверию, тем, кои изловят, самим утонуть будет.

Засыпанных снегом с гор, которым случается выбиться, принимать в жилье страшное беззаконие по тех пор, пока они съедят все свои припасы дорожные, а потом надлежит им раздеться донага, и брося свое платье, как скверное, войти в свою юрту. Пить горячие воды, мыться в них, и всходить на огнедышащие горы за несумненную почитают погибель и следовательно за грех вопиющий на небо, и прочие такие бесчисленные забобы, о которых и писать гнушно. Грех у них и над кислую рыбу драться, или ссориться; грех с женою совокупляться, когда с собак сдирают кожи; грех соскабливать снег ножом с обуви; грех мясо различных зверей и рыб варить в одной посуде; грех ножи или топоры точить в дороге, и другие подобные сему мелочи, от которых опасаются какого нибудь противного приключения, как от драки и ссоры над кислую рыбу совершенной погибели, от совокупления с женою во время снятия собачьих кож коросты, от соскабливания снегу с обуви бури, от варения разных мяс вместе нещастия в ловле и чирьев, от точения ножей и топоров в дороге погод и бури, что однакож не столь удивительно, ибо во всех народах довольно суеверий у простых людей, как тому, что они такое множество заповедей могут содержать всегда в памяти.

Кроме помянутых богов своих почитают они и разных животных и другую тварь, от которой бывает опасность. Огню приносят они в жертву норки соболя и лисы. Китов и касаток уговаривают они словами, когда увидят на промысле, ибо они опрокидывают лодки их, также медведя и волка, и ни которого из оных зверей не называют по имени, только говорят, сипанг, беда, и в сем сходны они с нашими соболиными промышленниками, которые во время промыслу многих вещей не называют своим именем, будто бы от того делалось в ловле нещастие.

В таком крайнем заблуждении находился сей народ еще и с первых годов моей бытности, но ныне тщанием всемилостивейшей нашей государыни императрицы Елисаветы Петровны и высокоmaterним ее о всех подданных попечением, все камчадалы приняли христианскую веру, и многие из северных коряков, ибо в 1741 году прибыли туда от святейшего синода отправленные проповедники с довольно церковною утварью и со всем, что потребно было к обращению толь дикого народа, которые имели столь желаемой успех во учении, что не токмо обратили их в христианскую веру, но и возбудили желание ко учению; завели школы

по разным местам, в которые камчадалы отдают детей своих без всякого принуждения, а некоторые учат их своим коштом. По таким обстоятельствам сомневаться не можно, что христианская вера по всему Северному морю чрез несколько лет распространится.

О шаманах камчатских

У камчадалов нет особливых шаманов, как у других тамошних народов, но всякая баба, а наипаче старуха, и всякой коехчучь волхвом и толкователем снов почитается. При шаманстве не бьют они ни в бубны, ни платья нарочно для того зделанного не надевают, как у якутов, коряк, тунгусов, бурятов и всех сибирских язычников в обычае, но нашептывают на рыбу шаглу, на сладкую траву, на тоншичь, и тем лечат болезни, тем отвращают нещастие, и будущее предвозвещают. А какие слова при наговорах употребляют, или кого призывают на помощь, того я как великой тайны не мог вывести.

Главное их шаманство бывает таким образом: две бабы садятся в угол, непрестанно шупчут, одна привязывает к ноге крапивную нитку раскрашенную красною шерстью, и качает ногу. Естли ей ногу подымать легко покажется, то сие почитается за щастливое предзнаменование и за будущей благополучной успех предприемлемого дела, а буде тяжело, то за нещастливое. Между тем призывает бесов к себе словами «гушь, гушь», и скрежешет зубами, а как явится привидение, то захохотавши кричит «хай», хай». С полчаса спустя бесы прочь отходят, и ворожея непрестанно кричит «ишки», то есть нет. А другая баба, как ее помощница, шепчет над нею, и уговаривает, чтоб не боялась, но прилежно бы примечала явления, и содержала б в памяти, что загадала. Некоторые сказывают, что во время грома и молнии Билюкай к шаманкам сходит, и, вселясь в них, способствует им угадывать.

Естли зделается кому неблагополучие, или не будет щастия в промысле, тотчас приходит к старухе или к жене своей, бывает шаманство, следует причина, отчего произошло такое зло, и предписуются средства к отвращению. За вящую же причину вменяется преступление какогонибудь суеверия, которое тем отвращается, что согрешившей должен вырезать болванчика, и отнеся в лес на дерево поставить.

Шаманят же они и во время праздников, когда грехи очищаются, шепчут, курят, махают, оттирают тоншичем, обвязывают перевязками, отговаривают пришедших в изумление, и другие делают непристойности, о чем в следующей главе писано пространнее.

Естьли которой младенец родится в бурю или ненастье, то на возрасте, когда он говорить будет, шаманят над ним, и примиряют с бесами таким образом: в жестокую бурю раздевают его донага, дают в руку раковину морскую, которую ему подняв кверху должно обегать вокруг юрту, балаган и собачьи конуры, говоря сии слова к Белюкаю и к другим врагам: «Раковина привыкла к соленой, а не к пресной воде, а вы меня весьма мочите, и мне от мокроты будет погибнуть; видите, что на мне нет платья и что я весь дрожу». По окончании сего примиряется он с бесами, а в противном случае бывает причиною погод и ненастья.

Таким же образом гадают они и трудные сновидения: ибо камчадалы столько в том любопытны, что поутру самое первое у них дело рассказывать сны, рассуждать и заключать из того счастье или злополучие. О некоторых снах имеют они верные и неперемненные правила, как например: естьли вшей видят, то на другой день ожидают к себе казаков без сомнения. Испражнением желудка предзнаменуется прибытие гостя из их народа, плотским совокуплением предвозвещается счастье в промысле.

Кроме шаманства упражняются они в хиромантии, и рассуждают о счастливых и несчастливых приключениях по линиям на руке, но правила свои в тайне содержат. Естьли у кого появится на руке точка, пятно или линия, или вдруг пропадет, то спрашивают о том у старой шаманки, как то сам Стеллер приметил притворясь сонным.

О праздниках и наблюдаемых при том церемониях

У всех камчадалов один токмо годовой праздник, в которой они грехи очищают, а отправляется оной неотменно в ноябре месяце, чего ради и очистителем грехов называется. Стеллерово мнение о сем празднике, что оной от предков их уставлен был в благодарение богу за его благодеяния, но после сущая причина празднования помрачена ду-

рацкими смехами и нелепыми баснями. Мне кажется мнение его основательно, тем наипаче, что по окончании летних и осенних трудов не принимаются они ни на какую работу прежде праздника, не ездят в гости и на промыслы, почитая все то за великой грех. Ежели же кому преступить случится, волею или по нужде, то во время праздника необходимо должен очиститься, ежели не очистится прежде. Из сего несколько видеть можно, что предки сего народа по заготовлении в зиму съестных припасов имели обычай начало трудов своих приносить богу на жертву, а потом сами между собою веселиться, приходя друг к другу в гости. При праздновании бывают у них между прочим много и таких мелочей, которые недостойны воспоминания, но понеже всему у них непременно порядок, то опишу я все обряды их с начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой безделицы...*

И понеже южные камчадалы имеют некоторую разность в обрядах против северных, то объявлю я порознь о праздновании их, начав от южных камчадалов, к которым я в 1738 и 1739 годах нарочно для того ездил, и в знатном их остроге Чаапынган называемом, что на реке Кыкчике, жил по трои сутки.

Церемония началась метением юрты. Потом два старика, имевшие в руках по повесму тоншичу, нечто пошептав над сором, приказали его вон носить.

С полчаса спустя выняли из места вон старую лестницу, место вычистили, и старик, неведомо что пошептав, положил туда щепочку, обвитую тоншичем, после того новую привязали с равным шептанием, а старую поставили к стене, ибо вон ее выносить, не окончив праздника, не дозволено.

Между тем прибор к езде на собаках принадлежащей, санки, алаки, узды, побегники, ошталы и прочее из юрты вон вынесли, для того что оной ожидаемым на праздник врагам по их мнению противен.

Немного помешкав, принесли в юрту сухой травы, и послали под лестницею. Старик, которой обыкновенно на все нашептывал, пришед к лестнице с тремя бабами, сел по правую сторону, а бабы по левую. У каждого из них была рогожка, а в них юкола, сладкая трава, сухая икра, тюлений жир в кишках и кусками. Из юколы делали они топоры, и сладкою травую увивали; а изготовя все по обычаю ста-

---

* Далее о скором забвении местных обрядов.

рик и каждая баба отправляли от себя по человеку в лес за березою, навязав на поясы, на топоры и на голову тоншичь, и отдав рогожки с объявленным запасом на дорогу, немного себе из того оставя.

После того старик и бабы вставши с мест своих обошли вокруг лестницы один раз махая тоншичем, которой в обеих руках имели, и приговаривая «акхалалалай»; а за ними обходили и те, коим надлежало итти за березою, которые обошедши и отправились в путь свой; а старик и бабы тоншичь свой на очаг положили, а оставшей запас бросили малолетным как бы на драку, которой они расхватавши съели.

Между тем бабы делали из сладкой травы и из юколы кита, а зделав вынесли вон из юрты до времени, и положили на балагане, потом затоплена юрта, а старик выкопав перед лестницею ямку, принес камбалу, обернутую тоншичем, и пошептав положил в ямку, и сперва сам на том месте обернулся трижды, а после и все мушины и женщины до малолетних.

По окончании сего действия другой старик начал сарану варить в корытах каленым камнем, которою сараною имели быть подчиваны враги их, а между тем, у кого были болванчики, называемые урилыдачь, обвязывали их сладкою травою, а другие делали новых болванчиков итунг именуемых, и в потолок над очагом тыкали.

В то же время некоторой старик принес в юрту березовой кряж и начал из него хантая делать, а зделанному первой тойон того острожка навязал сладкой травы на шею, а по нем и прочие сладкую ж траву или тоншичь приносили ему на жертву, по совершении которой поставили его на очаге вместе с старым хантаем.

Часто упоминаемой старик взяв два небольшие камня, и обернув в тоншичь неведомо что наговаривал, потом закопав их на очаге по разным углам расклат небольшой огонь, а вокруг лестницы посадил малолетних, чтоб им хватать болванчиков, которые сверху имели быть в юрту брошены. Дети расхватав их обвязали сладкою травою, а один из них взяв нового хантая потащил вокруг очага за шею, а прочие за ним следовали и «алхалалалай» кричали, а потом на старом его месте поставили.

После того обсели вокруг очага все старики, сколько их в юрте ни было: тот, которой на все нашептывал, взяв в руки обвитую тоншичем лопату, следующую речь к огню

говорить начал: «от Кутхи нам приказано воздавать тебе жертву по однажды в год, что мы и исполняем; чего ради просим, чтоб ты нас хранил, и миловал, не причинял бы скорбей и бед, и не делал пожару». Сию речь перерывал он несколько раз; между тем все прочие старики вставали, и топая ногами, и плеская руками кричали «алхалалалай», а по окончании оной все старики встали с мест своих, взяв друг друга за руки заплясали, и закричали «алхалалалай», а с ними и все бывшие в юрте тоже кричали.

Во время крику начали выбегать из углов бабы и девки, искося глаза, искривя рот и представляя себя как возможно страшными, которые дошед до лестницы подняли руки кверху и делая странные телодвижения плясали и кричали во всю голову, а потом одна за другой падали на землю будто мертвые, и разносимы были муштинами по местам своим, где лежали, аки бы бесчувственны до тех пор, пока некоторой старик не отшептал каждая порознь. Сие позорище показалось мне страннее и противнее якутского шаманства, ибо там один токмо шаман бесится, а здесь целой острожек.

Отшептанные бабы и девки весьма много кричали, и плакали, будто от великой болезни и тягости, а между тем старик поворожа над пеплом бросал его дважды кверху лопатой, а по нем и прочие то ж учинили. После того объявленной старик насыпав пеплу в два ковша посылал с ним двух человек дважды из юрты, которые выходили не обыкновенным окном, но шопхадом, и усыпали пеплом до рогу.

Несколько времени спустя обтянули вокруг всей юрты веревку из травы плетеную, к которой местами привязан был тоншичь. И таким образом день они препроводили, а ввечеру возвратились посыланные за березою, которые совокупясь с некоторым числом выбежавших из юрты камчадалов взнесли на юрту срубленную под корень превеликую березу, и начали бить ею в окно или в двери юрты, причем топая ногами, кричали, сколько у кого было голосу; напротив того и бывшие в юрте ответствовали равным образом от мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. После того выскочила из угла девка как бешеная, и взбежав по лестнице за березу схватилась, а к ней на помощь прибежало было еще баб с десять, но тойон того острожка стоя на лестнице не допустил их. Между тем береза спускалась ниже, и уже с полу достать оную возможно было; тогда все бабы ухватясь за березу начали тянуть ее в юрту с

ужасным криком и с плясанием, но стоящие на юрте держали крепко. Напоследок весь женской пол, аки пораженный нечистым духом, попадал на землю, выключая ту девку, коя прежде всех за березу схватилась, ибо она по тех пор висела на ней и кричала, пока береза концом на полу стала, тогда и она по примеру прочих на землю поверглась как мертвая.

Всех баб и девок старик попрежнему отговаривал и всех отшептал скоро, кроме одной девки, над которою он трудился долгое время. Она очнувшись закричала необычным голосом, что ей весьма тошно, притом исповедывала грех свой, что она до праздника собак обдираала. Старик утешая ее советовал болезнь нести великодушно, которой сама она причиною, что греха своего до праздника не очистила, и рыбы шаглы в огонь не бросила.

По прошествии одного или полутора часа брошено в юрту восемь тюленьих кож, в которых навязана была юкола, сладкая трава и пузыри с тюленьим жиром, а за ними брошены и четыре рогожи, которые даваны были с кормом посыланным за березою, а в них находились березовые обрубки и запас остаточной. Рыбу из тюленьих кож, сладкую траву и жир камчадалы разделили по себе, кожи послали перед лестницею, а из березовых обрубков начали делать востроголовых болванчиков, камуда называемых, во образ тех бесов, кои в женской их пол вселяются во время плясания. Помянутые кожи тюленьи отсулены были тем бесам еще с осени, когда камчадалы сряжались на тюленьи промыслы, чего ради и не употребляют их ни на что, кроме того, что под себя стелют.

Зделав 55 болванчиков, посадили их рядом, и сперва намазали брусницею лице им, после того поставили перед них в трех посудах толченой сараны, и перед каждого положили маленькую ложку; таким образом стояло кушанье несколько времени, а как болванчики по мнению камчадалов уже довольны были, то сарану съели они сами, а болванчикам надев на головы травяные колпаки, и навязав сладкой травы и тоншичу на шеи, связали их в три пучка, и каждой пучек по два человека с воплем и плясанием в огонь бросали, а с ними вместе жгли и щепы, которые при делании их нарублены.

Около полуночи вошла в юрту шопхадом или выводом баба, у которой на спине привязан был кит из сладкой травы, и рыбы зделанной в начале еще праздника, и ползла

вкруг очага, за нею следовали два камчадала с тюленьими кишками, сладкою травкою перевитыми, и крича по-вороньи кишками по киту били. Как баба очаг миновала, то бросились все бывшие в юрте малолетные, и кита у ней растерзали, а баба побежала вон тем же выводом; но стоявшей вне юрты нарочно для того камчадал поймал ее, и взведши на юрту начал спускать по лестнице вниз головою. Для принятия ее бросились несколько баб и девок с таким же, как прежде воплем, а после все вместе плясали, и кричали до тех пор, пока на землю попадали, причем было и отшептыванье попрежнему ж; а между тем камчадалы растерзанного малолетними кита по себе делили и ели.

Вскоре после того затопили юрту, и бабы стряпать начали. Каждая принесла свою посуду и толкушу, и стали толочь шеломайное коренье, икру и кипрей с нерпичьим жиром; и как все оное истолкли как тесто, то старик взяв хомягу (посуда) ходил по всем бабам и с каждой брал по ложке толкуши; а собрав отдал хомягу другому старику, которой на все нашептывал, и баб падающих на землю отговаривал. Оной старик сел к огню с толкушею и неведомо что наговаривая по обычаю бросил из толкуши несколько в огонь, а остальное отдал обратно тому, кем толкуша была збирана, а старик разносил паки по бабам, и каждой давал по ложке вместо жертвенного.

На другой день, то есть ноября 22 числа, около 9 часа поутру постланы перед лестницею две нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которых сели три старухи. Каждая из них имела пучек тоненьких ременных гайтанов, раскрашенных нерпичьею шерстью и тоншицем. В прислужниках у них был старик, которой обрав гайтаны и обжегши на огне обратно им отдал. Старухи встав с мест своих ходили одна за другою по юрте, и окуривали везде обожженными оными гайтанами; а камчадалы, жены их и дети во время прохождения старух хватались за гайтаны, как за некоторую вещь освященную и трясали их. Окурив всех сели старухи по своим местам, и одна взяв у прочих гайтаны вторично пошла по юрте прикладывая их ко всем столбам и подпорам в юрте; между тем все камчадалы кричали, а все старухи, у которых пучки с гайтанами были, плясали и бесились попрежнему; то ж учинила общед юрту и третья, а наконец все попадали замертво.

Прислужник взяв гайтаны у лежащей старухи приложил их к лестнице, и по тех пор держал, пока все бывшие

в юрте от мала до велика к ним прикоснулись. Напоследок роздал их по углам, где бабы разобрали гайтаны, каждая по числу семьи своей, и надевали их на каждого человека окутив прежде мужа, себя и детей своих.

Спустя полчаса камчадалы послали перед лестницу нерпичью кожу, а к двум столбам, что по сторонам лестницы, привязали по мальчику; после того вошли в юрту два старика, и спрашивали у мальчиков, когда приежжает отец их? на что от всех камчадалов ответствовано им, **зимою**. Старики, положи перед мальчиками по кишке с нерпичьим жиром, которые сладкою травой обвиты были вон вышли, но вскоре возвратились в юрту, и начали кричать... плясать.

Между тем вошла шопхадом баба, у которой под пазухой был зделанной из сладкой травы волк и набитой медвежьим жиром, кишками с тюленьим жиром и другими съестными их припасами, о котором выше упомянуто. За бабою шел тоион того острожка с натянутым луком, у которых и голова и руки обвязаны были тоншичем, сверх того у тоиона на поясу, на сайдаке и на стреле навешен был тоншичь же повесмами. Как баба обошла подле стены вокруг юрты с последовавшими ей всеми жителями того острожка мужеска полу и женска скачущими и кричащими, и дошла до лестницы, то несколько человек камчадалов выхватили у ней волка из-под пазухи, и взбежали с ним по лестнице под самой верх юрты; чего ради все бабы обступя лестницу и всякими образы домогались взойти на оную и достать волка, но стоявшие на лестнице мужики до того их не допускали, и хотя они некоторых силою с лестницы низвергали, однакож намерения своего не могли произвести в действо, но утрудаясь и обессилев все попадали, и замертво разнесены по местам и отговариваны попрежнему. После того, тоион, которой с натянутым своим луком стоял между тем одадь, приступил к лестнице, и стрелил в волка, а прочие мужики стащили его на пол, и растерзав съели, уделя некоторое число медвежьа жиру для подчивания хантаев.

О сем действии, так как и о китовом, о котором выше объявлено, хотя сами камчадалы сказать и не умеют, касается ли оно до их суеверия или нет, и для чего бывает, однакож мне кажется, что оно представляется вместо комедии только для увеселения, или чтоб им прямых китов и волков промыслять и есть, как с травяными поступали. А баснь, которую они представляют, есть следующего содержания.

На некоторой реке жил одинакой камчадал, и имел у себя двух малых сыновей. Отходя на промысел принужден он был детей одних оставлять в юрте, и для безопасности, чтоб не ушиблись, привязывать к столбам. В небытность его приходили к детям его волки, и спрашивали, скоро ли отец их будет, которым они ответствовали, зимою. Дети его от того страха чрез долгое время без ума были. Между тем отец с промыслу возвратился, и уведав, что во время его отлучки происходило, пошел промыслять волка, и застрелил его из лука. Что же касается до китового действия, то травяной кит делается во образ носимого волнами мертвого кита, вороны из кишок во образ воронов клюющих труп его, а малые робята терзающие его во образ камчадалов режущих жир его.

По окончании игры о волке старик обжигал тоншичь, которого с каждой семьи по повесму огню на жертву собрал, и окуривал оным юрту два раза. Обожженной тоншичь положил он весь на очаг, выключая одно повесмо, которое на потолке над очагом повесил, где оно висит во весь год.

Вскоре после того нанесли в юрту березового прутья, по числу семей, из которого каждой камчадал взял на свою семью по одному пруту, и изогнув кольцом пропускал сквозь оное жену и детей по два раза, которые выступя из кольца вон обертывались кругом. Сие почитается у них за очищение грехов их.

Как все очистились, то камчадалы пошли с прутьями вон из юрты жупаном, а за ними следовали и все сродники их мужеска и женска полу. Вне юрты проходили сквозь кольца вторично, а потом оное в снег втыкали приклоня на восток вершинами. Камчадалы сброся на том месте весь тоншичь и отряси платье свое возвратились в юрту настоящим входом, а не жупаном.

Из бывших на месте очищения случилась одна больная девка, которую старик посадя на снег с полчаса отговаривал, прикорнув перед нею и опершись о палку; напоследок обтрясши платье ее прутом опустил в юрту.

После очищения принесли камчадалы малую сухую птичку да гольца нарочно для того изготовленных, и пожаря на огне по частям разделили, и пришед к огню бросили в огонь в три раза на жертву тем врагам, кои на праздник приходят и в баб вселяются. Они, сказывают камчадалы, живут на облаках, видом как люди, только востроголовы,

возрастом с трехлетнего младенца, ходят в лисьем, собольем и росомахьем платье.

Понеже они сказывают, что враги к бабам в рот входят до 50 и больше, то спросил я у них, как можно толикому числу врагов величиною с трехлетнего младенца в одной бабе уместиться, и как пройти в такое узкое горло, в которое руке такого младенца пройти кажется невозможно. Нам де и самим, ответствовали они, то дивно, может де быть они весьма малы, да нам такими кажутся.

Потом затопили юрту, и накаля каменья начали сухую рыбу варить в корытах, а сваря обливали щербою хантаев, обретающихся при них болванчиков и березу, которая еще в юрте стояла, а рыбу сами ели.

Напоследок должно им было березу из юрты вынести, чего ради два человека взлезши по ней на юрту (а по лестнице выходить грех) подали оную сидящим в юрте, которые обнесши вокруг всей юрты, отнесли оную на балаган, где лежит она во весь год, а почтения ей никакого не отдается. Таким образом праздник их окончился.

У северных камчадалов есть в обрядах немалая отмена в рассуждении южных. На праздник их приехал я ноября 19 дня поутру, однако не застал начала, ибо до моего еще приезде юрта у них была выметена, над полками сделаны грядки, а на них наложены поперешные кольца с обтесанными головками, которые по их называются урилыдачь. Сверх урилыдачей около очага наложены были сухие дрова для праздничного употребления. За дровами и за кольем на урилыдачей ездили камчадалы с церемониями, как вышеписанные камчадалы за березою.

Немного спустя по моем приезде все бабы из юрты вон вышли, и разошлись по балаганам, и несколько помешкав возвратились. В юрту входили сперва старухи, после малые девочки и бабы, а наперед себя опускали они сладкую траву, к которой у некоторых привязан был кипрей и юкола. Оные припасы принимали у них нарочно определенные к услужению при праздновании два камчадала, которых я называть буду ниже сего служителями, и вешали на урилыдачей над их местами. Каждая баба вшед в юрту клала на очаг понемногу торншичу, а потом отходила на свое место.

Между прочим спустилась в юрту одна баба с двумя двойнишными девочками. У бабы были в руках сладкая трава, а у девочек и в руках и на голове тоншичь.

Баба сняв у девочек с головы тоншичь положила на очаг, а после нее и девочки тоншичь из рук на огнище бросили. Помянутая баба не мать оным девочкам была, но нянька, а мать их одна входила в юрту.

После того привели к очагу дряхлую старуху к которой и в руках и на голове, так как и у других был тоншичь, которой она зброся на огнище отрясалась приговаривая неведомо что.

Вскоре потом вышли два мужика из углов, сели по сторонам лестницы с топорами и с деревянными чурками. Служители приносили к ним со всякого угла по пластине юколы, которую они положи на чурки топорами надрубливали приговаривая, чтоб юкола была спора и из балаганов не убывала. Надрубленную юколу разносили служители по тем же углам, и раздавали обратно, у кого взяли, отлома сперва по малому кусочку и на огнище брося. После того стали они есть подчивая друг друга с угла на угол. И первой день праздника их в 11 часу пополудни тем окончился.

На другой день поутру рано от каждой семьи мужик или баба поехали по соседним острожкам к друзьям своим, для сбирания корму на праздник. Ибо хотя у них и своего довольно, однакож по обыкновению их припасы на то время у соседей собирают, подобно как у наших под наседку яйца.

В острожек возвратились они уже вечером, и затопя юрту бабы начали стряпать, толочь ягоды и коренье, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между тем огонь на очаге не угасал, но беспеременно курился. Ибо по их обычаю должно быть неугасимому огню по тех пор, пока стряпня окончится, и угашение огня при оном случае за великой грех почитается.

Изготовя кушанье, что учинилось часа за два до свету, юрту skutали, и бабы начали вить из травы веревки, головы рыбы обвертывать в тоншичь, накладывать на шеи травяные плетешки, а при всем том неведомо что наговаривая пробавились до самого свету.

По окончании помянутого действия служители начали со всех собирать рыбы головы обверченные в тоншичь огню на жертву, и класть на очаг, а при положении каждой головы приседали подле лестницы на колоду. После того все бывшие в юрте обоего пола от мала и до велика приходили к очагу, и бросали с себя тоншичевые перевяски, а некоторые семьи изогнув кольцом объявленные травяные веревки

сквозь них проходили, а после на огнище клали. Сие у них за очищение грехов почитается.

Вскоре после очищения пришел к очагу старик, и пошептав над травой и тоншичем, которые на очаг набросаны были, начал из них веревки вить, а свивши махал два раза по юрте, крича изо всей силы неведомо что, а по нем и прочие то ж делали. Сие значит у них изгнание всех болезней из юрты.

Напоследок камчадал очищал у очага двойнишних дочерей своих, положи на оной хахалчу рыбку и омегу из четырех мешечков, которые над постелей своей повесил.

Немного времени спустя служители со всех четырех углов юрты крест на крест брали юколу, и подчивали урилыдачей, а за ними следовали и все камчадалы, и мазали их оной толкушей, иной сараной, иной сунилом, или что у кого пристряпано было. А после стали друг друга подчивать, переходя с одной стороны юрты на другую. Подчиваются они кормя друг друга из своих рук лошкою.

Как обед их окончался, то камчадалы раздевшись донага взяли по хомяге (посуда с чем по воду ходят) в руки, а вместо платья получа от служителей по тоншичной перевяске на шен, которые сняты с урилыдачей, вышли из юрты вон, и пошли на реку по воду, следуя один за другим рядом. У передовщика была в руках хомяга да толкуша, а у другого хомяга ж да лучина. При выходе из юрты двое камчадалов, из которых одному наперед, другому назади итти надлежало, садились на малое время подле лестницы, а пришед на пролубь передовщик околотя оную толкушкою черпал воду сперва оборачивая хомягу против воды, потом по воде, а по нем и все то ж делали; и сколько кто в один раз зачерпнуть мог, то и нес с собою. С пролуби шли они тем же, как и прежде порядком, и взошед на юрту спускались в оную по веревкам с великою осторожностью, чтоб не расплеснуть, ибо оное за грех почитается, а принимали у них двое подростков нарочно для того оставленных, потому что служители сами за водою ходили. На юрте стояли они по тех пор, пока от всех посуда с водою принята была. Между тем четыре раза кричали они изо всей силы плеща руками и топая ногами. А вшед в юрту тот, которой ходил с лучиною, обжигал оную на огне, и обмакивал во все посуды с принесенною водою. Напротив того, из воды вынув кусок льду в огонь бросил, и воду давал всем пить вместо освященной.

Потом бабы с остальным от подчивания кушанием пошли по своим балаганам и там остались. Напоследок старики и мужиков всех вон выслали, и мы по прозьбе их вытти принуждены были, для того что имело у них происходить тайное действие, при котором кроме некоторых стариков и двух служителей никому быть не должно. Однакож я уприсил, что они толмачу моему притом быть позволили, которой рассказал мне, что у них происходило.

Сперва старики приказали служителям затопить юрту; а когда она истопилась, то служители принесли по горсте сухой травы, и разбросали по юрте, потом всю юрту и полки услали чирелами (травяными рогожами), в двух углах зажгли по жирнику, а напоследок все старики начали вязать тоншичь, и поменявшись друг с другом повесили оной на спицы, служителям отдали приказ, чтоб в юрту и из юрты никого не пускали, и юртеную дверь наглухо закрыли, а сами легли, и имели между собою разговоры о промыслах звериных и рыбных.

Несколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать, а после открыть, и принесть с балагану рыблю щеку, да целую рыблю ж голову, а само-му ему на балаган ходить не велели.

Принесенную щеку и голову рыблю принял старик, и обертя в тоншичь нечто пошептал на них, и сел у очага, а к нему приходили прочие старики, и потоптав объявленную щеку и голову перешед через огнище возвращались на свои места. Потом служители вышли из юрты вон, и тем окончилось первое тайное из действие.

По прошествии двух часов собрались в юрту все мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или тонули. Бабы всем мужикам и малым ребятам обвязали головы тоншичем, и дав им в одну руку тоншичу, в другую сладкой травы выслали вон из юрты. При выходе обносили они сладкую траву вокруг лестницы, и взошед на юрту обошли вокруг оной три раза по солнцу, а после того стоя наверху юрты рвали на мелко сладкую траву и тоншичь, и бросали в юрту, а перебросав и сами входили, и сняв с себя тоншичевые перевязки на огнище клали, и потоптав ногами, те, которые хворали, отходили по своим местам; а которые тонули, те легли на огнище, и все то представляли, что они в то время, как тонули, делали, и кликали поимянно, от кого тогда требовали помощи, которые пришед к очагу с пеплу их, аки бы из воды таскали.

Напоследок принесена была рыба шека, и брошена на огнище с приговором «ту, ту, ту», и изломаны на обеих сторонах юрты по две рыбки рагатки и разбросаны по полу. Между тем служители побывав на дворе жирники загасили, чирелы, которыми юрта устлана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а в него положили камень, и сжегши все перевяски бывшие на головах у больных и у утопленников, приказали ребятам погасить оной камнем. Таким образом тайное их действие окончилось, и того дни ничего больше не происходило. На третьей день поутру рано затопили юрту, и положили перед огнем два пучка сухой травы или соломы и прутья вместо связанных, и праздничные служители стали, один у одного, а другой у другого пучка. Как огонь разгорелся, то поменявшись пучками начали их развязывать, и прутья роздали по мужчинам, из которых иные их намелко ломали, а иные в кольца вили с неким наговором. Солому всю перенесли на одну сторону очага, и стали делать пома.

Что значит оной пом и для чего делается, того и сами камчадалы сказать или не умели, или не хотели, впрочем сделали его наподобие человека вышиною около полуаршина, а тайной уд приплели ему сажени в две и доле, и положили его головою к огню, а тайной уд к потолку привязали. Между тем, как пома делали, несколько человек взяв по одной травинке, выходили вон из юрты, и обтерши столбы у своих балаганов возвратились в юрту, и бросили оные в огонь, а с ними вместе и раздаванное прутье сожжено ж было.

Как пом несколько времени повисел, то старик пришел отвязал его, и согнув тайной уд кольцом обжег на огне, и махал им по юрте приговаривая «уфай», а за ним и все бывшие в юрте тоже кричали, напоследок сожгли реченного пома.

По сгорении пома стали мечь юрту, пригребая весь сор к лестнице, из которого каждой камчадал брал помаленьку, и относил в лес усыпая дорогу, по которой на промыслы ходят. В то же время и бабы все на юрту вышли, и стали в кучу.

Камчадалы возвратясь из лесу кричали стоя на юрте четыре раза плеща руками и топая ногами, а после вошли в юрту, а на их места сели бабы, и многократно кричали «алулулу».

Между тем юрта истопилась, и оставшиеся головни по обыкновению начали выметывать, но сидевшие наверху ба-

бы ухватя оные обратно в юрту метали, и чтоб мужчинам ни одной головни вон не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краям их испосели сами. Мужчины взбежав по лестнице силою двери раскрыли, и вышед на юрту баб долой сгоняли, между тем другие головни метать успевали. Но понеже бабы мужчин числом превосходили, то оные их таскали, иные головни обратно в юрту бросали, чего ради в юрте от дыму и искр и сидеть почти невозможно было: ибо головни как ракеты то вверх, то вниз бесперестанно летали, и продолжалось сие веселие их с полчаса. Напоследок бабы пустили головни выбросать, а тех мужиков, которые выбежали их отбивать, по тех пор таскали и мучили, пока они от других вышедших на помощь не выручены были.

После объявленной потехи бабы попев несколько наверху стали спускаться в юрту, а мужики стояли по обе стороны лестницы фрунтом, и каждая сторона домогалась сходящих баб переташить на свою сторону, отчего происходило между ими сражение; и которая сторона перемогала, та бабу как в полон отводила.

Когда случается, что бабы взяты бывают на противные стороны, то каждая сторона выкупает своих пленников равным числом завоеванных: а ежели одна сторона овладеет большим числом, так что другой нечем выкупать будет, то она ходит как бы войною для их освобождения, причем немалой бой происходит. Однако при мне так зделалось, что пленниц на обеих сторонах было поровну, чего ради камчадалы и в поход ходить не имели нужды.

По окончании объявленной потехи расклали они небольшой огонь, и сожгли с урилыдачей и по другим местам висевшей тоншичь, а служители принесли по два маленьких голичка и испекши мелко на лотке изкрошили и поставили у лестницы по правую сторону. После того пришел старик и перебросал в огонь большую половину рыбы, приговаривая «та», то есть возьми, а остатки разделили служители по камчадалам, имеющим у себя маленьких болванчиков, урилыдачь называемых. Головни после сего огня вон не мечутся, но перегорают в юрте.

Наконец делили они по себе омег, которой остался в мешочках после очищения двойнишних девок. Самое последнее действие их праздника сходить в лес и поймать маленькую птицу, которая жарится, и делится по куску всем камчадалам, и которую каждой надкушав в огонь бросает.

Сей праздник, по объявлению Стеллера, праздновали камчадалы до прибытия россиян по целому месяцу, начиная с новолуния, что также подает причину думать, что предки их были разумнее, и сие торжество уставлено было не без доброго основания, особливо же что камчадалы и ныне, как из вышеписанного явствует, все в огонь бросают, и все обожженное им в праздник почитают за священное. Ибо как новомесячье, так священной огонь у многих народов в почтении было, особливо же у еврейского, которой наблюдая в том божие повеление и отеческое предание один токмо по потопе не утратил истинного богопочитания, а у прочих подобно как у камчадалов следы токмо некоторые остались, впрочем все приведено в злоупотребление. Что ж касается до вышеписанного пома, то подобное сему объявляет Лукиан в разговорах своих о капище богини Сирской, где такие ж идолы были деланы и назывались фаллы. Там же упоминается что и евнухи носили женское платье как камчатские, и хотя таких обстоятельств у других народов по историям, сколько я знаю, не примечается, однако может ли сие употреблено быть к некоему доказательству происхождения народов, оное оставляется на рассуждение искуснейших.

О пирах и забавах камчатских

Пир у них бывают, когда один острог соседей вздумает подчивать, особливо когда где бывает свадьба, или великой какой промысел, а препровождаются наиболее в объядении, в пляске и пении. В таких случаях хозяева гостей подчивают большими чашами опанги столь довольно, что их рвет по несколько раз.

Иногда употребляют для веселья и мухомор, известной оной гриб, которым у нас обыкновенно мух морят. Мочат его в кипрейном сусле, и пьют оное сусло, или и сухие грибы свернув трубкою целком глотают, которой способ в большем употреблении.

Первой и обыкновенной знак, по чему усмотреть можно человека, что его мухомор разнимает, дергание членов, которое по прошествии часа или меньше последует, потом пьяные как в огневой бредят; и представляются им различные привидения, страшные или веселые, по разности темпераментов: чего ради иные скажут, иные пляшут, иные плачут, и в великом ужасе находятся, иным скважины

большими дверьми, и лошка воды морем кажется. Но сие о тех разуметь должно, которые чрез меру его употребляют, а которые немного, те чувствуют в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость, так как сказывают о турках, когда они опия наедаются.

Сие примечания достойно, что все, кои мухомор едали, единогласно утверждают, что какие они сумозбродства тогда ни делают, все делают по приказу мухоморову, которой им повелевает невидимо. Но все действия их столь им вредны, что если бы за ними не было присмотру, то бы редкой оставался в живе. Я о проказах камчатских, каковы они делают, не упомяну, ибо сам их не видывал, и камчадалы сказывают о том, неохотно, но может быть, что у них дальних и не бывает, для того что они в него въелись, или что не употребляют чрез меру. Что ж касается до казаков, которые оной едали, то сообщу я некоторые сумозбродства, которые я отчасти сам видел, а отчасти слышал от самых тех, кои их делали, или от других людей, коим не верить нельзя.

Денщику подполковника Мерлина, которой был на Камчатке у следствия и розыску, приказал мухомор удавиться с таким представлением, что все ему дивиться будут. И сие действительно бы учинилось, если бы не сберегли его товарищи...*

Бывшей у меня в толмачах большеерецкой казачей сын опоенный мухомором в незнании, разрезал было себе брюхо по приказу мухоморову, отчего насилу его избавить успели, ибо в самом замахе руку ему здержали.

Камчадалы и сидячие коряки едят мухомор и тогда, когда убить кого намеряются. Впрочем у сидячих коряк мухомор в такой чести, что пьяному не дают мочиться на пол, но подставляют посуду, и мочу его выпивают, от чего также бесятся, как и те, кои гриб ели: ибо они мухомор получают у камчадалов, а в их сторонах не родится. Умеренное употребление четыре гриба или меньше, а для пьянства едят до десяти грибов.

Женской пол, как не объедается, так не употребляет и мухомору, чего ради все веселие их состоит в разговорах, в пляске и пении.

Пляска, которую мне случалось видеть, происходила таким образом: две бабы, которым плясать надлежало, по-

---

* Далее примеры действия мухомора.

стлали на полу посреди юрты рогожку, и стали одна против другой на коленях, имея в руках по повесму тоншичу, и сперва начали поводить плечами и взмахивать руками припевая в такту тихим голосом, потом час от часу большие телодвижения представляли, и громче пели, и по тех пор не перестали, пока и из голоса вышли, и из силы выбились. Мне казалось оное действие странным, диким и противным, но камчадалы смотрели с крайним удовольствием. Таким образом природные забавы сильны произвести во всяком некоторое движение, хотя бы другим казались и странными.

Другие роды пляски сообщим мы из описания господина Стеллера, которой упоминает об них пространно и обстоятельно, так как и о некоторых песнях их, которые у него и на ноту положены.

Первой род пляски, пишет он, вообще употребителен у курильцов на Лопатке, также и у всех камчадалов, кои морских зверей на байдарах ловят. Оная пляска принята из давних лет от курильцов дальних островов, и почитается за пляску мореходов...* Сей род пляски состоит в том: десять человек мужчин и женщин холостых и женатых становятся вкруг в лучшем своем платье, ходят кругом тихо, подымая одну ногу за другою по такте, один за другим говорит слова так, что когда половина выговорит последние слова, то другая говорит первые, подобно как бы кто стихи по стопам читал. Употребляемые притом слова все принадлежат до их промысла, и камчадалы хотя их и говорят при пляске однако большей части не разумеют, ибо иные слова в них курильские. Они их не поют, но выговаривают одним голосом...**

Сколь дики помянутые пляски, столь странен крик притом происходящей, однако они столько от того забывы имеют, что ежели плясать начнут, то по тех пор не перестанут, пока не запышятся и не обессилеют. Великая честь тому, кто всех перепляшет. Иногда они беспрестанно пляшут часов по 12 и по 15 с вечера до самого утра, и ни один в юрте не остается, кто бы не пожелал тем забавляться, самые дряхлые старики не жалеют терять притом последней силы...***

У женщин есть особливой танец; они становятся двумя

---

* Далее о названиях плясок.

** Далее пример песни.

*** Замечание о сходстве с «американскими плясками».

рядами женщина против женщины, и кладут обе руки на брюхо, и подымаясь на носках поводят плечами не шевеля руками, и не сходя с своего места.

Третьей род пляски состоит в том, что все мушины по разным углам прячутся, и невзначай выскача сперва один, как бешеной, бьет в ладоши, после в груди, по бедрам, подымает руки кверху, и делает диковинные телодвижения; после того выбегает другой, третьей и четвертой, и представляют такие ж действия, а притом все кругом вертятся.

Четвертый род пляски, что они стоя на коленях, как лягушки, вокруг прыгают плеская руками, и представляя странные фигуры. И сия пляска одним человеком начинается, а другие из углов припрыгивают к нему после.

Камчадалы имеют еще старинные, и как бы собственные свои танцы, которые от южных называются хаютеля, а от северных кузелькинга. Главнейшей танец, когда девки и бабы садятся вокруг, после одна встает и запевши песню махает руками, а в руках на средних пальцах имеет тоншичь, движет всеми членами столь проворно, что надивиться тому довольно нельзя, и кричит голосами различных зверей и птиц столь хитро, что в одном голосе три разные слышатся. Есть же у них и круговой танец, только и Стеллеру и мне видеть его не случилось.

Что касается до пения, то можно сказать, что оно не неприятно: ибо в нем ничего дикого не примечается, как можно видеть из сообщенных ниже сего некоторых песен на ноте; но в материи песен нет никаких замыслов, токмо одни простые понятия о вещах, которые им странными кажутся или смешными, или достойными удивления...*

В любовных песнях изъявляют они склонность к своим любовникам, печаль, надежду и другие обстоятельства; а все песни сочиняют наиболее девки и бабы, которые имеют весьма чистые и приятные голоса. Из чего видеть можно, что сей народ имеет к музыке великую склонность, токмо то удивительно, что сей народ никакого инструмента не выдумал кроме дудок дягильных, на которых однакож песен не может наигрывать...**

Не последняя ж их забава представлять других людей точно, как кто говорит, ходит, как что делают, словом по

---

* Далее об употреблении некоторых слов в песнях.

** Пример песни с записью нот, посвященной Крашенинникову и др.

всем приемам. Как скоро кто на Камчатку приедет, то во первых дают ему новое имя на своем языке, потом высматривают все его действия, и при таких веселиях представляют точно, а притом не забывают табак курить, сказывать скаски; и все такие веселия больше ночью, нежели днем у них бывают. Сверх того есть у них и шуты, которые забавляют других своими проказами, но оные столь скверны, что и упоминать гнусно и непристойно.

О сведении дружбы и о подчивании гостей партикулярно

Когда один с другим подружиться желает, то зовет будущего своего друга в гости, и топит для него юрту весьма жарко, и готовит всякого кушанья, какое у них за лучшее почитается, так много, что десятерых удовлетворить можно.

По вступлении гостя в юрту и гость и хозяин раздеваются донага. Хозяин скутав юрту подчивает его приуготовленным кушаньем, наливает щербу в превеликую чашу, а между тем, как гость щербу пьет или хлебает, хозяин поливает воду на лежащее на очаге каленое камень, чтоб был несносной жар. Гость старается все, что у хозяина пристряпано съесть, и жар его вытерпеть, а хозяин старается принудить, чтоб гость взмолился, и просил бы свободы от пищи и жару. В противном случае сколько гостю то за удовольствие, столько хозяину за скупость и бесчестие причитается. Хозяин в то время ничего не ест, и из юрты выходить волен. Но гость по тех пор не выпускается, пока побежденным себя признает. Во время еды рвет его раз до десяти, отчего после того подчиванья дни по три не токмо есть, но и глядеть на пищу без движения не может.

Как гость из силы выдет, так что ни жару терпеть, ни есть ему не можно будет, то откупается от того собаками, платьем или что хозяину нравно, и таким образом получает свободу. Напротив того получает от хозяина вместо хорошего своего платья обноски, вместо добрых собак худенькие сученки, которые о себе почти ходить не могут. Однакож оное за обиду не почитается, но за знак дружества, когда в том с обеих сторон равным образом поступается.

Ежели же тот, которой друга своего помянутым образом оберет, а сам к нему не будет в гости, то обранной приежжает вторично в гости, однакож не с тем, чтоб есть, но чтоб за свое получить отдарки. Хотя гость, как у них обычаи, ничего о причине приезда своего не объявляет, однакож хозяин о том уже ведает, и отдаривает ему по возможности. А буде ничем не подарит, то гость переночевав у него запрягает собак своих на самой юрте, и сидит на санках потыкая ошталом в землю, пока что нибудь получит от своего друга. Ежели же другу его или отдарить случится нечем, или от скупости не захочется, то гость уежжает домой с великим неудовольствием, и бывает его крайним неприятелем; но сие весьма редко случается: ибо обидеть друга своего за такое почитается бесчестие, что никто с обидевшим век не похочет дружить. Таково ж бесчестно и другому за подарки свои требовать отдарков.

Таким же образом подчивают гостей, когда случается у них какая пирушка, однакож жаром не морят, и подарков не требуют. Ежели подчивают нерпичьим или китовым жиром, то хозяин накроя жиру ремнями становится перед сидячим гостем на колени, в одной руке жир, а в другой нож имея. Жир сует в горло крича будто с сердец «та» (на), а ножом отрезывает, сколько он в рот захватит.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ничем кроме объявленного способа достать не можно: ибо при том случае, чего б хозяин у гостя не потребовал, отказать ему стыдно...*

О сватанье и свадьбах

Когда камчадал пожелает жениться, то высмотря себе невесту обыкновенно в другом, а не в своем острожке, переселяется жить туда, и объявля невестину отцу или матери о своем намерении, несколько времени работает, оказывая удалство свое и проворство, и услуживая всем паче холопа, наиболее же будущему своему тестю, теще и невесте, а потом требует позволения хватать невесту. И ежели поступки его родителям невесты и сродникам, также и самой ей, понравятся, то получает он соизволение, в против-

---

* Далее пример вынужденного подарка.

ном же случае или вовсе пропадают его услуги, или с некоторым награждением отпускается. Иногда случается, что такие женихи никому ничего не сказав, приходят жить в чужой острог и работают; и хотя всякой по услугам их может признать, с каким намерением они то делают, однако никто их о том не спрашивает, и не говорит ни слова, пока они или сами, или чрез других объявят родителям невесты о своем изволении.

Когда жених получает позволение хватать невесту, то он ищет такого случая, чтоб где нибудь напасть на нее в малолустве: ибо она бывает тогда под охранением всего женского полу того острожка, которые редко от ней все отлучаются. Сверх того во время хватанья бывает она одета в двои или в трой хоньбы, опутана сетями рыболовными и ремнями увязана так, что она не может поворотиться как статуя. И естли жених улучит в малолустве свою невесту, то бросается с великим стремлением, дерет на ней хоньбы и сети, чтоб коснуться тайного уда: ибо сие у них вместо венчания почитается. Между тем как от самой невесты, так и от других баб и девок происходит ужасной крик; и хотя сама невеста притом не противится, да и противиться не может, однако охранительницы поступают с женихом немилосердно, бьют его, таскают за волосы, терзают лице, и всякие средства употребляют, чтоб ему не дать схватить невесты. И буде жениху пощастится предприятие свое произвести в действо, то он сам отбегает прочь от невесты, а она дает знак его победы умильными и жалостным голосом «ни ни». В сем состоит вся важность брачного их сочетания. Однако сие получить жениху не в один раз случается, но между тем проходит иногда целой год или больше, а после каждого хватанья принужден он бывает несколько времени справляться с силою и раны залечивать. А есть примеры, что некоторые по седьмилетном хватанье вместо невесты получили увечье, будучи сброшены от баб с балаганов.

Кто схватает невесту, то в следующую ночь приходит к ней невозбранно, на другой день увозит ее в свой острожек без всяких церемоний, а для празднования брака возвращается к невестиным сродникам по прошествии некоторого времени, причем бывают следующие обряды, которые в 1739 году в камчатском острожке, что на речке Ратуге, и мне случилось видеть.

Молодой с сродниками своими и с женою ехал к тестю

в трех батах. В батах сидели женщины, в том числе и молодая, и при них довольно число съестных припасов, юколы, нерпичья и китового жиру, сараны и прочего, а мужчины, не выключая и молодого, вели оные баты на шестах, нагие.

Не доехав до острожка сажен за сто, вышли они на берег, и начали петь песни, шаманить, тоншичь на прутье вешать, и нечто на сухую рыбу голову наговаривать, которую потом обертя в тоншичь отдали бывшей при них старухе.

По окончании шаманства надели на молодую сверх ее платья бараньи хоньбы, а на них натянули четыре куклянки, так что она стояла как чучела расширив руки и с нуждою могла двигаться. После того сели паки в баты свои, и шли до самого острожка, где к берегу пристали. От пристани до самой юрты вел молодую под руку высланной из острожка небольшой парень, а за нею следовали прочие свиты ее женщины.

Взведши на юрту, перевязали молодую поперек ремнем, и на оном спустили в юрту; а прежде ее вошла в юрту помянутая старуха, которой рыба голова отдана была, коя положена перед лестницу, и от всего их поезду, мужеска и женска полу, в том числе и от молодого с молодою, была топтана, а наконец сама старуха потоптав ее положила на очаг между дровами, которые для топления юрты были приготовлены.

Приежжие гости седши по местам сняти с молодой излишние куклянки, а молодой затопил юрту, и настряпав кушанья из привезенного запаса подчивал жителей того острожка. На другой день хозяин гостей подчивал по обыкновению со излишеством, на третьей день гости разъехались, а молодой с молодою остался работать несколько времени тестю.

Вышеписанные снятые с молодой излишние куклянки раздариваются сродникам, которые за них отдаривать должны, а у кого отдарить нечем, тот должен от даров отговориться.

Все вышеозначенное касается токмо до первобрачных, а когда на вдовах женятся, то сватанье и свадьба состоит в одних договорах без всяких дальних обрядов; однако вдовы за себя никто не возьмет, пока с ней греха не будет снято, что состоит в одном совокуплении с нею человека стороннего. А понеже сие почиталось у них за такое бесчестие, что никто грехов не снимывал, кроме таких людей,

кои не смотрят на то, что им век жить в поругании и презрении, каких, однакож между ими немного, то бедные вдовы принуждены бывали в прежние годы искать грехоснимателей с великим трудом и убытком, а иногда и вдоветь век свой. Но как казаки на Камчатку наехали, то оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкам мачих, вотчимам падчериц, братьям двоюродных сестер в жены брать позволяется.

Разводятся с женами без всяких обрядов: ибо весь развод состоит в том, что муж с женою не будет спать вместе. В таком случае муж женится на другой жене, а жена за другого выходит без хватанья и без грехосниманья.

Камчадалы имеют жены по две и по три, которых иногда содержат в одной юрте, а иногда по разным местам, и живут с ними попеременно. Всякую должно ему хватать вышеписанным образом. Впрочем, сей народ хотя и женолюбив, однако не столько ревнив, как коряки. При браках знаков девства не наблюдают, а некоторые сказывают, что зятевья в порок тещам своим ставят, когда жен получают девицами, однако я не могу утверждать сего за подлинно. Не ревнивы же и бабы их, что можно видеть из того, что не токмо две или три жены одного мужа живут между собою согласно, но сносят и коекчучей, которых некоторые из них держат вместо наложниц.

Женщины ходят закрыв лице кулем куклянки, и ежели случится на дороге встретиться с мущиною в таком месте, где разойтись не можно, то не хотя показать лица отворачиваются в сторону, и стоят, пока мушину пропустят. В юртах сидят за рогожными, или из кропивы плетеными занавесками, а у которых занавески пред собою нет, а случится притти стороннему в юрту, то отворачиваются они в угол лицом, и делают свою работу. Но сие токмо о тех разумеется, которые старой своей грубости не оставили, ибо другие не столь зазорны; впрочем все вообще говорят грубо и противно, и как бы с великого сердца.

О рождении и воспитании детей

О камчатском народе можно вообще сказать, что они не весьма плодородны; по крайней мере не случалось слышать,

чтоб у какого камчадала было десятеро детей с одною женою...*

Рождают они стоя на коленях при всех людях, сколько б в острожке ни случилось, не выключая никакого полу ни возраста. Новорожденного обтирают тоншичем, пупок перевязывают кропивною ниткою и отрезают ножом каменным, а место бросают собакам. К отрезанному пупку прикладывают кипрей жеваной, а младенца обвивают вместо пеленок тоншичем. После того все жители любят младенцем, берут его на руки, целуют и обнимают срадуясь родителям однако кроме того никаких не бывает обрядов.

При родах есть у них и бабки повивальные, однако ненарочные; у которой женщины есть мать, та у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Которые женщины детей желают, те едят пауков, как уже выше показано; некоторые родильницы едят и пупок с кипреем, чтоб после очреватеть скорее. Напротив того много и таких, кои младенцов выгоняют отравами другие страшные средства употребляют давят младенцов в утробе, ломают им руки и ноги чрез старух искусных в таком злодеянии, и после выкидывают мертвых часто с своею погилью.

Такие Медеи хотя иногда и в утробе не вредят младенцев, однако рожденных давят или живых собакам бросают. Для неплодородия же пьют декокт травы называемой кутахжу, и разные волшебства употребляют; иногда причину бесчеловечия бывали и их суеверия: ибо когда они рождали двойни, то по крайней мере одному умереть надлежало; то ж делалось и с рожденными в худые погоды, которые оба случаи почитались несчастливыми. Однако последней иногда и некоторыми шаманствами исправляется.

После родов оправляются они опанюю, то есть рыбьею ухю, паренюю с листьем произрастающего называемого гале, а по нескольких днях паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаются.

Младенцам имена дают отцы умерших своих сродников без всяких же обрядов, которых дети не переменяют и на возрасте...**

---

* Далее примеры трудных и легких родов у камчадалок.

** Далее примеры мужских и женских имен.

Но большая часть женщин мужескими именами называются, как например: Брючь, Быргачь, Чекава и прочая.

Колыбели у них есть, токмо редко, однако не для качанья, ибо они детей не качают, но вместо кровати детской делаются коробками из досок, у которых бывает наперед желобок, которым моча збегает. Когда дети заплачут, то матери сажают их в куклянки за плеча, которые в таком случае подвязывают, и качают, пока заснет младенец. Таким же образом ходят с ними в дорогу и на работу. Впрочем они детей своих не пеленают, но в ночное время спят с ними вместе. И хотя они сонливы и неосторожны, однако нет примеров, чтоб детей засыпали.

Грудью младенцов кормят по три и по четыре года. На другом году учат их ползать тешат юколою и икрою, березовою и таловою коркою, а наипаче сладкою травою, и часто случается, что дети приползши к собачьим корытам остатками опаны забавляются. Когда они начнут лепиться по лестнице, тогда вящее утешение родителей, которые смотря на них смеются, и разговаривают с веселием.

Дети платье носят подобно самоедскому, которое с ног надевается, и состоит из торбасов, чулков, шапок и шубы вместе сшитых, назади с прорехою и с клапаном.

Что касается до воспитания детей, то пишет Стеллер, что родительская любовь к детям столь велика, сколь велико их презрение к родителям, а особливо к престарелым и дряхлым. Они бранят родителей всякими скверными словами, ни в чем их не слушают, и нимало на них не смотрят; чего ради родители не смеют ни бранить их ни наказывать, ниже в чем препятствовать. Когда родители не выдавшись долго с детьми своими увидят их, то обнимают их с изъявлением сердечной своей радости; напротив того дети совсем противно тому поступают. Дети никогда ничего не просят у своих родителей, но берут сами, что им угодно. Ежели хотят жениться, то не токмо не советуют о том с родителями, но и не дают знать им. Над дочерьми власть их состоит токмо в том, что могут жениху сказать: **«хватай, буде можешь, и на себя надеешься»**. Право первородства несколько и у них примечается: ибо большей сын всем после отца своего владеет, а другим ничего не достается, для того, что все наследство состоит в одной перемене платья, в топоре, в ноже, в корыте, в санках и собаках; из того числа платье всегда бросали с мертвым, чтоб надев самим не умереть, которое суеверие и поныне еще не вывелось.

О болезнях и лекарствах

Главные на Камчатке болезни цынга, чирьи, расслабление, рак, желуница и нечисть, которые по мнению их от врагов напускаются живущих по березникам и ракитникам в то время, когда кто кусты те в незнании рубит. Лечат их больше наговорами, однако не презируют трав и коренья.

От цынги пользуются листьем некоторой травы мыткажун, которое к деснам прикладывают, и пьют декокт бруснишной травы и водяницы. Казаки пьют вместо чаю тамошней сланец или кедровник с великою пользою, и едят дикой чеснок черемшою называемой: и оба сии лекарства от цынги за действительные признала вся Камчатская экспедиция.

Чирьи по их называются оон, опаснейшая болезнь на Камчатке, ибо от них по большей части люди умирают. В диаметре бывают оные двух или трех дюймов, и когда отворятся, то по 40 и по 50 скважин примечается. За смертельной знак почитают, когда материя из них не пойдет; впрочем которые от них и не умирают, лежат в постеле по шести и по десяти недель. Камчадалы разгнаивают их сырою зайчиною, а когда отворятся, то стержни стараются выдавить.

Расслабление, рак и французская болезнь почитаются за неисцелимые, и о сей последней сказывают камчадалы, что она появилась у них по прибытии российских людей...*

Есть еще у них болезнь сужучь (ящерица), которая подобна коросте, и бывает под грудью наподобие пояса. Когда оная короста не загноившись пропадает, то смерть последует; а по объявлению их не обходит они никого, как у нас воспа.

Шелечь или орел болезнь, которая под видом коросты все тело заражает, напускается от врага того имени, которая иногда бывает причиною смерти. А короста, которая у них по большей части на младенцах бывает, по их теуд называется.

У господина Стеллера о болезнях и лекарствах страннее писано, чего ради сообщим мы здесь из его описания все потребное.

Морскую губку, пишет он, прикладывают камчадалы к

---

* Далее названия некоторых болезней.

чирьям, чтоб вытягивало материю, с добрым успехом: ибо содержащаяся в ней щелочная соль не допускает расти дикому мясу. Но токмо лечение происходит трудно, затем, что не разбивает она материи.

Казачи прикладывают к чирьям сладкую траву, которая после сидения вина в котлах остается, и ею с добрым успехом разбивают материю и выгоняют.

Малину морскую употребляют женщины для скорейшего разрешения от бремени.

Нигну, что по русски репою морскую называется, трут они как самую раковину, так и ее иглы, и тем порошком пользуются от течения семени, однако оным лекарством одна токмо моча выгоняется.

Жир морского волка употребляют они от жестокого запору с великою пользою.

Курильскій чай, что пентафиллоидес фрутикозус, пьют от резу и от болезни в животе с простуды, не без успеху ж.

Корку тамошнего кедровника привязывают они ко всяким порезам, и сказывают, что ею можно выгнаивать из ран и стрелы.

От запору варят кислую юколу, и пьют вонючую ухоную. От поносу едят белую глину, которая земляною сметаною называется, и по многим местам в Камчатке находится; от того же употребляют шеламайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, тем велят мочиться в кольцо из тоншича плетеное, у которого в середине рыбаья икра кладется; но может быть, что притом бывают и наговоры.

У кого от болезни в горле сохнет, то с добрым успехом пьют кипрейное сусло. Сие ж лекарство употребляют родильницы и для способнейшего разрешения.

Толченое листье шеламайнику (*ulmaria*) прикладывают они к ранам, когда волк укусит или собака, пьют же то листье и вареное, и похваляют как от живота, так особливо от цынготной болезни, а листье вместе с стеблями толченое употребляют от пожогу.

От головной болезни лечатся мерзлую брусницею; от зубной декоктом шеламайнику, которой сваря с рыбою в орту держат, а корень ее кладут на зубы.

Сегельчь каменной папоротник жуют они от одышки; пьют же ныне и вареной от харканья кровью, когда внутренняя повреждаются, или упадают с высокого места. Бере-

менные пьют для здоровья младенца и для плодородия. Некоторые думают, что от него и голос бывает светлее и чище.

Камчатской зверобой. *Gentianae* спес. пьют они от цынготной и от всякой нутренной скорби. А пьяную траву *Chaetaeghchododendras* по их кетенано или мискуша, от французской болезни, токмо без пользы.

Морскую капусту *Luegong marina* пьют от поносу; кутахжу мушины от цынги и от лому в членах, а женщины для неплодия. Траву моченую в рыбьем жиру прикладывают к больным членам теплую, и тем же сгоняют синие пятна от побой и уразов.

Траву чахбон *Dymorogon* пьют от опухоли и от цынги в ногах. От бессонницы едят плоды травы ефемера. Глаза лечат припаривая травую зизом, которую кладут женщины и в тайные уды для тепла и благовония.

Лопатские жители ставят и клистиры, что переняли без сумнения от курилов. Декокт из разных трав иногда с жиром, а иногда и без жиру наливают в тюленей пузырь, и обтягивают отверстие его около какой нибудь дудки, которой ставят по обыкновению, между тем больной лежит на брюхе вниз головою. И сие лекарство почитают они столь высоко, что употребляют во всяких болезнях.

От желтухи имеют они надежное лекарство: берут корень лесной фьялки, чистят и свежие толкут с теплою водою: сок, которой бывает как молоко, в нерпичей пузырь наливают, и в клистирах употребляют по два дни сряду, а на каждой день по три раза; после чего слабит, и фьялковой сок по всем членам расходится. Сие лечение не без основания, когда известно действие фиалки.

Крови ни жильной, ни рожечной не пускают, и совсем о том не ведают, а пускают оную особливым образом: около больных мест оттягивают кожу щипцами деревянными, и прокалывают оную насквозь хрустальными нарочно для того делающимися ланцетами, и выпускают крови сколько надобно.

Естьли у них болит спина, то трут оную корнем цикуты перед огнем, наблюдая притом, чтоб не коснуться пояснице, от чего последует судорога; и сим лекарством так они хвалятся, будто тот же час бывает им польза, однако то невероятно.

От лому ставят ядна из березового труду на больных местах. Когда оной труд догорает до тела, то отскакивает с великим стремлением, а тело от того разгнивается, и

бывает великая язва, к которой иные присыпают трудовой пепел, а иные ничем не лечат. И сие лекарство известно по всей Сибири.

Корень лютика травы и омег употребляют они к порче своих неприятелей и к умерщвлению. Лютиком намазывают и стрелы как совершенным ядом.

О погребении умерших

Погребение умершим, буде можно назвать погребением бросать собакам на съедение, от всех тамошних народов отменно, ибо другие народы или жгут тела умерших, или кладут в землю с нарочитыми обрядами; напротив того, камчадалы трупы мертвых своих, привязав ремень за шею вытаскивают из юрты, и почти на самой юрте бросают их собакам на съедение, объявляя тому две причины: 1) что которого съедят собаки, тот на другом свете ездить будет на добрых собаках; а на юрте и близ юрты бросают они покойных своих для того, чтоб враги, которые по их мнению людей умерщвляют, видя мертвых довольствовались их гибелью, а других бы не вредили. Но другая причина кажется мне невероятна: ибо они те жилища, в которых умирать кому случалось, всегда оставляли, и переселялись в новые юрты, которые строили в знатном от прежних расстоянии, а трупов, которыми бы по их объявлению могли от врагов обороняться, не таскают с собою; разве может быть сие почитают они за оборону от них на то одно время, пока они новую юрту делают.

С умершим выбрасывают вон все платье их и обувь, не с тем намерением, чтоб было им что носить на другом свете, как другие некоторые язычники думают, но от одной опасности: ибо по их мнению и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто наденет их платье. Особливо живущие на Курильской лопатке в том суеверны: не возьмут в руки никакой вещи, сколь бы она их ни льстила, ежели услышат, что осталась после мертвого. Чего ради казаки, которые важивали к ним похожие товары, как например немецкое и русское суконное платье, фанзовые и камчатные рубахи и прочая, не инако купцов от других отбивали как сказывая, что платье и другие их товары после мертвых остались.

Очищение после похорон бывает следующим образом:

наломавши какогонибудь прутья, приносят они в юрту, и наделав колец по дважды сквозь их пролазят, а потом относят в лес, и бросают на запад. Которой мертвого вон ташил, тому должно изловить какиенибудь две птички, и одну из них всю сжечь, а другую съесть со всеми жителями вместе. И сие очищение бывает у них того же дня, которого и погребение, а до того ни сами они не выходят из юрты, и никого к себе не допускают.

Вместо поминок бросают они в огонь шаглы перво-промышленой рыбы, что за дар умершему почитается, а тело сами съедают.

Младенцов хоронят в дуплеватых деревьях по большей части без всяких же особых обрядов. По умерших сожалеют, и плачут, токмо без вопля.

О коряцком народе

Излишнее бы дело было, естли бы как о сем, так и о курильском народе писать пространно, ибо род жития их весьма сходствует с камчадалами...*

Коряки, как уже выше показано, на оленных и сидячих разделяются. Оленные кочевой народ, а сидячие живут в земляных юртах, как камчадалы, с которыми и больше житием и обрядами сходствуют, нежели с кочевными коряками; чего ради все, что о коряках объявлено будет, о оленных разумеать должно, разве где точно сидячие коряки будут упомянуты.

Сидячие коряки жилища свои имеют по берегу Восточного моря от реки Уки почти до Анадыря, а по берегу Пенжинского моря от усть-Тигиля до Пенжины, и от Пенжины вокруг Пенжинской губы до хребта Нукчанунин, из которого течет в море Нукчан речка, и по тем рекам имеют они особливые названия, по которым между собою разделяются, как например: укинские коряки по реке Уке, карагинские по Караге, олюторские по Олютору, акланские по Аклану и прочая; а оленные с табунами своими кочуют по всему пространству земли; которое с востоку окианом, с западу вершинами Пенжины и Омолона, с северу Анадырем рекою, а с югу Лесною и Карагою реками заклю-

---

* Далее о несходных чертах с камчадалами в дальнейшем изложении.

чаются. Иногда прикочевывают они и ближе к Камчатке, особенно когда есть опасность от чукоц, бедственных их неприятелей, однакож редко. И так в соседстве имеют они с одну сторону камчадалов, с другую чукоц, с третью юкагирей, а с четвертую тунгусов или ламуток.

Есть ли чукоцкой народ причислить к корякам, как то учинить должно по самой справедливости, ибо и чукчи сущие коряки, то коряцкие пределы гораздо дале распространяются; потому что чукчи не токмо живут дале Анадыря к северу в так называемом Чукоцком носу, но и по островам около лежащим. В сем случае Анадырь река как граница между коряками подданными российскими и немирными чукчами; для того что наши коряки не живут дале Анадыря к северу, а чукчи к югу; однако чукчи часто переходят сию границу, и раззоряют наших коряк, убивая, отводя в плен, и табуны оленьи отгоняя. В летнее время промышляют они рыбу и по самой реке Анадырю не токмо близ устья, но и вверх по ней на знатное расстояние от моря, так что нашим анадырским жителям часто съезжаться с ними случается не без опасения.

Коряцкой народ по разности жития разнствуется и телесным видом. Оленные коряки, сколько мне случалось видеть, росту малого, сухощавы; головы у них посредственные, волосы черные, которые ежедневно бреют; лица продолговаты и несколько клином; глаза узкие и малые, брови навислые; носы короткие, однако не столь плоски, как у камчадалов, рот большой; бороды клином черные, которые выщипывают часто. Напротив того сидячие коряки хотя и не великорослы, однако толсты и присадисты, особенно которые живут дале к северу, в чем чукчи пред другими имеют преимущество, чего ради и больше сходны с камчадалами.

Есть же между ими разность и в рассуждении склонностей и обычаев. Оленные коряки пребезмерно ревнивы, так что может убить жену за одно только подозрение, а когда приличится в прелюбодеянии, то лишаются живота оба прелюбодейцы; чего ради коряцкие женщины всеми мерами стараются придать себе безобразия: не моют ни лица, ни рук; волос, которые плетут в две косы, и по вискам распускают, никогда не чешут; на верху носят платье гнусное, ветхое и залосклое, а под исподом хорошее; ибо и в том у них подозрение, когда женщина ведет себя почище, а особливо когда надевает сверху новое и не загаженное

платье. На чтоб, говорят коряки, им краситься, когда б не желали они другим казаться хорошими: ибо мужья и без того их любят? Напротив того у сидячих коряк, а наипаче у чукоч вящшая дружба состоит в том, когда взаимно приезжая друг к другу, гости спят с женами или дочерьми хозяйскими, на которое время хозяин нарочно отлучается, или отъезжает к жене своего гостя. Несносная обида хозяину, когда гость с женою его не пребудет: ибо в таком случае может он убит быть, как гнушающейся приязнью хозяина, что с нашими анадырскими казаками; которые оных обрядов их не знали, случалось, как сказывают, неоднократно. Чего ради и женщины их по своему обыкновению щеголять стараются: белятся и румянятся, носят хорошее платье; а чукоцкие сверх того расшивают узорами не токмо лица, но лядвеи и руки; ибо они дома сидят нагие, хотя бы притом случились и сторонние люди.

Все вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердые люди. А оленные притом горды и хвастливы, так что они никому в том не верят, что есть в свете благополучнейшее житие человеческого состояния, и почитают таких за сущих лжецов и обманщиков, что случалось часто с нашими купцами в проезде из Якуцка на Камчатку чрез Анадырск, которым они вместо улики делали язвительные возражения. «Естьли бы, говорили коряки, жить у вас было лучше нашего, то бы де вы так далеко к нам не ездили, как нам нет нужды к вам ездить, для того что у нас всего довольно; а то де можно видеть, что вы приезжаете к нам для одной жирной оленины, которой де вам во всю жизнь вашу нигде инде и видать не случается».

Немалой повод к спеси дается им и от коряк сидячих, которые их боятся и почитают, так что, хотя бы пастух к ним приехал, все выбегают вон из юрты, встречают, довольствуют, провожают, и сносят всякую обиду, какую бы ни показал коряка. Не слыхал я таких примеров, чтоб сидячие убили когда оленного коряка, чего ради ясашные наши зборщики к олоторам никогда без них, как без надежной обороны не ездят; в противном же случае нередко от не совершенно покоренных бывают убиваемы; и сие тем наипаче удивительно, что сидячие коряки гораздо сильнее оленных и отважнее. Но сего почтения и опасности кажутся мне две причины: 1) застарелой обычай почитать и служить богатым, которой они, может быть, имели, будучи сами оленными, так как и ныне убогие оленные коряки; 2) что они,

получая от оленных коряк все свое одеяние, раздражить их опасаются, чтоб не претерпеть холоду.

Оленные коряки всех их называют своими холопами... как всякой народ имеет пред другим в чем нибудь преимущество, так и у коряк сии особливые от камчадалов добродетели, что они правдивы и трудолюбивы, знают стыд, и от блудодеяния удаляются, хотя может быть и поневоле.

Сколько родов оленных коряк и сколько числом их, о том на Камчатке неведомо, потому что они подсудны Анадырскому острогу; однако думать можно, что сей народ купно с сидячими многочисленнее камчадалов.

Живут по таким местам, где моху довольно, которым питаются олени их, не взирая на то, что водою и лесом скудно, а наипаче в зимнее время: ибо они снег тогда вместо воды употребляют, а варят мохом или сырым сланцом, которого везде довольно. Я могу сказать, что зимнее их житье в рассуждении камчатского гнусно и беспокожно. В юртах, с которыми они часто кочуют, от сырых дров, и от того, что земля от огня тает, до самого полу такой дым, что человека на другой стороне не можно видеть, а притом столь едкой, что непривычной глаза потеряет в один день. Я не мог пробыть у них ни пяти часов; и хотя между тем от дыму часто выходил вон из юрты, однако без глазной болезни не обошелся.

Юрты у них подобны юртам других кочевных народов, каковы например калмыцкие, токмо гораздо меньше. Зимой покрывают их оленьими новыми кожами для тепла, а летом старыми ровдугами, которые юртовые крышки чумами называются. Внутри юрт их нет никаких полов, ни перегородок, токмо по средине четыре колышка с поперечинами вколочены, между которыми огнище. К колышкам обыкновенно привязываются собаки, которые во время стряпанья и из котлов мясо таскают, и с лотков, когда оное вынимается, несмотря на то, что хозяйки бьют их уполовником и отнимают. Причем сие можно утвердить за истинну, что крайней голод человеку надобен, чтоб есть мясо их варения. Котел и лотки у них вместо мытья собаки лизут; бабы и собак бьют уполовником и в котле мешают; мясо немытое в шерсти как в коже, а о чистоте стряпающих и упоминать нечего.

Чукоцкие зимние юрты в рассуждении копоти не лучше коряцких, однако в том имеют преимущество, что весьма теплы. Делаются наподобие камчатских в земле, но несрав-

ненно больше: ибо живут в них по множеству народа. Каждая семья имеет особливой свой полог из оленьих кож, в которых пологам и сидят и спят. Во всяком пологу дено и ночно огонь горит в поставленной среди полога плошке. Жгут жир различных морских зверей, а вместо светильни мох употребляют. И хотя для выхода копти оставяется наверху продушина, однако такой же дым бывает, как в коряцких юртах, но притом столь тепло, что в холодных оных и самых северных местах бабы сидят всегда нагие, как выше показано, прикрыв токмо срам своей пятою, красуясь узорами на теле, как бы богатым или покойным платьем.

Платье все носят из оленьих кож, в котором нет никакой отмены от камчатского, ибо и камчадалы от них же получают оленьем платье, как уже выше объявлено.

Питаются оленьим мясом, которых у богатых коряк тысяч по десяти, по тридцати и больше, а у тоиона Этеля Соплякова сына до 100000 считают; однако при всем том они столь скупы, что оленя для себя убить жалеют, а довольствуются звероядиною и мертвечиною, чего в таком великом множестве случается со излишеством. Расхожим гостям не стыдятся они говорить, что у них подчивать нечем, для того что по их нещастию олени у них не падут и от волков не давятся. Для других убивают оленей, и в то только время сами досыта наедаются. Впрочем они не доят своих оленей, и молоком пользоваться не знают.

Едят наиболее вареное мясо, а за излишеством сушат и коптят в юртах. Лучшая у них пища **ямгаю**, которая следующим образом приготавливается. Когда убивают оленя, тогда кровь из него вливают в желудок с калом, и положи оленьего жиру сбивают вместо и несколько времени квасят, после того коптят, и едят вместо колбас копченых. Казаки называют оную пищу манялом, а многие едят похваляя. Едят же коряки и других зверей, каких ни промыслят, кроме собаки да лисицы.

Трав, коренья и коры с дерев не употребляют в пищу, разве бедные, и то в случае голоду; рыбу также одни пастухи ловят, и то весьма мало. Ягод в зиму не запасают же, но токмо едят в летнее время. Большой сладости в пище понять не могут, как голубица толченая с оленьим жиром и саранюю. Мне самому случилось видеть, как знатной коряцкой князец, которой приеждал в Большерецкой острог по случаю, дивился, когда дали ему сахару. Сперва назвал он его солью, но как ему прикусать велели, то он

изумился от такой чрезвычайной сладости, и хотел отвезти его несколько жене своей для опыту, однако не имел столько терпеливости, чтоб не истратить его в дороге; жене своей хотя он и клялся, что ему в российском остроге дана такая сладкая соль, которой он ни к чему применить не может, однако она ему в том не поверила, утверждая, что ничего на свете не может быть слаще объявленной толкуши.

Ездят на оленях токмо в зимнее время, а летом по примеру тунгусов верхами, как сказывают, не умеют ездить. Сани называются по их чаучу-уетик. Длинною делаются они около сажени. Полозья под саньми шириною вершка в полтретья, токмо у головашек, где загибается, несколько уже. Копылье из одного дерева гнутое прямо ставится, выключая передней, которой несколько назад наклоняется. При каждом копыле пришивается поперег брусочек, на брусочки кладутся во все сани широкие дощечки вместо нащепов, которые к головшкам полозья прикрепляются. На каждом бруске по две дырочки, сквозь которые во все ж сани батошки продеваются. Как сии батошки так и доски назади изогнуты кверху, и покрыты особливым нащепом; и таким образом бывают они будто с козырем, в котором месте сидят обыкновенно женщины.

Впрягают в сани по два оленя. Лямки, которыми они тянут, подобны собачьим алакам; надеваются обоим оленям на правую лопатку. Правого оленя потяг или ремень к лямке привязанной прикрепляется к санной решетке близ правой стороны, а после привязывается к левому нащепу, а левого к левой токмо, а за правой нащеп не утверждается. Потяг правого оленя доле левого, чего ради правой олень немного впереди ходит, а оба по левую сторону саней.

Узды олени подобны обраниям конским. У узды правого оленя бывает на лбу по три и по четыре косточки наподобие коренных зубов с четырьмя шипами, а накладываются на узду для того, чтоб оленя на бегу остановить скорее; ибо в таком случае коряка крепко за узду тянет, а шипами оленя в лоб колет и удерживает от бегу. У узды левого оленя нет таких зубов, ибо в нем нет большей силы, ибо когда правой остановится, то не побежит и левой.

Коряка сидит на санях близ головашек, и правит их уздою; когда вправо поворотить надобно, то узду токмо дергает, а когда влево, то хлещет ею оленя по всему боку. Погоняют их тонкою палкою длиною аршина в полтора или

и доле, у которого на одном конце костяная головочка, а на другом ключок. Головочкою оленей бьют, а крючком отде-
вают потяги, когда оленю заступить случается. Такие па-
лочки по тамошнему ключками называются.

Оленные сани по коряцки чаучу-уетик, как уже выше
объявлено, решетка гыву, брусочки уякау, головки у саней
гыпогынген или якьи, копылье гынгу, место, где сидят
женщины, моинген (хвост), узда правого оленя коилген,
левого явилиган, потяги илген, ключка елоель, головка на
ней тымпету, крючок на ней же калнкал.

Езда на оленях скорее собачьей; на хороших можно
легко переехать в день полтора-два верст, токмо часто кор-
мить их должно и часто останавливать на дороге, чтобы
мочились, а в противном случае, в один день так испортят-
ся, что или к езде будут негодны, или издохнут.

Оленей к езде приучают как коней. Самцов ежжалых
кладут перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрах, а их не
вынимают. Олени все вместе пасутся, и неежжалые и еж-
жалые. Когда коряке надобно одних от других отделить, то
сгоняет он весь табун вместо и кричит изо всего горла
кусая ключу свою, от которого крику олени с возможною
скоростью на двое разделяются. Ежели которые не в свою
стаю замешаются, тех бьют немилосердно.

Есть олени и у сидячих коряк, токмо у редких и не по
многу, а употребляют они их токмо для выезду. У чуок их
табуны превеликие, однако они не взирая на то больше
морскими зверями питаются. Естли коряка лишится своих
оленей, то беднее камчадала бывает. Нет ему другого
способу к пропитанию, как задаться в пастухи к богатому,
ибо рыбы он промыслять не умеет, а хотя бы и мог по нуж-
де, то нельзя лодками, сетями и собаками завестися в ско-
рости, а в пастухах пища ему и платье готовое; притом
естли у него малое число своих оленей, то может он пасти
их с хозяйскими и, не употребляя себя на пищу, распло-
дить со временем нарочитое стадо.

Коряки на оленей своих и на кожи их выменивают у
других народов самых лучших тамошних дорогих зверей,
которых у многих коряк такое множество, что возят их с со-
бою чемоданами. Напротив того у сидячих коряк и камча-
далов сотой человек имеет в запасе лисицу или соболя.

В рассуждении веры своей коряки такие же невежды,
как камчадалы, буде не хуже; по крайней мере тот князец,
с которым мне случилось разговаривать, не имел о божестве

понятия. Дьяволов, которыми населены по их мнению реки и горы, почитают больше для того, что их боятся. Сидячие коряки признавают богом камчатского Кута.

Жертву приносить уреченного времени не имеют, но когда им вздумается, тогда убивают оленя или собаку, которую совсем на кол втыкают, и оборачивают лицом к востоку, а от оленя одну голову да часть языка. Но кому сию жертву приносят, сами не знают, токмо приговаривают: «Ваио коинг якнилалу гангева», то есть: «на тебе, да и нам чтонибудь пошли». Которого оленя они собаку отсулят бе-сам, тех убив повергают совсем на землю.

Горам и рекам, где по их суеверию живут диаволы, жертву дают тогда, когда случается проходить мимо их. Не дошед за несколько колют оленя, и съедают, а головную голую кость взоткнув на кол оборачивают к мнимому дьявольскому жилищу.

Ежели коряки убегают от какойнибудь болезни, которая им опасна покажется, то убивают они собаку, и растянув на двух шестах черева ее, меж них проходят.

При жертвоприношении шаманы или волхвы их бьют в бубны, которые подобны якутским и других тамошних языческих народов. Но платья особенного не имеют шаманы, как у прочих язычников. Есть же шаманы и у коряк сидячих, которые почитаются и за лекарей; ибо они бьют в бубны и в случае болезней, чем оные по их суеверию отгоняются. Впрочем сие весьма удивительно, что нет такого дикого народа, в котором бы шаман не лукавее других был. В 1739 году случилось мне видеть в Нижнем Камчатском остроге славного укинского шамана, именем Карымляча, которого не токмо тамошние язычники, но и казаки, за великого знатока почитают, наипаче для того, что он колет себя ножом в брюхо и пьет кровь свою; однако все оное было толь грубой обман, что всякому бы можно было примечить, естли кто не был ослеплен суеверием. Сперва бил он несколько времени в бубен на коленях стоя, после того ножом колол себя в брюхо, и выманивал рукою кровь из раны, коей не было; наконец таскал из под шубы по целой горсти крови, и ел облизывая персты. Я между тем довольно смеялся, что он свое дело так худо знает, что к нашим ташеншпилерам не годится и в школу. Нож, которым он колоть себя притворялся, спускал он вниз по брюху, а кровь вынимал из пузыря, которой был под пазухою. По окончании шаманства надеялся он нас причесть в удивление, чего

ради поднял свою куклянку, и показал кровью вымараное брюхо, уверяя нас, что кровь она, которая была из нерпы, текла из его брюха, а рану исцелил он своим шаманством. Притом сказывал нам, что дьяволы приходят к нему из различных мест и в различном виде: иные из моря, иные из горелой сопки, иные большие, а иные малые, иные безруки, иные обгорелые, а другие о полубоке. Морские прочих богаче и в платье из травы шелковника зделанном, которая по рекам растет; а он их как во сне видит, для того что, когда они приходят к нему тогда мучат его столь жестоко, что он бывает почти вне ума.

Ежели такой шаман больного лечит, то по шаманстве предписывает, чем болящему воспользоваться можно: иногда приказывает ему убить собаку, иногда ставит вне юрты прутье и другие тому подобные безделицы. Собак в таком случае колют в бок ножом или копьями, а держат их по два человека один за голову, а другой за хвост. Убитых втыкают на кол, и ставят оборотя лицом к горелой сопке.

Оленные коряки не имеют праздников, а сидячие празднуют в одно время с камчадалами, но кому и для чего, столь же мало ведают, как и камчадалы. Вся причина состоит в том, что предки их так поступали. Праздник недели по четыре продолжается, между тем они ни к себе никого не пускают, ни сами не ездят, и никакой работы не делают, но едят довольно, и веселятся, бросая в огонь от всякой ествы помалу в дар горелой сопке.

В других политических делах такие ж они невежды, как и в законе. Разделение времени на годы и месяцы им неизвестно, токмо знают четыре времена в году, и лето называют алаалу, зиму лакалянг, весну киткетик, а осень гетига. Ветрам не более как четверем имеют названия: восточной ветер по их конгекат, западной геипевкыг, севрной гычигольионоа, южной еутельионоа. Из звезд знают Большого медведя, которого называют диким оленем, на их языке **Елусе-кыинг**; Плеяды или утячье гнездо **Атага**; Орион **Юлта-ут**, криво уронил; Юпитер **Ичиваламак**, красная стрела; Млечный путь **Чигей-ваем**, дресвяная река.

Расстояние мест счисляют по дням, так как якуты по днищам, то есть, в сколько дней от одного до другого места перекочевать можно, а на каждой день можно положить от тридцати верст до пятидесять. У богатых расстояние одного дня больше, нежели у бедных: для того что они надеются тем доказать, что у них лошади или олени хорошие, когда

они со всеми своими тяжестью и с домом столько могут переехать, сколько бедные налегке, по причине худых лошадей или оленей.

Владельцов до покорения российскому скипетру у них не было, но тот власть некоторую имел, которой был оленьми богаче; чего ради и не знали они до тех пор, что есть присяга. Казаки приводят их к присяге вместо креста и евангелия к ружейному дулу с таким объявлением, что тому не миновать пули, кто присягает неискренно. Таким же образом и сумнительные дела решаются; ибо виноватой будучи уверен, что заряженное ружье убьет за неправду, охотнее признается, нежели предается в чаемую опасность жизни. В других случаях клятвы у них нет больше, как «**Иномоконкеим метынметик**», то есть «правда, что я тебе не солгу».

Учтивства в словах и поздравления не знают; гостей, кто к кому приедет, не встречают, но поступают с ними, как большие господа с подчиненными. Гость, выпрягши своих оленей сидит на саних ожидая хозяйского повеления войти в его юрту как на аудиенцию, однакож соизволение хозяйское не от самого хозяина объявляется, но от жены его такими словами: «елко», то есть «в юрте», или «хозяин дома». Как гость таким образом встреченный войдет, то хозяин сидя на своем месте говорит ему: «**койон**» (сюды); потом указывает место, где сесть, с таким учтивством, «**катваган**», садись.

В подчиванье гостей наблюдают токмо то, чтоб их удовольствовать, а по камчатскому обычаю не поступают, чтоб гостей принуждать к объедению. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сие не недостойно примечания, что все дикие и кочевные народы жир почитают за приятнейшее кушанье. Якут даст себе глаз выколоть за жирную кобылятину, а чукча за жирную собаку. Якут хотя ведаёт, что лишится всего имения, ежели украдет скотину, однако не взирая на то, не удержится от жирной кобылы, и в случае нещастия тем утешается, что он едал жирную кобылятину.

Воровство во всех диких народах кроме камчадалов похвально, только бы оно было не в своем роде, и так искусно, чтоб не быть пойманным: в противном случае поступает жестоко не за кражу, но за неумение. Чукоцкая девка не может себе получить мужа, ежели в воровстве не окажет искусства.

Смертоубийство в своем же роде токмо опасно, для того что сродники не оставляют убиенного без отмщения, а впро-

чем никому до того нет нужды. Убийцы тем великодушнее, что не знают о будущем воздаянии.

Всего достохвальнее в сем народе то, что они детей своих хотя и чрезмерно любят, однако издетска к трудам приучают; чего ради и содержат их не лучше холопей, посылают по дрова и по воду, приказывают на себе носить тяжести, пасти оленьи табуны, и другое тому подобное делать.

Женятся богатые на богатых, а скудные на скудных, не взирая на разум и на пригожество. Жен берут наиболее из своего роду, двоюродных сестер, теток и мачих, токмо не женятся на матерях, на родных дочерях, на родных сестрах и на падчерицах. Невест хватают по камчатски, чего ради и малолетних, которые не могут хватать невесты, не женят.

Жениху, каков бы кто богат оленьми ни был, должно работать за невесту от 3 до 5 лет, между тем вместе им спать дозволяется, хотя невеста и не схватана; впрочем она до совершения брачной их церемонии для обряда бывает по надлежащему опутана. При свадьбах не бывает у них никаких обрядов достойных примечания.

Жен имеют по две и по три, и содержат их по разным местам, дав пастухов и табуны особливые. Все удовольствие жизни в том полагают, чтоб переезжая с места на место осматривать скот свой. Притом сие весьма удивительно, что коряка, счету почти незнающей в великом множестве оленей, тотчас приметит урон свой, и скажет, какого оленя нет и какую шерсть.

Наложниц у них нет, токмо некоторые содержат коекучей, которые по их кеиев называются, однако не в чести, как камчадалы, но в презрении: ибо у коряк за великую брань почитается назвать кого кеиев.

Сидячие коряки по странному своему суеверию имеют вместо жен простые камни: одевают их в платье, кладут спать вместе, и временем шутят с ними, и забавляют, как бы чувствующих забавы. Таких два камня получил я от укинского жителя Окерача, один из них которой называл он женою, был больше; а другой, которой сыном, был меньше. Большему имя яйтель-камак (целительной камень), а другому калкак. А каким случаем и по какой причине понял он такую достойную жену, рассказывал он мне следующее обстоятельство. Лет за десять был он в огнище немалое время; между тем будучи на реке Адке, которая течет в Уук с южно-западной стороны от устья Уки в 10 верстах, нашел

он помянутой большой камень токмо один, и как взял в руки, то камень на него будто человек дунул. Он испугавшись бросил камень в воду, от чего болезнь его так усилилась, что он лежал все то лето и зиму. На другой год принужден он был искать с великим трудом объявленного камня, и нашел его не в том уже месте, где бросил, но далеко оттуда лежащей на плите купно с калкаком или с малым камнем, которые он взяв с радостью принес в острог свой, и зделав им платье от болезни избавится, и с того времени держит он их у себя, и любит каменную жену паче настоящей, а калкака всегда берет с собою в дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена милее ему настоящей, утверждать нельзя; впрочем то могу сказать, что он камни отдал мне не с охотою, не взирая на мои подарки: ибо говорил он, что он лишаяся их лишается купно и здравия, которое от них зависело.

Детей своих безмерно любят, однако с младенчества не нежат, как уже выше объявлено. Как скоро родятся, то богатые отделяют им несколько оленей на их щастие, которыми однакож не могут дети пользоваться до возраста совершенного.

Младенцам дают имена старые бабы с следующим колдованием. Ставят две палочки, и перевязывают ниткою, на середине вешают на нитке ж камень обшитой в кожу каменного барана, а притом неведомо что шепчут, и спрашивают у камня, как звать младенца, напоминая имена его сродников, и на котором имени покачается камень, то бывает младенцу и имя...*

Родильницы дней по десяти не выходят из юрты и не кажутся. При кочеванье возят их в санях закрытых. Детей кормят грудью до трех лет и больше, а после приучают к мясу. Колыбелей и пеленок не знают, но кладут их на земле, а во время кочеванья возят их за плечами и за пазухой.

С болящими водятся прилежно. Все болезни шаманы лечат, как выше показано, а травами пользоваться не знают.

Умерших тела сжигают с нижеписанными обрядами. Сперва наряжают их во все их лучшее платье, и отвозят на место сожжения на тех оленях, кои по суеверию их умершим любы, кладут с ними на великой костер дров всю

---

* Далее примеры имен.

збрую их военную и домашнюю, то есть, копыя, сайдаки, стрелы, ножи, топоры, котлы и прочая и зажигают. Между тем, как костер горит, колют они оленей, на которых привозят мертвых, и съедают, а остатки в огонь бросают.

Любимыми оленями почитаются, которые будучи впряжены в сани перевозят их чрез нарочно подложенной кол без скрыпу полозья. Таким образом переменяют они под умершим пар по десяти оленей избирая угодных. Лямки таким оленям кладут на левые плеча, а не на правые, как сами ездят.

Поминовение усопшим бывает токмо однажды, спустя год по смерти их. Сродники их берут с собою двух каргин, то есть неежжалых оленей и великое множество оленьих рогов, которые во весь год нарочно копят, и пришед на место сожжения, или на другое какое высокое место, когда место сожжения в дальнем расстоянии, закаляют каргины и съедают, а рога втыкают в землю, которые шаман во образ табуна отсылает к умершему. При возвращении в дома проходят между двумя прутами, которые ставятся нарочно для очищения, и шаман стоя при них бьет проходящих прутом же отговаривая, чтоб умершие их к себе не брали.

Что касается до других обстоятельств и жития сего народа, то нет между ими и камчадалами разности. Военное их ополчение, збруя, труды мужеские и женские во всем сходятся: ибо и коряки по большей части нечаянно нападают на своих неприятелей, и военное их оружие состоит в луках, стрелах и копьях, которые прежде сего из костей же и из камней делали; и женщины их в таких же трудах упражняются как камчадалки: ибо на них лежит вся кожевная, портная и сапожная работа, токмо коряцкие бабы и есть варят, чего камчадалки не делают. Кожи выделывают они лучше и мягче камчатского, а вместо икры намазывают их оленьим калом. Шьют оленьими станowymi жилами.

Оленьим козам как от россиян, так и от коряк разные названия...*

Главная разность сего народа от камчадалов состоит в языке, в котором по счислению господина Стеллера три диалекта. Первым диалектом или коренным языком говорят си-

---

* Далее названия и объяснения разных видов кож.

дячие коряки у Пенжинского моря и оленные, и сей язык выговаривается мужественно и крепко. Другой диалект, которой употребляется у олюторов, и от россиян вторым морским коряцким языком называется, весьма крепче помянутого. Третьей чукоцкой, которой выговаривается легче, мягче и с свистом. Впрочем между всеми диалектами такое сходство, что коряки, чукчи и олюторы без труда друг друга разуместь могут.

Но естли олюторской диалект почестъ за особливой, то столько почти будет диалектов в коряцком языке, столько острожков; ибо нет такого острожка, в котором бы не было против других знатной отмены; таким образом укинской, карагинской, островной карагинской и чендонской могут назваться особливыми диалектами. Я за коренной коряцкой язык почитаю тот, которым говорят оленные коряки, для того что в нем нигде нет большой разности...* О прочих можно вообще сказать, что сидячие коряки чем дале живут к северу, тем чище говорят по коряцки, а чем дале к югу, тем больше камчатских слов употребляют, и больше имеют разности в окончаниях. (Приводится сравнительная таблица коряцких наречий.— К. Ц.)

...Укинцы** называют все вещи отчасти по камчатски, а отчасти по коряцки, а карагинцы по коряцки с некоторою малою отменою: так например гусь по камчатски кейшутышь, по укински кейшугашь, по коряцки гейтуант, а по карагински етегету.

Которые живут на реке Караге, а не на острове, те от жителей островных в том наипаче отменны, что вместо ф произносят г, вместо Е в начале произносят И: так например, вместо вихуфи ногти вегевуги, вместо етегету гусь итуит.

Тигильские сидячие коряки также как и укинские больше имеют сходства в языке с северными камчадалами, нежели с оленными коряками, хотя слова их так испорчены, что едва и узнать можно, а особливо в разговорах. Кратко сказать, все сидячие коряки чем ближе живут к камчадалам, тем больше имеют и сходства с ними, а чем к северу, тем чище говорят по коряцки.

---

* Примечание к приведенной далее таблице.

** Некоторые объяснения к таблице.

О курильском народе

Курильской народ житием своим так сходен с камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о нем, есть ли бы в телесном виде и в языке не было различия. Откуда сей народ имеет происхождение, о том столь же мало известно, как и о других камчатских народах; а можно ли по их языку сколько нибудь исследовать, оное оставляется таким людям, кои в том трудятся по искусству своему и по должности; чего ради и приобщено на конце сей главы собрание слов курильского языка.

Сей народ ростом средней, волосом черен, лицом кругловат и смугол, но гораздо пригоже других народов. Бороды у них большие окладистые, тело мохнатое, в чем состоит знатная разность от камчадалов.

Мужеской пол волосы наперед бреем до самой верхушки, а назади растут, в чем с японцами имеют сходство, от которых, может быть, по причине бывшей прежде сего коммерции и обычаи оной приняли, а женской токмо подрезывает их спереди, чтоб глаза не закрывали. Губы у мужчин на середине токмо, а у женщин все вычернены, вокруг расшиты узорами. Сверх того и руки расшивают они почти по локоть, в чем несколько сходятся с чукчами и тунгусами. Все вообще носят в ушах большие серебряные кольца, которые прежде сего получили от японцев же.

Платье носят из кож морских птиц, также лисье, боброе и из других морских зверей, которое шьют по тунгусскому образцу, то есть распахное, а не по камчатскому; причем не наблюдают того, чтоб платье было из одной материи, но шьют из чего прилучится, так что и поныне редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была сделана.

До богатого по тамошнему месту платья, каково например суконное, камчатое и прочая, великие охотники, токмо весьма небережливы. В лучшем алом кармазинном кафтане тюленя на себе нести не устыдится, не взирая на то, что измарают платье, которое ему стоит дорого. На построй не много же смотрят: все им равно, мешком ли платье сшито или по кости, только бы ему цвет был люб, да надеть на себя лъзя было*. ... У них в своем платье разности нет между мужеским полом и женским.

---

* Пример из жизни курильца.

Живут в таких же юртах, как камчадалы, токмо их держат несколько чище, убирая стены и полки травяными рогожами. Питаются наиболее морскими зверями, а рыбы промышляют мало.

Бога столь же мало знают, как и камчадалы. В юртах имеют вместо идолов кудрявые стружки, которые они весьма хитро делают. Сии стружки называют они ингул или иннаху, содержат в некоем почтении, однако не мог я того выведать, за бесов ли они их вменяют или за бога. В жертву приносят им первопромышленного зверя, при чем мясо сами съедают, а кожу при них вешают, и когда юрты за ветхостию оставляют, то не берут с собою из них ни жертвенных кож, ни стружек, впрочем носят они с собою оные стружки во всякие опасные пути на море, и бросают в случае бедствия в воду, а наипаче в сувой, что между первым Курильским островом и Лопаткою, которые тем умиловить надеются. Такой образ идолослужения приняли от курил и южные камчадалы, кои живут на первом Курильском острове и на Лопатке, как надежное средство к безопасному плаванью по морю.

Летом ездят на байдарках, а зимою ходят на лыжах, ибо собак не держат и не имеют. Мужеские главные труды: промысел морских зверей; женщины по примеру камчадалок в шитье и в плетенье чирелов упражняются, а в летнее время ездят с мужьями и на промысел в гребле.

Что касается до их обычаев, то они несравненно учтивее других народов, а притом постоянны, праводушны, честолюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг у друга речи, как сидячие коряки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собою живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам. Приятное, сказывают, позорище, когда бывает между живущими по разным островам свидание. Приежжие с байдар своих, а жители из юрт с великими обрядами сходятся, обе стороны одеты бывают в военное платье и с оружием, махая саблями и копьями, натягивая друг против друга луки, так как бы быть сущему сражению, а притом все пляшут. Сошедшись вместе, оказывают всякие знаки радости: обнимают, лобызают и плачут от радости. После того приводят гостей в свои жилища, сажают их, подчивают предстоя и слушая вестей о их приключениях, случившихся в разлучении. Должность рассказывать никому не поручается кроме старшего. Он как оратор объявляет о всех мелочах, как промышляли, как

жили, куда ходили, что видели, с кем учинилось счастье и несчастье, кто немог или умер и от какой причины; и иногда более трех часов продолжает речь свою, а прочие слушают со вниманием. Когда гость окончит речь свою, то из тутошних жителей старшей подобным образом рассказывает про свое житие и промыслы, и прежде того никому друг с другом говорить нельзя. После того или сетуют, или веселятся по вестям смотря, а наконец торжествуют по своим обычаям, едят, пляшут, поют и рассказывают сказки.

Что касается до прочих обрядов, каковы например сватанье, свадьбы, родины, детей воспитание; в том они от камчадалов не разнствуют. Жен имеют по две и по три, и вместе с ними никогда не спят, но в ночное время приходят к ним как бы украдкою, по примеру татар махометанского закона, кои к невестам своими приходят аки бы тайно, пока калыму не заплатят по договору.

Буде кто у них приличится в прелюбодеянии, то бывает странной поединок, на котором бьются они палкою, а вызывает на оной прелюбодец мужа прелюбодейницы: раздеваются оба до нага, и разят друг друга по спине. Которой вызывает, тот сперва три раза от вызванного должен вытерпеть, а потом берет у него палку, и бьет равным образом, и так переменяются до трех раз. Сие побоище много у них веку уносит: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бывает толщиною в руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединок такое ж безчестие, как у некоторых европейских народов. Ежели же кто предпочтет свое здоровье, и отречется от бою, тот должен заплатить мужу прелюбодейцы такое безчестие, какого он потребует, зверьми, платьем, кормом и другими вещами.

Родины у женщин их гораздо тяжелее камчатских: ибо они, по объявлению самих курильцов, месяца по три оправляются. Младенцам имена дают бабки повивальные, которых они никогда не переменяют. Из двойнишных одного всегда убивают...*

Умерших зимою хоронят в снег, а летом в землю убивства и в сем народе не меньше бывает, как у лов, токмо того не слышно, чтоб они морили себя.

Курильцов, которые живут на первом островчатке, с ними курилами за один народ почитать, ибо оные сущие камчадалы, как уже выше по

* Примеры мужских и женских имен.

** Далее «Собрание слов курильского языка».

Из документов к экспедициям Витуса Беринга

Витус Ионассен Беринг

Витус Ионассен Беринг родился в 1681 г. в Дании в г. Хорсенсе. О ранних годах его жизни сведений сохранилось мало. Известно, что он плавал на голландском корабле в Ост-Индию. В 1703 г. Беринг был приглашен Петром I на службу в Балтийский флот. В России Беринга часто называли Иваном Ивановичем. В 1704 г. он был участником Азовского похода, затем командовал шхуной и участвовал в строительстве крепости, в будущем Кронштадт, плавал на Балтийском и Азовском флотах, честно и беззаветно служа своей новой Родине.

В 1725 г., учитывая отличное знание морского дела, В. Беринга назначили начальником Камчатской экспедиции (1725—1730 гг.), официальной целью которой было решение вопроса о наличии перешейка или пролива между Азией и Америкой. В июне 1728 г. судно «Св. Гавриил» под командованием Беринга вышло в море из устья реки Камчатки. Помощниками капитан-командора были замечательный навигатор лейтенант Алексей Ильич Чириков, начавший службу гардемаринном флота в 1716 г., и лейтенант Мартын Иванович Берг, родом датчанин. Всего в экспедиции числилось 10 человек. Плывая на северо-восток, они достигли наивысшей широты $67^{\circ}18'$ и вернулись обратно. Экспедиция собрала ценные сведения о востоке Сибири, течениях, ветрах, о рельефе дна, о шельфе Берингова и Чукотского морей, доказав, что в районе ее плавания не обнаружено никаких естественных преград, отмеченных на многих русских и западных картах XVIII в. Но в сенате мало понимавшие в

географии и мореплавании сенаторы отказались признать успехи Беринга.

В 1733 г. В. Беринг был назначен начальником Второй Камчатской экспедиции. Помимо окончательного решения о проливе ее целью было обследование побережий Ледовитого океана, изучение малоосвоенных путей Сибири и Дальнего Востока, исследование севера Тихого океана и плавание к Японии. Это было грандиозное предприятие. Экспедицию разделили на 5 отрядов, в ней участвовало 570 человек. В 1740 г. пакетботы «Св. Петр» под командованием В. Беринга и «Св. Павел», командир А. Чириков, направились из Охотска к Камчатке. Здесь Беринг основал Петропавловск-на-Камчатке. После зимовки в Авачинской губе направились на восток. 20 июня 1741 г. корабли разлучились и более не встречались. 16 июля Беринг через 1½ суток после Чирикова достиг побережья Аляски, 20 июля открыл остров Кадьяк, на обратном пути — Шумагинские и часть Алеутских островов. После трудного обратного плавания «Св. Петр», не достигнув 185 км Камчатки, подошел к острову Авача (ныне остров Беринга) и встал на зимовку. К моменту подхода к острову на судне было столько больных, что почти не оставалось никого для управления судном: из 77 человек экипажа 12 умерли, 34 были больны цингой и только 10 при величайшем напряжении могли управлять судовыми делами. Почти не оставалось воды и провизии. Оставшиеся в живых жили на острове 9 месяцев в вырытых в песке ямах, покрытых парусами; питались котиками, китами, тюленями. 8 декабря 1741 г. тяжелобольной Витус Беринг скончался. Оставшиеся в живых попали в Охотск лишь в 1743 г.

Алексей Ильич Чириков в 1741 г. на корабле «Св. Павел» открыл ряд островов. Он умер в ноябре 1748 г. Именем А. И. Чирикова назван остров в заливе Аляска и мыс острова Атту.

Картографические результаты плавания Беринга к проливу его имени в 1728 г. впервые появились на «Генеральной карте о Российской империи» в 1734 г. А в 1746 г. итоговую карту Второй Камчатской экспедиции составили сами участники героических походов — А. Нагаев и А. Чириков. Имена отважных моряков-исследователей Петровской эпохи увековечены на карте нашей Родины от Белого до Охотского морей.

1732. Мая 2. «Сенатский. Об отправлении капитан-командора Беринга на морских судах для проведе-

вания новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткою»*

Понеже по ея императорского величества указу, за подписанием собственныя ея императорского величества руки, состоявшемуся сего апреля 17 дня, велено капитана-командора Беринга отправить паки на Камчатку, и по поданным от него пунктам и предложениям, о строении тамо судов и прочих дел к государственной пользе и умножению интереса, разсмотря определение учинить в Сенате по которым его предложениям в Сенате решение и учинено, а что в оном его представлении написано.

1. Изобрел де он, что далее Оста то море волнами подымается, такожде и на берег острова именуемого Карагинского великой сосновой лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило. И для того признавает Америка, или иныя между оной лежащая земли не очень далеко от Камчатки в разстоянии быть может, и по мнению его на пример 150 или 200 миль быть имеет, и буде подлинно так, то мочно установить торги с тамошними обретающими землями к прибыли Российской империи; того ради Правительствующий Сенат приказали: на морских судах, кои определено ему сделать, идтить для проводывания новых земель, лежащих между Америкой и Камчаткою, также от Камчатского носа островов продолжающихся к Японии и особливых Шинтарских, о чем и в прежнем 1731 года определении упомянуто, идучи и усмотря подлинно о установлении торгов, или где неподвластные о взятъе ясаку чинить, усматривая к прибыли и к пользе государственной; токмо того накрепко остерегаться, чтоб в американския и азиатския такая места не зайтить, где уже владение европейских государей или китайского богдыхана и японского хана есть, чтоб не войтить в подозрение и не открыть бы к Камчатским берегам своим приездом пути, о котором они поныне не известны, а наипаче в нынешнем тамошнем малолюдстве чрез ту причину не заняли нужных пристаней. 2. Он же Беринг представляет не без пользы б было, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход до устья реки Амур и далее до Японских островов выведывать, понеже де надежду имеет, что тамо нарочиты места можно находить и с теми некоторы торги установить; также ежели возможность допус-

---

* Печатается по: Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. С. 234, 235.

тить и с японами торг завести, что не к малой прибыли Российской империи впредь могло оказаться, а за неимуществом де судов в тех местах, мочно будет и из попадаемых навстречу японских судов побирать: о том что касается до Японских островов и о коммерции с Япониею поступать по вышеописанному 1-му пункту со всякою с теми японскими народы ласкою, а до китайского владения ничем отнюдь не касаться, о чем и выше подтверждено, также японских никаких судов не брать, ежели то чинить будет, то как может добровольно торг завести, а наипаче не произошло б от того с таким народом, которой к коммерции зело нужен, явного несогласия и ссоры, и о вышеописанном ему Берингу дать указ, которой содержать в секрете; а в Иностранную коллегию послать указ же, чтоб в той Коллегии о таком отправлении и о запрещении в предосторожности от противных случаев было известно, и не разсудит ли та Коллегия по обращениям и посольским договорам с китайским двором, из той Коллегии к нему, Берингу чего сообщить.

Дело*

об экспедиции, снаряженной в Камчатку для открытия берегов Америки; о действиях там Беринга и Чирикова, и наконец, о прекращении этой экспедиции.

Доклад

В 724-м году декабря 23 дня, по указу вашего императорского величества вселюбезнейшего государя родителя блаженные и вечнодостойные памяти государя императора Петра Великого отправлен был в Сибирскую экспедицию от флота капитан-командор Беринг, которому, по данной собственноручной его императорского величества инструкции, повелено: 1-е — на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами, 2-е — на оных ботах возле земли, которая будет на норд, и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля часть Америки, 3-е — и для того искать, где она сошлась с Америкой и чтоб доехать до какого города европейских владений, или, ежели увидят какой корабль европейской, проведать от него, как оной кюст называют и взять на письме и самим по-

---

* Печатается по: Экспедиция Беринга: Сб. док./Подг. к печати А. Покровский. М., 1941. С. 363—367.

бывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда.

По которой инструкции оной Беринг, сделав один бот, от Камчатки ходил в море меж севером и востоком по простерию земли и, будучи у Чукотского острова, от тех чуток известился, что земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы, а всюду прилегло море, в котором великие отмели и всегда носит льды, а в соседстве де, кроме их чукотского народу, никаких островов и земель не знают. И потом он, Беринг, доходил до северной ширины 67 градусов 19 минут, и длины от устья реки Камчатки 30 градусов 14 минут, а в правой стороне по курсу их от острова земли не видали, и земля больше к северу не простирается и наклоняется к западу. И потому он Беринг рассуждал, что данной ему указ исполнил и возвратился назад.

А в 732 году апреля 17 дня, по указу блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны велено: его, Беринга, отправить паки на Камчатку по поданным от него пунктам и предложениям, в которых он, Беринг, писал, что по признанию его, Беринга, Америка или иные земли от Камчатки не очень далеко, например 150 или 200 миль, и можно будет установить торги с тамошними обретающимися землями к прибыли Российской империи, и не без пользы б было, чтоб охотской и камчатской водяной проход от устья реки Амур и далее до японских островов выведывать и с тамошними местами некоторые торги установить; тако ж, ежели возможность допустит, и с японцами торг завести, что б не к малой же прибыли Российской империи вперед могло оказаться. По которому указу оной Беринг с прочими морскими обер и ундер-офицерами и с немалым числом адмиралтейских мастеровых и прочих служителей в 733 году с данными инструкциями и отправлены и поныне в той экспедиции обретаются.

А из поданных в Правительствующий Сенат от адмиралтейской коллегии о действиях в той Камчатской экспедиции помянутых офицеров экстракте и ведомостей усмотрено: 1-е.— Означенной капитан-командор Беринг от флота с капитаном Чириковым с особою при них командою следовали для обыскания американских берегов, однако со отправления их по лето 741 году в одном приготовлении судов, в перевозках провиантов, материалов и припасов к Камчатке, для основания судам безопасного места исправлялись и через толь многое время действительного походу в море

не было. А в лете того 741 году они, Беринг и Чириков, отправились на дву пакет-ботах в море, в котором, за обычными тамошними всегдашними туманами и жестокими ветрами, оной Беринг с ним, Чириковым, разлучась, следовали порознь. Чириков доходил разстоянием в 4509 верстах до земли, которую признали, что оная часть Америки, и на оную посылал для проводывания сперва на ланг-боте 10, а потом на малой лотке 5 — итого 15 человек, кои на том берегу без всякого известия пропали. И как по усмотрению ими на лотках тамошних людей признано, что поступлено с ними неприятельски, чего ради он, Чириков, из такой дальности с достальною командою с великим трудом, претерпевая от недостатка воды и от одержимой на многих цынготной болезни нужду, возвратился. А Беринг, по отлучении от него Чирикова, быв в такой же дальности и неизвестных местах по приключившейся ему со всею командою от тамошних туманов и тяжелых воздушных цынготной же болезни, в которой будучи, только 3 человека о себе с нуждою ходить могли и за недостатком воды и провианта принужден был на неизвестной берег выйти, где и пакет-бот их на тот же берег жестоким ветром выкинуло, и тамо он Беринг с 31 человеком умре, а достальные команды его — от флота лейтенант Ваксель с 46 человеки — на том берегу, которой явился остров, никаких людей, ниже жительства и никакого лесу не имеющей, — и по осень 742 году были, претерпевая крайние нужды, питались без всякого провианта травою, битыми и мертвыми зверьми и ко спасению своему с того острова, сделав из помянутого поврежденного пакет-бота, сколько в нем лесу сыскалось, малое судно с отчаянною гибелью и опасностью морем до Камчатки приплыли.

2-е. — От флота ж капитан Шпанберг с командою следовал для сыскания пути до Японии и доходили, по признанию их, до японских берегов и на оных были и жилища их по берегам деревни строения каменного и деревянного видели.

3-е. — Протчие ж обер-офицеры с командами употреблены были в разные партии для описания рек и морских берегов и судового ходу, из которых некоторые по данным инструкциям то описание окончили, а иные за невозможными непроходимыми местами не окончили и возвратились.

А понеже ныне Правительствующему Сенату, как Иркутская провинциальная канцелярия о недостатке ко отправ-

лению в ту Камчатскую экспедицию за недородом в той провинции хлеба, и разными тамошних крестьян разорениями и скудостью провианта представляет, так и по рассмотрению Правительствующего Сената, обще с генералом-лейтенантом графом Дивниером и генералом-майором Скорняковым-Писаревым, которые в Охотце чрез некоторое время были командирами и о той экспедиции довольно известны, и с бывшим в Сибири губернатором Шиповым во учиненных помянутыми отправленными в ту экспедицию офицерами действ в произвождении всей той экспедиции крайние невозможности и без всякого плода признаются и, сверх употребленного на ту экспедицию (кроме еще неизвестных провиантов и материалов и протчаго отпусков) показанного ведомостию от адмиралтейской коллегии невозвратного расходу 360659 руб., как уже довольно известно есть, что помянутая Иркутская провинция от дальних в ту экспедицию провозов провианта и всяких материалов и припасов и взятиев ис крестьян многого числа в такие отдаленные места работников, от чего и хлебной недород последовал, уже в крайнее разорение приходит, ибо как помянутым Иркутская провинция доношением представляет, что на оную экспедицию велено повсягодно отпускать муки ржаной до 50000 пуд, круп тысячи по три, тако ж пеньки и прочих припасов немалое число, но во многих де острогах и слободах, а особливо в Илимском и по всей Лене реке от помянутого хлебного недороду крестьяне в пропитании своем имеют великий глад и питаются травою и корою и за тем в ту экспедицию онного провианта отправить не в состоянии. Чего ради о покупке онаго и об отправлении писано в Енисейскую провинцию, на что ответствовано, что и в той провинции за недородом же хлеба жители и крестьяне питаются травою ж и кореньем, примешивая муки третью часть, и отпустить того провианта не из чего ж. И тако де Иркутская провинция оную экспедицию отправлением провиантов удовлетворить не надежна. А крестьяне с начала той Камчатской экспедиции находятся в дальних и в самых трудных и беспокойных работах и претерпевают вящую нужду, и многие ис тех экспедиционных работ не возвращаются лет по 10 и более, и от того дома их за взятъем в те тяжкие работы разорились, и пашенные земли опустели. И требует та провинция, чтоб на ту экспедицию провиант отпускать из Тобольска какими людьми принадлежит. Но понеже по такому дальнему разстоянию,

как от Тобольска до Иркутска более 3000 верст состоит, не токмо во отправлении из Тобольска, по разсуждению Правительствующего Сената, великие трудности с разорением обывателей признаются, но как из представления от флота капитана Чирикова усмотрено, что ко отправлению в ту экспедицию провиантов и прочаго и из ближних мест, а именно от Енисейска до Охотска разстояния больше 4000 верст, и отправляют прежде по рекам, а потом перевозят чрез землю на реку Лену, да и Иркутской провинции верхоленские места, откуды идет в экспедицию провиант, от Охотска разстоянием доходят в 3500 верст, которой в некоторых местах перевозится на подводах и берется за одну по три лошади, понеже на них больше 5 пуд не возят, и многие лошади в путех помирают, а близ 300 верст как провиант, так леса и прочие припасы возят на собаках, а в некоторых местах зимою на оленях, без чего де и впредь при продолжении той экспедиции обойтись невозможно,— и по таковым обстоятельствам, по разсуждению Правительствующего Сената, ту экспедицию, от которой Сенат немалого плода быть не признает, надлежит вовсе отставить, о чем о всем со основательным учиненных помянутыми офицерами в той экспедиции действ показанием вашему императорскому величеству от Сената всеподданнейше представлено будет впредь.

А ныне для предупреждения до воспоследования об отставке оной экспедиции или о дальнейшем произвождении вашего императорского величества высочайшего указа, дабы по таком обозначенной Иркутской провинции от недороду хлеба крайнем изнеможении и скудости более в ту экспедицию и работников и подвод сбирано не было и от того боная в конечное разорение притти не могла, не соизволите ли ваше императорское величество всемилостивейше повелеть к вышепомянутым от флота капитаном Чирикову и Шпанберху, от которых последними репортами показано: от Чирикова,— что он, в 1742-м году, возвратясь из вояжа, будет ожидать в Якуцке указа, а от Шпанберха — марта от 24 дня сего 1743-го году, что он из Якуцка для исправления судов будет следовать в Охотск, а оттуда с половины сентября месяца морем в Болшерецк, где, зимовав, в лете будущего 1744-го году о окончании вояжа будет поступать по данной инструкции,— послать указы с нарочным куриером, велеть им Чирикову и Шпанберху более в морские вояжи не ездить, и оному Шпанберху из Болшерецка со всею

командою возвратиться и быть им всем до указу в Сибирских городах, кроме Иркутской провинции, по рассмотрению Сибирской губернской канцелярии, где б оные провиантом способнее довольствованы быть могли. А построенные для той экспедиции суда и всякие припасы оставить тамо в способных же по рассмотрению их, Чирикова и Шпанберха, местах, оставя же при них надлежащий караул. Тако ж и взятых из Иркутской провинции для разных работ и отправлений крестьян и других чинов людей отпустить в дома их немедленно, и более провиантов и материалов и прочаго, до указу, в ту экспедицию не отправлять и не завозить, и для того подвод и работников не собирать, о чем и в Сибирскую губернскую и в Иркутскую провинциальную канцелярии послать указы ж. И хотя оное, по разсуждению Правительствующего Сената, для вышеуказанных обстоятельств учинить ныне в скорости и надлежит, но понеже оные офицеры с данными инструкциями в ту экспедицию отправлены по именному блаженные памяти государыни императрицы Анны Иоанновны указу, и затем о удержании до будущего указу той экспедиции оных офицеров такими указами определить Правительствующий Сенат без указу вашего императорского величества собою не может, и о том прочит вашего императорского высочества все милостивейшего указу.

У подлинного подписали тако: Князь В. Долгорукой.

Князь Ив. Трубецкой.

Граф Г. Чернышев.

Андрей Ушаков.

Князь А. Куракин.

Граф Алексей Бестужев-Рюмин.

Алексей Нарышкин.

Князь Михайла Голицын.

Иван Бахметов.

Василий Новосильцов.

Князь Алексей Голицын.

Документы об экспедиции Федорова и Гвоздева — первых европейцев у берегов Северо-Западной Америки

Михаил Спиридонович Гвоздев

Михаил Спиридонович Гвоздев был одним из активных участников великих русских географических открытий в Тихом океане. В 1716 г. он поступил в Славяно-греко-латинскую академию, а в 1718 г. был послан в Морскую академию в Петербурге «и отправлен в науку геодезическую учеником и был при той науке по 1721 год». Учителем Гвоздева был находившийся на русской службе английский профессор Фарварсон, человек больших и разносторонних знаний, по учебным пособиям которого будущий открыватель изучал сложную геодезическую науку. Другим учителем Гвоздева был русский ученый Л. Магницкий — автор учебника «Арифметика, сиречь наука числительная».

По окончании Морской академии Гвоздева назначили в Новгород для описания рек к поселению драгунских и пехотных полков «и был при оном деле по 1725 год».

В разгар Первой Камчатской экспедиции по решению сената на северо-восток была направлена большая военная экспедиция под командованием казачьего головы якутского полка А. Шестакова, назначенного одновременно главным командиром Камчатского края. Это был один из энергичных сибирских людей, инициаторов движения на Восток. Им была составлена карта и проект организации экспедиции. Кроме программы действий, сводившихся к «усмирению немирных иноземцев», проектом экспедиции предусматривались поиски «новых земель», в частности, плавания к берегам «Большой Земли», лежащей против Чукотской земли.

В Тобольске к Шестакову присоединился капитан

Д. И. Павлуцкий с отрядом в 400 казаков, где находился назначенный в экспедицию Михаил Гвоздев. Из Тобольска молодой геодезист с подштурманом Иваном Федоровым выехал в Охотск, куда прибыл в 1729 г.

К экспедиции Шестакова присоединился и известный Иван Козыревский, который в 1728 г. построил в Якутске за свой счет небольшое судно «Эверс» и в августе отправился для разведывания земель против устья реки Лены, но в мае следующего года он был вынужден возвратиться в Якутск, т. к. льды изломали его судно.

Экспедиция Шестакова была параллельной экспедиции Беринга, они были взаимно осведомлены и обязывались помогать друг другу. В 1730 г. Шестаков, покоря коряков и чукчей, был убит. Оставшийся вместо него капитан Павлуцкий организовал морскую экспедицию на «Большую Землю». Он разработал программу научных исследований, которая отличалась смелостью замысла и глубоким пониманием значения готовящегося предприятия. Руководство экспедицией было поручено подштурману И. Федорову, выполнявшему обязанности командира корабля «Гавриил», и геодезисту М. Гвоздеву, ведавшему научной частью. В состав экипажа включили опытного морехода Кондратия Мошкова. Мореплаватели не располагали даже самой элементарной картой, ведь предстоящий путь был еще никем не изведен.

В навигацию 1732 г. морской отряд экспедиции на боте «Св. Гавриил» совершил выдающееся плавание от Камчатки в Берингов пролив. Мореплаватели побывали на островах, впоследствии получивших название островов Гвоздева. Если Беринг в свою первую экспедицию прошел пролив с юга на север, то Федоров и Гвоздев пересекли его с запада на восток, окончательно установив раздельность материков и наличие между ними судоходного пролива.

За время плавания Гвоздев несколько раз высаживался на Чукотский нос и острова. Сделанное им описание путешествия, несмотря на некоторую отрывочность и несистематичность, — первое документальное свидетельство об этом героическом плавании. Научные результаты экспедиции были широко использованы при составлении Генеральной карты северо-восточной части Российской империи, завершенной в 1746 г.

В дальнейшей судьбе М. С. Гвоздева было немало лишений и невзгод. Об его участии во Второй Камчатской

экспедиции известно мало. В 1733 г., после смерти Федорова, Гвоздев находился до 1735 г. в Нижнекамчатском остроге при постройке нового острога. В этом же году штурмана Я. Генса, участника исторического плавания к берегам Америки, и М. С. Гвоздева по ложному доносу взяли под стражу и отправили в Тобольск. В 1738 г. Адмиралтейская коллегия рассмотрела дело и нашла, что Генс и Гвоздев безвинно пострадали. Они были восстановлены в прежних должностях. До 1741 г. Гвоздев исполнял геодезические обязанности в Охотске, затем участвовал в экспедиции Шпанберга, которая готовилась совершить плавание к Японии, но по ряду причин поставленные задачи выполнить не удалось. На дубель-шлюпке «Надежда» М. Гвоздев, по приказу Шпанберга, описал западное побережье Охотского моря до устья Амура, а также устье реки Уды и Шантарские острова. В 1742 г. Гвоздев в составе экипажа судна «Надежда» совершил плавание к Курильским островам и к берегам Сахалина.

В течение ряда последующих лет Гвоздев принимал активное участие в решении научных и хозяйственных задач. Свои обширные познания в области геодезии и морского дела Гвоздев успешно применял для выполнения различных поручений. В 1743 г. он вместе с мичманом Ртищевым изучал возможности устройства новой верфи на реке Марикан. В числе других мореплавателей Гвоздев составил карту, которая обобщила большой фактический материал, собранный во время первого плавания к берегам Америки. На ней был нанесен участок «Большой Земли», обследованный вместе с Федоровым.

Однако заслуги М. С. Гвоздева не были по достоинству оценены правительством. В своем рапорте от 1743 г. Адмиралтейств-комиссии Гвоздев писал, что «поныне против своей братии геодезистов повышением чина не пожалован». В 1755 г., после 11-летнего пребывания в Томске, Гвоздева назначили в Иркутск для участия в землеустроительных работах. Длительные и трудные плавания сильно подорвали здоровье Гвоздева, но, несмотря на тяжелое состояние, он продолжал работать. Им было описано несколько слобод по Московскому тракту. В 1758 г. Гвоздев подал челобитную с просьбой об отставке. Сибирский генерал-губернатор Ф. И. Соймонов, ученый и мореплаватель, позаботился о том, чтобы Гвоздеву была дана посильная работа. Жизнь Михаила Спиридоновича Гвоздева — яркий

пример проявления самых лучших человеческих качеств. Из 43 лет государственной службы 32 года М. С. Гвоздев жил и работал в Сибири и на северо-востоке страны, отдавая все силы служению Родине.

В

О

О

Высокоблагородному
господину флота капитану
Мартыну Петровичу Шпанберху*

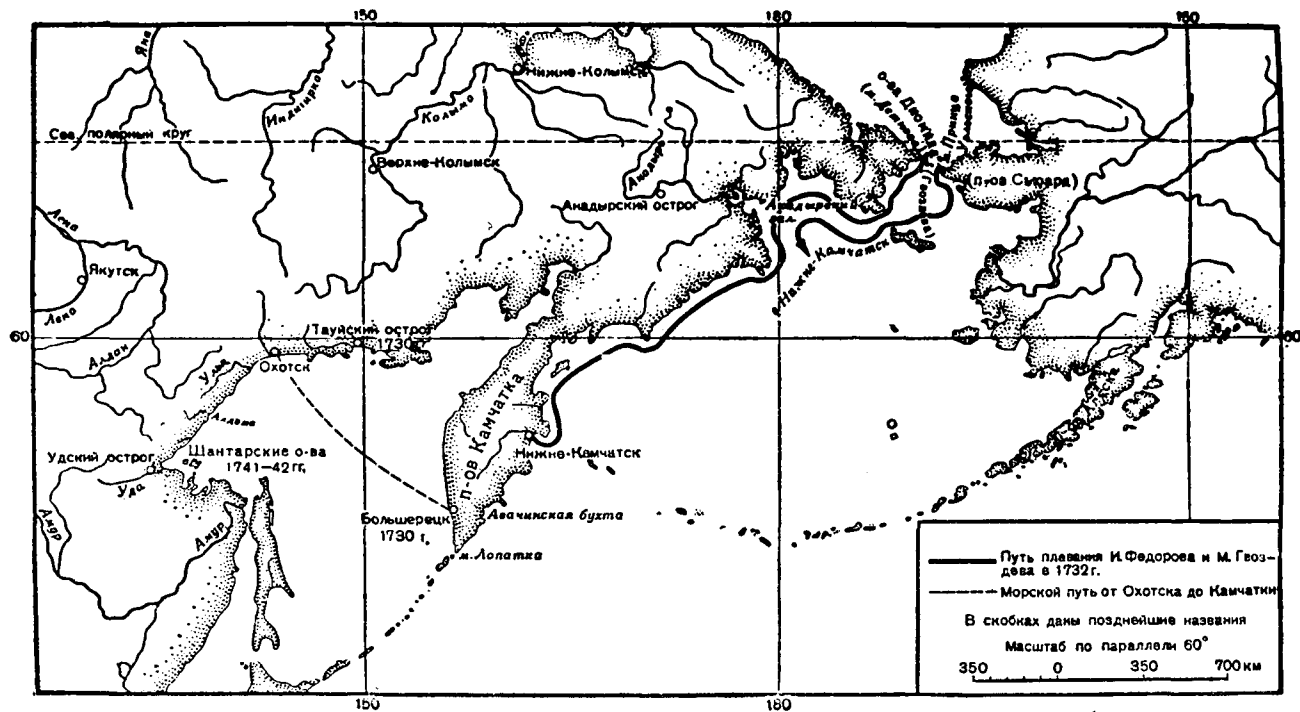
РЕПОРТ

2 сентября 1743 г.

В присланном от вашего высокоблагородия в порядке под номером 381-м мне на писанной промемории из Охотской канцелярии от вашего высокоблагородия требовано известие в бытность вашу в морском вояже об островах которые пошли от реки Камчацкой в северную сторону к Большой земле сколько оные от Камчатки или от Чюкоцкого жилища и от Анадырска далеко-ль имеются под какими градусами состоят вы известите и откуда и с каким благонадежным путем и каких способов со употреблением к ним приттить можно и как расстоянием острова и земля состоит и какие притом леса и протчие места и угодыя и гавани имеются-ль и люди жительствоуют-ли и сколь многлюдны и каких нибудь над собою хотя многих или разных владетелей имеют-ли и те их владетели самовластны-ль или кому платят дань и чем, и разговоры и веру и грамоту и деньги с какими нибудь народами сходны-ль имеются или особливо во всем оном свою натуру имеют и чем оные питаются и при том же обладаемые ими земли пахатные места имеются ль или живут кочевьем питаются рыбным промыслом и тот промысел какими за водами имеются и не имеют-ли какого свойства и согласия с чюкчами и не помогают-ли тем чюкчам в походах и побитии подданных ея императорскому величеству российских людей и ясачных коряк також и за вышеописанною большою землею нет-ли каких земель и островов с жительствоующими же на них людьми о которых доньне здесь неизвестно и какое-ж имян-

---

* Печатается по: Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948. С. 236—249.

Маршруты плавания И. Федорова и М. Гвоздева

но по вышеозначенном обыкновение и расстояние имеют и под которыми градусами и в какой ширине находятся а понеже как из той же промемории видно и вам небезизвестно мы в прошлом 1732-м году от реки Камчатки на морском судне боте Гавриле обще с подштюрманом Федоровым для описания вышеописанных островов и большой земли были того ради по получении сего по вышеобъявленному обстоятельству для представления от вас куда надлежит сколько нами в означенную нашу в той северной стороне бытность было видно и описано со всякою верностью и обстоятельством без проронки с приложением при том всем одному нами описанию содержанной ж нами тогда диурналами и какие ежели оные у меня имеются ваше высокоблагородие репортовать немедленно.

И на оное сим репортом объявляю.

Прошлого 1742 году мая «1» дня по присланным к нам ордерами из Анадырского острогу от посланной партии благородного господина майора Павлуцкого в которых велено нам обще со штюрманом и подштюрманом... на боте Гавриле кругом Камчацкому носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая земля проведаны острова коликое число оные и на тех островах люди какие имеются-ль осмотреть и вновь приискивать и ясак брать с таких с которых ясаку в сборе не бывали потом ныне иметь крепкое старание к интересу ея императорского величества пополнения и по силе тех присланных ордеров обще с подштюрманом Иваном Федоровым на боте Гавриле в морской вояж в том же 1732-м году июля «23» дня от устья реки Камчатки и ходили и обошли Камчацкий нос июля «27» дня, а к Камчацкому носу пришли августа «3» дня и от Анадырского носу прошли для взыскания островов, а когда высокоблагородный господин капитан командор Иван Иванович Беринг в прежнем своем вояже был и во оном вояже был мореход Мошков и видели остров и через одного морехода пошли того острова искать и пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне августа «5» дня и легли на якорь стал быть штиль и на шлюпке выезжал на берег для осмотра берега и для пресной воды и когда пришли на шлюпке с берега увидели малую речку и во оную речку вошли шлюпкой и вышли на землю и тут имелось пустое место, только ходят олени стада и при оных оленей видели двух человек которые увидя нас побежали на камень и налив две бочки воды и погребли к боту. А августа

«6» дня приезжали на тот бот чюкчи в двух байдарках и с другой пади и к боту близко не подъезжали и разговору от нас никакого не было, а толмач от нас их призывал, но токмо от них ответу никакого не было и посмотря на судно и уехали на берег, а того-же августа «7» дня выезжал-же на шлюпке откуда байдары ходили для осмотра жилья их и осмотрели две юрты пустые деланы в земле китовыми костями старе и разрыты и возвратились от того места к боту и отошли от того места и увидели на берегу два человека, которые увидели нас побежали на камень и прибыв на бот Гаврил благополучно. Августа с 5 числа по 8 число лежали на якоре,— а 8-го числа стали быть ветер благополучной, в 4-м часу подняли якорь паруса распустили и пошли по показанию морехода для взыскания острова. Августа 9 числа подштюрман Иван Федоров прислал ко мне письмо в котором написал свое мнение, что еще до показанного места не дошли по присланному ордеру которая называется Большая земля, також и острова понеже мы имеемся еще ныне до южную сторону Чюкоцкого носу и ежели мореход такого острова не сыщет здесь о котором он нам сказывал, что видел прежде сего остров по южную сторону Чюкоцкого носу о Анадырскую сторону и чтоб приложить ко оному письму мне свое мнение и по оному подштюрманову мнению с общего согласия пошли к прежнему месту, где лежали на якоре и пришли на то же место и легли на якорь и послана была шлюпка на берег для взятия воды. Августа «11» числа по полуночи 10 часа стал быть благополучной ветер, подняли якорь, паруса распустя и пошли в путь свой, а августа «13» дня пополудни в 5-м часу стала быть штилевая погода и легли на якорь и усмотрели юрты на берегу и поехал я на шлюпке и стали подъезжать к берегу к юртам от юрт погребли три байдары увидя нас и от нас угребли подле берегу вперед, а мы пригребли ко оным юртам, имелась под юртами малая речка и во оную речку шлюпкой вошли и вышли на берег и осмотрели оные юрты числом шесть, сделаны в земле деревянные лесу елового и увидели мы, что одна байдара гребет назад к нам, а нас на шлюпке выезжало малолюдство и мы ото оных юрт погребли возвратно к боту и пришед на бот взял с собою служилых двадцать человек и погребли ко оным юртам вторично и пригребли к юртам и вышли на берег, а чюкчи от юрт отошли в байдары и пришли против юрт на камень и только их на камне казалось шесть

человек и я посылал к ним служилого с толмачем для призыву в подданство е. и. в. самодержавную руку к ясашному платежу и они чюкчи сказали — мы-де ясаку не знаем и не платим и не промышляем, и трикратно посылал толмача для призыву к ясашному платежу и они сказали толмачу, чтоб пришел ваш приказчик и мы станем ясак платить парками и послан был от меня служивой Пермьяков с толмачем и оной Пермьяков ходил и пришед сказал, что просили у него ножики, а ему давал парку кунью, а толмачу сказал какой-де с нас ясак просите я де у родников самый большей и ими владею, какой-де вам ясак и мы имели бой с капитаном а вы-де нас не во время застали и замаховался копьем на толмача и видно было по сему, что у них пропитание себе имеют киты да моржи, понеже у них иных никаких кормов кроме того не видал и лесов никаких не имеется, токмо одна тундра и возвратились на судно августа 15-го дня пополуночи. В начале 11-го часа стал быть ветер благополучной якорь подняли, паруса распустили и пошли в путь свой. Августа 17-го дня пополуночи в 7-м часу осмотрели остров, ветер нам был противен и для противного ветра лавировали. Того же числа пополуночи в 3-м часу стал быть штиль. Увидели на Чюкоцком носу юрты, ко оным юртам на шлюпке поехал и стали пригребать близь берегу, а чюкчи от юрт своих отошли на камень и за дальностью переговариваться с ними нельзя и возвратились назад к боту и оные чюкчи в двух байдарках за нами погребли и постигли нас токмо не близко подъезжали, в каждой байдаре человек по двадцати, посмотрели на нас и возвратились назад, а через толмача у них спрашивал, какой народ живет на острову и от них никакого ответу нам не было, а про себя сказали, что чюкчи зубатые, а про свое жилье сказали, что самой Чюкоцкой нос и пригребли к боту, стал быть благополучной ветер, парусы распустили и пошли к острову и пришли против острова северного конца и погребли на шлюпке ко оному острову и когда стали пригребать близко берега и острова стали по нас из луков стрелять и мы против их противление выстрелили из трех ружей и велел толмачу спрашивать об них какой народ и они о себе сказали, что чюкчи и между тем сказали, что родники наши пошли с оленными чюкчами против капитана биться и там-де их всех побили, а про Большую землю спрашивали и они про оную землю не сказывали сколь велика или остров, а на оной земле какие люди живут, про то

они сказали — наши же чюкчи, а там-де у нас большие чюкчи, и от юрт своих ушли и мы вышли на берег и пришли к юртам и тут имелось только две юрты в земле деревянные, лес еловой и со одного острова видели большую землю, а во оных юртах токмо имелись корма их моржавина да китовина, а иных никаких кормов не видели и осмотря оные юрты отъехали на судно и прехав на бот и пошли подле одного-же острова к южному концу и увидели юрты и стали на якорь и ездили под оные юрты на шлюпке и пригребли к берегу против юрт и тут имелось юрт близ двадцати и чюкчи от юрт своих кричали, чтоб мы на берег не выходили и я выпустил толмача на берег и к нему от юрт пришел один человек и у одного толмач спрашивал про большую землю, какие ныне живут люди и оной чюкча про оную землю и народ какой там жительствоует не сказывал тако-ж, и по силе присланного к нам ордеру призывали к ясашному платежу и оной чюкча на то сказал, что де мы ясаку не знаем и не плачивали, и видя их не склонных оные возвратились назад на бот, а остров собой не велик, лесу никакого не имеется. Августа «20» дня по полуночи «1» часу подняли якорь и пошли в путь свой, а в 7-м часу по полуночи стал быть штиль и стали на якорь против второго острова и между первым и вторым островом расстояние с пол мили и оной остров меньше и, первого и ко оному острову посылана была шлюпка для проведывания, имеются-ль на нем какие люди и по возвращению с одного острова шлюпкой сказал, что и на нем имеются люди, когда-де мы стали приезжать к острову и со острова стали стрелять из луков по ним и от того возвратились и разговоров с ними никаких не было. Августа «21» дня пополудни в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, парусы распустили и пошли к большой земле и пришли ко оной земле, стали на якорь и против того на земле жилищ никаких не значилось, и подштюрман Иван Федоров приказал поднять якорь. И пошли подле земли к южному концу. У южного конца к западной стороне видели юрты жилые версты на полторы и ко оному жилью за противным ветром в близость подойти невозможно и пошли подле земли по южную сторону и стало быть мелко и дошли до семи и до шести сажень и от того места возвратились назад и пошли в бейдевен, чтобы не отдалять от оной земли и стал быть ветер приземной крепкой от N и подштюрман велел курш держать ZW и таким крепким ветром отошли от берегу и пришли к четвертому

острову августа «22» дня и за великою погодою у одного острова на якорь стать было невозможно и когда стали подходить ко одному четвертому острову, парусы подобрали и без парусов от того четвертого острова отнесло; матрозы Лаврентий Сметанин с товарищи предлагал, чтоб возвратиться на Камчатку, приходит-де время позднее и ветры бывают усильчевые, и я им сказал, что имеется подштюрман, с которым с ним поступать по ордеру обще понеже он в морском хождении один имеет власть и ему предлагайте, а мне без его согласия возвратиться нельзя, а с четвертого острова пригреб чюкча в малой лодке, по их называется кухта к боту, а кухта вся коженная и вверху коженной, только что сесть в ней человеку одному и на нем надета на платье рубашка, сшита из кишек китовых и обвязана кругом его кухты, руки и около головы, чтоб вода не заливалась, а когда волна морская его всего обольет, то не может к нему в кухту попасть вода, да у него на кухне привязан великой пузырь, надутый для того, чтоб морской волной не опрокинула кухты и мы его чрез толмача спрашивали о большой земле — какая земля и какие люди на ней живут и есть ли леса також де и реки и какой зверь и он чюкча сказывал через толмача сказывал о большой земле и на оной де живут наши же чюкчи и лес на оной земле сказывал так-же из ели, а про зверей сказывал, что имеются олени, куница и лисицы и бобры решные и по разговору тот чюкча угреб на остров и оной остров маленькой, видом круглен, лесу никакого не имеется и тогда же пришли ко мне служилые Ефим Пермьяков, Лаврентий Поляков, Федор Паранчин, Алексей Малышев с товарищами и просили о возврате, чтоб возвратиться на Камчатку, понеже-де кормов у них малое число також де и не могут из судна воды уливать и я на то им сказал, что мне возвратиться без обчего согласия с подштюрманом нельзя. Матрозы, мореход и служилые люди подали нам с подштюрманом прошение за своими руками, которым объявя многие свои нужды просили, чтоб для тех их нужд и поздности времени из того вояжа возвратиться на Камчатку, по которому их прошению с обчего согласия с вышеписанным подштюрманом мы возвратились к Камчацкому устью и пришли сентября «28» дня и во всем вышеписанном вояжу более объявленного мною островов и протчего обстоятельства никакого мы усмотреть и найти не могли, чтоже и усмотренным и найденным нами островам румбов и градусов в сем моем репорте не написано

оного объявить мне непочему для того что содержанной мною обще с объявленным подштюрманом морски журнал или лагбух без сочинения по оному карты отослан от меня же Охоцкому правлению и при репорте прошлого 733 году июня 22 дня из которой никакой карты сочинить было невозможно, ибо я от начала как пошли с Камчатки, ко оному журналу означенным подштюрманом Федоровым допущен неведомо для чего двои сутки писал которые у него, Федорова в тот журнал не внесен, сверх того уже в бытность в той же им же Федоровым в тот журнал многих его вахт в которых плавание судна было внесено не было и не имеется, чего ради еще по прибытии моем из того вояжа на Камчатку ноября «10» дня 732 году к нему Федорову послано от меня было письмо, в котором писано, чтоб ему обще со мною объявленной журнал и лан-карту в каких местах были и что видели исправить, токмо он Федоров не токмо журнал исправил, но и к сочинению лан-карты меня не пустил.

Отвествуя того же ноября «28» дня письмом-же, в котором написано известен-де я и сам, что послан он из государственной адмиралтейской коллегии не для сочинения лан-карты на подштюрманской должности для морского ходу и по той их штюрманской должности сочиняются карты морские, а не лан-карты, а я и он к своему делу в поможение никакого на море нетребовал и вперед никого не требует от других рангов, которые морского обхождения не знают, також их штюрманской должности, а я б по своей должности отправлял свое дело собой что мне показано и сочинял-бы, лан-карту, как мне надлежит, а понеже вышепоказанно за неисправностью от него Федорова того морского журнала карты сочинить было мне невозможно, того ради оставя сочинение оной всех и содержанной нами журнал в рассмотрение ко Охоцкому порту я и отослал сего ради ныне за неимением при себе объявленного журнала всего обстоятельства в сем репорте внести упомянуть не мог.

И о вышеписанном вашему высокоблагородию сим почорно и репортую.

Геодезист Михайло Гвоздев

Сентября 1 дня 1743 году

Сведения о чукчах и жителях «Большой Земли» (Аляски) в 50—70-е гг. XVIII в.

«Показание о чюкоцкой земле»
бывшего в плену у чукчей
казака Кузнецкого [1756]*

В прошлом 754 году в марте месяце, в бытность тогда в Анадырску командиром капитана Шатилова, опущен был он для звериных промыслов в шестнадцать человек, и едучи назад на вершине речки Налучи (до коей от Анадырской крепости не более расстояния 35 верст), на камню стояли ясашных юкагирских восемь юрт и в тех юртах за поздним временем ночевали, в которых юртах тех юкагирь одного мужескаго полу было человек до 50, а всего сколько с женским полом и малолетними показать не упомнит, и поутру рано поехали к Анадырской крепости.

И отъехав от тех юкагирей верст с пять и незапным случаем на дороге повстречались с нами немирные чюкчи (коих числом до 500 было) и учинили на нас нападение и розбили всех, а его поймавши связали, а товарищи, кои с ним были (кроме разночинца Бориса Унжакова, которого в то время тут убили), разбежались и по взятии на том юкагирском месте ночевав, поутру его развязали, и один из них лутчей мужик именем Мего спрашивал у него, что сын ево, взятой в плен, в крепости ли, жив ли, на что он, догадавшись и зная, что его в крепости нет, объявил, что есть и жив, за что они его и не убили.

И тот мужик, которой о сыне своем спрашивал, взял его к себе, и поехали в их чюкоцкие жилища обратно на имевшихся тогда у них оленях санками через хрепты, речки и болоты и доехали до их первых юрт.

---

* Печатается по: Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.: Сб., арх. мат. М., 1935. С. 180—188.

Всего до юрт имели проезду шесть недель все пустыми и безлюдными местами, а тех оленей у них, чюкоч, имелось более двутысяч, ибо они, по их обыкновению, ездят на оных следующим порядком: один олень запрегается в санку под называемой аргыш (то есть для съестных припасов и другого борошню), а по два и по три оленя потому ж запрегают в санки ж, на которых они едут сами, а прочие олени всегда берутся заводными для перемены усталых, а у иных лутчих мужиков и более тех оленей бывает, а сколько числом, всего показать не упомнит. Во время того к их жилищам проезда были великие метели и с мокрым снегом, так что в случае на другой день морозу и копытами те олени корму себе добыть не могут, отчего также и от пристали немалое число оных издохло. И во время того к их жилищам проезда тех же оленей по недостатку тогда взятого у них корму употребляли на еду, а где случится ночевать, то всегда останавливаются на таких по знаемости их местах, где можно тех оленей прокормить мохом, из табуна оных распускают для корму с одним или двумя караульщиками, а как едут, так и становятся не все вдруг, но порознь, кто куда едет или где ночевать место себе изберет, только друг от друга в виду, и вместо юрт становятся шитые из оленьих теплых кож полога, в коих спят по десяти человек и более.

По привозе его в их Чюкоцкую землю жил он у вышеписанного чюкчи Мего, которой по их обыкновению лутчей оленной мужик, два года и во всю ту его бытность имел он обо всех их обхождениях примечание, и какие у них между собою поступки и как их многолюдной и о прочем по достоверным и очевидным случаям следующее объяснение.

1) Предписанные чюкчи главного командира над собою не имеют, а живет всякой лутчей мужик своими родниками собою и тех лутчих мужиков яко старшин признавают и почитают по тому только одному случаю, кто более имеет у себя оленей, но и их вменяют ни во что, для того ежели хотя за малое что осердятся, то и убить их до смерти готовы.

2) В зимнее и летнее время на каждый день большими собраниями во-первых бегают пешие даже до последнего человека и друг друга перебегают до самого пристатку и расходятся по юртам.

3) Нагие борются.

4) Надев куяки и взяв луки со стрелами, и делают друг против друга один только пример, натянувши лук, а стрелы из рук не выпускают, а потом берут копья, такой же делают пример, как в сражении быть надобно, потому ж до устатку. Луки со стрелами и копья имеют всегда при себе в чистоте и бережи. По окончании того также расходятся по юртам.

5) Вышеобъявленная Чюкоцкая земля во первых болотная, гористая и весьма кочковатая и мокрая, тако ж никакого лесу и трав, кроме оленьего корму, то есть моху, не имеется, и те оленные чюкчи имеют жительство с места на место кочевое на оленях и живут в чюмовых оленьих кожаных юртах, огонь зимою во оных бывает посредине (которой добывают из дерева) таким подобием: кладут мелкой тальник, т. е. самой малой сланец, вышиною не более от земли четверти, да и того весьма около речек редко да и почти нет, также олени сухие рога и кости, и облевают нерпичьим китовым и моржевым жиром, да кроме того имеют в пологих (кои сшиты из оленьих с шерстью кож) называемые жирники, в которых из вырастающего на кочках черного моху делают на подобие фитиля и кладут в те жирники, кои выдолбленные из камня и сделанные из глины на подобие плошки в железных, ни у кого не видал. И тот фитиль горит весьма ясно, от которого свету в тех их пологих имеется теплота, и хотя сколь великие бывают морозы, то они по большей части сидят нагие. А за неимением во всей той их земле упоминаемого лесу едят мясо оленье, рыбу, нерпу и протчих морских зверей, каких упромыслить могут, сырое и мерзлое и всякое из земли, мягкое коренье, а хотя современным и варят себе еду в сделанных из глины горшках, но и то очень за неимением лесу редко. Нерпу и морских зверей получают те оленные от сидячих около моря чюкоч. Когда зимним временем бывает теплота и снег небольшою частию растает, а после того сделается стужа, то имеющиеся у них олени за недобычею из под снегу копытами корму многие гибнут.

6) Называемые сидячие около моря чюкчи, т. е. кои оленей не имеют, а ездят на собаках, у оных юрты выкопанные в земли деревянные, лес на строение берут из наносу с моря на берегу на припайках.

7) Они же, чюкчи, хотя между собою временем бывают согласны и вместо присяги обязываются по их обыкновению солнцем (чтоб оно не видать), но только в бытности ево мог он видеть, что один сын отца родного, а потом и брат

брата родные ж зарезали ножами, и то они почитают между собою ни во что. И когда у которого сына отец или мать придут в старость, то и у себя более не держат и в бывшие морозы отвозят от своих жилищ вдаль и оставляют, где они и замерзают; мертвые тела жгут на огне.

8) Еще ж они собирают на земле грибы, кои и составляют каким то надобьем (которого он приметить и знать не мог), называемый мухомор, и едят и сделаются без ума: бегают и скачут, а сверх того как мужеской, так и женской полы умываются урином. Жен имеют каждой по две, по три, четыре и по пяти; бабы живут ни в одних, но в разных полах, кои столь же велики бывают, как выше объявлено — человек по десяти и более спят. И то чюкоцкое между самими камнями житье за неимением лесу самое уже последнее, а к тому и мерзкое, коего едва ль в свете для человеческого жития хуже быть может.

9) А когда он, Кузнецкой, разговоры признал и несколько говорить научился, и тогда многократно в тех их разговорах слышал, что воюют они не только против российских и коряк, но еще есть прямо их от Чюкоцкого носу в море остров, на коем живут чюкчи же, называемые зубатые, с коими напредь сего имели войну, а ныне живут в дружбе, а от того острова имеется остров же, которой называют Большою землею, и так многолюдно почитают и применяют как песку, коих людей называют кыхмыщами. А сколь далеко от них тот остров, на коем живут зубатые, а от одного и называемая Большая земля, имеется и какое положение имеют, того они не знают, только сказывали, что на той Большой земли разных родов лесу множество и так крупен, что едва два человека одну лесину обнять могут, также и всякого зверя довольствие, и такие же земляные у них юрты, как и у них, сидячих. А солнце де бывает человеку в самое темя, и великие от того солнечного сияния бывают жары. На ту Большую землю для войны ездят они чрез губы в кожаных байдарах, не хватая того острова, где зубатые живут, а в сухих местах пешком и байдары переносят на руках, а зимою не ходят.

10) Сверх же того, когда он у означенного хозяина жил, то ходил с ним к сидячим носовым чюкчам к морю летним временем подле одного берега к его родникам, то в то время оных сидячих юрт по тому берегу довольно, и когда к тем его родникам пришли, то увидел он тут дву баб да одного мужика, кои между разговорами сказывали ему, что

взяты они теми чюкчами с Большой земли в полон, а его, Кузнецкого, признав, что он такой же полоненник, весьма сожалели и сказывали, что они с той Большой земли увезены уже назад тому будет года четыре, и рассказывали про ту землю, что она очень велика, народу и всяких лесов и зверей весьма предовольно, и солнце ходит человеку в темя и весьма жарко, так что они ходят нагие. А между теми разговорами, увидев он из них у одной бабы на вороту привязаны две плашки четверугольные маленькие по краям неизвестными словами подпись, которые им, Кузнецким, признаны золотыми, про кои он у них спрашивал, где они то получили, на что объявили, что те плашки ими увезены с той Большой земли, где они жительство имели. А от того их жилья есть де еще далее по той же земле к теплой стороне или полдне другие люди, а разговор имеют особой, к которым людям ездили их мужики для торгу и те плашки получили. У оных де дальних людей имеются избы все каменные и утесы каменные ж, так белы, что беляя снегу, а посуда светлая (сребрена ль или какая другая, они де того не знают), коих людей весьма предовольно, и они с ними живут союзно и никакой драки не имеют. А сколько до них разстояния, они не знают, и каким путем к тем дальним людям имеют переезд, выспросить за недовольно еще чюкоцкою языку знанием, а к тому и за скорым от них хозяином его, Кузнецкого, уходом не успел.

11) В прошлом 755 году в осеннее время сказывали мне они чюкчи, что собиралось их многолюдно и пошли было в поход на коряк, и тогда хозяин его, Кузнецкого, ему объявил, что он с родниками своими на коряк не идет, а пойдет ради выкупу сына своего в Анадырскую крепость и его возьмет с собою и хотел отдать на выкуп, точию в самое то время пришли Анадырские ясашные юкагири шесть человек и объявили им, что их послал к ним, чюкчам, приехав в Анадырск, новой командир и привез де указ и велено с ними мирится, а они, юкагири, пришли для выкупу взятых у них в плен жен и детей их, коих юкагир те чюкчи приняли честно и ничем не обидели, и те юкагири жен своих и детей у оных чюкоч выкупали, давая табаком, котлами, топорами, ножами, копьями, луками, стрелами и корольками, а выкупили всего мужеского и женского полов девять человек. Чюкчи тем юкагирям давали ж в подарок парки оленьи, пыжики белые, камосы белые, парки куньи и лисицы красные. Тогда ж приезжал из коряк один

человек, а как его зовут, не знает, и с собою привез двух женок: одну полоненную чюкоцкую, а другую коряцкую с таким объявлением, что коряки желают с ними, чюкчами, между собою жить вместе и на российских ходить в поход обще, на что те чюкчи объявили, что они с коряками мирится не желают, а желают мирится с российскими людьми и ясак платить, токмо без взятия у них, чукоч, аманатов, почему с вышеписанными юкагирами хозяин его, Кузнецкого, хотя и другие советывали, чтоб до лета его не отпускал, а летом вывести на Анадырь и разменяться на сына его, однако ж тот хозяин их советов не послушал и послал жену свою и оленей ради провожанья ево отпустил. И сверх того по согласию всех чукоч послали с ним чюкча лутчих мужиков, Харгитита да Амговгова, и при той посылке ему объявили, что послали они ево будто для миру и приказывали быть возвратно, а хозяин и другие говорили, хотя де и сын его в даль услан, точию ему ничего не будет. А хотя их между разговорами намерение в подданстве ея императорского величества быть и ясак платить есть, только по их по древней лехкомысленности и непостоянству и что старшин своих не слушают, никакой надежды иметь не можно. Копья у них, тако ж и на стрелах копия ж железныя, костяные и каменные из темного в горах находящагося хрусталу, кои почитают за наилутчее, потому что ежели в человеческое тело то каменное копье ранит, то все во оном рассыплется. А к тому же те стрелы со обеих сторон мажут из травы называемой лютика соком, от которой человек, получа стрелую язву, в скором времени опухнет и умрет.

Сколько же всего тех оленных и сидячих чукоч имеется, ибо они живут не в одном, но в разных местах, за чем точно всего он показать не может, а сказывали они на словах, что их многолюдно, только видно, что они тем открывали одну свою славу, а как во всю ту его, Кузнецкого, бытность было примечено, что из как оленных, так и сидячих, не более двух тысяч человек будет и оленей (кроме сидячих) не по равному числу: у лутчих мужиков с родниками есть по тысяче и более, а у протчих и самое малое число, так что от десяти до двадцати оленей бывает. А хотя лисицы красные и есть, и то малое ж число, а соболей и ни одного нету; парки куньи получают они от островных чукоч. В той же их Чюкоцкой земле есть река большая, коя впала по течению между севера и востока на самом Чюкоцком носу

устьем в море, на которой промышляют оленей, а называют оную те чюкчи Омгаяном, шириною против того места, где он жил, сажень со 150, во оную ж реку Омгаяну немного повышее впала устьем из гор же река Тиркигей¹, шириною будет сажень со 100. А более вышеописанного показать ничего не может.

«Примечание о чюкоцкой земле»,
составленное со слов чукча
Хехгита от 5 августа 1763 г.

1763 года августа 5 дня во время подполковника Плениснера водяною коммуникациею вниз по реке Анадырю следования, а в бытность у устья реки Красной, когда ко оной же реке Красной для промыслу оленей плавил сидячие чюкчи в байдарах пришли, то чрез отданной команды ево сотнику Никите Куркину письменной секретной приказ велено было из тех чюкоч, у лутчих людей чрез разговоры (кои иной Куркин знает и толмачем употребляетца и тем чюкчам по всягодному ево у той реки Красной бытие весьма знаком), пристояным образом разведать о показанных при том приказе обстоятельствах, которой из тех чюкоч у лутчаго человека, имянем Хехгитита, что о тех обстоятельствах разведал, по самой истинной справедливости и присяжной должности оному подполковнику Плениснеру объявил нижеследующее, а именно.

1) От устья реки Анадыря морем подле берега до Серца-камня в шесть или в семь, а от Серца-камня до Чюкоцкого носу в пятнадцать или в шестнадцать дней на байдарах в тихую погоду ходу бывает, и от устья реки Анадыря до Серца-камня никаких сидячих чюкоцких жилищ не имеется, а от Серца-камня до самого Чюкоцкого носу и вокруг того носу имеются сидячие чюкчи, которых жилищ весьма часто и в каждом жилище не менее как по три, по пяти и по шести юрт и более.

2) Против же Чюкоцкого носу в море имеются два острова²: один малой, а другой большей, из которых на большом острове живут люди, только не их сидячих и ленных и протчих чюкоч породы, но другова роду и говорят особым языком, и самые лутчие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржевых

зубов подле рта у нижней губы в прорезанных на обеих сторонах скажины по одной плоской кости круглой подобных запонкам, величиною как прежде бывшие пятикопеешники медные, а иногда и против нынешних гривенников и пятикопеешников сребренных. И те кости они вдевают в помянутые скважины во время своего друг к другу приезда в гости или во время их жертвы, посему и называются зубатые, а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают, а как наедятся, паки в теж скважины вставляют, и живут те люди по неимению у них удобного лесу в поставленных из больших моржевых кож и осыпанных землею юртах, а до тех островов как до малого, так и до большого, от Чюкоцкого носу сидячие чюкчи в байдарах перегребают два дни.

3) От большого острова по морю не в дальном разстоянии есть называемая ими, чюкчами, «Большая земля», которую больше почитают, нежели та земля, на которой они живут. От одного большого острова до той Большой земли перегребают в байдарах одним днем, и на той же земле живут люди, называемые кыхмыщами³, а язык де имеют от них, чюкоч, отменной, но сходственной с живущими на Большем острове зубатыми людьми; жен у себя имеют по две, по три и по четыре; платье имеют межуск[ой] и женск[ой] пол шито из оленьих кож, из куниц и лисиц красных, называемые парки, и как впереди, так и назади тех парок пришивают по их обыкновению разных зверей хвосты. А для шитья того платья имеют иглы из красной меди⁴ и медь берут в своей земле, только как они ту медь делают, он, Хехгитин, не знает, а железных де вещей они у себя никаких не имеют, а вместо железных топоров имеют топоры из яшмового камня, коими рубят лес, и что им надобно — делают; огонь они высекают камень о камень, а вместо русского труту прикладывают для запаления огня сухой мох⁵. Владельца у них никово нет, только между ними есть княсцы, которых они против других иноверцов, а особливо как чюкчи, гораздо больше почитают и боятся. А живут в каменных гористых и утесных местах, токмо в построенных ими деревянных или осыпанных вкруг землею (по примеру, как и якутские) юртах.

4) Питаются де те люди оленьим мясом и рыбою и для того в летнее время ходят с женами и детьми по рекам (которые очень велики и шириною еще более Анадыря, а устьями впади в океан) для промыслов пловущих чрез

те реки оленей, тако ж и рыбы красной и гольцов, а в зимнее все паки приходят в настоящие свои жилища к морю.

5) Лесу де у них березоваго, лиственничного, а по большей части еловаго самого большого и крупнаго очень довольно, и по такому многолесью промышляют они разных зверей: лисиц красных и черных, песцов белых, голубых, волков и куниц, подобных головою и лапами соболу, и по рекам подобных руским бобров, тех де зверей по множеству у них промышляют они ямами таким порядком: когда они придут с летних оленных и рыбных промыслов в жилища свои, то в лесу копают глубокия ямы и те ямы покрывают лесом, только оставляют небольшой сверху выход, так как можно человеку пройти и в тех ямах кладут оленье мясо и рыбу, и как звери на те ямы найдут, то и к мясу или рыбе в те ямы и падают, из коих никакой зверь уже вытти не может, и как чрез несколько время те ямы зверьми наполнятся, то тех ям хозяева, надев на себя сделанное из зверей волчье или лисье платье с головы и до ног мохнатою в подобие зверю, и входят в те ямы и имевших в них зверей (которые уже противности против человека никакой не имеют) в темноте берут руками и вяжут ремнем и подают стоящим у тех ям протчим людям, кои теми ремнями тех зверей вынимают и бьют.

6) В зимнее ж де время промышляют они диких оленей в лесах, где те олени имеют переход, то рубят лес и делают в тех переходных оленьих местах из того лесу загороды или засеки, и как олени к тем местам придут, то де их они в те загороды загоняют несколько тысяч и для пищи себе колют не токмо мужеску, но и женск[ий] пол, сколько им надобно.

7) В вешнее ж де время, когда дикие ж оленные матки потелятся, то и оных в таковые ж (как выше упомянуто) загороды с их теляты заганивают, в которых загородах от духу человеческого и от крику, а по тесноте места, те матки телят всех притопчют, коих телят они берут и кожи с них снимают себе на платье, а маток из того загороду выпускают в лес.

8) Те же де называемые Большой земли люди с живущими у Чюкоцкого носу чюкчами и на вышепомянутом большем острове с зубатыми людьми мало имеют согласия и боде оные чюкчи и зубатые люди временно ходят к ним походами и между собой с обеих сторон чинят бой и стреляют из луков стрелами и бьются на копьях, токмо из них Большой земли люди умеют луки еловаго кореня, а у не-

которых из камышевого дерева, и когда с чюкчами или с зубатыми людьми в бой вступят, то себя раздевают для облегчения к скорому укрывательству от стрел в наготу, а стрелы и копья со обеих сторон имеют костяные и каменные хрустальные⁶, только те стрелы от обеих же сторон мажут из травы, называемой лютика соком, от которого человек, получа стрелую язву, в скором времени опухнет и умирает.

9) Веру де они имеют и жертву приносят солнцу, положи на блюдо или на чтонибудь иное мясо или рыбу, и бросают на землю или в море с таким приговором: «я тебе приношу жертву от своих трудов, ты мне буди в моих нуждах помощник».

Допрос «чюкоцкой девки Иттени,
по которому описание чюкоцких островов
и Большой земли на карте положено»
[1763 г.]

Родом она Большой земли, на которую приезжали живущие на большом острове в море зубатые чукчи⁷ по их несогласию для драки, и теми взята была в полон лет десяти и увезена, а ехали от той земли влево, и жила у оных чукоц во услужении два года и теми зубатыми чукчами продана была здешнему оленному чукче, именем Харгыпену, который дал за нее железное копье и два белых пыжики⁸, жила у него один год, и оным привезена была в низ реки Анадыря к урочищу Чекаево и подарена анадырскому казаку Алексею Шипунову, за что он, Шипунов, дал тому чукче котел медной, и сюда им, Шипуновым, в 761-м году привезена и окрещена по крещению дано ей имя Татьяна.

Где она имела свое рождение, та земля называется Большая, а как оной Большой земли народы словут, о том показать не помнит, только знает, что оные народы никогда по чукоцки лиц своих не шьют⁹, а у ней лицо уже было вышито, когда она жила в полону у зубатых чукчей. Переезду с той Большой земли на тот, где зубатые живут чукчи, остров зимою на собаках, ночевав две ночи на дороге, а летом в байдарах столько же, и с той Большой земли народы к тем зубатым чукчам на остров не ездят, и та назы-

ваемая Большая земля очень велика и народу так много, как песку, и живут не в одном месте, но порознь. А она, Татьяна, жила в вершине реки Куки¹⁰, и на усть оной жилых юрт довольно, юрты у них зимние строены из лесу тополевого, осинового и лиственничного стойком круглые, вокруг обсыпаны землею, огонь имеют посреди юрты на очаге, земля дресвяная. Летние юрты подле тех же зимних такие же круглые и крыты епалгиною, то есть моржевою и оленьими кожами, погреба для клажи харчу выкопаны в земли.

Огонь достают камень о камень, а железа и топоров у них на той Большой земле нет, а хотя железные ножи и есть, но и тех весьма мало, кои от здешних же чукоч получают. Топоры делают каменные, а меди, серебра и золота по тому же не имеют, платье мужской и женской пол носят зимою теплое, из оленьих кож деланное, на подобие чукоцкого, а летом из тех же оленьих кож холодное, короткое. Также пищу варят в сделанных глиняных горшках, а медных и железных котлов по тому же не имеют.

Веруют солнцу, так же как и прочие иноверцы, мужской и женской пол шаманят; когда весною и осенью оленья плавь бывает, оных колют и в жертву тех оленей рога кладут на высокие места, где прилучится.

Рыбу промысляют красную такую ж, какова здесь в реке Анадыре, шуки, карьюзы, налимы сетью, сделанными из оленьих жил.

Мужеской пол жен у себя имеют по одной и по две, а называемой калым дает жених тестю только оленьих постель по три и по пяти, сколько у кого прилучится.

На той же Большой земли ловят песцов голубых и белых, лисиц красных и черных, также ушканов сетью, а птиц гусей, уток весьма довольно бывает, а камчатские бобры достают чрез других на той же земле живущих народов от камчадалов, кои живут от них, чукоч, далеко, и теми бобрами пушат платье. В юртах у богатых делаются широкие для клажи харчу подволоки, на коих и робята спят.

Князьков над собою имеют и мужиков за вины наказывают.

В юртах у каждого жирник с огнем, свой жир употребляют все китовой, коих, также и нерпу, промысляют на усть упоминаемой реки Куки.

Крепостей никаких от неприятелей не имеют, а как

узнают о неприятеле, то защиту делают противу жила из нерпичьих кож.

На той же Большой земле горы и сопки каменные имеются великие, а где она жила, то называемая река Кука впала в море, а величиною в вершине не очень велика, так как например на пол версты, чрез которую реку и чукчи переезжают с ними драться; а других рек в той же Большой земле есть очень довольно и впали в море, а показать всех не знает, и по тем рекам народу живет весьма много. К воеванию ж с чукчами ружей огненных не имеют, а хотя и есть железные копья, кои по тому же получают от чукок, но и тех весьма мало.

Женской пол носят называемые по здешнему с головами сшитые камлеи, волосы плетут в две косы и завязывают коротко и пушат камчатским пухом, а мужеской пол волосы оставляют наперед ровно с бровями, а назади с самого темя до затылка режут ножами, носят шапки, кладут наверх камчацких бобров кожу голову, а вокруг пушат теми ж бобрами, и те шапки делаются маленькие; платье такое ж носят, как и бабы, камлеи с головами; еще делают из птичьих кож платье и пушат перьем; также и на голове большие стоячие перья носят.

А на острове том, на коем живут зубатые чукчи, лес имеется мелкой тальник, топольник и осинник, а лиственничного сероватого лесу, такого, какой на той Большой земле есть, нету. На той же Большой земле народ мелкой и крупной, а про здешних русских людей им чукчи сказывали, и они знают.

Еще ж бабы и девки носят на лбу кружки белые светлые, а какие — серебрены ль или оловянные, о том показать не знает, также на шее корольки. А все то достают себе от упоминаемых чукок, а у них ничего того нет. Между собою никакой драки не имеют, а живут дружно и друг другу ездят в гости, выменивают на корольки и железные ножи камчацкие бобры; ясаку никакого не платят.

На той же Большой земле оленей езжалых нет, ездят на собаках, у нарт делают полозье долгие и толстые, а копылье вставляют частые и подкладывают под те полозья из ребров и щек гладко сделанную китовую кость для нартенной катости.

От их Большой земли, как сюда ехать, на море пять островов¹¹: первой — большой, в левую сторону, на нем живут зубатые чукчи, и весьма их довольно, где она жила

в полону, платье носят оленьи и птичьи гагары, на котором есть стоячей тальник, мелкой топольник и осинник крупной и мелкой, переезду с той Большой земли на тот остров собаками два дни; второй — малой, в левой руке, и на том такой же, как и на первом острове, стоячей лес есть, и те же живут зубатые чукчи, только не весьма много, переезду с того первого на тот другой остров на собаках один день; третьей — невеликой, в левой же руке, живут народ зубатой же и противу другого поболее, и лес есть один мелкой тальник, а езды на собаках по тому же один день четвертой — третьего больше, в левую ж сторону, такой же тальник мелкой есть, и живут люди уже не зубатые и носят платье по тому же птичьи и оленьи и из китовых брюшин и весьма многолюдно, езды с третьего острова собаками один же день; пятой — в левую ж лежит сторону, невелик, лес такой же тальник мелкой, а народ живет чукчи, коих очень мало, платье носят оленьи, а птичьего не носят, переезду по тому же один день, на том жила она у предписанного чукчи Харгыпена.

С того пятого острова уже почитается Чюкоцкая земля, какую ехали в правую руку, а сколько времени — не упомнит. Между теми островами море и зимою становится, а вдаль от тех островов льдом никогда не покрывается.

У нее ж на упоминаемой Большой земле остался отец, которого зовут Какуляк, да брат малолетней Ахаин, а мать уже умерла, и больше всего вышеописанного показать не знает.

КОММЕНТАРИИ

¹ Река Омгаяна... река Туркигей — это река Амгуема, или Омгуея, впадающая в Ледовитое море восточнее мыса Рыркайпий, и ее приток Тиртигей.

² «Против же Чюкоцкого носу в море имеются два острова...» — «малой» — остров Крузенштерна, «большой» — остров Ратманова.

³ Люди, называемые кыхмыщами — т. е. эскимосы.

⁴ Аляскинские эскимосы пользовались иглами из кости, моржового зуба, оленьего рога. Однако медь могла быть у обитателей бассейна реки Медной, где имеются богатые залежи меди даже на поверхности земли. На берегу моря около устья реки Медной живут эскимосы, а их соседи — индейцы-атапаски.

⁵ Огонь эскимосы Берингова моря добывали, высекая из камня, но чаще — вращая, посредством веревки, острие палочки на деревянной подставке.

⁶ Наконечники стрел и копий эскимосы делали также из кости, кремня, нефрита, моржового зуба, оленьего рога, иногда из металла.

⁷ *Зубатые чукчи* — т. е. островные эскимосы.

⁸ *Пыжики* — шкуры молодых оленей — предметы, которые чукчи ссылали эскимосам.

⁹ «...никогда по чукоцки лиц своих не шьют» — т. е. не татуируются, а лицо у нее «было вышито» уже в плену. Женщины у оленных чукчей делали татуировку на лице в виде нескольких параллельных линий на подбородке и двух таких же вдоль носа и поперек лба.

¹⁰ «...в вершине реки Куки...» — очевидно, это река Коюк, впадающая в залив Нортон, Коюк течет в верхнем течении с запада на восток, и верховье его находится километрах в двухстах от Берингова пролива.

¹¹ Л. С. Берг полагал, что названные пять островов, между «Большой Землей» и Чукотской, могли быть: остров Укивок, мыс Принца Уэльского, принятый за остров, и остров Крузенштерна. «Четвертой — третьего больше, в левую ж сторону...» — это, по-видимому, остров Ратманова. Пятый, вероятно, мыс Дежнева, который с моря кажется островом.

Известия об Аляске и близлежащих островах штурмана Зайкова и казачьего сотника Ивана Кобелева*

Перечень путешествия
штурмана Зайкова к островам
между Азией и Америкой
находящимся на боте Св. Владимира

Хотя об островах между Азией и Америкой находящихся изданы уже в свете некоторые известия, но достаточного об оных сведения инако достигнуть не можно как чрез сношение разных путешествий, особливо таких, в которых со тщанием описано все, что путешествующаго очам представилось: из числа таковых кажется описание путешествия штурмана Зайкова от его превосходительства иркутского губернатора и кавалера г. Клички в Академию присланное, и по тому перечень из онаго, как прибавление к прежде изданным известиям¹, здесь поместить будет не бесполезно.

Судно, на котором штурман Зайков предпринимал путешествие, принадлежало Тульскому оружейнику Орехову с товарищи; людей на нем было 69 человек в том числе сам штурман, передовщик, 57 работных людей из россиан, и 10 человек якутов, которых по тому наипаче нанимают в подобные путешествия, что они не столько подвержены бывают цынготной болезни. Из Охотского порта бот св. Владимира вышел в 1772 сентября 22 дня и путь продолжал к Камчатке при способном ветре до 1 октября, а с сего числа продолжавшимся не малое время противными ветром судно отнесено было в море; по перемене ветра принужден был штурман Зайков с общего согласия бывших на судне направить путь свой к Камчатке, и 19 октября вошел благополучно в устье реки Воровской. Сия река отстоит от

---

* Печатается по: Собрание сочинений, выбранных из месяцословов на разные годы. Ч. 5. Спб., 1790. С. 146—164; 360—378.

Большереецка к северу около 160 верст. Во время приходу его к Камчатке земля покрыта была уже снегом, и по тому для зимовья построены были юрты на подобие камчадальских.

По вскрытии рек 1773 июня 12 дня из устья Воровской реки бот вышел в море, и направляя путь свой вдоль камчатского берега июля 7 дня достиг до второго Курильского пролива, где запасшись водою июля 10 дня при способном ветре пустился в океан, и имея плавание на SO, OSO и O не мог найти ни единого острова; на конец по перемене ветра июля 26 дня пристал к Медному острову с северной стороны, и остановился в пешаной бухте, где наперед сего промышленных суда становились. Тут по выгрузке припасов судно поднято на балки, для житья построены юрты (что во всех местах, где Зайков зимовать принужден был делалемо было), поделаны байдары или коженые лодки, из которых в каждой по десяти человек поместиться и промышлять могли.

Остров Медной никем необитаемой простирается от NW к SW длиною на 50, шириною от 3 до 10 верст; на нем со всех сторон утесы вышиною около 40 до 50 сажен с небольшими на северной стороне бухтами и двумя малыми реками; на западной стороне острова при убылой воде по берегу собирают кусками красную медь, и против того места утес имеет вид медной руды; лесу на нем кроме мелкого тальнику, и то в редких тундреных и сырых местах, нет никакого; в низких местах растет сарана вкусом похожая на земляные яблоки, и кутагарное коренье, величиною в небольшую морковь; трава вырастающая от него выше аршина употребляется в пищу. На сем острове звери водятся наипаче сивучи, коты и нерпа, и приходят с моря великими табунами. Бобры появляются на берегу с мая 10 числа; тут плодятся и дужатся по ноябрь месяц; в ноябре месяце сивучи и коты совсем от острова отходят, а бобры зимуют возле берегов; промышляют их в сентябре и октябре месяцах, чтобы выгодны были шерстью, а мясо употребляется в пищу и сушеное запасается для путешествия на дальнейшие острова. Осень на острове Медном начинается в сентябре месяце теплым воздухом; ветры северной и северо-западной приносят снег; зима начинается с половины декабря; снегу выпадает не больше аршина, и держится до половины марта, но там от южно-восточного ветра с дождем пропадает, при северном ветре начинается ясная по-

года. Зимой на острове водятся три рода чаек, мартышками называемых, которых штурман Зайков различает только по величине, именуя их большими, средними и малыми. Весна начинается с марта при теплом и чистом воздухе и умеренных ветрах. В летнее время с половины июня до половины августа случаются густые туманы, и погоняемы бывают ветрами северным и северозападным; снег на хребтах держится по июль месяц.

По наступлении летнего времени запасшись нужным к дальнейшему путешествию, июля 7 дня с общего согласия штурман Зайков следовал к другим островам, имея плавание к Алеутскому острову Атту, к которому и пришел июля 30 дня в закрытую с северной стороны небольшими тремя островами бухту, имеющую берег и грунт пещаной. В некотором разстоянии от бухты к западу находится речка называемая Гаванска длиною на полверсты, шириною на 7, а глубиною на $1\frac{1}{2}$ фута, выходит из небольшого озера окружности не больше полуверсты, а глубиною в 2 фута. Гавань или отстой для больших судов способен; тут приготовя из наносного лесу все для зимования потребное, работные люди разделились по разным местам для промыслу бобров.

Остров Атту простирается от запада к востоку, длиною около 99, а шириною от 10 до 30 верст, обложен хребтами так как Медной остров; в редких местах растет мелкой тальник. На северной стороне недалеко от Гаванской течет речка Саранна называемая, по тому что близ оной родится довольно сараны. Она выходит из озера и величиною подобна Гаванской реке. На полуденной стороне от восточного мыса к западу находится третья речка Убиенка, подобная двум первым и выходящая как и две первые из озера.

Сей остров отыскан тобольским купцом Михайлом Неводчиковым, в подданство приведен в 1748 году, и жители онаго коих ныне до 27 человек, кроме малолетних и женщин платят ясак, нравом и обхождением между собою союзны, жен имеют по одной, говорят по руски, крещение приняли от россиян, и до них ласковы. По примеру россиян носят рубашки, торбасы с чулками, мужины и женщины носят парки песцовые и из птичьих кож сшитыя; от россиян получают обувь, чулки, платки, шапки, платье и медные котлы; табак обоего пола охотно употребляют, и все сие получают выменом на бобры. В пищу употребляют рыбу из

речек и озер Красну, Леною, Хайко и Тальму, которая входит с моря в мае месяце и держится по сентябрь западают коренья кутагарник и сарану, осенью и зимою на море удят треску и палтасину; временем море выкидывает китов, которых жир и мясо употребляют в пищу; промышленяют бобров и песцов голубых небольшое число; сивучей, котиков и нерпу, но весьма редко. Для житья делают юрты подобные камчатским и пользуются выкидным по берегам лесом; состояние воздуха и установление погод подобно тому, какое на Медном острове. В разстоянии 5 верст от сего острова лежит другой называемой Агату. Жители на нем ведут род жизни сходной с родом жителей острова Атту.

На острове Атту, оставя для промысла зверинаго с нужными для жизни и для промыслу припасами 10 человек, в 1775 году июля 4 дня судно отправилось к лежащим по одной гряде с прежними островами, и продолжая плавание по северную на сторону, 19 числа тогож месяца пристало к острову Умнаку; вшедши в небольшую бухту, нашло в ней стоящее на якоре судно Св. Евлла, вологодскаго купца Буренина и компании; для лучшего успеха обе компании согласились между собою промысел продолжать на таком основании, чтобы одному судну, снабдя оное 60 человеками и всеми нужными припасами, следовать далее к востоку для открытия островов и промысла зверей, другому же судну с 35 человеками промышленять на острове Умнаке до возврата перьваго, и весь по тому промысел делить по равной части. По сем 1775 августа 3 дня штурман Зайков на боте Св. Владимира от острова Умнака отправился далее к востоку, и имея плавание при разных ветрах августа 17 числа поравнялся против острова Унимака, вошел в пролив Исанок отделяющий остров Унимак от американскаго мыса Аласки, и наконец в той самой бухте, в которой стоял флота капитан Креницын, остановился. Ширина пролива с северной стороны около трех верст, а глубина 9, 10, 12, 14 и 16 футов. Прилив и отлив бывает в нем весьма быстрой.

На сем острове пробыли промышленные около трех лет, и по тому могли получить о жителях тамошних надежные известия. Чрез ласковое обхождение с жителями острова Унимака снискали они дружбу у алеут, живущих через пролив на американском мысу Аляска; часто приходили они в жилища промышленников российских, и угощаемы были тем, что почитают за лучшее; дарили их табаком

черкасским, корольками разных цветов, котлами медными, рубашками и кошовыми кожами. Зайков видя склонность их к россиянам и обнадеживая их высокомонаршею ея императорского величества милостию, старался привести их в подданство российское в знак коего они добровольно ясак приносили.

В бытность там аглинского капитана Кука спрашивали их агличане, под какою они находятся державою. Жители в знак зависимости их от России показывали им данные от Зайкова в приеме зверей росписки. Они уверены будучи о дружбе россиян давали им аманатами детей своих и родственников, кои содержаны были ласково. Зайков видя совершенное между компаниею и жителями согласие от пролива Исанок отправился к острову Ссюлатыс для описания онаго и других лежащих близ его островов.

Остров Унимак простирается от ONO на WSW длиною 90, а шириною от 25 до 30 верст, на западном мысе с обеих сторон имеет утес, от утесов же берег пещаной, отлогой и мелководной. Посреди острова есть хребет, на котором временем горит сопка, на северной стороне две небольшие речки, одна из них выходит из озера; рыба в них в летнее время входит с моря; на западной стороне острова водятся, но в малом количестве, сивучи, нерпы и бобры, а на самом острове медведи черные, норки, выдры и еврашки (суслики.— К.Ц.); жители живут в юртах посемейно; на восточном берегу, где судно стояло, растет ольха вышиною не больше как в полторы сажени, а толщиною вершка в четыре; на строение юрт, байдар и прочих нужд довольствуются выкидным с моря разным лесом лиственничным, осиновым, тополовым, березовым, сосновым и еловым.

В проливе Исанок в зимнее время сильным южно-восточным ветром с дождем взламывает лед, которой приливом и отливом по проливу носит взад и вперед, от чего прекращается сообщение с Аляскою. Пролив длиною около 20, а шириною от 3 до 7 верст. По берегу с северной стороны до половины пролива пещаная бухта, а южная сторона в утесах.

В разстоянии $6\frac{1}{2}$ миль (около 10 км.— К. Ц.) от пролива Исанок в южной стороне лежит остров Саннах, окруженной малыми островами, длиною около 20, а шириною от 7 до 9 верст, берег его весь в утесах с небольшими бухтами и подводными около берегов каменными. На сих островах водятся лисицы чернобурая, сиводушки и красная,

а подле берегов бобры и нерпа. Жители острова Синнаха довольствуются лесом выкидным с моря.

В 22 милях (около 35 км.— К. Ц.) от тогоже пролива находится остров Унгин кругловатой от SW на NO простирающейся, берег его в утесах с пещаными бухтами; живущие на нем алеуты одного с прежними рода; кроме лисиц, бобров и нерпы промышляют оленей, выдры и еврашек.

Западной мыс Аляски населен алеутами тогож рода, семьями живущими. Берег Аляски с южной стороны до острова Ссюлатыс на 200 верст в утесах с пещаными бухтами; лес на нем растет ольховой, около берега ловятся бобры, сивучи и нерпа, а на матерой земле медведи, волки, олени, лисицы, красныя выдры, росомахи, норки и еврашки.

Описанные по сие время острова под красною краскою осматривал сам штурман Зайков, а о берегах пунктиром назначенных получил известие от лучших алеутов, которые морем по обеим сторонам Аляски на байдарках бывали для промыслов, и уверяли; от пролива Исанок на северной стороне Аляски берег пещаной, отлогой и мелководной около 200 верст простирающейся. На южной стороне от острова Ссюлатыс в разстоянии около 400 верст лежит остров Кадыак. Ширина мыса Аляски растет до Кадыака по степеням от 30 до 70 верст; начиная от Кадыака растет лес лиственничной сосновой, березник, осиновой и тополовой; звери водятся медведи, олени, волки, лисицы, выдры, росомахи.

Жители острова Кадыка, называемые каняга, говорят отменным языком от алеутов живущих на островах и на мысе Аляске; по берегу на восток селения их простирается около 600 верст и живут в юртах; по том другой род шугачи, и на конец бородатые люди друг от друга в великом разстоянии: каждой род живет особливим обществом и говорит особливим языком. На северном берегу Аляски против Кадыка, откуда матерая земля к северу склоняется, обитающий народ, называемый от коняг кинаи, а от россиан зубатые люди, сходен с чукчами. Сии роды воюют друг против друга; берут в плен только жен и малых детей, а мужеск пол предают смерти: пленных содержат вместо холопей.

Старшие и лучшие жители американского мыса Аляски уверяют что алеуты произошли от них, а в древния вре-

мена переходя с острова на остров самовольно расселились до самых ближних к Камчатке островов, то есть до Атту и Агату. Закона они никакого не знают, чрез шамана призывают диавола, но жертвы не приносят и ничего не обожают. В зимнее время для препровождения времени мужчины и женщины собираются в юрту, надевают деревянные выкрашенные личины (маски.— К.Ц.), выставляют на высоких местах болванов на подобие человека, птицы и зверя морского сделанных, но оных не обожают, бьют в бубны, поют песни и пляшут. Платье носят из птичьих и котовых кож, шапки деревянные раскрашенные и убранные корольками, птичьим перьем и костяными статуйками; волосы имеют длинные, женщины вяжут назади пучек, спереди подстригают; у малых детей для красоты лицо натыкают иглой и натирают черным камнем; мужчины и женщины в ушах и на шее носят одеку белую по четыре нитки и больше; собирают выкидываемой на берег жаркой янтарь, кость из червей озерных достают от коняг, которую за большое богатство считают.

В зимнее время лучшие жители носят торбасы сшитые из горл сивучьих, котовых и нерпичьих; недостаточные же ходят босые; промышляют по островам сивучей, котов, бобров, а против мыса Аляски и моржей; на промысел выезжают на море в 10 и 20 байдарках, в каждой по одному человеку, и бьют их стрелами отравленными костяными и каменными копейцами. Вместо лука служит дощечка длиною в 9 а шириною и 1 вершок, из которой махом ручным стрелой вылетает сажень на 20. Других орудий для промыслу ни каких не имеют.

Лучшие мужики, называемые тосны, в холопах имеют по три и по четыре человека. Кто на море больше зверей промышляет, тот большим числом и повелевает. Жены их упражняются в делании ниток из жил китовых и звериных, шьют на себя и на мужей своих платье и обувь, из трав делают для постилки небольшие ковры и кульки для поклажи всяких вещей, иглы делают из птичьей кости. Сверх своего платья приобыкли носить рубашки, шелковые, бумажные и холщевые платки на шее; за бедность почитают не иметь котла для варения пищи; как мужа так и женщины любят черкасской табак; одеку и корольки разного цвета считают богатством, и все сии вещи выменом получают от россиян.

В летнее время питаются рыбою, входящею с моря

в речки; ловят ее сетями из китовых жил сделанными и колют небольшими костяными копьями; на море треску и палтасину ловят удами; не редко выкидываемые из моря киты служат так же пищею. Из плодов земных запасают сарану и кутагорное коренье. На мысе Аляске родится малина, клубника и черница.

Ежели у тосна умре жена или лучший мужик, то на некоторых островах в обыкновении было умерщвлять любимого невольника или невольницу², и погребать вместе с умершею женою или мужиком; но с того времени, как россиане стали им отсоветовать, сие обыкновение прекращается, но постоянно сохраняется следующее. Ежели у тосна умрет любимая жена, то вынимают из мертвого тела внутренность, а тело кладут в ящик и увязав на крепко ремнями, держат оной в юртах против того места, где спят. Умерших пожитки без остатку сжигают; с любимыми детьми так же поступают.

1778 года мая 27 дня с острова Унимака Зайков с компаниею отправился в обратной путь и прибыл к острову Умнаку июля 20 дня в ту же гавань, где приставал бот прежде. Прибывши к сему острову промышленные обеими компаниями разделили по учиненному договору, по тому каждая отделилась особо для промыслу. Остров Умнак простирается от ONO на WSW в утесах с небольшими бухтами длиною около 90, а шириною от 7 до 20 верст.

1779 мая 19 дня по исправлении бота и нагружении всего, что было промышленно и к пище потребно, Зайков отправился к острову Атту за оставленными на нем для промысла десяти человеками. Плавание имея по северную сторону островов видел он остров Ситуин, положенной на карту флота капитаном Креницыным; острова под красною краскою положены на карту штурманом Зайковым по пеленгам взятым во время обратного плаванья, а острова Адар, Канага, Танага, Аматы, Гнак, Горелой, Семисолошкой, Амаситка, Крысей, Ситхин, Чехула-Крыска, Булдырь, желтою краскою отличенные понеже описать их с точностию ветер не допустил, положены на карту по известиям бывалых на оных островах промышленных находившихся на боте Св. Владимира. По изчислению же Зайкова выходит, что острова сии лежат восточнее 4-мя градусами, нежели показано от г. Креницына.

Мая 30 дня Зайков достиг до острова Атту, откуда взявши оставленных на оном промышленных июня 12 дня

следовал к Командорскому острову для добычи котов на пищу; откуда отправляясь 23 июня прибыл в устье Охотского порта сентября 6 дня, лишившись во все путешествие 12 человек.

Кроме ясаку в казну принадлежащего вывезено судном оружейника Орехова с товарищи бобров и маток бобровых 2679, кошлаков бобровых 1159, хвостов бобровых матошных и кошлаковых 2872, медведков бобровых 583, лисиц чернобурых 549, сиводушек 1099, лисиц красных 1204, выдр 92, росомаха 1, волков 3, норок 18, котиков морских серых 1725, песцов голубых 1104, кости моржевой 9 пуд 10 фунтов³.

КОММЕНТАРИИ

¹ Имеется в виду экспедиция 1746—1769 гг. капитанов П. К. Креницына и М. Д. Левашова, в результате которой были получены дополнительные данные об Алеутских островах и составлены карты посещенных островов. Экспедиция завершила период открытия Алеутской гряды.

² Сообщение П. Зайкова об обычае убивать невольников после смерти жены военачальника было для своего времени шагом вперед в ознакомления с Аляской.

³ П. Зайков положил на карту ряд островов, лично им пеленгованных, и часть пеленгованных по известиям бывалых на них прежде «промышленных людей», находившихся на боте «Св. Владимир». К таким островам относятся: Адар, Канага, Аматы, Гнак, Горелой, Семисопешный, Амачитка, Крысей, Ситхин, Чехула-Кыска, Булдыр. П. Зайковым была также составлена меркаторская карта Алеутских островов и полуострова Аляска с близлежащими островами. Эта карта была дальнейшим, по сравнению с предыдущими, картографическим уточнением изображений этой гряды.

**Перечень из дневной записки казачьева сотника
Ивана Кобелева, посыланного 1779 года в марте
месяце из Гижигинской крепости в Чукотскую
землю¹**

Кобелев мая 28 дня был у каменной горы, капитаном Берингом от подобию Сердца Камень названной. От сего места начинаются сидячие коряки, т. е. оленей не имеющие: оленные чукчи с сидячими поступают так как в России помещики с своими крестьянами; сидячие для оленных должны заготавливать китовой жир, моржовое мясо, а оленные привозят к ним только оленьё мясо.

Июля 2 дня был Кобелев у речки Крапивной, в урочище Бутсин. Жители его урочища живут в юртах, которые вокруг оставлены китовыми щеками и ребрами и сверх того осыпаны землею. В таких же юртах живут сидячие коряки по берегу северного океана.

Июля 17 дня был Кобелев в острожке Ягеинском; в некотором от его разстоянии находится другой острожек Нуемгинской и между ними губа в устье шириною верст до осьми, в которой по объявлению жителей в 1778 году были два аглинские судна, и с них сходили англичане на трех ботах для торгу с жителями меною: агличане давали бисер, а у жителей брали лисиц. Ширина места, где судно стояло на якоре, $65^{\circ}18'$ северная, а долгота считая от острова Ферро $206^{\circ}30'$.

Жители сих острожков сказывали, что в давних годах к тем же местам приходили подобныя аглинским два судна, но какой на них был народ, не знают. Из путешествия капитана Беринга явствует, что сии судна были российские, ибо он на возвратном пути был у тогоже места.

Июля 26 дня Кобелев от матерого Чукотского носа переехал на первой остров называемой Имовлин, до котораго от берегу примерно до сорока верст. В длину остров до пяти верст, а в ширину около двух: на нем два острожка, в которых мужеска полу с малолетными 203 человека, а женскаго с малолетными же 195, говорят как пешие чукчи и питаются китами, нерпою и моржами; лесу на острове нет никакого; зверей также, кроме голубых песцов, нет никаких.

Июля 31 дня Кобелев переехал на второй остров, называемой Игельин, отстоящий от первого около трех верст и подобно первому безлесной; длиной сей остров около трех верст, а шириною около полуторы версты; жителей на нем мужескаго полу 85, женскаго 79 с малолетными, питаются тем же, чем жители первого острова; для варения пищи употребляют китовыя кости, обливая их нерпичьим жиром. Звери водятся на нем только песцы и то в малом числе. От чего острову до берегу северной Америки полагает Кобелев около 30 верст, и уверяет, что с онаго как Чукотской нос, так и американские берега видны.

Старшина сего острова, называемой Кайгуню Момахунина, объявил о себе, что он природою американец, и якобы в Америке по реке Хеврене² в острожке Кинговеи живут люди, которые говорят по российски, читают книги, кла-

няются иконам и разнствуют от американцев тем, что бороды имеют большия и густыя, и по тому прозваны борода-тыми, а у американцов бороды редкия, да и те выщипывают.

Кобелев просил старшину, чтобы он перепроводил его на американский берег и до бородатых людей; однако старшина везти его не согласился, по тому что ясачные чукчи при отправлении его на остров Имоглин островским жителям запрещали возить на американской берег, опасаясь может быть, чтобы Кобелева на американском берегу не убили, или не задержали.

Старшина согласился переслать письмо от Кобелева к жителям в Америке похожим на россиян следующего содержания.

Прелюбезные мои по плоти братцы, жительствоющие на большой почитаемой американской земле!

Естьли вы греческого исповедания, веруете в распятого господа нашего Иисуса Христа и просвещены святым крещением, то изъясняю вам, что я послан из Гижигинской крепости в чукотскую землю для примечания, и оттуда бывши на Имоглине острове, которой против самага Чукотскаго носу, и чрез тутошнаго старшину Кайгуню Момахунина разведаль об вас, что в Америке есть такие же люди как и мы, кланяются святым образам; а живут по реке Хеврене, в острожке по их званию Кингюеи. Естьли точно так, и получите от меня сие письмо, то стараться вам каждое лето приезжать на остров Имоглин, или пересылать на оной письма, и уведомить, особливо по которой реке жительство иместе, и ежели впала та река в море или в какую нибудь губу, то бы на устье оной реки или губы на открытом месте поставить крест высокий, чтобы виден был с моря или с губы. А ежели случай допустить самим вам быть на тех островах, то от жителей иметь предосторожность, по тому что они со всем в подданство еще не приведены. Слыхал я бывши в Анадырске от предков моих, что в давные годы вышло из устья реки Лены семь кочей, и поворотя северным морем шли благополучно до реки Колымы, и оттуда хотели плыть около Чукоцкого носа, но когда поравнялись против онаго, то сделалась буря, которую кочи разнесло; из них о четырех известно, а что с прочими тремя и с людьми на них бывшими сделалось, не известно³.

Пеший чукча Ехилка Опухин в Каигунском Евунмин-

ском острожке сказывал Кобелеву, якобы он бывал на американской земле для торгу разов до пяти, и имел он там друга на острове Укипане, который приходил к нему на остров Имоглин, и приносил к нему от бородатых дощечку, на которой вырезаны были слова на одной черныя, а на другой красныя, сказывая, что она послана от бородатых людей, живущих по тойже реке в острожке Скангу-неи, с тем, чтоб оную дощечку доставить русским в Анадырск, где тогда находилась российская команда; друг Ехилкин сказывал о бородатых, что у них всего довольно кроме железа, и от них слышал, что ежели письмо их доставлено будет в Анадырск, то к ним пришлют оттуда и железа. При чем сказывал, что они для моления собираются в одну большую храмину, и показывал как во время моления крестятся. Сверх сего на поле имеют они место, где ставят деревянные писанные дощечки, пред которыми стоят прямо⁴ напереди мужской пол, а позади их прочие. Из сего описания видеть можно, что бородатые суть отрывок россиян, и весьма вероятно, что их занесло туда на кочах без вести пропавших выше сего упомянутых.

Сверх сего старшина Кобелеву объявил, что по берегу Америки есть множество заливов, рек и озер, и хотя многим речкам сказывал имена, но не знал разстояний одной от другой. По чему соображаясь с описанием англичан показаны оне примерно на приложенной здесь карте. Он же объявлял, что по берегу Америки живет множество народа, рыбы всякой и оленей довольно и что аглинские суда три раза обходили около островов Имоглина и Игельлина.

Кобелев объявляет, будто между Чукоцкою и американскою землею и лежащими между ими двумя островами прилива и отлива нет, а токмо между островами бывает небыстрое течение с колошнем; течение бывает во все лето из восточного окиана в северной; а с августа месяца возвращается к югу и наносит льды, а в северном окиане при чукоцких берегах прилив бывает вешиною до 6-ти футов.

КОММЕНТАРИИ

¹ Сотник Иван Кобелев получил ценнейшие сведения о старых русских поселениях на Аляске от жителей Чукотского полуострова. Кроме того, он посетил острова Ратманова (русские, искажая местное название

острова, называли его Иловлин, Имовлин, Имоглин. По-эскимосски — Имаклит) и Крузенштерна. Он полагал, что от этих островов до берегов Северной Америки «около 30 верст», и уверял, что «с одного Чукотской нос, так и американские берега видны». Теперь мы знаем, что замечания Кобелева соответствовали истине.

² «...в Америке по реке Хеврене...» — имеется в виду река Юкон.

³ Некоторые обстоятельства плавания Федота Алексеева и Семёна Дежнева в 1648 г. были известны И. Кобелеву. Судьба части людей, исчезнувших вместе с кочами, спустя столетие продолжала интересовать сибиряков. Передавая рассказ об этом путешествии, И. Кобелев предполагал, что живущие на Аляске «бородатые» и говорящие «по-русийски» люди — потомки пропавших мореплавателей. Он пытался завязать с ними сношения. Было ли доставлено приведенное письмо — неизвестно. Во всяком случае сведений об ответе на него пока не обнаружено. Кобелев же со слов чукчи Ехилки Опухина рассказал о дощечках с вырезанными на них словами.

⁴ «Сверх сего на поле имеют они место, где ставят деревянные писанные дощечки, перед которыми стоят прямо...» — По-видимому, здесь речь идет об иконах и молитве перед ними. Были ли это пропавшие участники экспедиции Алексеева — Дежнева, как думал Кобелев, или какие-либо другие русские люди, установить не представляется возможности. Прямого документального подтверждения известий об этом русском поселении до настоящего времени не обнаружено. Однако приводимые в рассказах чукчей подробности, особенно касающиеся религиозных обрядов, являются еще одним достаточно серьезным косвенным доказательством заселения русскими Аляски задолго до ее колонизации в XVIII в.

Плавание Г. И. Шелихова к Северной Америке

Григорий Иванович
Шелихов

Григорий Иванович Шелихов родился в 1747 г. в Рыльске Курской губернии. Отец его, мелкий лавочник, старался привить сыну любовь и знания к торговле. В 1772 г., когда Григорию исполнилось 25 лет, он уехал в Курск. Здесь он узнал, что существует далекая Сибирь, куда стремятся курские купцы искать счастья, и многие из них оказывались удачливыми.

Г. И. Шелихов отправился в Иркутск, там поступил на службу приказчиком к купцу И. Л. Голикову, содержанию питейных сборов в Иркутске. Позже Иван Голиков и его брат Михаил станут товарищами Григория Шелихова по освоению берегов Северной Америки.

В 1773 г. Григорий Шелихов познакомился с якутским купцом Павлом Лебедевым-Ласточкиным, вместе они решили принять участие в промысловой экспедиции к островам Тихого океана, открытым русскими в первой половине XVIII в. Вскоре представился случай приобрести судно «Николай», и в 1774 г. Шелихов впервые отправился на Тихий океан. Путь его шел из Иркутска до верховьев Лены, на Якутск, затем по Алдану, Мае и Юдоме он добрался до хребта Джугджур, а перевалив его, попал на Охоту.

В 1775 г. Г. И. Шелихов и П. С. Лебедев-Ласточкин договорились с правителем Камчатки о посылке на южные Курильские острова морехода Федора Путинцева на судне «Николай».

В том же году, вернувшись в Иркутск, Шелихов женился на вдове иркутского купца. Брак принес ему значитель-

ное состояние, которое Шелихов решил использовать для расширения своего дела.

С этого времени началась бурная деятельность Г. И. Шелихова. Капитал был вложен сразу в несколько промысловых экспедиций, чтобы иметь гарантию в случае неудачи, поскольку опасные плавания по Тихому океану часто оканчивались крушением всех надежд и полным разорением. Чтобы избежать риска, Шелихов присоединился к опытным камчатским купцам и на судне «Петр и Павел» в 1776 г. отправился на Алеутские острова. В 1777 г. он вступил еще в две компании. Одна из них под руководством Голикова, вторая под руководством купцов Пановых.

Вместе с Голиковым, Лебедевым-Ласточкиным и Ситниковым Шелихов снарядил судно «Андрей Первозванный» на Алеутские острова. В том же 1777 г. Шелиховым, Поповым и Савельевым было отправлено судно «Варфоломей и Варнава» на Андреяновские острова (центральные Алеутские острова). И наконец, в сентябре того же года была послана бригантина «Наталья» (названная в честь жены Шелихова) на южные Курильские острова, она держала путь из Охотска. Промышленники побывали на острове Хаккайдо недалеко от порта Аткис. Это предприятие имело большой успех. В 1778 г. «Наталья» снова отправилась на Курильские острова. Кроме промысла, плавание было значительно в информации географического порядка, которую собрали унтер-офицер Иван Очередин и купец Дмитрий Шабалин.

Однако, как промышленник, Шелихов решил сосредоточить внимание на Алеутских островах, поскольку они приносили большие выгоды.

В 1779 г. вместе с Голиковым и Сибиряковым он приобрел судно «Иоанн Предтеча», снарядил морехода Сапожникова и 61 человек «работных» людей на Алеутские острова.

В 1781 г. Шелихов снова участвует в посылке на Алеутские острова сразу трех судов. Одним из них, «Св. Георгием», командовал штурман Герасим Прибылов. Он открыл два острова, к северу от острова Уналашка, названные впоследствии его именем. Вернувшись в 1790 г. в Охотск, Прибылов привез много ценной пушнины, тысячи морских бобров, котиков, голубых песцов, моржовых клыков и 500 пудов китового уса.

К этому времени относится идея организации большой

экспедиции к берегам Северной Америки и устройства постоянных русских промысловых поселений, тем более, что англичане и американцы стали проявлять большой интерес к богатствам островов Тихого океана и берегов Северной Америки, создавая русским купцам опасную конкуренцию. Нужны были большие капиталы, и Шелихов организовал в 1775 г. крупную торгово-промысловую компанию, привлекая в нее братьев Ивана и Михаила Голиковых. Экспедиция имела большое государственное значение, и, чтобы заручиться поддержкой со стороны правительства, в 1781 г. Григорий Шелихов и Иван Голиков поехали в Петербург. Там они действительно нашли веру в успех и значительную материальную поддержку со стороны петербургских сановников. Экспедиция состоялась с 1783 по 1786 г. Компания Шелихова и братьев Голиковых построила три галиота: «Три Святителя», «Симеон и Анна» и «Св. Михаил». 16 августа 1783 г. они вышли из устья реки Урак в Охотское море. На галиоте «Три Святителя», которым командовал штурман Г. А. Измайлов, находился Шелихов с женой и двумя детьми. Перезимовав на острове Беринга, «Три Святителя», «Симеон и Анна» двинулись в путь: они посетили остров Уналашку, на острове Кадьяк основали постоянное поселение, которое положило начало русским колониям в Америке. На юге острова Шелихов предложил заложить гавань, назвав ее «Три Святителя». Шелиховцы приступили к добыче мехов, исследованию американского берега и Кенайского залива. Работа экспедиции дала много положительных результатов. Политика Шелихова в отношении местного населения берегов Северной Америки отличалась большой гуманностью. Предшествующие экспедиции оставили о себе плохую память, установив систему заложников и насильных податей. Шелихов вел добрые отношения с местными жителями, отменял тягостную систему аманатов, организовал детские школы, он старался «...не допускать ни до малейших не только обид, но и огорчения американцев». С момента появления его на острове Кадьяк начался новый этап в развитии отношений между русскими и тихоокеанскими народами.

После этого плавания Шелихов опубликовал книгу, которая заставила обратить на себя внимание, столь значительна была экспедиция.

Г. И. Шелихова беспокоила мысль о хищническом отношении к богатствам Алеутских островов. Он доказывал о

необходимости создания монопольной компании, которая бы вела торговлю по всему Тихому океану — с Японией, Китаем, Кореей, Индией, а также с Испанией и Америкой, не истощая богатств земли. Такой подход давал возможность использовать капиталы сибирских купцов, проводить единую политику в отношении к местным жителям и ускорить освоение земель северной части Тихого океана. Но эта точка зрения встретила сильное сопротивление со стороны местных купцов. Несмотря на это, в 1788 г. Шелихов и Голиков обратились с прошением к Екатерине II о ссуде в 200 тыс. рублей с отдачей через 20 лет, на эти деньги обещали организовать несколько новых исследовательских экспедиций, установить почтовую связь Аляски и Якутска через Берингов пролив. Почту с Чукотки должны были везти на Акланское зимовье (в верховье Пенжины), в Гижигинск, по берегу Охотского моря в Охотск. В прошении было отказано, царица не поверила в столь смелые и долголетние планы, побоялась представить компании исключительное право на торговлю с Северной Америкой, ссылаясь на то, что кроме них могут найтись и другие желающие такого же права.

Однако за плодотворную деятельность Екатерина II отменила Шелихова и Голикова наградами: именными шпалами и медалями.

В последующие годы Г. И. Шелихов продолжил энергичную деятельность на тихоокеанских островах, в дальнейшем он предполагал также освоение побережья Северной Америки. Но Шелихов не ограничивался освоением земель Русской Америки, он проявлял большой интерес и к предпринимательским начинаниям в Сибири и на Дальнем Востоке. Там на его деньги строились соляные варницы, обжигался кирпич, варилось стекло. Умер Григорий Иванович Шелихов в 48 лет 20 июля 1795 г.

Вся жизнь и деятельность Г. И. Шелихова была связана с его женой и другом Натальей Алексеевной, которая участвовала в ряде труднейших экспедиций мужа. Энергичная вдова Григория Ивановича продолжила его дело. Она смогла осуществить мечту мужа — основать крупную русскую монопольную промысловую компанию, которая окончательно оформилась в 1799 г. и получила название Российско-Американской компании. С этого времени начался новый этап в истории географических открытий в Тихом океане. С помощью Российско-Американской компании была изучена и освоена большая часть северо-западного по-

бережья Северной Америки. В 1806 г. зять Г. И. Шелихова, Николай Петрович Резанов (муж Анны — старшей дочери Шелихова), создал первое русское поселение в Калифорнии, а в 1812 г. возник легендарный русский форт Росс. Некоторые наследники Г. И. Шелихова принимали участие в управлении фортом.

Путешествие Г. И. Шелихова из Охотска к американским берегам*

Построив при Охотском порте в 1783 году от компании три галиота и наименовав оные: первый — «Трех Святителей», второй — «Св. Симеона Богоприимца и Анны Пророчицы», третий — «Св. Михаила», отправился в Восточный океан 1783 года августа 16-го дня из устья реки Урака, впадающей в Охотское море, с 192 человеками рабочих людей; и будучи сам на первом галиоте с женою моею, которая везде за мною следовала и все трудности терпеть не отреклась, назначил, на случай разлучения судов противными ветрами, сборным местом остров Берингов. Преодолев разные затруднения, препятствовавшие моему плаванию, 31-го числа августа же месяца приплыли к первому Курильскому острову, но противный ветер не допустил пристать к оному даже до 2-го сентября. Сего числа, став на якорь, сходили на остров и запаслись пресною водою; 3-го сентября пустились в назначенный путь, на котором 12-го числа сделавшийся шторм, продолжаясь двои сутки, разлучил все галиоты один от другого. Буря сия столь была велика, что лишились было и надежды в спасении своей жизни; но однако ж 14-го числа два первые галиоты сошлись и пристали на Берингов остров 24-го сентября, расположась прозимовать на оном сколько в ожидании третьего галиота, на коем было людей 62 человека, столько же и в рассуждении противных ветров; но галиота того во все время бытности на Беринговом острове дожидаться

---

* Печатается по: Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам/Под. ред. с предисловием и послесловием, с примечаниями Б. Г. Полевого. Хабаровск, 1971. С. 34—61.

не могли. 25-го сентября с обоих судов несколько человек на байдарках, с собою привезенных, посылал обойти остров, любопытствуя, не встретят ли чего достойного примечания. Посланные возвратились 27-го числа того же месяца, не нашед ничего такового.

Всю зиму никакова промысла на сем острове не имели, кроме малого количества песцов, потому что других зверей и не было. Пища, каковую на сем острове употреблять можно, состоит из морской рыбы, коей много разных родов, также [из] мяса морских зверей, как-то: сивучей, котов и нерп; из птиц находятся: гуси, утки, лебеди, урилы, чайки, ары, куропатки, а сверх того употребляют и коренья кутагарное и сарану, кои причисляются также к роду употребляемой пищи. Зима продолжалась с сильными и более северными и восточными ветрами, снег и метель были почти ежедневно.

Поелику мореплаватели цинготной не могли избежать болезни, то нужно было искать и средств к освобождению от оной: и для того во время метели ходили возле моря, а в ясные дни по горам на лыжах в дальнее расстояние.

На линии деланной нашли там склонение магнитной иглы к востоку один румб с четвертью.

Оставили сей остров 1784 года июня 16-го числа, назначив на случай разлучения сборным местом Уналашку*, один из островов, считающихся под именем Лисьей гряды. А чтоб и третье судно, от первых двух отставшее, известно [извещено] было о сем нашем условии и туда же бы следовало, то писал я из Берингова острова на оное письма. По 19-е число удерживаемы будучи иногда недостатком ветра, а иногда противным, плыли весьма тихо, а 19-го числа по причине густого тумана галиот «Св. Симеона» потеряли из вида. 20-го числа пристали к Медному острову одним судном; там запаслись свежеею водою и, взяв мяса котов морских, 23-го числа отправились. 6-го июля прошли остров Атху из числа Андреяновских, а 7-го миновали остров Амлю, 8-го и 9-го были в виду острова Сиугам, Амухта, а после и Четырех Сопочных; 10-го числа шли проливом между Четырех Сопочных, склоняясь с полуденной стороны в северную, 12-го июля в отдалении от островов в северную сторону сошлись с отставшим галиотом «Св. Симеона» и, продолжая путь, 13-го числа пришли на остров

---

* Описание сего острова см. ниже.

Уналашку и в Натыкинскую бухту, 14-го завели галиоты в гавань, Капитанскую называемую, где, расформировав оные, стояли по 22-е число, запасаясь нужным.

Проходя мимо вышеописанных островов, приметить могли только то, что цепь всех тех Алеутских* островов, начиная от Берингова острова до острова Кыктака, о котором ниже сего означено будет, состоит из каменных высоких гор, в числе коих много есть огнедышащих. Лесов стоячих совсем нет, а растут только расстилающиеся по камням: как-то: тальник, ольха и рябинник, да и они не во всех местах; жители же на дрова и на строение разного рода лес собирают, выбрасываемый на берега моря.

Исправя на острове Уналашка все нужное и взяв с собою двух толмачей и десять человек алеут, кои добровольно служить согласились, и не ожидая отставшего третьего галиота, 22-го числа июля отправились в сей путь, оставя однако ж наставления для галиота «Св. Михаила», чтоб пристал к острову Кыктаку, он же называется Кадьяк, который назначен всеобщим сборным местом. Проходили с северной на полуденную сторону гряды Лисьих островов проливом между островов Унимака и Акуна. Сей пролив ничего, судовому ходу препятствующего, не имеет, потому что чист и просторен, только во время прилива и отлива быстрота в нем наисильнейшая.

Августа 3-го числа пришли к острову Кыктаку и с полуденной стороны ввели галиоты в гавань, поставя там на якоря. 4-го числа отправлены были работные люди на байдарках, соединенных по две, чтобы осведомиться, есть ли на сем острове жители. Две байдары того же дня с одной стороны возвратились, которые никого из островитян не видали; а вслед за сими из последних двух байдар одна прислана в гавань с таким уведомлением, что виделись с некоторым числом жителей; после и отставшая байдара возвратилась, доставив с собой одного из жителей острова, которого я, сколько было нужно, старался угостить и, одарив, по некоторых разговорах на другой день отпустил его обратно, который после опять приехал и жил у нас до моего моего возвращения, сопровождая во всех наших разъездах, и не только малейшей не учинил измены, но еще и остерегал от некоторых злобных жителей острова сего, покушавшихся на нашу жизнь. Сие злодейское их умысле-

---

* Описание сих островов см. ниже (примечание подлинника).

ние видно было из самого их действия, о чем ниже сего изъяснено будет. На третий день по прибытии нашем к сему острову, из числа в первый раз виденных нами людей, которых конягами называют, приехали к нам три человека в трех байдарках; мы приняли их к себе на судно со всеми знаками дружбы и приязни и выменяли у них на вещи, надобные им, немного зверей. Во время их бытности у нас 5-го августа пополудни во 2-м часу началось затмение солнца и продолжалось полтора часа. Сие в конягах, как в людях, ни малейшего о причине явления сего понятия не имеющих, произвело величайшее удивление; но, однако ж, ничего особенного при том не произошло.

7-го августа вторично посланы от меня были в четырех байдарах работные люди сколько для осмотра звериных мест, а не меньше и для примечания самого острова, коим приказано как возможно далее около одного проехать. 9-го августа расстоянием от гавани в верстах в 40 усмотрели они множество диких, собравшихся на отделенном и с моря неприступном утесистом преобширном камне, который имеет вышины с одной стороны пять, а с другой более семи сажен. Посланные от меня уговаривали сих диких, чтоб они приняли нас дружески; но они, не внимая тому, с угрозением приказывали, чтоб мы отдалились от берегов их, ежели желаем остаться живыми, и не отваживались впредь никогда мимо них разъезжать.

Я, уведомлен будучи о сем, тотчас с бывшими со мною работниками отправился туда и начал было уговаривать оных, чтобы они оставили такое упорство и склонились бы к дружественному обхождению, обнадеживая их, что мы с нашей стороны не для каковых-либо ссор и обид к ним пришли, но чтоб дружеским с ними обхождением приобрести их благосклонность, и в доказательство того обещал я по возможности своей одарить их из вещей, весьма ими любимых. Их тут было превеликое множество, и по крайней мере до 4000 человек. Они, несмотря на таковые убеждения, начали стрелять из своих луков; почему и принужден я был от них удалиться, крайне беспокоясь о неизвестности, чем кончится таковое затруднение. Однако, приметя из упорного их наступления на нас и видя притом желания оных, чтобы я удалился от берегов их, или все будем перебиты, я старался все принять предосторожности от нечаянного на нас нападения.

12-го августа в самую полночь, во время производимой

работными людьми на карауле перемены, сии дикие, в превеликой толпе сошед с камня, на нас напали с такою жестокостью, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения, что и действительно бы им учинить то было нетрудно, ежели бы мы меньше были осторожны и больше боязливы. Очевидная смерть подала нам бодрость, и мы со оною, защищаясь нашими ружьями, насилу могли обратить их в бегство; сражение продолжалось с четверть часа. С восхождением солнца не увидели уже мы никого из них близ себя, да и убитых ни одного человека, ибо они таковых уносили с собою. Мы же, напротив того, были столько счастливы, что никто из наших ни убит, ни ранен не был, что одному я особому божию промыслу прописываю. И вскоре потом от явившегося к нам переметчика, бывшего у коняг в плену, из жителей таягу, кои от россиян именуется лисьевскими алеутами, узнали мы, что на камень в следующий день коняги уже несколько дней ожидают из жилищ от Илюды, Угашика, Угаатака, Чиннигака и многих других мест на помощь к себе людей великое множество и намерены соединенными силами со всех сторон как на том месте на нас, так и в гавани на суда наши сделать сильное нападение и истребить всех до единого, что худой их в прежнее нападение успех не только не устрашает, но к сильнейшему еще возбуждает защищению, и что положили они, если останется сколько из нас живых, то тех разделить, а имение наше по рукам разобрать и нас сделать рабами своими, равно как и досками наших судов, почитаемых ими за драгоценные вещи, думали также завладеть.

Приметя вскоре сию угрожаемую от лютости диких опасность, расположились мы предупредить оных предприятие и, прежде нежели получат они подкрепление, овладеть вышеописанным камнем, на котором они там, как в крепости, засели. Между тем коняги не упустили делать на нас разные покушения. Сие самое, так как и силы наши, не ответствующие нимало оных множеству, принудили меня приступить со всеми моими людьми к крепости их с тем намерением, чтобы выжить их оттуда, и для того, подступивши к оной, произвели из ружей пальбу; но как оная ничего им не вредила, то они против нас жестоким делали стрелами своими отпор, почему принужденным себя находил действовать выстрелами из пяти взятых с собою двухфунтовых пушек. Я велел метить ими более на острые

каменя и хижины их, там бывшие, чтобы некоторых оных разрушением привести в большой страх сих людей, яко не знающих еще действия таковых орудий.

Сие и в самом деле столь новое и необычайное для них явление, более нежели чувствуемый оттого ими вред, скоро произвело в них робость и ужас и притом заставило делать об нас нелепые заключения. Потом они побежали из крепости своей, кою оставили уже нам без потери и единого человека, выключая 5, хотя и жестоко, но не смертельно раненых. Сколько я ни избегал пролития крови, нельзя однако ж думать, чтобы не было при сем несколько из них убито. Я старался узнать, о том, но тщетно, потому что с одной стороны уносили они мертвых с собою, а с другой бросали их в море. Из коняг взято в плен более тысячи человек, а прочих, коих, конечно, не меньше трех тысяч было, разбежались. В плен привели мы в гавань более 400 человек, распустив прочих на волю, и из пленных выбрал я одного начальника, который по-коняжски называется хаскак, и отдал наконец оному всех пленных в полную команду, снабдя их байдарой, байдарками, сетями и всем нужным к их жизни; взял однако ж в залог верности из детей до 20 человек аманатов.

Пленные сии похотели жить в 15 верстах от гавани, что я им и позволил. Продолжение времени показало их верными союзниками, и через них узнали мы, что в самом деле не избежать бы нам всекрайнейшей опасности или и совершенного истребления от ожидаемой конягами из других жилищ помощи, состоящей из великого множества диких, кои уже приближались к крепости; бегущие из оной встретя и насказав им страху больше, нежели сколько одного в самом деле было, и уверяя, что мы все сделались огненными и своими стрелами камень и жилища их разбивали, привели в такую робость, что они в тот же час разбежались; несмотря однако ж и на сие, скоро после того сделали они, выключая пленных, мною поселенных, еще покушение и ночью, в ветреное и дождливое время собравшись в превеликом множестве, с великою яростию атаковав стоящие в Угатацкой бухте байдары, со всех сторон действовали копьями и стрелами, но оружейные выстрелы и сих отбили; было ли сколько из них убито, также неизвестно; с нашей же стороны хотя шесть человек и ранено, но сии в короткое время использованы. Не можно сказать, чтоб и байдары наши не были повреждены, ибо копьями коняги пробивали

оние насквозь; таковых ударов столь было много, что иные до ста сквозных пробоин имели, и приступ их был так же жесток.

Я уже был предупрежден о немирности коняжского народа и о тех причинах, по коим имели они успех в изгнании всех посещающих их промышленников, притом удобно могли от себя таковых прогонять; то усердие мое к пользам отечества ободряло меня при всех вселяемых в меня страхах от стороны прежних о том известий от бывших на мысе, при острове сем находящемся, Агаехталик называемом, некоторых известных по делам промышленников, и самих испытавших жестокость их. Я побеждал всякие обоних предубеждения, и так как в договоре общем с товарищами моими капитаном Михайлом Сергеевым и курским купцом Иваном Ларионовым, детьми Голиковыми, положено первую должностью на примирении диких соблюдение польз казенных, то и уговаривал я рабочих моих на мое предприятие.

Коняги легко почитали не только выгнать всех нас с острова Кыктака, но и ни одного человека не оставить, ежели мы упорно будем противу их нападений стоять, или разделить нас по рукам в рабы, так как они, обыкновенно ведя непрестанную между поколений своих брань, пленных употребляют во всякие работы, почитая их вечно себе принадлежащими, и в достижение сего поставляли: 1) малое наше людство: потому что было только всех 130 человек; 2) успехи, какие они имели в 1761 году над одним, нечаянно приставшим к мысу Агаехталицкому разных компаний, чтобы там перезимовать, промышленным судном; ибо дикие сии народы не только далее 5 верст от судна людей, на оном бывших, не отпускали, но, лишая их всяких промыслов, вытеснили оное прежде времени; 3) в 1776 году Холодиловской компании судно, приставшее было к тому острову, успели они прогнать через 11 дней; 4) в 1780 году к тому же Агаехталицкому мысу компании Пановых судно под начальством штурмана Очередина приходило и хотя расположилось было там прозимовать, но, наконец, после великих изнеможений и потеряв много людей, бегством оттолъ спаслось; 5) в 1785 году с Лисьих островов бывших там разных компаний промышленные, снарядя три судна, пустились к североамериканским берегам, составляя свое людство в 300 человек. Сии суда были под предводительством штурмана Потапа Зайкова, они прибыли к берегам

Северной Америки августа в последних числах в залив Чугатской, названный Куком Зандвич Саун, и, остановясь, расположились зимовать. По множеству своему думали они, что в состоянии всякой противиться диких силе, как, наконец, узнали совершенно свою ошибку; они жителями тамошними к промыслам не допущены и не могли ни на одну версту в малом числе и невооруженные отходить. Едва только прозимовали, оставляя все прежние свои намерения, бежали, потеряв тут немало от голоду людей. Сии-то, узнав о намерении моем идти на остров Кадьяк, всеми мерами старались от того меня отговорить, представляя жителей оного кровожадными и непримиримыми, выводя сие как из прежних вышеописанных случаев, так и собственного своего испытания на мысе Чугатском от однородных кадиякским обитателям. Но я мало уважал все сие и пренебрегал все опасности, дабы достичь цели, намерений общества и собственного моего.

Изъясненные выше сего на меня нападения не обнадеживали нас и впредь быть безопасными, но тем более, что они никогда не пропускали нападать на наши байдары, посылаемые для разведываний, и хотя всякий раз после покушений давали они и на байдары своих аманатов, почему, будучи намерены мы прозимовать на острове, ими обитаемом, и довести их ласковостью, щедростью, угощением и подарками до миролюбного познания, что они чрез дикость свою собственного лишаются покоя, убивая друг друга, и дабы показать им жизнь неведомую, я все старание свое употребил к тому, чтобы построить домики и сделать крепость, на первый раз хотя бы плетневую. Мы в том и успели, хотя с великим трудом; но как, и со всем тем, не переставали они делать покушения как на байдары, посылаемые мною для обозрения и описания мест, так и на нас самих, то я, избегая сколько можно пролития крови, и чтобы лучше себя обеспечить, представлял силу и действие нашего пороха и, пробуравив в превеликом камне дыру, наклал туда оного, при котором, утвердя замок от ружья, а к сему предолгую веревку под другой камень для безопасности того, кто должен действовать, оною разорвал вместе с ружейным выстрелом при множестве мирных коняг, отчего рассеян везде слух об удивительной силе так ими называемых наших «стрелок».

После чего и других непонятных, чудных и вместе ужасных для них явлений все коняги острова оставили свои

усильства к вытеснению нас: ибо я им представлял, что я желал с ними жить в дружбе, а не вести войну, а впрочем, ежели бы другое мое было намерение, то не избегли б они силы моего оружия, притом же и всемилостивейшая наша государыня желает им покровительствовать и доставить им жизнь безопасную и спокойную. Сие и многие примеры ласкового обхождения и малые подарки совершенно их умирили. Тут и через толмачей всячески внушал им о спокойствии, великости, силе и красоте всего находящегося во внутренности России, равно как и о милосердии нашей императрицы. Приметив же рассеивающийся о всем том слух и любопытство, и более еще старался удостоверить их, иногда рассказывая, а иногда показывая вещи, которые бы они без предупреждения готовы бы были обоготворять, доводя их постепенно до познания того невежества, в коем они находились. Таким образом приобрел и к себе от них столь великое благорасположение, что они, наконец, все называли меня своим отцом. При таковых знаках их ко мне доверенности отдавали себя охотно в мои повеления; почитали они чудом скоропоспешное строение наших домов, потому что они над одною своею хижиною трудятся, отесывая доски заостренными железцами, несколько лет, и для того почитают они оные великой цены стоящими. Невежество их так велико, что они, когда мы во время темных ночей выставляли бывший у меня кулибинский фонарь, думали, что то было солнце, которое мы похищали, приписывая и мрачность дней причине оною.

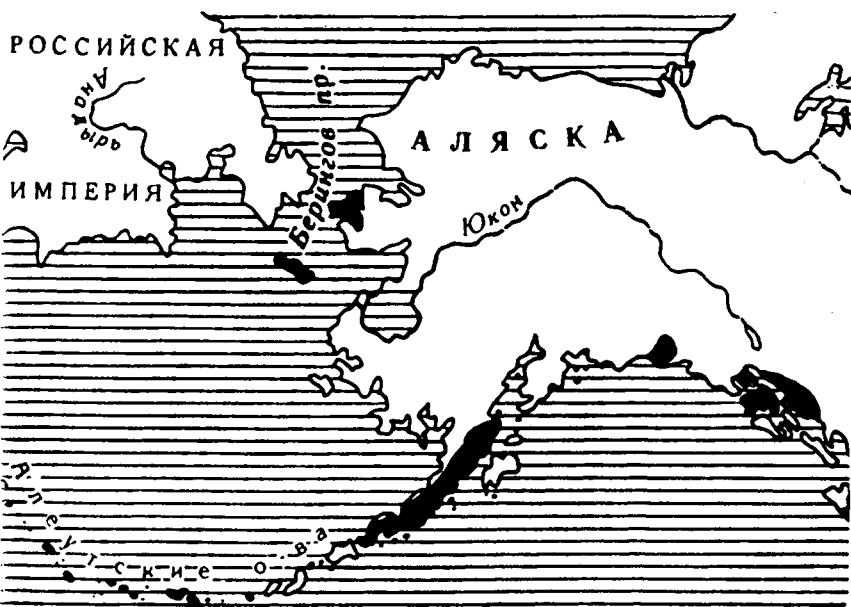
Мне прискорбно было видеть таковую умов их темность. Почему и не оставлял их более пребывать в сем заблуждении, но старался, сколько можно, изъяснить им, что сие есть дело такого же человека, как и они, с тою только разницею, что они ничего не будут знать до тех пор, пока не будут мирны и [не станут] заимствовать от нас обычаи и род жизни. Я показывал им способность и выгоды российский домов, платья и употребления пищи, они видели труды моих работных, когда они [работные] копали землю в огороде, сеяли и садили семена; по созреванию плодов я велел им оные раздавать, но они, употребляя их, ничего кроме удивления не изъясляли, многих я велел кормить изготовленною работными моими для себя пищею, к чему они крайнюю чувствуют охоту.

Таковое мое с ними поведение час от часу более их ко мне привязывало, и они, не зная чем угодить мне, приводи-

ли в великом множестве детей своих в атманаты тогда, когда я и не требовал их и когда они не нужны мне были; но я, чтобы не оставлять их в неудовольствии, многих принимал, а других, одарив приличными для них вещами, отпускал. После таковой их ко мне привязанности старался я познать их богослужение. Я не нашел сердца их зараженными идолопоклонством; они только признают два в мире существа, одно доброе и другое злое, присовокупляя об оных нелепости, свойственные их невежеству и дикости. Видя сие, сделал я опыт рассказать им сколько можно проще и внятнее о христианском законе, а как увидел величайшее их в том любопытство, то и захотел я воспользоваться сим случаем. И потому начал я любопытствующим в часы свободные преподавать точное понятие о нашем законе и до истинного доводить пути, чем и зажег их сердца; словом, до выезда еще моего сделал я христианами из них сорок человек, кои и крещены были с такими обрядами, какие позволяются без священника.

Я заметил, что они начинали уже пренебрегать своих собратий, а что всего чуднее, то они, принимая обыкновения и поступки россиян, делают насмешки над другими дикими, почитая их совершенными пред собою невеждами. Поелику я многих из них принимал в построенной тут комнате, то они видели ее величества всемилостивейшей нашей государыни живописное лицеподобие и некоторые книги, кои я употреблял, и, приметив желание их знать, что им казалось удивительным, изъяснял им со всем подобающим благоговением о ее величестве, сказывал им о милосердии ее, власти и силе и сколь себя почитают те счастливыми, кои ее повелениям следуют и находятся под ее законами; напротив того, те несчастливейшие, кои от того бегают или делают противное ее повелениям. Возможно старался я внушать им о спокойствии и безопасности каждого, и что всякий может везде ходить и ездить один, не опасаясь, чтобы кто сделал на него нападение или отнял его имяние. Сии слова или маловажнейший сей пример выбрал я для того, чтобы понятнее им оное казалось. И в самом деле такое я сделал в них о том впечатление, что они захотели и просили меня, чтобы всех тех, которые будут приходить на их остров, я отгонял, поручая притом себя в мою защиту, обещать слушать меня и во всем мне повиноваться.

Бедные сии люди, приходя к моему селению и видя

Территория Аляски и Алеутских островов,
освоенная Российской империей во второй половине XVII в.

иногда послушность ко мне моих работных, исполняющих мои приказания, думали, что более меня не может уже никто быть. Но я вывел их из сего несчастного заблуждения и дал им разуместь, что я самый последний подданный моей государыни, что от нее есть еще постановленные власти, которые смотрят, чтобы обид и притеснения никому нигде не было. Я всеми возможными средствами объяснял им, сколько они будут благополучны, если возлюбят и верными учинятся ее величеству всемилостивейшей нашей государыне, которая в противном случае их за непокорность наказать может.

Разговаривая часто о порядке в России живущих и о строении, возбудил в некоторых такое любопытство, что сорок человек обоего полу захотели видеть селения российские: в показанном числе были и дети, коих при выезде моем оттуда дали мне дикие, чтобы хотя оные посмотрели все здесь находящееся, ежели они сами того сделать не мо-

гут; и все оные выехали со мною в Охотск, из коих 15 приехали в Иркутск, а последние с возвратным отправлением судна моего, быв одеты и одарены, возвратились.

Что принадлежит до книг, то я не мог никакого об оных сделать им понятия. Но, посылая иногда из них с записками моими к артелям, оставленным в других местах сего же острова, в такое приводил их удивление, что когда по записке моей давалось то, о чем предсказывал прежде еще их отходу, то они поставляли оное выше силы человеческой; так, например, посылал я одного из них с запискою взять у приказчика моего черносливу и других древесных сухих плодов. Посланный, дорогою оные отведывая, половину съел, что я, по записке узнав, ему сказал, чему он крайне удивился и сказал: «Это подлинно, что сия бумажка остро на меня глядела, когда я их ел, но впредь я знаю, как от сего избавиться». Я, желая испытать его простодушие, послал за тем же в другой раз, но, как и тогда, по записке и весу узнал, что целой половины нет, а потому и получил от него опять в лакомстве признание, и что для него чудно, что он, евши те плоды, зарывал ту бумажку в песок, но видно, что и сквозь песок она видела.

Второй пример. В построенной мною комнате стояло большое зеркало, к которому те дикие, подходя, несказанно дивились, что видят в нем во всем подобных себе людей, и, недоумевая, что то за люди, почитали все сие волшебством, им непонятным. Чрез сие начал я вводить их в познание о книгах, обещая выучить и детей их, ежели кто из них на то согласится, таковой же, по их мыслям, премудрости. Нашел некоторых охотников, кои приводили и вручали мне оных. Должно отдать народу сему справедливость в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки, и некоторые до отъезду моего столько выучились по-русски говорить, что без нужды можно было их разуметь. Я оставил таковых учащихся грамоте 25 мальчиков, которые гораздо охотнее желают быть с россиянами, нежели с дикими их отцами.

Таковыми я путями старался доводить их до того, чтобы они увидели свое невежество. Всегда боролся я с работными моими рвавшимися к ссоре, и, наконец, им же самим показал из того пользу. Дикие, узнавши о силе данных им мною записок, отлучаясь на дальные промыслы, брали у меня, так сказать, билеты, дабы оные показывать в случае встречи с разосланными от меня в дальние места артелями

в доказательство, что они принадлежат к мирным и нам доброжелательствующим. Защищая же их людьми моими от набегов на них из других мест диких, дал им чувствовать, сколько приятно жить в покое, ибо после сего не отваживались неприятели их делать на них нападения. Видевшие же притом, что услуги их, мне показываемые, не оставались без награды, желали, чтобы я вечно с ними остался. Я могу сказать и хвалиться тем, что когда узнали они о моем отъезде, то столько о том печалились, как будто все уже теряли; но при сем случае я поручил все дела мои оставленному там мною правителю енисейскому купцу Самойлову — такому человеку, на которого надеялся я, что будет следовать всему тому, что я показал; сверх же того снабдил я его и довольным на бумаге наставлением.

До отбытия моего, по известиям от диких, которые хотя и не могут ни малой верности дать о числе мирных коняг, совершенно доброжелательствовавших мне, но из рассказов их и моих замечаний можно почти верно считать преданных ее величеству обоего пола с лишком 5000 душ. Я никогда не упоминал им о платеже ясака, дабы не подать какого подозрения или не было бы иметь сие претыканием, а старался только преклонять их к хорошим мыслям о россиянах и вводить исподволь в наши обычаи так, чтобы не только не противны они им были, но и понимали бы оные, оставляя, впрочем, рассмотрению высокого правительства, как поступить в рассуждении ясака.

В 1785 году между работными моими людьми примечена цинготная болезнь, которая наконец так усилилась, что с половины зимы оные умирать начали, а оставшиеся сильно ослабевали. Слух о сем везде разнесся, и некоторые между отдаленными дикими примечены сборища. О сём уведомили нас совершенно доброжелательствующие нам коняги, прибавя к тому, что оные идут против нас; и для того, не ожидая дальнейших моих наставлений, поспешили сами рассеять оные, приведя ко мне главных заговорщиков, по признанию которых в их намерении нашел я нужным задержать их у себя под стражею. 9-го числа апреля отправил я из российских одного Расетного с тысячью человек мирных коняг, кои все из усердия ко мне сами вызвались для безопасности одного человека провожать на Унгинские острова, наименованные от Беринга Шумагины, к находящимся там компаниям с письмами, уведомляя оными о всех случившихся с нами цинготной болезни несчастных

приключениях, просил от них возможной помощи; но по отбытии сих посланных цинготная болезнь стала уменьшаться.

Мая 2-го отправил я в четырех байдарках 52 человека российских работных, 11 лисьевских алеут и 110 человек коняг в байдарках в восточную сторону с намерением, чтобы познакомиться с людьми, населяющими острова, лежащие по Американской земле до Кенайских и Чугацких бухт, узнать выгоды и описать все нужное, назначив продолжать сие плавание дотоле, покуда лето дозволит. Партия оная возвратилась августа в последних числах, плавая на северной стороне проливом между Американской землей и островом Кыктаком, не видав во все лето ни от коняг, ни от чюгач и ни от кенайцев никаких нападений, но еще оные народы дали до 20 человек в аманаты.

В рассуждении тамошнего торгу, оный был в сие время почти ничего не значущий, потому что жители тамошние, будучи незнакомы, боялись вступить в такое сообщение, несмотря на то, что аманатов дали. Прибывши оная партия на остров Кытак, расположилась зимовать, избрав для того Карлутское многолюдное место. В продолжении зимы разъезжая на байдарках в северной и западной стороны острова, а по американскому берегу от Катмака до Камышатской губы, чрез тихое с обитателями обхождение и всегдашнее приласкивание, сопровождаемое угощениями и подарками, привели их в союз, взяли аманатов и торговали с ними так, что ни малейших раздоров не случилось.

Из гавани я во всю зиму рассылал объезды около острова Кыктака с южной и восточной стороны и по островам, около тех берегов лежащим. Многие число коняг ласкою и торгом в дружбу склонили, аманатов также взяли и совершенное их к Российской державе подданство утвердили. Декабря в последних числах отправил я из гавани при одном толмаче двух работных в Кенайские губы под видом торговых людей для примечаний, дав им и товару несколько для промены, а острова Шуеха аманатному хаскаку поручил их в сохранение.

1786 года генваря 10-го из гавани отправил одиннадцать человек работных людей в восточную сторону по Кыктаку-острову в еловый лес, находящийся в 160 верстах от гавани, близ Чинигатского селения, для делания шлюпок. Сии посланные, построив прежде зимовье, после и поручен-

ное дело исполнили, купив притом несколько пушного товара, а 1-го числа мая в гавань возвратились.

Февраля 25-го, от 19-го числа с Катмацкого жила, от грека Евстрата Деларова получил я письмо, которым он уведомил, что галиот нашей компании «Св. Михаила» 1785 года мая 12-го числа по предписанию моему из гавани острова Уналашки вышел в море, противными ветрами задерживанием был около Уналашки шесть недель. Наконец, во время штурма [шторма], потеряв мачту, которую ниже салингов сломило, принужден был возвратиться на Уналашку и, по исправлении мачты в августе месяце, при самом выходе в море вторичному несчастью был подвержен; ибо ошибка подштурмана сделала то, что галиот о камня повредило и принудило остаться на Уналашке и там зимовать, отправив между тем, по дошедшим известиям, на помощь нам в байдарках 30 человек; но сии, на дороге удержаны будучи штурмами [штормами], пробыли шесть недель на американском берегу, лишась шести человек от холоду и от недостатка пищи. Оставшиеся спасены, по уведомлению вышеописанного же грека Деларова, людьми, посланными из нашей компании, но и из тех по приезде в гавань пять человек померло.

Собираясь уже к выезду из Америки, отправил я марта 7-го числа для учинения дальнейших описаний, не оконченных в прошедшем году, к мысу Св. Илии пять человек из российских и для построения на том мысе крепости, которым будут спомоществовать во всем оном, разумея и соглашение к миру тамошним жителей — до 47 градусов простирающимся тысячу человек коняг Кадиака и других островов и 70 лисьевских алеут, добровольно из платы служащих, коим я велел по берегам ставить кресты и закапывать в землю обломки горшечные, кору березовую и уголья.

Оные посланные марта в последних числах прислали ко мне двух человек из Чингацкого жила, уведомляя, что тоён Шуеха, оставя меня, изменил, а прежде того порученных в его сохранение работных и толмача, кои от меня посланы были для обозрения Кенайских губ, убил.

Для сего случая требовал от меня людей к отражению кенайцев, выехавших близ Шуеха с американских берегов, коих количество простиралось до тысячи человек. Получив сие уведомление, отправил я туда из гавани две партии: первую в 30 человек из работных российских людей с одним

предводителем, а вторую с особливим правителем, состоящую из коняг и лисьевских алеут, добровольно служащих, приказав занять на Афагнаке против Шуеха-острова способное для гавани место и построить крепость по данному плану и между тем в гавани исправлять галиот «Трех Святителей» для походу. Майя 19-го числа получено с острова Афагнака и Шуеха от посланного туда известие, что по соединении наших сил предприятие кенайцев уничтожено. После заложена на Афагнаке крепость, а, наконец, по данному от меня приказанию, заложив такую же и при Кенайской губе, отправились по американскому берегу к мысу Св. Илии. Для окончания сих строений оставлена там особливая партия. Остров Афагнак и противу лежащий Америки берег, так как и остров Кадьяк, имеют наилучшие гавани; земля плодородна, рыбы, птиц разных родов великое множество, луга покрыты травой и пажитями, лесов, годных для строения судов и других зданий, на Шуехе и американском берегу находится в великом изобилии.

В сей год американских и островских жителей в гавани во все наши артели, с разными церемониями и просто, ежедневно приезжало несравненно более первой зимы. Не упущено при сем случае ничего, чем бы только знаки дружества и тихости нашей изъяснить. Сильнейшие ветры нынешний год дули более от севера и запада; от востока же очень малые, а от полудня во всю зиму никаких почти не было. Дождя зимою очень редко было видно, но большею частию перепадал снег, который на таких местах, где ветры не могли действовать, лежал толще аршина; где же ветры сносить оный могли, там и не мог оный долго пролежать.

Майя 22-ого числа на галиоте «Трех Святителей» я вышел в море, провожаем будучи кытакских, американских и других островов тоёнами и лучшими людьми из коняг; и того ж часа увидели на море с распущенными парусами нашей компании третий галиот «Св. Михаила», идущий в гавань. Я, подъехавши к оному и переменяв находящегося на нем морехода, отправил его в гавань, предписав назначенному там правителю из бывших на острове Шуеха и Афагнаке, чтоб он по приезде с оных островов отвел тот галиот в назначенную на Афагнаке при крепости гавань.

Должен я еще здесь упомянуть и о галиотах, на каком им там основании надлежало оставаться. Одному предписал я наставлением, данным мною поверенному Самойлову, плавать по длине от 40 до 73 градусов, считая от Охот-

ского меридиана, который я первым поставлял в своем исчислении, а по широте от 60 до 40 градусов в открытом море; другому же — к северу при сближении там двух частей света, для сыскания неизвестных мест и островов. Третий, на котором выехал я из Кадияка, обращен в транспортное судно, на коем каждый год приятным долгом почитаю я уведомлять правительство о делах тамошнего края. После пустились мы от Америки с таким намерением, чтоб прошед 45 градусов широты и по той линии плыть прямо к западу, а поравнявшись с Камчатским мысом, подняться к оному и, прошед Курильский пролив, склониться к Охотску. Намерение сие имел я для того, что не увижу ли по сей линии между 40 и 50 градусами неизвестные какие-либо острова, но, по несчастию, ветры беспрерывно все лето дули между западом, которые и не допустили исполнить сего намерения, и потому принужден был идти как только можно прямо в Охотск, но и в том противные ветры препятствовали.

Во время сего пути из числа гряды острова видели Четыре Сопочные и Амухту. Сей последний остров от огнедышащих гор казался весь в пламени. Лавируя же, видели Сиугам, Амлю, Ахту и другие Андреяновские острова. До первого Курильского острова дошли и при оном на первый якорь стали 30-го числа июля. Поелику бывших со мною российских работных людей 12 человек цинготная болезнь привела в крайнюю слабость, то всю на судне матросскую должность исправляли ехавшие со мною из любопытства в Охотск американцы, которые на 31-е число и свежей воды с первого Курильского острова на галиот 40 бочек навозили. В рассуждении моря достойного примечания сказать можно только то, что около Камчатской земли течение оно-го наисильнейшее и волнение не только во время ветра, но и в тихую погоду столь велико, что от оно-го судно, весьма качаясь, бортами почти воды касается.

Августа 1-го числа галиот завели в первый Курильский пролив. Великий ветер задержал тут до 5-го числа, а в сей день провели оный во второй Курильский пролив к гавани; 7-го числа отправясь, склонились к Большерецкому устью; а 8-го числа против оно-го устья стали на якорь, и я на байдаре вышел на берег и, возвратя оную к судну, сам остался для покупки свежей рыбы. Исполнив сию надобность, хотя желал было возвратиться на судно, но разные препятствия не допустили. Между тем галиот сильным

ветром с якоря сорвало, и поелику слабость здоровья людей, на оном находящихся, лавировать не позволила, то сие тем далее разлучило меня от судна. Наконец я, наняв бот, пустился к Большерецкому селению, куда прибыл 15-го числа, и решился отправиться в Охотск вокруг землею на трех верховых лошадях, купленных мною тут за 200 рублей. Но в самое то время из Петропавловской гавани в Большерецк дошло сведение, что прибыл в оную 9-го числа аглинский корабль и что оный намерен тут простоять не более 20 дней. Имея желание узнать о месте, из коего сей корабль пришел, о причине его путешествия, да и не откроется ли чрез то какого-либо нас полезного сведения, принудило на время отменить поездку в Охотск, чтоб между тем побывать в Петропавловской гавани.

20-го числа, отправившись на верховых лошадях, 23-го туда приехал. Агличане, приметив с корабля мой с людьми приезд, поспешили из них несколько на шлюпке сойти на берег. Начальник корабля — капитан с двумя офицерами обошлись с нами ласково и из казенного дома склонили меня идти с ними на корабль, где показали образцы своих товаров и сказывали, что они привезли с собою от Индийской компании к камчатскому начальнику письма, изъявляющие желание оной в Камчатке завести торг, и что она требует на то от России позволения. Я, между прочим, не давая о себе знать, старался разведывать, отколе они пришли и где плавание имели, потому что не скрывали они от меня своей карты. Узнал я, что они по нашему счислению 20-го марта вышли из Бингала, лежащего под 23 градусом северной широты, из Малакки — 16-го апреля, в Кантон [прибыли] 29-го мая, из Кантона [вышли] 28-го июля, в Петропавловскую гавань [приплыли] августа 9-го. Офицеров на корабле: агличан три, португальский один, матросы — агличане, индейцы, арапы и китайцы. Всех людей 70 человек; корабль весь красного дерева, обит латунью до бархвотов, о двух мачтах и 28 парусах, по килю 65 груз $3\frac{1}{2}$ фута, с двенадцатью по деке пушками.

В бытность мою на сем корабле во весь день до ужина угощаем был разными питьями; после ужина в 10 часу начальник корабля капитан Вилиам Питерс проводил меня со своими офицерами до казенного дому на шлюпке, отложив притом торг до прибытия камчатского начальника. 25-го числа прибыл туда камчатский исправник барон Штунгель, а 26-го и 27-го чрез него на французском языке условились

о пошлине с тем, что какая вышним правительством положена будет, таковую обязались они безоговорочно заплатить, и тогда начали производить торг. 28-го числа соглашались, какие на будущее время товары привозить в Камчатку, а напротив того и от нас получать, и по каким ценам. 29-го, 30-го и 31-го принимал я от агличан сторгованные мною товары, а 1-го сентября прием и счет окончили. Всего товару принято мною на 6611 рублей; в то число я им заплатил тысячу рублей, а в достальных дал вексель по объявлении в два месяца заплатить в Москве с шестью процентами на год. 3-го числа, простоя с агличанами, отправился из гавани в ботах; агличане же намерены были выходить непременно 4-го числа. В Большерецк прибыл я 8-го числа сентября, и все покупные мною у агличан товары продал тотемским купцам, Пановым приказчикам и другим. Барыша от их товаров получил по 50 копеек на рубль.

Из Большерецка отправился я по тигильскому берегу сентября 12-го, а в Тигильскую крепость прибыл октября 2-го числа, оттуда отправился на собаках ноября 18-го; в Охотск приехал 1787 года генваря 27-го числа, и, следовательно, после, нежели пришел к сему месту галиот, на котором я в море был. Из охотска с женою своею также на собаках выехал февраля 8-го дня, продолжая путь, инде на оленях, а в других местах на лошадях и на быках, претерпев несказанные трудности и опасности. В Якутск приехал 11-го числа марта. 12-го числа марта из Якутской области отправился санями и, со отбытия с Камчатки в проезде, в рассуждении собачьей и оленьей езды, во многих пустых местах претерпевал крайнюю и несносную трудность, от коей многократно с угрозением мучительного страха подвержена была жизнь моя совершенной опасности. Первое, оттого что между Тигилем и Инжигою корякские орды казались нам весьма сумнительны. Второе, зима чрезвычайно без перемены почти, при самых жестоких северных ветрах, была до чрезмерности холодная; третье, пурги такие нередко на пустых местах захватывали, что ехать способу никакого, по ремню нарта за нартой связавши, не было, а только спасались в такие времена лежанием в снегу по два, по три и по пяти дней, не сходя с места, без воды и не варя пищи. Для утоления жажды, за невозможностью развести огня, употребляли снег, а вместо пищи сухари или юколу, лежавши в снегу, грызли.

При таких трудах, за присталью собак и оленей последний путь от Алдану до Иркутска, за усталостию лошадей по убрдам часто до упаду, для поспешности шел пешком и, по всем трудностям, достиг наконец в Иркутск, областной город, апреля 6-го числа в половине дня благополучно. Но за долг почитаю благодарность мою пред всеми изъяснить двум достопочтенным мужам, государству и отечеству несколько уже лет беспорочно служащим, капитанам родным братьям Тимофею и Василью Шмалевым за охранение меня от всяких опасностей в рассуждении тамошних диких жителей, которые тогда один в Тигильской крепости, а другой между Тигилем и Инжигинским городом у коряк — для усмирения в Каменском селении корякских и чукотских орд — пребывание имели. Вдобавок, в проезд мой также довольно способствовали сему моему успеху тигильской команды капрал Николай Попов да корякский толмач казак Иван Суздалев, который провожал для толмачества меня от Тигильской крепости до города Инжиги, коим Попову и Суздальеву есть из коряк родственники, а потому я и ехал по сим способам безопасно, за что обязан я господам капитанам двум братьям Шмалевым и притом капралу Попову и толмачу Ивану Суздальеву при случае свидетельствовать мою благодарность, ибо они сохранили жизнь мою.

Сколько в бытность мою в Иркутске, по краткости времени, дозволило о пребывании моем в морском путешествии и о учиненных к пользе распоряжений исправить, оное значит выше сего. А теперь уже осталось неминуемо показать о всех виденных мною местах, обитающих там народах и их обрядах, находящихся там зверях и птицах, чему следует описание.

Теперь долженствую описать землю американских островов, людей, оную населяющих, нравы их, обряды, одежды и сказать о зверях и птицах, там находящихся.

Острова, лежащие около американских берегов и простирающиеся от Кыктака к восточной стороне, а также и в Северо-Западной Америке, более каменистые и преисполненные гор, но притом есть хорошие и годные к хлебопашеству земли, в чем я и самими опытами удостоверился, сеяв ячмень, просу, горох, бобы, тыквы, морковь, горчицу, свеклу, картофель, репу и ревень. Все родилось наилучшим образом, кроме что проса; горох, бобы и тыквы не принесли семян, и то оттого только, что упущено было время, в которое бы сеять должно было. Для сенокосов удобных луго-

вых мест и трав годных довольно, а по местам скоту и всю зиму можно жить без сена. Больших лесов не видал, а малых весьма много. Обыкновенные тамошние растения, кои обитатели употребляют в пищу, суть коренья, а именно: сарана, макарша, папоротное желтое и кутагарное. Сие последнее заслуживает особое внимание потому, что где по островам нет мышей, там оно родится очень хорошего вкуса, а где водятся сии животные, там корень сей так горек, что и в пищу не годится. Есть там ягоды: малина, голубица, черница, морошка, брусника, калина, клюква и княженика — вдовольном изобилии. Что принадлежит до лесов, оных с половины острова Кыктака и по Америке к весту находил я пять родов, а именно: ольху, тальник, березник и рябину, а к востоку по островам, по берегу американскому при губах — ельник, листвяк, и тот, о котором я выше сказал.

Птицы там водятся: гуси, утки разных родов, вороны, галки, канарейки черные, называемые напойки, сороки, сии криком своим мало походят на известных в России сего рода птиц, а вместо того очень нехудо поют, но весьма тихо и почти так, как снегири. Есть чайки, журавли, цапли, кулики, глупыши, топорки, ары, урилы, гагары. Морские звери: бобры, сивучи, киты, нерпы. Речные: выдры, бобры; земные разных родов: лисицы, волки, медведи, горностаи, олени, соболи, зайцы, росомахи, рыси, тарбаганы, евражки, дикие бараны и ежи отменного рода. Рыбы ловятся из морских: палтусы, треска, сельди; проходящие в речке: чавыча, кета, нярки, гольцы, хайко, каракатица и странного рода раки.

Коняги — люди рослые, здоровы, дородны, больше круглолицы, [но] есть имеющие и продолговатые лица; смуглы, волосы черные, а редко темно-русые, которые мужеской и женской пол стригут в кружок. Знатных же мужей жены отличают себя от прочих тем, что, зачесывая несколько волос наперед, подстригают до бровей и имеют косы; у иных бороды, а у некоторых грудь и плечи вместо косынок шитые. Мужчины, женщины и девки средний хрящ в носу прокалывают, также искалывают все уши и нижнюю губу; шитые шеи имеют и мужчины, но немногие, а у каждого мужчины нижняя губа прорезана, и чрез то с первого взгляда показываются так, как с двумя ртами. В сделанную в среднем хрящу носа дыру вкладывают длинную кость; а у кого есть бисер и корольки, те привешивают оные к ушам,

к губе и к носу, почитая то за самую лучшую вещь и украшение. Бороды не стригут, рубах все не имеют, ходят босые, а дома и совсем нагие, только что спереди опоясываются каким ни есть звериным лоскутом или цветами и травой. Парки носят бобровые, лисьи, медвежьи, птичьи, евражечьи, тарбаганьи, выдренные, соболями, заячьи, оленьи, росомашьи и рысьи. Камлей, род парок,— из кишок сивучьих, нерпичьих и китовых. На головах носят шляпы, плетенные из елового коренья и травы, шапки, сделанные гнутые и выдолбленные из дерева. При ловле морских зверей употребляют стрелы, кои бросают из досок, а для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого маневра, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи железные и костяные, иглы железные... До прибытия же нашего иглы делали сами женщины; нитки жильные, посуда деревянная, роговая — диких баранов, глиняная, камнем выдолбленная.

Байдары и байдарки, обшитые сверх решетки вместо досок кожей наглухо, кроме люку, употребляют они тогда, когда удят рыбу и промысляют морского зверя. При исправлении всяких домашних надобностей и разъездов рыбу удят на море удами костяными, поводки при удах длинные из засушенной морской капусты, ибо одна стебель капустная бывает сажень по сорок и более. По рекам рыбу ловят каменными запорами, а колют носками, похожими на копья, в коих в тупом конце бывает гнездо, во оное вкладывается слабо в зазубрины костяная, каменная или железная спица, привязанная жилою к деревцу. В заливах и бухтах морских красную рыбу стрелками убивают тогда, когда она из воды мечется. Огонь добывают трением из дерева; освещаются зажженным в каменных посудах жиром тюленьим, медвежьим, сивучьим, китовым и котовым, полагая туда травяные фитили.

О свадьбах их я ничего не знаю, не могу также и о новорожденных ничего сказать, кроме что таковым даются имена по первой с кем встрече, хотя бы какого зверя, птицы и другого тому подобного.

Похороны у разных поколений коняг бывают разные. Обрядов я сам не видел и потому ничего об оных и сказать не могу; но то весьма верно, что иные мертвых кладут в байдарку с лучшим именем его и осыпают землю, а другие вместе с умершим и живого полоненника, бывшего рабом у одного, зарывают в землю. Кенайцы же умерших тела

жгут с приносимыми родственниками его звериными кожами.

При печальных обрядах по умерших стригут на голове волосы и лицо марают черной краской. Сие употребляют по родственниках, как-то: по отце, матери, брате, сестре и других ближних и любимых им свойственниках, а часто и по постороннем человеке, с коим жили в дружбе. Впрочем, если умерший кому неприятен или и вовсе не имел с ними дружества, хотя бы и родственник был, по таковом печальных знаков на себе не носят.

Общих болезней у них нет, кроме примеченной венерической, а оспы совсем не знают, и никогда там оной не бывало; люди сложения весьма крепкого и живут до ста лет.

Приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою, и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные оружия; а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приблизятся к берегу, хозяева бросаются в море по самые груди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносят на берег; потом спешат поскорее вынести гостей из байдар и относят их поодиночке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах; там, посадив всех по местам, все молчат до тех пор, пока напьются и наедятся. Первая и лучшая почесть состоит в том, что подают холодную воду, а потом мальчишки разносят кушанье, жир, толкуши, состоящие из смешения жиров тюленьего, китового и сивучьего, иначе морских львов называющегося. Также ягоды, как-то: бруснику, клюкву, чернику, княженику и другие, присовокупляя к тому и разные коренья; ягоды без смешения. Сушеную рыбу, называемую юкола; звериные и птичьи мяса, у кого что случится лучшее. Соль им не известна. Каждое кушанье прежде всех должен хозяин начать сам есть и пить, а без того гости ничего не вкушают; посему надобно думать, что они иногда мешают и отравы. Хозяин, начав каждое кушанье, подает первейшему гостю, который, взяв несколько для себя, посылает прочее по порядку другому; и так до самого последнего доходит. Остатки от кушаньев все обращаются к первому, а сей кладет в одно место; при отбытии же все то гости увозят с собой.

По окончании кушанья продолжают разговоры, а затем начинается игра с бубнами и побрякушками. Некоторые

надевают разного и странного вида маски, деланные из дерева и выкрашенные разными красками, а потом выносят гостей в сделанную особо большую казиму, в которую людей вмещается множество. Казима оная подобна небольшому храму, коего архитектура представляет нечто беспорядочное, грубое и варварское. Тут происходит игра со всеми по обыкновению их церемониями; покуда гости во оной пробудут, играют день и ночь непрестанно; усталые спят тут же, а проспавшись, опять за игру принимаются. Когда же вздумают разъезжаться, тогда кончится и игра; расставаясь же, с обеих сторон имеющимися у них вещами дарятся и торгуются. В сих казимах советы, договоры и разделы бывают, и когда занимаются важными советами, в то время женский пол в казиму не впускают.

Коняги и чюгачи разговор имеют одинакой, кенайцев же разговор и жизнь совсем особые.

Живут в землянках, имеющие стены, обитые досками: окна наверху; оконницы делаются из кишок и пузырей разных животных, сшивая маленькие или узкие части жильными нитками, а вход с испода. Печей во оных нет, и огня не разводят, потому что довольно они теплы и без того; из таких же землянок и бани их состоят, в коих парятся травую и березовыми вениками. Жар в них производят камнями, нажигаемыми в поварне и в баню приносимыми; жар от них делается весьма великий и никогда угару не бывает; париться они отменные охотники. Кухня у них общая, в кою двери, или лазей, вокруг нее. Впрочем, жизнь их есть разбойническая: кто чаще, больше и удачнее украсть что успеет, тот чрез сие большую похвалу заслуживает.

Жен помногу не имеют, у редкого есть две; напротив того, хорошие и проворные женщины держат по два и по три мужа, и в том никакой ревности между мужьями нет, но еще живут дружески.

Все они сухопутной езды не имеют, да и животных, способных на таковое употребление, там не находится, а хотя и много есть собак, но их не употребляют. Жители американских берегов и других островов ездят реками, речками и озерами в своих байдарках; о живущих же внутри Америки я ничего не знаю.

О божестве ни малейшего понятия не имеют и хотя говорят, что в мире есть два существа, или два духа, один добрый, а другой злой, но им никаких изображений не

имеют и не поклоняются; словом, никаких идолов у них нет. О показанных существах не могут иначе изобразить, как что доброе выучило делать байдары, а худое оные портить и ломать. Посему можно заключить, сколь в тесных пределах содержится их разум; кроме того, в немалом у них употреблении колдовство и шаманство, суда и расправы не только порядочного, но и никакого почти нет. Из сего всяк ясно видеть может, что жизнь свою ведут они мало различную от скотской. В крови имеют удивительную горячность, что можно ощущать, подойдя ко всякому из тамошних жителей, а особливо женщины кажутся пылающими. От природы хитры и предприимчивы; в обидах мстительны и злобны, хотя с виду кажутся и тихи. О верности и справедливости их вообще, по причине моего там маловременного пребывания, сказать не могу, ибо я видел от многих великие доказательства верности и постоянства, видел же тому и противное. Когда представляется им о каком деле, что выйдет из одного польза, то охотно принимают труд, хотя и мало им известен, но не щадят одного, если в прибыли бывают уверены. Народ вообще веселого и беспечного свойства; доказательством сему служат вседневные их игрища; и поелику они в неограниченной и всегдашней живут распутности, так что домашнее их хозяйство в крайнем небрежении, да и понятия о том не имеют, и оттого часто голод и наготу терпеть принуждены бывают.

Касательно же обстоятельного описания морских и воздушных явлений в продолжении нашего плавания и на местах, где останавливались жителями, то особые ведены были тому каждодневные записки, и по прибытии моем в Охотск удержаны тамошним областным начальником господином Козловым-Угрениным, которые, думаю, он от себя не оставит представить куда следует, ежели что они содержат достойного примечания.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ОТКРЫТИЯ РУССКИХ ЗЕМЛЕПРОХОДЦЕВ В XVII В.

Отписки и челобитные Семена Дежнева и его товарищей . . .	21
«Скаска» Владимира Атласова	67
Известия об Амуре и походе И. Москвитина к берегам Тихого океана	86

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА И НАУЧНЫЕ ОПИСАНИЯ СИБИРИ, ДАЛЬНОГО ВОСТОКА И СЕВЕРА В XVIII В.

«Краткое описание о народе остяцком» Григория Новидкого . .	97
Записки лейтенанта Харитона Лаптева	122
В. Ф. Зуев. Материалы по этнографии ненцев и хантов . . .	157
М. В. Ломоносов. Труды по географии	216
Этнографические описания народов Якутии	238
Тексты к «Чертежам» исследователя Курильских островов Игнатия Козыревского	255
С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки	270
Из документов к экспедициям Витуса Беринга	385
Документы об экспедиции Федорова и Гвоздева — первых европейцев у берегов Северо-Западной Америки	294
Сведения о чукчах и жителях «Большой Земли» (Аляски) в 50—70-е гг. XVIII в.	405
Известия об Аляске и близлежащих островах штурмана Зайкова и казачьего сотника Ивана Кобелева	419
Плавание Г. И. Шелихова к Северной Америке	432

КОЛУМБЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

СБОРНИК
ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
ОПИСАНИЙ
ОБ ОТКРЫТИЯХ
И ИЗУЧЕНИИ СИБИРИ,
ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
И СЕВЕРА
В XVII—XVIII вв.

Редакторы:
А. В. Гребенюков,
Н. И. Чековитов

Художественный редактор
А. Н. Посохов

Технический редактор
Т. А. Костюченко

Корректор
И. Л. Руднянская

ИБ № 1855
Сдано в набор 24.03.89.
Подписано в печать 04.11.89.
Формат $84 \times 108^{1/32}$.
Бумага типографская № 2.
Гарнитура литературная.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 24,36.
Усл. кр.-отт. 24,99. Уч.-изд. л. 26,00.
Тираж 75000 экз.
Заказ 2669. Цена 1 р. 30 коп.

Хабаровское
книжное издательство
Государственного
комитета РСФСР
по делам издательств,
полиграфий
и книжной торговли.
680620, г. Хабаровск,
ул. Серышева, 31.

Калининский
ордена Трудового
Красного Знамени
полиграфкомбинат
детской литературы
им. 50-летия СССР
Госкомиздата РСФСР.
170040, г. Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 5—7663—0021—2

